

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

93

В. И. МАРКОВИН

КУЛЬТУРА ПЛЕМЕН
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ЭПОХУ БРОНЗЫ
(II ТЫС. ДО Н.Э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 93

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР № 93

В. И. МАРКОВИЧ

**КУЛЬТУРА ПЛЕМЕНИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ЭПОХУ БРОНЗЫ
(II ТЫС. ДО Н. Э.)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Е. И. КРУПНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около двух веков прошло с тех пор, как древности Северного Кавказа впервые стали привлекать к себе пытливые взоры ученых и путешественников, посещавших Кавказ. В 1959 г. исполнилось 140 лет с начала первых археологических изысканий на Северном Кавказе, проведенных с применением раскопок (раскопки А. Фирковичем кургана в сел. Псыгансу в 1849 г.).

За истекший период научного изучения прошлого Кавказа, в том числе и Северного Кавказа, накоплен огромный разнообразный и разновременный археологический материал (комплексы бытовые и погребальные, клады и случайные находки древних вещей), освещающий отдельные периоды истории и культуры древнего населения этого края. На базе изучения важнейших вещественных исторических источников уже созданы монографические исследования об отдельных этапах развития местной культуры, изданы комплексы ценных памятников и написаны даже сводные труды по истории отдельных народов и республик Северного Кавказа.

Но одна группа материальных исторических источников, характеризующих уровень производства и культуры местного населения в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.), до последнего времени была слабо изучена. Несмотря на то, что эти материалы были использованы многими учеными в научных исследованиях в самых различных аспектах (А. В. Шмидт, В. А. Городцов, А. А. Миллер, А. А. Иессен, М. И. Артамонов, А. М. Тальгрэн и др.), до последнего времени они не были даже систематизированы. Поэтому вопросы, связанные с этой культурой, справедливо называемой северокавказской: ее происхождение, ее ареал, периодизация, экономическая основа, межплеменные связи и другие важные вопросы древнейшей истории

края часто решались на ограниченном материале и не всегда объяснялись обоснованными гипотезами.

Публикуемая кандидатская диссертация младшего научного сотрудника Института археологии АН СССР В. И. Марковина «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» является первой сводной работой, систематизирующей и обобщающей основные типологически близкие исторические источники со всей территории нагорной и равнинной зон Северного Кавказа, начиная от Прикубанья и кончая западными границами Дагестана.

Анализ этого материала позволил автору наметить широкие границы изучаемой культуры, в основном бытовавшей в предгорных и высокогорных районах края и на прилегающих участках степи, где эта культура смыкалась с северными степными культурами юга Восточной Европы (катакомбной и срубной).

Установив, что в ряде районов края северокавказскую культуру как бы подстиала более древняя местная энеолитическая (так называемая майкопская), В. И. Марковин более весомо, чем это было сделано раньше (В. А. Городцов и др.), обосновал тезис о происхождении северокавказской культуры от майкопской, проследив преемственность одной от другой.

Рассматривая северокавказскую культуру как самостоятельное явление в древнейшей истории края, автор условно разбивает весь характеризующий ее материал на три этапа, охватывающих все II тысячелетие до н. э.

Наиболее важный научный результат монографии В. И. Марковина состоит в том, что ему удалось выделить три локальных варианта северокавказской культуры: прикубанский, центральный (с двумя группами —

кабардино-пятигорской и дигорской) и восточный, отражающих племенные отличия родственных между собою древних групп населения. Закономерность такого размежевания древнейшей единой культуры подтверждается тем, что позднее, почти на той же территории в раннем железном веке также существовали три локальных варианта единой культуры (Е. И. Крупнов), а в период раннего средневековья — три варианта аланской культуры (В. А. Кузнецов). Понятно, какое большое значение имеют все эти выводы для понимания исторического развития народов Северного Кавказа и их самобытных культур.

Используя широкий сравнительный материал и этнографические данные, автор попытался также кратко обрисовать степень развития производительных сил местного общества, основу его хозяйства, социальный уклад, идеологию и широкие международные связи северокавказских племен с племенами

юго-восточной Европы, Закавказья и Передней Азии.

Конечно, далеко не все положения автора могут быть приняты безоговорочно. Некоторые потребуют дополнительной аргументации и другого решения, например вопрос о роли северокавказской культуры в оформлении древних культур Дагестана. Но и при наличии некоторых спорных вопросов предлагаемая читателю монография В. И. Марковина является весьма пужным, интересным и ценным исследованием одной из важнейших эпох в истории Северного Кавказа — времени становления кавказской металлургии меди и бронзы, сыгравшей крупную роль в истории Кавказа и степного юга нашей страны.

Книга В. И. Марковина «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» безусловно привлечет внимание всех, кто интересуется историей и культурой народов Кавказа и юга СССР.

Е. Крупнов

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ, благодаря своему географическому положению, с древних пор связывал север с югом, страны юго-восточной Европы с цивилизациями Передней Азии. Изучение древней истории Северного Кавказа приобретает поэтому важное значение — оно приоткрывает завесу не только над прошлым населения этого края, но и над судьбами древнего населения русских степей и Закавказья, раскрывает характер связей с Древним Востоком.

За последнее время создан целый ряд сводных трудов по истории Адыгеи, Дагестана, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Во всех этих работах затрагиваются и интерпретируются вопросы, связанные с пока еще слабо изученной древней историей народов Северного Кавказа, в том числе освещаются проблемы, связанные с эпохой бронзы. Использование каменных и медно-бронзовых орудий оказало огромное влияние на дальнейшее развитие производительных сил общества, способствовало возникновению новых видов производства. Ясно, что изучение эпохи раннего железа и средневековья не может быть плодотворным, если слабо изучена предшествующая эпоха. Для создания сводной истории народов Северного Кавказа с его разительной этнической пестротой необходимо иметь более или менее ясное представление о культуре местных племен эпохи бронзы, известной под наименованием северокавказской археологической культуры.

Северокавказская культура представляет собой одну из обширных по ареалу и важных для истории всего нашего юга археологических культур. Северокавказские бронзовые изделия встречаются далеко от места их производства и многие из них прочно вошли в круг предметов, характерных для степных племен.

Однако, довольно слабая археологическая изученность Северного Кавказа до сих пор не позволяла конкретно представить эту культуру. О том, насколько силен был разрыв во взглядах на эту культуру, свидетельствует количество данных ей названий: «кубанский и терский районы скорченных костяков» (А. Сплицын), «среднекубанская группа» (А. Шмидт, Б. Деген, А. Круглов, Г. Подгаецкий), «кабардино-пятигорская группа» (А. Иессен), «Северо-Кавказская культура» (В. А. Городцов, Е. И. Крупнов) и т. д. Термин «северокавказская культура», предложенный В. Городцовым, пожалуй, наиболее полно указывает на территориальную широту названной культуры, так как она охватывает все основные области Северного Кавказа, за исключением горного Дагестана. Однако ошибочно утверждать, как делают некоторые современные исследователи, что древние племена Северного Кавказа занимали пространство от Гурьева до Ейска¹, или от Астрахани до Ростова².

По нашему мнению, ошибку допускает и А. А. Иерусалимская, которая, занимаясь изучением предкавказского (волго-маньчского) варианта катакомбной культуры, ограничивает территорию северокавказской культуры слишком узкой горной полосой³. Ясно, что территорию распространения древних племен необходимо восстанавливать не только по находкам отдельных предметов, но

¹ М. И. Артамонов, О. А. Гракова. Бронзовый век. БСЭ, т. 6. М., 1957, стр. 154, карта (вклейка).

² Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 128, карта.

³ А. А. Иерусалимская. Предкавказский вариант катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 43, рис. 7.

главным образом по местонахождению соответствующих комплексов.

Некоторое отставание в изучении памятников эпохи бронзы Северного Кавказа дает почву для различных толкований происхождения северокавказской культуры. В. А. Городцов первым подметил ее связь с древностями майкопского круга. Позднее это было подтверждено Е. И. Крупновым⁴. В последнее время С. В. Киселев склонен, однако, рассматривать эту культуру как один из локальных вариантов катакомбной культуры на раннем этапе ее развития⁵. Противоположное мнение находим мы у авторов рецензии на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры»⁶. Такие противоречивые суждения по одному и тому же вопросу возможны лишь оттого, что северокавказская культура еще далеко недостаточно ясно очерчена в литературе.

После всего сказанного становится вполне понятным выбор автором настоящей темы для специального исследования. Работа велась над изучением как архивных и литературных источников, так и обильных коллекций вещевых материалов, заполняющих фонды центральных и местных музеев. При этом ко всем предметам материальной культуры мы стремились подойти с позиций, указанных К. Марксом: «Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁷.

И если изучение «остатков средств труда» и быта позволяет до некоторой степени воссоздать общую картину жизни древних племен, то намного труднее определить детали общественного развития этих племен,

не оставивших нам своего имени, письменности и языка. Решение этих вопросов усложняется и тем, что культура местных племен находилась в определенной зависимости и связи с культурой древнего населения Закавказья, где под влиянием стран Древнего Востока и Средиземноморья, раньше, чем на Северном Кавказе, были освоены скотоводство, земледелие и металлургия, заложены основы государственности.

По хронологической схеме, предложенной Б. Б. Пиотровским, эпоха бронзы Закавказья протекала в рамках с конца II тысячелетия до н. э. и до начала I тысячелетия до н. э.⁸, в то время, как эпоха бронзы Северного Кавказа, по мнению ряда авторов (Б. Е. Деген, А. А. Иессен, Е. И. Крупнов и др.) приходится на все II тысячелетие до н. э. Закавказские археологи (Б. А. Куфтин, Я. И. Гуммель, О. М. Джапаридзе, Т. Н. Чубинишвили и др.) склонны считать изучаемые ими памятники еще более ранними. Такое положение осложняет четкое определение времени возникновения, развития и угасания северокавказской культуры, а значит и выяснение ее исторического места и роли среди других синхронных культур. Поэтому автору пришлось пересмотреть заново и проверить многие вопросы, касающиеся культуры древних племен Северного Кавказа.

В процессе работы автор пользовался консультацией ряда специалистов, за что приносит глубокую благодарность своему руководителю Е. И. Крупнову, а также сотрудникам Института археологии АН СССР и Государственного исторического музея С. В. Киселеву, К. Ф. Смирнову, А. А. Иессену, О. А. Кривцовой-Граковой, Р. М. Мунчаеву, Т. Б. Поповой.

⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 75, 171.

⁵ С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. СА, 1957, № 4, стр. 86.

⁶ С. С. Березанская, О. Г. Шапошников а. Рецензия на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры», СА, 1957, № 2, стр. 273.

⁷ К. Маркс. Капитал, т. I, 1952, стр. 187.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Закавказье и Древний Восток. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 4; его же. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. (курс лекций). Л., 1949, стр. 32 и сл.; Е. И. Крупнов. Рецензия на книгу Б. Б. Пиотровского «Археология Закавказья». ВИ, 1950, № 2, стр. 129.

КРАТКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Географическая среда определенным образом влияет на развитие общества, она ускоряет это развитие или замедляет его. Это не просто фон исторического процесса. Такие факторы как рельеф страны, минеральные ресурсы, климатические условия, растительный и животный мир определяют возможность возникновения тех или иных отраслей хозяйства древних племен, влияют на характер межплеменных связей. Вот почему мы считаем необходимым хотя бы кратко остановиться на физико-географической характеристике Северного Кавказа.

Кавказ принято делить на две части: Северный Кавказ и Закавказье, отделенные друг от друга Главным (Водораздельным) хребтом (рис. 1). Границей Северного Кавказа со степной (северной) стороны является Кумо-Манычская впадина¹. Западную и восточную границы составляют побережья Черного, Каспийского и Азовского морей. Западную оконечность Большого Кавказа целиком относят к Северному Кавказу².

Остановимся более подробно на описании физико-географических областей, входящих в понятие «Северный Кавказ».

Предкавказье по рельефу является продолжением Русской равнины и простирается к северу от Кавказского хребта до Кумо-Манычской впадины. Через предкавказские степи издавна проникали на Кавказ древние степные племена. Западная часть Предкавказья занята плоской Кубано-Приазовской

равниной. В древности этот район, особенно Таманский полуостров и устье р. Кубани, занятые сейчас плавнями, имели совершенно другие очертания — р. Кубань неоднократно меняла свое русло. Равнина рассечена широкими долинами рек — притоками Кубани. Только в средней части Предкавказья выделяется Ставропольская возвышенность, представляющая собой обширное плоскогорье. Она является боковым отрогом Главного Кавказского хребта и служит водоразделом между Терекком и Кубанью. Наибольшей высоты возвышенность достигает в южной части (гора Стрижамент). К западу от нее простирается Приазовская низменность, имеющая уклон к Черному морю и изрезанная неглубокими балками³.

Особую геоморфологическую область образует Терско-Сунженская равнина, расположенная к юго-востоку от возвышенности. Она сложена речными наносами и ледниковым материалом, принесенным реками⁴.

Обширной областью восточного Предкавказья является Прикаспийская низменность, сливающаяся с соответствующей областью Русской равнины и состоящая из осадков каспийских трансгрессий и речных наносов Кумы и Терека⁵.

³ Проф. Г. Г. Ситников. Нижний Дон, Северный Кавказ и Крым. М., 1951, стр. 7; Е. П. Маслов. Северный Кавказ. М., 1950, стр. 20, 21; В. Г. Гниловский. Занимательное краеведение. Ставрополь, 1954; Ф. Навозова. Краснодарский край. Краснодар, 1955, стр. 38.

⁴ С. Ширяев. Грозненская область. Грозный, 1955, стр. 9, 10.

⁵ В. В. Рыжиков, В. А. Белогуров. Краткий физико-географический очерк Грозненской области. Изв. Грозненского областного ин-та и музея краеведения, вып. I (1947 г.). Грозный, 1948, стр. 13—29; С. Ширяев. Указ. соч., стр. 12, 13.

¹ Е. П. Маслов доводит границы Кавказа до Донецкого кряжа (Е. Маслов. В степях и предгорьях Кавказа. М., 1956, стр. 3 и др.; Северный Кавказ. М., 1957).

² Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа (курс лекций). Вып. I. М., 1954, стр. 117—119.

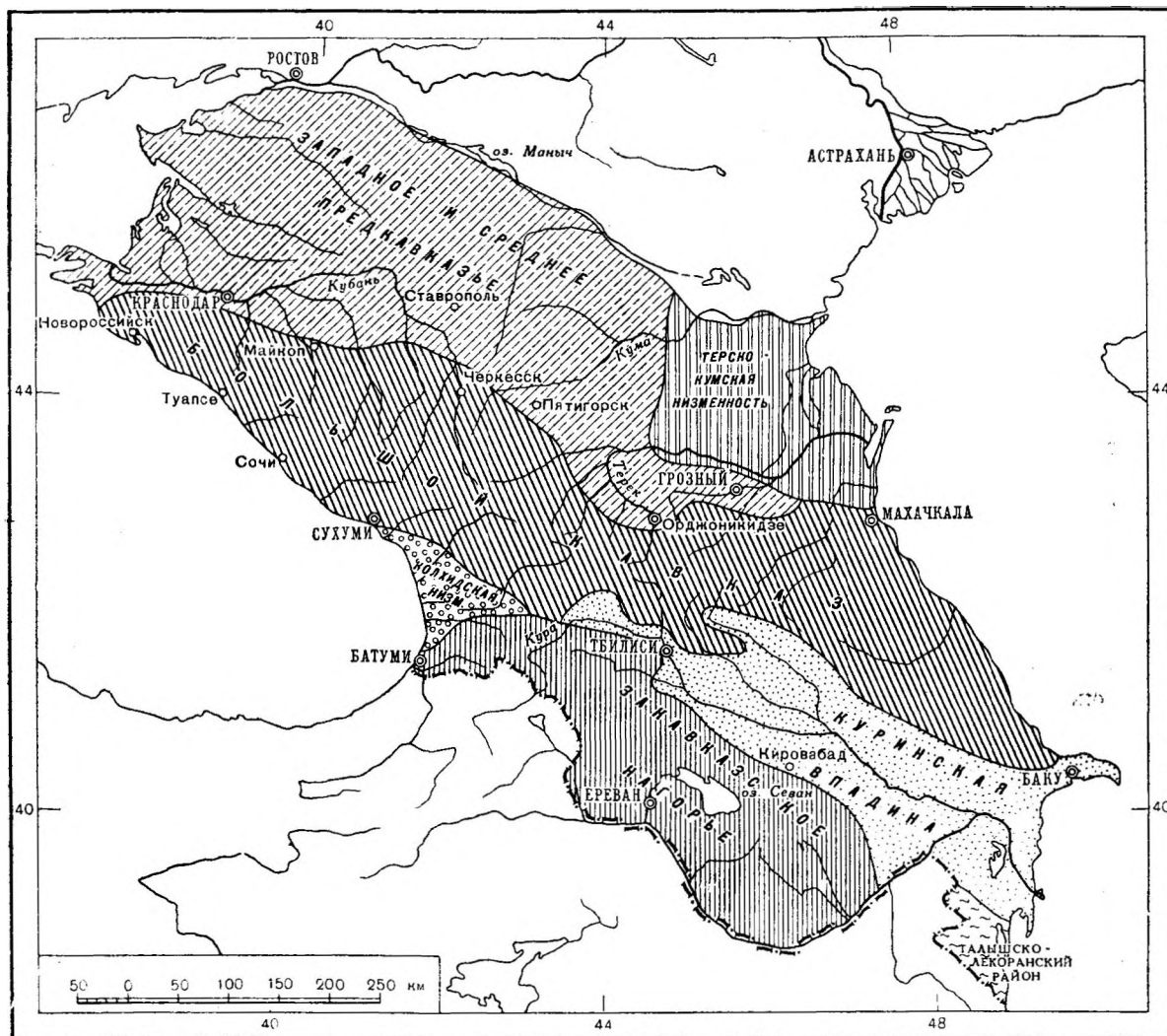

Рис. 1. Схема основных физико-географических областей Кавказа (по Н. А. Гвоздецову)

Типичная для Прикаспийской низменности полынная степь у моря переходит в болотную полосу с многочисленными озерами. Затем эта полоса у самого побережья сменяется петопками болотами, поросшими камышом и другими растениями.

При штормовых приливах в этих районах вода заливаet низменные берега на несколько десятков километров⁶. Вот почему по побережью Каспия древние археологические памятники (за исключением средневековых) не встречаются.

⁶ Б. А. Шлямин. Каспийское море. М., 1954, стр. 64.

Между Кумой и Тереком в некоторых местах полынные степи нарушаются песками (ногайские пески) в виде барханов, направленных с ССВ на ЮЮЗ. Кое-где пески оживляются кустами песчаной ивы, тамариском и верблюжьей колючкой⁷. Ногайские пески возникли сравнительно недавно. Археологические находки, относящиеся ко времени от неолита вплоть до XII—XIII вв. н. э., свидетельствуют об обитаемости данных мест в прошлом⁸. Район этот имел очень важное

⁷ П. Г. Язани. Терско-Кумские пески, их закрепление и использование в сельском и лесном хозяйстве. Грозный, 1955, стр. 19 и сл.

⁸ Е. И. Крупнов. К археологическому изучению Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного

значение в древности, так как здесь сталкивались северокавказские и поволжские степные племена. Приморская низменность с сотнями древних курганов очень узкой полосой тянется до Апшерона. Эта часть низменности издревле служила коридором, соединяющим север с югом и известным под названием Каспийского или Дербентского прохода.

Все три крупные области Предкавказья (Приазовская равнина, Ставропольская возвышенность и Прикаспийская низменность) имеют свои климатические особенности. Для Приазовской равнины характерен умеренно-континентальный и полусухой климат, для Ставропольской возвышенности — более влажный, а Прикаспийская низменность отличается в настоящее время засушливостью и довольно резкими температурными колебаниями. Спорово-пыльцевой анализ почвы из района Ачикулака показывает, что в районах Прикаспия в эпоху бронзы росли сосны⁹.

В целом все Предкавказье представляет собой разнотравно-злаковую степь, переходящую в ковыльно-полынную. В предгорьях появляются заросли колючего кустарника с опадающей листвой (боярышник, шиповник, держи-дерево, терн, крушина Паласса и др.)¹⁰.

Большой Кавказ или Кавказский хребет протянулся с ЗСЗ на ВЮВ от Анапы на Черном море до Апшеронского полуострова на Каспийском и имеет длину 1100 км; ширина его различна — от 32 (у Новороссийска) до 180 км (в районе Эльбруса). По характеру поверхности северный и южный склоны Кавказского хребта совершенно различны — южный склон крут, а северный имеет уступчатое строение, т. е. состоит из ряда параллельных хребтов (Бокового или Передового, Скалистого и самого северного — Пастбищного хребта или Черных гор)¹¹.

Осевую часть Кавказской горной системы составляет Главный или Водораздельный

хребет, представляющий собой сплошную горную цепь.

Главный хребет идет сначала почти параллельно Черному морю и постепенно повышется. Гойтхский перевал (344 м) в районе Туапсе ведет из Прикубанья в Причерноморье. В районе Сочи появляются снеговые вершины альпийского типа с перевалами высотой до 2500 м (Белореченский, Псеашха, Аишха и др.)¹², которые в древности также могли связывать население Северного Кавказа с западным Закавказьем.

В районе, примыкающем к Эльбрусу, Главный хребет приобретает характер труднодоступной горной страны, рассеченной узкими и глубокими каньонами рек. Здесь на северном склоне хребта берет начало р. Кубань, на южном — реки Мзымта, Псоу, Бзыбь, Кодор. Такие перевалы, как Марухский (2769 м) и Клухорский (на Военно-Сухумской дороге, 2816 м), сравнительно труднодоступны¹³, хотя судя по археологическим находкам широко использовались для передвижений уже в древности.

Между Эльбрусом и Казбеком расположена область самых высоких вершин, во главе которых стоят Эльбрус (западная вершина — 5633 м, восточная — 5592 м)¹⁴ и Казбек (5047 м). Вулканические конусы Эльбруса и Казбека сложены андезитами, пористыми лавами темного цвета — породами, находившими в древности широкое применение в быту.

Все перевалы (Донгуз-Орун — 3198 м, Местийский — 3662 и др.)¹⁵, за исключением Мамисонского (по Военно-Осетинской дороге — высота 2911 м)¹⁶, очень высоки и труднодоступны.

На востоке, у Казбека, где заканчивается центральная цепь Большого Кавказа, хребет понижается. Здесь проходит Военно-Грузинская дорога с Крестовым перевалом (2382 м), известная в истории с древнейших пор под названием Дарьяльский проход¹⁷. Вершин с вечными снегами в этой части хребта мало.

Прикаспия. Тезисы докладов на сессии ОИН и пленуме ИИМК АН СССР, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956 стр. 51.

⁹ Р. В. Федорова. Результаты исследования спорово-пыльцевым методом курганов прикаспийской низменности. Изв. Грозненского обл. краеведческого музея, вып. 5. Грозный, 1953.

¹⁰ Проф. Б. Ф. Добрынин. Физическая география СССР (Европейская часть и Кавказ). М., 1948, стр. 255, 256; проф. Г. Г. Ситников. Указ. соч., стр. 11 и сл.; С. В. Калесник. Северный Кавказ и Нижний Дон. М. — Л., 1946, стр. 49 и сл.

¹¹ Н. А. Гвоздецкий. Указ. соч., стр. 120 и сл.

¹² Ф. Навозова. Указ. соч., стр. 38; Л. Н. Берсенев. Красная Поляна. М., 1938, стр. 114 и сл.

¹³ П. В. Ковалев. Кавказ. М., 1954, стр. 8 и сл.

¹⁴ В. Корзун. Эльбрус. Пятигорск, 1938, стр. 7 и сл.

¹⁵ Перевалы Центрального Кавказа. Сост. Э. С. Левин. М., 1938.

¹⁶ В. Л. Виленин. По Центральному Кавказу и Западному Закавказью. М., 1955, стр. 114.

¹⁷ И. А. Арджеванидзе. Военно-Грузинская дорога. Тбилиси, 1954, стр. 196.

В территорию Восточного Кавказа входит Дагестан, страна с глубокими и дикими ущельями, по дну которых бешено мчатся Аварское Койсу, Кара-Койсу, Андийское Койсу, Кази-кумухское Койсу, Сулак и другие реки¹⁸.

Кавказ как горная страна окончательно сформировался только в конце третичного периода¹⁹.

В послеледниковое время на Кавказе устанавливается более сухой климат. Лесной покров в ту пору был намного гуще. В лесах водилось огромное количество животных. К настоящему времени отдельные виды животных (зубры, туры, благородные олени и т. д.) почти полностью уничтожены, а площади лесов значительно сократились²⁰.

Разнообразие природы, некоторая изолированность отдельных областей Северного Кавказа друг от друга способствовали созданию в древности некоторой обособленности племен и возникновению локальных, специфических черт культуры.

Северный Кавказ исключительно богат полезными ископаемыми, многие из которых использовались человеком с глубокой древности. Главнейшими из них являлись медные руды, об использовании которых свидетельствуют древние рудники, штольни и медешлавыльни по р. Фиагдону, у Верхнего Чегема, на р. Аман-Ауз, в верховьях Кубани и т. д.²¹

Медные руды имеют яркую окраску (синий азурит, зеленый малахит, халькопирит с золотистым блеском и яркой побежалостью), часто сочетаются с другими яркими минералами (кварцем, мышьяковистыми соединениями и т. д.), выходят на поверхность склонов, встречаются в валунах. Все это об-

легчало их определение и разработку. К тому же медные руды относительно легко восстанавливаются в металл²². На Северном Кавказе меднорудных месторождений очень много. Они есть в Северной Осетии (с. Бурон, Даргавс и др.), Кабардино-Балкарии (гора Тернаус-Тау), Ставропольском крае (Теберда, Аман-Ауз), Прикубанье. Отдельные выходы медных руд известны в Горном Дагестане и Чечено-Ингушетии²³.

Использовались в древности также сербросвинцово-цинковые руды²⁴, золото (по рекам Малке, Баксану и др.)²⁵, мышьяк, змешик (серпентин)²⁶ и другие полезные ископаемые.

Что касается олова, столь необходимого для приготовления бронзы, то несмотря на некоторые следы касситерита в Кабардино-Балкарии по Баксану, в верховьях Череха Безингийского, в группе Урухских месторождений (реки Тонадон, Чифандар и др.)

²² Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 13, 19.

²³ И. Д. Стороженко. Медные месторождения Северо-Кавказского края. Сб. «Природные богатства Северо-Кавказского края». Пятигорск, 1935, стр. 281 и сл.; П. П. Сущинский. Горные богатства Северо-Кавказского края. Ростов-Дон, 1931, стр. 99; В. Н. Робинзон. Геологический очерк района средних течений рек Аксаута и Маруха. Тр. по геологии и полезным ископаемым Северного Кавказа, вып. I. Ессентуки, 1933, стр. 51—53; Л. Н. Берсенев. Указ. соч., стр. 63—65; А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 36, 37; Л. Л. Варданянц. О месторождениях цветных металлов в Дагестанской АССР. Сб. «Природные ресурсы Дагестанской АССР», т. I. М.—Л., 1935, стр. 32 и сл., карта.

²⁴ В. М. Борейша. Минеральные ресурсы Северо-Кавказского края. Сб. «Природные богатства Северо-Кавказского края», стр. 107—109; Л. Л. Варданянц. Указ. соч., стр. 80—82; П. П. Сущинский. Указ. соч., стр. 99; В. В. Седелщикова. Геологическая экспедиция в нагорную Чечню осенью 1926 г. Зап. Северо-Кавказского краевого городского научно-исследовательского ин-та, т. II. Ростов-Дон, 1929, стр. 18.

²⁵ А. А. Иессен и Т. С. Пасек. Золото Кавказа. ИГАИМК, вып. 110. М.—Л., стр. 162 и сл.; В. Е. Пригода. К вопросу о золотоносности Северного Кавказа. Сб. «Природные богатства Северо-Кавказского края», стр. 331 и сл.

²⁶ П. И. Козорезов и И. Д. Филимонова. Строительные и абразивные материалы Северо-Кавказского края. Сб. «Природные богатства Северо-Кавказского края», стр. 420; Л. Л. Варданянц. Материалы по неинтрузиям горной Осетии. Тр. по геологии и полезным ископаемым Северного Кавказа, вып. I. Ессентуки, 1933, стр. 19; Г. Е. Пилюченко. Краткий геологический очерк верховьев рек Кяфара и Б. Зеленчука в Карачае. Там же, стр. 103; П. П. Сущинский. Указ. соч., стр. 91.

¹⁸ Ю. Промптов. По горам и аулам Дагестана. Махачкала, 1941; Восточный Кавказ. М.—Л., 1934; Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. республики. 1926, стр. 9 и сл.; А. Ф. Виноградов, В. А. Гимельрейх, П. А. Львов, И. Н. Микулич, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958, стр. 7 и сл.; К. Гюль, С. Власова, И. Кисин, А. Тертерев. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.

¹⁹ Е. Юшкин. Кавказ (геологический очерк). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46. Махачкала, 1929; С. С. Кузнецов. Недра гор Северного Кавказа. М.—Л., 1953, стр. 83 и сл.

²⁰ П. В. Ковалев. Указ. соч., стр. 58 и сл.

²¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 23, карта I.

по Чегемскому Булушту-Су, в Северной Осетии по рекам Белагидон, Хазнидон, Сангутидон²⁷ и др., а также в верховьях р. Кзызыч (Большой Зеленчук) и р. Пшиш²⁸ во-

²⁷ Д. П. Сердюченко. Редкие и малые металлы Северо-Кавказского края и перспективы их использования. Сб. «Природные богатства Северо-Кавказского края», стр. 263; И. Д. Стороженко. Месторождение сурьмы, висмута, вольфрама и олова. Там же, стр. 271, 272.

²⁸ Ин. Ив. Бессонов. Геолого-петрографический очерк области верховьев Б. и М. Зеленчуков в Карачае. Тр. по геологии и полезным ископаемым Северного Кавказа, вып. I, стр. 92.

прос об использовании олова здесь пока остается открытым²⁹. В древности здесь обычно употреблялись сплавы меди с мышьяком (мышьяковистая бронза).

Благодатная природа Кавказа с древнейших времен благоприятствовала жизни человека, развитию самобытных черт в его материальной и духовной культуре.

²⁹ А. А. Пессен. Олово Кавказа. ИГАНМК, вып. 110. М.—Л. 1935 стр. 193 и сл.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В этой главе мы постараемся выяснить основные точки зрения по ряду проблем, связанных с изучением эпохи бронзы Северного Кавказа, и показать основные достижения в области археологических исследований древнейшей поры истории Северного Кавказа.

Историко-археологическое изучение Кавказа началось с организацией первых экспедиций Российской Академии наук еще в XVIII в. (исследователи И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, Г. С. Гмелин и др.).

На первых этапах археологического изучения Кавказа ученые занимались в основном собиранием сведений о памятниках различного рода и описанием этих памятников. Но уже в конце XIX в. председатель Кавказского археологического комитета А. П. Берже предложил II археологическому съезду в 1871 г., а затем и V съезду в Тбилиси в 1881 году «Записку об археологии Кавказа». В ней он очень верно отметил, что «немного найдется стран, которые на таком сравнительно небольшом пространстве, заключали бы в себе столько древностей, как Кавказ и Закавказье». Берже при этом упоминает черноморские дольмены, поселения античного времени, «кяфарские» (языческие) аулы и кладбища. Его «Записка» в дальнейшем явилась своеобразной программой действий для изыскателей¹. Однако исследователи не могли ограничиться только описанием древ-

ностей. Перед ними стояла сложная задача выяснить историческое значение археологических памятников. Ф. Байерн, известный археолог-любитель, считал, что «единственно только ориентация древних могил может дать средство к приблизительному определению эпохи сооружения доисторических могил»². Собрав значительный археологический материал, Ф. Байерн сделал попытку осмыслить его. Попытка была явно неудачна. Находки, сделанные в Самтавро, Кобани и других пунктах, он приписал не предкам народов Кавказа, а библейским аммонитам, израильтянам племени Рувим и прочим легендарным народам, в то же время считая Кавказ колыбелью мировой металлургии³. На странность такого перенесения библейских героев на кавказскую почву в свое время указывал Д. А. Анучин⁴.

Как толкования о мифическом происхождении народов Кавказа, так и теории позднего заселения Кавказа, появлялись потому, что лица, занимавшиеся археологией, подилетантски подходили к своему делу. Основное внимание археологов было обращено на изучение памятников античного искусства, эпиграфики. Так, вопросы, предложенные для изучения IV археологическим съездом

¹ А. П. Берже. Записка об археологии Кавказа. Тр. II АС, вып. I. СПб., 1876, стр. 1—13; его же. Кавказ в археологическом отношении. Зап. Общества любителей кавказской археологии, кн. I. Тифлис, 1875, стр. 1—17; его же. Кавказ в археологическом отношении. Протоколы Подготовительного Комитета V АС в Тифлисе, I. М., 1879, стр. 29—35.

² Фр. Байерн. Заметки о различного рода могилах, встречающихся на Кавказском перешейке. Изв. Кавказского общества истории и археологии, т. I, вып. I. Тифлис, 1882, стр. 14.

³ Fr. Bayern. Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus und seine vorhistorischen Verhältnisse, seine Völker und deren Industrie. Zeitschrift für Ethnologie, B. XIV (Verhandlungen). Berlin, 1882, S. 327—353.

⁴ Д. Анучин. Доисторическая археология Кавказа. ЖМНП, ССXXXI. СПб., 1884, январь, стр. 215.

1877 г. в Казани и касавшиеся исследования пещер в связи с проблемами заселения Кавказа, даже не обсуждались⁵. И только Е. Вейденбаум специально изучал роль камня в быту горцев, чтобы показать, что горские народы не пришельцы, «заяввшие свои нынешние места» только в эпоху металла⁶.

В 1881 г. в Тифлисе созывается V археологический съезд. В порядке подготовки к нему ведутся раскопки и разведки, изучаются первобытные древности. На съезде выступает А. С. Уваров с докладом, в котором он, разбирая кобанские бронзы, отмечает мастерство изготовления предметов, богатство орнаментальных мотивов, высоту художественного вкуса у древних кавказских племен. А. С. Уваров подчеркивает, что всему этому богатству материальной культуры не могла не предшествовать эпоха бронзы⁷.

Однако не все разделяли мнение А. С. Уварова. Л. Майков, характеризуя общие итоги работы съезда, пишет, что Кавказ, где тогда еще не были найдены следы каменного века, являлся исторически убогим захолустьем⁸.

Р. Вирхов, крупный немецкий ученый, приходит к выводу, что на Кавказе не было предпосылок к возникновению бронзовой культуры, нет ее истоков. Культуры Кавказа, по его мнению, целиком зависели от стран Востока и только в дальнейшем приобрели определенное своеобразие⁹.

Близкое мнение высказывает Е. Шантр, который относит расцвет металлической индустрии на Кавказе к рубежу I и II тысячелетия до н. э., а ее внезапное появление связывает с проникновением племен монголо-

семитического или семито-кушитского происхождения¹⁰.

Иной точки зрения придерживался Жак де Морган, который считал, что металлургия Кавказа имеет большую древность; знакомство с металлургией, по его мнению, произошло через посредство Центральной Азии¹¹.

Во всяком случае, ко времени V археологического съезда древние памятники Кавказа стали привлекать внимание ученых; на съезде выступает Д. Я. Самоквасов, который в 1881 г. копал курганы с погребениями в каменных ящиках под Кисловодском и Пятигорском. В погребениях были найдены терочники, бронзовые листовидные ножи, булавы и другие предметы, характерные для северокавказской культуры. Д. Я. Самоквасов, поддержанный в дальнейшем А. С. Уваровым¹², отнес их к киммерийской эпохе (по пятичленной периодизации, принятой им), считая, что «эпоха бронзовой культуры в области Северного Кавказа не особенно древняя». Д. Я. Самоквасов заметил при этом, что на Кавказе вообще нет могильников древнее последней четверти VII в. до н. э. и нет поэтому необходимости в выделении особого Терского района «окрашенных костяков», обособленного А. А. Спицыным¹³.

Дело в том, что А. А. Спицын требовал много тщательного изучения древних погребений, считая такую работу «одной из важнейших тем в русской археологии». Основываясь на работах Д. Я. Самоквасова и других, А. А. Спицын выделил на Северном Кавказе два района с характерными для них чертами в обряде погребения «окрашенных

⁵ Тр. IV АС в Казани 1877 г., т. I. Казань, 1884, стр. 5.

⁶ Е. Вейденбаум. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. Изв. Кавказского отдела Русского Географического общества, т. IV, № 3, 1876, стр. 121—123; т. IV, № 5, 1876, стр. 272—274.

⁷ А. С. Уваров. К какому заключению о бронзовом периоде приводит сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе. Тр. I АС в Тифлисе. М., 1887, стр. 1—9.

⁸ Л. Майков. Пятый археологический съезд в Тифлисе. СПб., 1882. Итоги съезда см. в статье: Rud. Virchow und Wass. Dolbeschew. Der Archäologische Congress in Tiflis (1881). Zeitschrift für Ethnologie, B. XIV. Berlin, 1882, S. 73—106.

⁹ Rud. Virchow. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Kaukasus. Berlin, 1883, S. 127, 142; его же. Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, unter besonderer Berücksichtigung der Ornamentirten Bronzegürtel aus Transkaukasischen Gräbern. Berlin, 1895.

¹⁰ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I. Paris — Lyon, 1885.

¹¹ J. De Morgan. Mission scientifique au Caucase (études archéologiques-historiques), t. I—II. Paris, 1889.

¹² А. С. Уваров. Раскопки Самоквасова. Сборник мелких трудов А. С. Уварова. М., 1910, стр. 153—156 (см. также «Древности», т. IX, вып. II и III, стр. 53—61).

¹³ Д. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. Тр. V АС в Тифлисе. М., 1887, стр. 57; его же. Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. VII—VIII; его же. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 23—37, 44—55; его же. Описание археологических раскопок и собрания древностей. Тр. Московского комитета по устройству Черниговского АС. М., 1908, стр. 23—37, 41—50 (тексты двух последних работ одинаковы).

костыков»: Терский и Кубанский. Говоря о глубокой древности данных памятников, А. А. Спицын считал, что они появились из Ассирии или Малой Азии «вместе с какою-нибудь передвинувшеюся народностью», или «вероучением»¹⁴. В этом А. А. Спицын отдавал дань миграционистским теориям, модным в то время.

Мнение Д. Я. Самоквасова о незначительной древности кавказских памятников держалось долго. Позднее и академик В. Ф. Миллер рассматривал Кавказ как труднодоступное «захолустье, лежавшее вдали от культурных центров». Опираясь на ошибочное мнение византийского писателя Халкокондиласа (умер около 1464 г.) о низкой культуре алан (осетин), В. Ф. Миллер делал вывод об отсталости местной культуры и в древности и отрицал ее самобытность¹⁵. В. Ф. Миллера поддерживали И. Толстой и Н. Кондаков, считавшие население Кавказа «отбросами переселения народов». По их мнению, бронзовый век на Кавказе длился вплоть до введения христианства в Алалии¹⁶.

Довольно противоречиво мнение Д. А. Ануचना. В труде «Доисторическая археология Кавказа», он почти солидаризуется с В. Ф. Миллером, хотя и ставит древности Кавказа в «некоторую связь с культурой западноевропейского бронзового века»¹⁷.

Противоречивые мнения высказывались и иностранными учеными. Если, например, Г. Вильке объяснял «внезапное появление» культуры металла «вполне совершенного вида» на Кавказе тем, что она была принесена арийским потоком из Дунайских стран, то А. Беценбергер утверждал, напротив, что именно Кавказ оказывал влияние на культуры эпохи бронзы европейских стран¹⁸.

¹⁴ А. Спицын. Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, т. XI, вып. I и II. СПб., 1899, стр. 53, 74, 81.

¹⁵ В. Миллер. Терская область (археологические экскурсии). МАК, I. М., 1888, стр. 112 и сл.

¹⁶ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, стр. 96, 97, 103, 104, 109—111.

¹⁷ Д. Анучин. Указ. соч., стр. 235, 236.

¹⁸ G. Wilke. Archäologische Parallelen aus Kaukasus und den unteren Donauländern. Zeitschrift für Ethnologie, V. XXVI. Berlin, 1904, S. 38—40, 97—103; A. Bezenberger. Bronzezeitliche Beziehungen Ostpreussens und Kaukasus. Tr. XV AC в Новгороде 1911 г., т. I. М., 1914, стр. 493—506; М. Н. Аралова. Пятнадцатый археологический съезд в Новго-

С очень зрелой критикой построений Г. Вильке выступил А. А. Ивановский в труде «По Закавказью». А. А. Ивановский считал, что Г. Вильке было бы необходимо подкрепить свою теорию точными антропологическими исследованиями «ископаемых» черепов из дунайских стран и Закавказья для отождествления их, и делать это не по одному какому-либо признаку; далее, проследить черты сходства погребального обряда в дунайских и кавказских памятниках и провести анализ инвентаря всех типов без исключения. Ничего подобного Г. Вильке не сделал, им использован только тот материал, который был удобен для целей его исследования. А. А. Ивановский не предложил своей теории, так как считал, что крупные выводы не могут строиться на двух-трех случайных параллелях¹⁹.

Крупнейший русский археолог В. А. Городцов в курсе лекций, изданных в 1910 г. под названием «Бытовая археология», проанализировав кавказский материал, пришел к выводу, что Кавказ не был «захолустьем», что «Кавказ как часть Передней Азии, искони жил с нею одною культурною жизнью». Ошибки исследователей в датировке древностей он считал следствием неопытности²⁰. Мнение В. А. Городцова было подтверждено дальнейшими археологическими исследованиями.

Развернутая критика многочисленных построений, по-разному толкующих древнюю историю Кавказа, дана в книге советского ученого А. А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе».

Резюмируя мнение различных авторов по данному вопросу, А. А. Иессен намечает три существующие точки зрения:

1. Кавказская «металлургия возникла в Закавказье и Армении».
2. Она импортирована с юга, из Месопотамии и Персии.
3. Она занесена из Центральной Европы с Нижнего Дуная.

роде. ИАК, вып. 44 (прибавление). СПб., 1912, стр. 180.

Борьба мнений по этому вопросу отражена в статье И. Н. Бороздина «Русская археология в 1911 г.» ИАК, вып. 44 (прибавление). СПб., 1912, стр. 170—176.

¹⁹ А. А. Ивановский. По Закавказью (археологические наблюдения и исследования 1893, 1894 и 1896 гг.). МАК, VI. М., 1911, стр. 176—184.

²⁰ В. А. Городцов. Бытовая археология (курс лекций). М., 1910, стр. 315—317.

Сам А. А. Иссен придерживался следующей точки зрения: во-первых, «...толчком и ускорителем для развития собственной металлообработки на Кавказе служили сношения с югом, а не с севером или западными странами»; во-вторых, «следует, таким образом, думать, что началу собственной обработки меди на Кавказе предшествовало в течение известного периода времени проникновение готовых изделий из более передовых стран». Этот первый, зачаточный этап в местной металлургии падает, по А. А. Иссену, на конец III — начало II тысячелетия до н. э.²¹

Такова в кратких чертах борьба мнений по вопросу об историческом месте древностей Кавказа среди памятников других стран медно-бронзового века.

Для разрешения вопросов о взаимоотношениях северокавказской, майкопской и степных культур огромное значение имели раскопки конца XIX в. и начала текущего столетия. Эти раскопки дали также богатый материал для выяснения характерных черт изучаемой культуры.

В 1888 г. на Северном Кавказе работал А. А. Бобринский, который раскопал курганы у Владикавказа (Орджоникидзе), Грозного, у селения Алхан-Юрт²². Начиная с 1891 г. в северо-восточной части Кавказа вел раскопки В. И. Долбежев. В кургане у ст. Нестеровской (на р. Ассе) им было исследовано разрушенное погребение с обломком каменного молотка²³. Погребения с довольно бедным инвентарем были обнаружены им в курганах в районе г. Хасав-Юрт у р. Яман-Су²⁴.

В 1900 и 1904 гг. у с. Урус-Мартан и в районе г. Кизляра археологические разведки производились Г. А. Вертеповым. У г. Кизляра им было открыто погребение в дольменном каменном ящике²⁵.

В 1907 г. А. Н. Грен, чтобы изучить остатки хазарского каганата, исследует древние памятники в Хасав-Юртовском округе Тер-

ской области. Вскрыв ряд погребений, «окрашенных суриком», он рассматривал их как захоронение хазар, заменявших краской воск, «которым следует покрыть кости по данным Авесты». Поэтому он сомневался в том, что «окраска костяков очень древнего происхождения»²⁶.

В районе г. Пятигорска в течение нескольких лет работал член Русского военно-исторического общества В. Р. Апухтин. О его раскопках довольно много писалось в свое время в газете «Пятигорское эхо» и в «Санкт-Петербургских ведомостях». Им был вскрыт, судя по газетным обобщениям, ряд погребений с окрашенными костяками. Всего за 1902—1903 и 1906—1910 гг. он нашел в процессе раскопок три тысячи предметов и собрал у местных жителей до 200 предметов. Наиболее древние погребения В. Р. Апухтин датирует по периодизации Самоквасова — киммерийской эпохой (VII в. до н. э.)²⁷.

В Кубанской области и Ставрополье вели раскопки Д. Я. Чуйко, С. А. Соловьев²⁸, Н. И. Веселовский. Раскопки Н. И. Веселовского приобрели всемирную известность. В 1897 г. он копает крупный курган в г. Майкопе²⁹, в следующем году — курган в ст. Царской (Новосвободной)³⁰. Яркие материалы из этих курганов дали основания для выделения особой культуры, получившей название майкопской. За период с 1897 по 1912 г. Н. И. Веселовским были раскопаны сотни древних курганов у станций Костромской, Андрюковской, Ново-Лабинской, Воздвиженской, Тифлисской, Кубанской, Джугутинской, возле Хатажукаевского и Ульско-го аулов, г. Армавира и других пунктов³¹.

²⁶ А. Н. Грен. Отчет о летней командировке в Хасав-Юртовский округ Терской области. «Древности», т. 21, вып. 2 (приложение II к протоколу № 631). М., 1907, стр. 134—136.

²⁷ «Пятигорское эхо», 17 сентября 1910; см. также ИАК, вып. 34 (прибавление). СПб., 1910, стр. 91; «Пятигорское эхо», 1 июля 1911; см. также ИАК, вып. 43 (прибавление). СПб., 1911, стр. 108; «Санкт-Петербургские ведомости», 1 декабря 1914; см. также ИАК, вып. 52 (прибавление). СПб., 1914, стр. 56.

²⁸ ИАК, вып. 4. СПб., 1902, стр. 137, 138; ОАК за 1899 г., стр. 55—57.

²⁹ ОАК за 1897 г., стр. 2—11.

³⁰ ОАК за 1898 г., стр. 33—38.

³¹ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 14—17, 22; ОАК за 1899 г., СПб., 1902, стр. 47—51; ОАК за 1900 г. СПб., 1902, стр. 45; ОАК за 1901 г. СПб., 1903, стр. 67—89; ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 69, 84—91; ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 65—68, 75—80; ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 95—97; ОАК за 1905 г. СПб., 1908, стр. 71—73; ОАК за 1906 г. СПб.,

²¹ А. А. Иссен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 80—90.

²² А. Бобринский. Доклад о действиях Археологической комиссии за 1888 г. ОАК за 1882—1888 г., стр. ССLXIII—ССLXIX.

²³ ОАК за 1891 г., стр. 122.

²⁴ ОАК за 1902 г., стр. 97—100.

²⁵ ОАК за 1900 г., стр. 54—60; ОАК за 1904 г., стр. 132, 133; ИАК, вып. 14 (прибавление). СПб., 1905, стр. 40, 41.

К сожалению, его мало интересовали ранние памятники, хотя собранные им коллекции древних предметов значительны по объему и научной ценности.

В 1900 г. П. С. Уварова издала сводную работу «Могильники Северного Кавказа». Среди кобанских и аланских древностей, опубликованных автором, встречаем предметы и более ранней поры — эпохи бронзы. П. С. Уварова разбила весь материал на шесть периодов. К древнейшему периоду (времени походов ассирийского царя Саргона) она отнесла бронзы кобанского типа, включив в их круг и предметы эпохи бронзы (каменные и бронзовые топоры, булавы и т. д.). Данный труд П. С. Уваровой и другие ее работы важны как сводки всех памятников, обнаруженных в нагорных районах Северного Кавказа³².

В 1904 г. вышла из печати монография Е. Д. Фелицына, посвященная дольменам Прикубанья³³. Эта работа, дополненная В. М. Сысоевым и П. С. Уваровой³⁴, не потеряла своего значения и в наши дни как справочник по дольменным памятникам бассейна р. Кубани.

Накопленный археологами материал стал уже столь обильен, что назревала необходимость расчленить его, определить последовательную смену археологических культур, т. е. сделать то, что было сделано В. А. Городцовым для древностей причерноморских степей России.

Такая работа началась с изучения материалов из курганов г. Майкопа, ст. Новосвободной и всего Прикубанья, когда было установлено хронологическое соотношение двух близких культур — майкопской и северокавказской. Это дало возможность поставить вопрос об общей периодизации древностей Северного Кавказа.

1908, стр. 104, 105; ОАК за 1907 г. СПб., 1910, стр. 85—91; ОАК за 1908 г. СПб., 1912, стр. 117; ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, стр. 152—160; ОАК за 1911 г. СПб., 1914, стр. 43—46; ОАК за 1912 г. СПб., 1916, стр. 50, 157, 158.

³² П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII. М., 1900, стр. 361—367; ее же. Коллекция кавказского музея, т. V. «Археология (Museum Caucasicum)». Тифлис, 1902; Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, отд. IV—V. М., 1907.

³³ Е. Д. Фелицын. Западнокавказские дольмены. МАК, IX. М., 1904, стр. 38.

³⁴ В. М. Сысоев. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. МАК, IX. М., 1904; П. С. Уварова. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменах. МАК, IX.

Хронология майкопской культуры была установлена в начале нашего века рядом ученых. Как курьез отметим, что первая датировка майкопского погребения была помещена в газете «Правительственный вестник», сообщившей, что этот «курган — скифский, насыпан за несколько лет до Р. Х.»³⁵ В дальнейшем Н. И. Веселовский, сравнивая статуэтки из глины и алебаstra, найденные в 1898 г. в одном из погребений Ульского аула, с подобными предметами крито-микенской культуры, отнес их ко времени начала этой культуры (1500—1200 гг. до н. э.)³⁶. Это была первая научно обоснованная датировка майкопской культуры.

В. А. Городцов в «Бытовой археологии» наметил основные черты, характерные для майкопской культуры: выкладка дна могилы булыжником, скорченное положение и окрашенность костяков, юго-восточная ориентировка погребенных. С майкопским типом погребений В. А. Городцов сближал захоронения и в дольменах ст. Новосвободной. К кругу культуры майкопского типа он отнес также более поздние погребения с каменными топориками, бронзовыми булавками и другим инвентарем, т. е. памятники северокавказской культуры. Первоисточником культуры майкопских памятников В. А. Городцов считал Месопотамию, хотя и усматривал некоторое влияние Малой Азии. Он отнес эти памятники «к началу бронзовых орудий»³⁷. В широкой картине, начертанной В. А. Городцовым, имеются некоторые неточности. Главная из них — объединение майкопских и северокавказских древностей в одну общую культуру. Это было неправомерно, хотя надо признать, что определенное сходство между этими двумя культурами имеет место. Позже, в статье, написанной для Большой Советской Энциклопедии, В. А. Городцов еще более определенно включил древности Майкопа и ст. Новосвободной в понятие «северокавказской культуры», датируя ее III тысячелетием до н. э. Территория этой культуры, по В. А. Городцову,

³⁵ «Правительственный вестник», 1897, № 156. Взято из «Археологических известий и заметок, издаваемых Московским археологическим обществом», т. V. № 5—6. М., 1897, стр. 289.

³⁶ Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35, СПб., 1910, стр. 7.

³⁷ В. А. Городцов. Бытовая археология, стр. 250—253, 260—263, 270—272.

занимала «равнину, орошаемую Кубанью и Тереком», основным занятием ее носителей он считал скотоводство и земледелие, были намечены также связи с народами Передней Азии и племенами катакомбной, фатьяновской и других культур³⁸.

В 1913 г. на Лондонском международном конгрессе историков с докладом «Архаический период в России» выступил Б. А. Фармаковский. Цель его доклада состояла в том, чтобы показать истоки скифского звериного стиля. Анализируя соответствующий материал, Б. А. Фармаковский большое внимание уделил майкопским древностям, относя их «безусловно и всецело» к бронзовому веку — ко времени не позднее второй половины II тысячелетия до н. э. По его мнению, майкопский курган дает образцы «свежего», «оригинального» хеттского искусства. Носители культуры майкопского типа, как считал Б. А. Фармаковский, подготовили почву на юге России для принятия высоких принципов греческого искусства³⁹.

По мнению А. А. Спицына, древности Майкопа необходимо относить к памятникам «старшего медного века»⁴⁰. К глубокой древности относил их и М. И. Ростовцев⁴¹.

М. Эберт в специальном исследовании, посвященном югу России в древности, уделяет внимание майкопским находкам, которые, по его мнению, «изготавливались в самой Кубанской области». Датирует он их временем около 2200 г. до н. э. Интересно, что погребения со шнуровой керамикой М. Эберт отделяет от погребений с охрой и первые рассматривает как отголосок движения шнуровой культуры с западноевропейского севера⁴².

Укажем также на важное мнение Б. А. Куфтина, который считал, что майкопские древности старше, чем их датируют. Он указывал, что невозможно связывать их хронологически с более поздними курганами

Триалети, как это делал позже Ш. Я. Амيرانавили⁴³.

Мы остановились бегло на некоторых точках зрения по вопросу о датах и месте памятников Прикубанья в системе древностей юга СССР и Кавказа. Одновременно решались вопросы об их периодизации вообще, об отношении их к предшествующим и последующим культурам.

В 1929 г. А. В. Шмидт предложил свою, глубоко продуманную периодизацию. В основе его работы лежит исследование погребений, открытых М. Г. Коссовичем в 1906 г. у ст. Константиновской. А. В. Шмидт, рассмотрев инвентарь древних могил (шнуровую керамику, бронзовые молоточковидные булавы и др.), пришел к выводу о широком распространении памятников подобного рода по бассейнам рек Кумы, Кубани, Дона, Днепра. Ясно, что автор включил в одну культуру материал не только северокавказской, но и территории степных племен. Но в отличие от своих предшественников, А. В. Шмидт отделил комплексы шнуровой керамики от материалов майкопского типа. Он сделал первую серьезную попытку датировать и создать периодизацию интересующих нас северокавказских памятников. Он считал, что материалы из дальменов ст. Царской древнее, чем майкопский комплекс, а памятники типа ст. Константиновской следуют за ним. В итоге весь материал Кубани и родственной ему А. В. Шмидт разделил на три временные группы:

1. Раннекубанская культурная группа (он ее связал с памятниками Шумера и Крита) времени около 3000—2500 гг. до н. э.

2. Среднекубанская культурная группа, (одновременна степной культуре) времени 2300—1600 гг. до н. э.

3. Позднекубанская культурная группа, доходящая до времени появления железа — около 1000 г. до н. э.⁴⁴

Эта периодизация, просуществовавшая довольно долго, была в то время серьезным

³⁸ В. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, т. 7. М., 1927, стр. 614, 615, рис. 16—37.

³⁹ Б. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34. Петроград, 1914, стр. 50—53, 60, 61, 73—78.

⁴⁰ А. Спицын. Бородинский клад. Сб. статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 114, 115.

⁴¹ М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918, стр. 15, 23, 24; его же. L'âge du cuivre dans le Caucase Septentrional. Revue archéologique, XX. 1920, p. 1—13.

⁴² M. Ebert. Südrussland im Altertum. Bonn — Leipzig, 1921, S. 45, 50—55, 59.

⁴³ Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита влугртенней Картли и Юго-Осетии. Вестник Государственного музея Грузии, XIV В. Тбилиси, 1947, стр. 78—80; его же. Археологические раскопки в Триалети, I (опыт периодизации памятников). Тбилиси, 1941, стр. 79 и сл.; Ш. Я. Амيرانавили. История грузинского искусства, т. I. М., 1950, стр. 46 и сл.

⁴⁴ A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV. Helsinki, 1920, S. 9—13, 16, 17, 19, 21.

вкладом в изучение археологического материала Северного Кавказа. Однако теперь нельзя считать периодизацию А. В. Шмидта точной и верной во всех ее частях. Так, последующее изучение показало, что дольмены ст. Царской менее древни, чем майкопское погребение; уточнена теперь и датировка Майкопского кургана, и т. д.

С близкой хронологической схемой в том же году выступил А. М. Тальгрэн в «Этюдах по археологии Северного Кавказа». Поводом для написания этих очерков послужили материалы Ульского кургана, в котором Н. И. Веселовским были найдены глиняные и алебастровая статуэтки. А. М. Тальгрэн создал такую хронологическую схему:

1. Большие курганы (Майкопский и пр.). Им одновременны погребения ямной и фатьяновской культур, а также погребения с краской в Северной Европе.

2. Ульский курган. Погребения с курильницами и катакомбные погребения. Им одновременны памятники шнуровой керамики и начала унетичской культуры в Центральной Европе.

3. Бородинский клад. Развитая эпоха бронзы — II период эпохи бронзы по Монтелиусу (около 1200 г. до н. э.).

В дальнейшем изложении автор уточняет датировку Ульского кургана — около 1600 г. до н. э.⁴⁵

В другой работе А. М. Тальгрэна развитие культур от майкопских древностей до терско-кубанских памятников (памятников северокавказской культуры) датируется II тысячелетием до н. э.⁴⁶

Почти ничего нового не дают хронологические построения А. Европеуса, предложенные им в работе, посвященной «культуре боевых топоров» России. Собственно, ценность работы А. Европеуса не в этих построениях, а в обработке огромных серий каменных сверленных топоров. Среди кавказских находок он выделяет пятигорский тип каменных

⁴⁵ А. М. Tallgren. Etudes sur le Caucase du nord. ESA, IV. Helsinki, 1929, p. 22—26, 30—33, 35—39. Термин «большие курганы» А. М. Тальгрэн употребляет для памятников типа Майкопского кургана, ст. Царской (Новосвободной), майкопские древности он датирует временем около 2000 г. до н. э. и относит к энеолиту. См. А. М. Tallgren. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. Suomen Muinaismuisto yhdistyksen Aikakauskirja., XXV. Helsinki, 1911, стр. 88—90; его же. La Pantépreprésentative après l'Introduction des Métaux. ESA, II, 1926, p. 80—85.

⁴⁶ А. М. Tallgren. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. ESA, VI. Helsinki, 1931, S. 141—145.

топоров, которые, по его периодизации, появляются в среднекубанское время (с первой половины II тысячелетия до н. э. и по 1300 г. до н. э.) и исчезают из употребления в позднекубанское время (1300—1100 гг. до н. э.)⁴⁷. Выделение данного типа топоров является существенным вкладом в дело изучения древностей эпохи бронзы Северного Кавказа. В дальнейшем в связи с более массовыми находками подобных топоров на территории Кабардино-Балкарии Е. И. Круннов предложил называть их топорами «кабардино-пятигорского» типа⁴⁸.

Углубленное изучение северокавказских древностей побудило А. А. Миллера в 1932 г. создать новое, постадиальное членение древностей Северного Кавказа.

Первая стадия, по А. А. Миллеру, не является изначальной. Это время, когда древнее местное население еще не имело металла (Нальчикский могильник и Агубековское поселение). Медь стала употребляться лишь к концу стадии.

Вторая стадия — время бытования северокавказской культуры, когда широко распространяется употребление металла, появляется керамика, украшенная шнуровым узором. К этому же времени А. А. Миллер относит возникновение древнего Долинского поселения близ г. Нальчика.

Третья стадия характеризуется, по А. А. Миллеру, материалами юбанского типа⁴⁹.

Стадиальное членение А. А. Миллера, несомненно, несколько условно. Так, Долинское поселение, на деле двухслойно: нижние слои его синхронны майкопским древностям, а верхние — только смыкаются с материалом северокавказской культуры⁵⁰. Но автор правды, и не претендовал на непогрешимость своей периодизации.

Она была принята рядом ученых (А. П. Кругловым, Г. В. Подгаецким, Б. Е. Деген-Ковалевским и др.) и так же, как периодизация А. В. Шмидта, применялась вплоть до последнего времени.

⁴⁷ А. Югäpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII. Helsinki, 1933, S. 14, 55—60, 86.

⁴⁸ Е. И. Круннов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик, 1949, стр. 207.

⁴⁹ А. А. Миллер. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 47, 48.

⁵⁰ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3. М.—Л., 1941, стр. 197.

Значительная работа в области периодизации была проделана А. А. Иессеном. Будучи крупнейшим знатоком древнейшей металлургии, А. А. Иессен намечает три этапа в развитии металлургии Кавказа:

Первый этап (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) — время привозных металлических изделий (древности Майкопа) и зарождения местной металлургии (материалы курганов станиц Нововободной, Махошевской и др.).

Второй этап (II тысячелетие до н. э.) — время развития местной кавказской металлургии, расцвета северокавказской культуры. Этот этап охватывает период от производства древностей ст. Нововободной и до эпохи кобанских бронз.

Третий этап (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) — время бытования кобанских бронз на Северном Кавказе и общий расцвет металлургии на всем Кавказе⁵¹.

Помимо выделения этапов в развитии металлургии, А. А. Иессен дает стадийное членение памятников Северного Кавказа, опираясь при этом на периодизацию А. А. Миллера:

Первая стадия (не позднее конца III тысячелетия до н. э.) объединяет памятники типа Агубековского поселения, Нальчикского и Мариуольского могильников.

Вторая стадия (около 2000 г. до н. э.) охватывает памятники типа Долинского поселения, Майкопского кургана с включением памятников северокавказской культуры.

Третья стадия (около 1000 г. до н. э.) характеризуется памятниками, синхронными кобанским древностям⁵².

Из сопоставления этапов развития металлургии и стадийного членения хода развития кавказских культур становится ясным, что А. А. Иессен несколько отделяет общий исторический путь развития древних кавказских племен от хода развития металлургии. Таким образом, первую и вторую периодизацию нельзя смешивать и подменять одну

другой. С рецензией на данную работу А. А. Иессена в свое время выступил Е. И. Крупнов, подчеркнувший значение недооцененной А. А. Иессеном металлургической базы на Северном Кавказе⁵³.

В дальнейшем А. А. Иессен уточнил свою периодизацию, наметив три стадии в истории древнейшего периода Северного Кавказа.

Первая стадия характеризуется Агубековским поселением и Нальчикским курганом. Во второй стадии А. А. Иессен выделил два этапа, чего не делалось им ранее. Первый этап — это время «больших кубанских курганов», второй этап — расцвет северокавказской культуры (курганы среднекубанской группы).

Третья стадия — расцвет кобанской и каякентско-хорочоевской культур. Эта периодизация согласуется с этапами развития древней металлургии, выделенными тем же автором⁵⁴.

В последнее десятилетие работа в этой области была продолжена Е. И. Крупновым. Он наметил две эпохи в медно-бронзовом веке Северного Кавказа: энеолитическую и бронзовую, и дал довольно подробные хронологические членения для памятников эпохи бронзы. Памятники северокавказской культуры Е. И. Крупнов отнес ко второй четверти II тысячелетия до н. э. и позднее особо выделил (вторая половина II тысячелетия до н. э.) дигорскую культуру с характерными для нее огромными булавками с волютообразными навершиями, служившими для скрепления одежды⁵⁵.

Таким образом, изучение древностей Майкопа послужило толчком к исследованию всех памятников Кавказа эпохи бронзы, оно привело к постановке и посильному разрешению ряда общих вопросов, в том числе и проб-

⁵³ Е. И. Крупнов. Рецензия на работу А. А. Иессена «К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе». «Советское краеведение», 1936, № 11, стр. 111, 112.

⁵⁴ Научная сессия ИИМК АН СССР и Государственного Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья. КСИИМК, XXIV. 1949, стр. 8, 9. С опытом периодизации кавказских древностей выступали также западноевропейские ученые. Так, Ф. Ганчар выступил в 1937 г. с работой, в которой он опирался на выводы А. В. Шмидта и А. А. Иессена. См. Fr. H a n ç a r. Urgeschichte Kaukasiens. Wien — Leipzig, 1937, S. 371, 372.

⁵⁵ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. М.—Л., 1951, стр. 21 и сл.; К. Х. Кушнарера и В. П. Шилова. Рецензия на МИА № 23. СА, XXI. 1954, стр. 405, 406.

⁵¹ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 80 и сл.; см. также: его же. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Доклады на III Международном Конгрессе по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1933; А. С. Стрелков. Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. СА, II. 1937, стр. 208.

⁵² А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3. М.—Л., 1941, стр. 7 и сл.

лемы периодизации (табл. 1). Однако ранняя датировка памятников в круга «больших кубанских курганов» была подвергнута сомнению. В 1939 г. Б. Е. Деген-Ковалевский попытался обосновать тезис, что Майкопский курган не может быть связан с начальным периодом освоения металла на Северном Кавказе, ибо весь инвентарь Майкопского кургана, по мнению автора, далек от архаичности. Это якобы «завершающий этап северокавказского неолита, подходящий к грани освоения бронзы и железа»; поэтому дату памятников типа «больших кубанских курганов» автор передвинул к рубежу II и I тысячелетий до н. э.⁵⁶ Мнение Б. Е. Деген-Ковалевского было поддержано М. И. Артамоновым, который, анализируя инвентарь Третьего Разменного кургана майкопского типа у ст. Костромской, датировал его предкифским временем VIII—VII вв. до н. э., омолаживая таким образом и майкопские древности.⁵⁷ Это побудило А. А. Иссена снова обратиться к анализу памятников майкопского типа и последующего времени.

На основе стратиграфических наблюдений, типологического разбора инвентаря, стилистического анализа произведений искусства — сосудов с изображениями — А. А. Иссен сделал вывод, что древности Майкопского кургана и близкие им надо датировать временем в пределах от 2300 до 1900 г. до н. э., а ст. Новосвободной — от 2100 до 1700 г. до н. э. Помимо этого, автор, оперируя конкретным вещевым материалом и его типологией, намечил два этапа в развитии северокавказской культуры: ранний — привольненский и более поздний — костромской.⁵⁸

Даты, предложенные А. А. Иссеном, были приняты археологами и историками и только в самое последнее время были несколько уточнены.⁵⁹

А. А. Иссен указал также на генетическую близость майкопской и северокавказской культур.⁶⁰ Е. И. Крупнов, неоднократно вы-

сказывавшийся «о культурной близости древнейших племен центрального и северо-западного Кавказа», проследил их основные связи с предшествующими памятниками круга «больших кубанских курганов»⁶¹. Особенно конкретно мысль о связи двух культур была высказана Е. И. Крупновым в книге «Древняя история и культура Кабарды»⁶². Наконец, эта же преемственность была освещена и в нашей статье, посвященной специально этому вопросу.⁶³ Не отрицает связи памятников Майкопского круга с памятниками последующего времени и Б. А. Латынин. Он предлагает даже к «майкопскому» и «новосвободненскому» этапам добавить третий — «костромской» или «андрюковской», характеризующий более поздние комплексы.⁶⁴ Однако Б. А. Латынин не учитывает того, что памятники, аналогичные его «третьему этапу», известны не только в Прикубанье, а по всему Северному Кавказу, и что, будучи генетически связанными с майкопскими памятниками, они по ряду признаков (погребальный обряд, керамика, металл и т. д.) являются комплексами уже другого культурного облика.

Мы коротко изложили важнейшие проблемы, связанные с общей периодизацией памятников Северного Кавказа и связями майкопских древностей с памятниками северокавказской культуры. Надо признать, что, несмотря на довольно большое количество работ, до сих пор не выяснена основа, на которой могла возникнуть культура «больших кубанских курганов», не установлено отношение дольменов ст. Новосвободной ко всей дольменной культуре Причерноморья, Прикубанья и Абхазии, не ясны пути связей с Древним Востоком и многое другое. Однако понятно, насколько плодотворны усилия ряда исследователей, ставящих перед собой

⁵⁶ Б. Е. Деген-Ковалевский. Проблема датировки «больших кубанских курганов», КСИИМК, II. 1939, стр. 14—17.

⁵⁷ М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, X. 1948, стр. 176—182.

⁵⁸ А. А. Иссен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII. 1950, стр. 193.

⁵⁹ Доклад А. А. Иссена на археологической конференции в Дагестане в мае 1959 г. Дата Майкопа углублена им до 2400 г. до н. э., а дольменов ст. Новосвободной — от 2300—2200 гг. до 2000 г. до н. э.

⁶⁰ А. А. Иссен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 197 и сл.

⁶¹ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., стр. 229 и сл.; его же. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII. 1949, стр. 12; Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. I. Нальчик, 1951, стр. 44—61.

⁶² Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 75 и сл.

⁶³ В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 3—20.

⁶⁴ Б. А. Латынин. Вопросы изучения майкопской культуры. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 год. Л., 1960, стр. 3—6.

Таблица 1

Даты (дон.э.)	А. В. Шмидт	А. М. Тальгрэн	А. Европеус	А. А. Миллер	А. А. Иессен		Е. И. Крупнов	Даты (до н. э.)
					1935 г.	1948 г.		
1000	Позднекубанская культурная группа	Бородинский клад	Позднекубанское время	III стадия	III этап металлургии	III стадия	Эпоха раннего железа Эпоха бронзы Дигорская культура	1000
1500				II стадия (Северокавказская культура, керамика со шнуром)	II этап металлургии (Памятники ст. Новосвободной и Северокавказской культуры)	II этап. Северокавказская культура		Северокавказская культура
2000	Среднекубанская культурная группа	Клад ст. Старомышатовской и «большие курганы»	Раннекубанское время					2000
2500	Раннекубанская культурная группа			I этап металлургии (древности «больших кубанских курганов»)	I этап. Время «больших кубанских курганов»			2500
3000				I стадия (время Нальчикского кургана и Агубековского поселения)			Энеолитическая эпоха	3000
						I стадия (Агубековское поселение, Нальчикский и Мариупольский могильники)		

конкретные задачи связанные с изучением древней металлургии, хронологии и т. д.

Нам осталось осветить последний вопрос, касающийся изучения самой северокавказской культуры и ее памятников.

Планомерное исследование древностей Северного Кавказа началось только с организацией Северокавказской археологической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и экспедиций местных музеев и научно-исследовательских учреждений. Появившиеся тогда первые труды советских ученых порой очень наивны — в них явны и увлечение социологизмом и модернизация древнего общества⁶⁵.

Начиная с 1926 г., древние памятники Северного Кавказа стали исследоваться планомерно, из года в год⁶⁶. Особенно большие работы были развернуты в районе Нальчика⁶⁷. Большое внимание при этом было уделено курганам эпохи бронзы, расположенным в Кабардинском парке Нальчика. Б. Е. Деген-Ковалевский отнес их ко второй стадии периодизации А. А. Миллера и наметил территорию распространения подобных памятников от Прикубанья до Кабарды, включив в их круг и памятники Грузии — Сачхери и Тли⁶⁸. Посвященная этим вопросам работа Б. Е. Дегена до настоящего времени является одним из главных пособий для всех, занимающихся изучением памятников II тысячелетия до н. э., ибо, как отметил Е. И. Крупнов, это исследование по существу освещает всю «вторую стадию» центральной полосы Северного Кавказа⁶⁹.

В 1932 г. большие археологические работы проводятся на новостройках. Так, на Баксанстрое, Б. Е. Деген-Ковалевский зафиксировал

⁶⁵ А. Ф. Лещенко. О времени сооружения мегалитических памятников Сев.-зап. Кавказа. Изв. общества любителей изучения Кубанского края, вып. IX. Краснодар, 1925, стр. 34.

⁶⁶ Б. В. Лукин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Бюллетень Северо-Кавказского Бюро краеведения, № 1—6. Ростов-на-Дону, 1927, стр. 40, 41.

⁶⁷ Северокавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. СГАИМК, № 3, 1931, стр. 26—30; А. А. Миллер. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г., стр. 47—51.

⁶⁸ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 231 и сл., стр. 267, 268, рис. 41 (карта).

⁶⁹ Е. И. Крупнов. Цennyй труд по древней истории Кабарды (рецензия на МИА № 3). Уч. зап. КНИИ, т. II. Нальчик, 1947, стр. 284—287; его же. Рецензия на материалы и исследования по археологии СССР, вып. 3. ВДИ, 1947, № 4, стр. 92—94.

остатки поселений эпохи бронзы (второй стадии) у сел. Кызбурун I и Заюково⁷⁰. В 1934 г. в районе сел. Заюково А. А. Иессен раскопал курганы с погребениями, характерными для культуры местных северокавказских племен второй половины II тысячелетия до н. э.⁷¹

В 1936 г. Б. Б. Пиотровский провел полевые исследования близ Моздока, где в курганах были открыты погребения майкопского облика и могилы эпохи развитой бронзы⁷².

В эти же годы в зоне строительства Маньчского канала проводится изыскания М. И. Артамонов, который считал археологическое изучение бассейна р. Маньч особенно важным для выяснения взаимоотношений катакомбной, северокавказской и дольменной культур⁷³.

Начиная с 1935 г. в бассейне р. Терек работают А. П. Круглов⁷⁴ и Е. И. Крупнов⁷⁵. Особенно важны раскопки, проведенные Е. И. Крупновым на древнем многослойном поселении на р. Ассе близ сел. Алхасте⁷⁶. Одновременно Е. И. Крупновым была проведена также полевая работа на таких известных могильниках Северной Осетии, как Фаскау у сел. Галиат⁷⁷, Загли Барзонд у сел. Верхний Кобан⁷⁸ и Верхняя Рутха близ сел. Кумбулта.

На основе огромного археологического материала, накопленного в результате работ

⁷⁰ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. ИГАИМК, вып. 110, стр. 12, 14. В отчете А. А. Иессена о Кавказской экспедиции за 1934 г. (архив ИА, д. ГАИМК за № 213 — 1934 г.) говорится, что в районе Кызбуруна нет следов поселения эпохи бронзы (л. 17).

⁷¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 221—228.

⁷² Археологические исследования в РСФСР..., стр. 245, 246.

⁷³ М. И. Артамонов. Работы на строительстве маньчского канала. Сб. «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», I. М.—Л., 1935, стр. 201—212; его же. Раскопки курганов в долине Маньча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 93 и сл.; его же. Раскопки курганов на р. Маньче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 333 и сл.

⁷⁴ А. П. Круглов. Археологические работы на реке Терек. СА, III, стр. 245.

⁷⁵ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 160, 161.

⁷⁶ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII. М., 1947, стр. 12—17.

⁷⁷ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 137.

⁷⁸ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 41—45, 47 и сл.

экспедиций по всему Советскому Союзу, ИИМК АН СССР в 1939 г. выпустил макет «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства». В этом труде значительное место уделено древнейшей и древней истории Кавказа, в том числе и северокавказской культуре⁷⁹. Несмотря на то, что к настоящему времени эти очерки устарели, нельзя не признать огромной ценности приведенного в них фактического материала.

Кавказ и его древности, как и прежде, продолжают привлекать европейских ученых. В 1933 г. С. Пшеворский издает интересную работу о влиянии Ближнего Востока на древние восточноевропейские культуры, включая культуры Северного Кавказа⁸⁰. Ф. Ганчар выступает с двумя эссе, посвященными формам и типологии древних кавказских булавок⁸¹ и кобанским бронзовым топорам. В последней работе Ф. Ганчар называет топоры пятигорского типа переходными, связывающими каменные топоры Кавказа и России, а также рассматривает их как прототипы металлических кобанских топоров⁸².

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. прервала археологическое изучение нашей Родины. В годы войны погибло много талантливых археологов-кавказоведов: Б. Е. Деген, А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий и др. Последним трудом коллектива Северокавказской экспедиции явился сборник «Материалов по археологии Кабардино-Балкарии» (МИА, № 3), вышедший из печати в 1941 г. и содержащий ценные работы.

В годы войны А. А. Иессен написал работу, посвященную истории греческой колонизации Северного Причерноморья. Автор прослеживает связи Причерноморья с югом, начиная с III тысячелетия до н. э. Характеризуя Кавказ эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.), А. А. Иессен отмечает яркость и самобытность северокавказской культуры.

⁷⁹ История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет). М.—Л., 1938, стр. 107—110.

⁸⁰ St. Przeworski. Zagadnienie wpływów Bliskiego Wschodu w kulturze fatjanowskiej Rosji Środkowej. «Swiatowit», t. XV. Warszawa, 1933, стр. 50—54.

⁸¹ Fr. Hančar. Die Nadelformen des prähistorischen Kaukasusgebietes. ESA, VII. Helsinki, 1932, S. 113—118.

⁸² Fr. Hančar. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung kaukasischer Altertümer. Wiener prahistorische Zeitschrift, XXI. Wien., 1934, S. 20.

«Памятники этой культуры, — говорит он, — распространены по обе стороны центральной части Кавказского хребта и примыкают к предкавказским стенам на всем протяжении от верховий Кубани до района Грозного»⁸³.

Работа А. А. Иессена внесла ценный вклад в историческую науку. В ней освещается наиболее темный вопрос в истории далекого прошлого юго-восточной Европы: о связях между древними племенами нашей страны.

После Великой Отечественной войны археологические исследования на Северном Кавказе развернулись с новой силой. Работа шла как по линии накопления нового материала, так и по линии обобщения уже известного. Так, в 1946 г. Е. И. Круинов публикует «Краткий очерк археологии Кабардинской АССР», в котором суммирует все сделанное археологами в деле изучения одной из областей Северного Кавказа. В дальнейшем он возвращается к работе над проблемами древней истории Кабарды, завершив серию подобных исследований ценным сводным трудом «Древняя история и культура Кабарды», в котором древняя история республики показана на широком фоне истории всего Северного Кавказа⁸⁴. В послевоенное время Е. И. Круинов выпускает также работу о культурных связях населения Северного Кавказа с древнейших времен вплоть до XVII в. н. э. Исследователь убедительно показывает, что Северный Кавказ был и в прошлом не захолустьем, а «одной из культурнейших областей нашей Родины»⁸⁵.

В 1947 г. А. А. Иессен выделяет прикубанский очаг металлообработки, как основу прикубанской культуры конца II — первых веков I тысячелетия до н. э.⁸⁶

⁸³ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 28.

⁸⁴ Е. И. Круинов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946; е го же. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды. Уч. зап. КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948; е го же. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

⁸⁵ Е. И. Круинов. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным. Уч. зап. КНИИ, т. III. Нальчик, 1947, стр. 113—132.

⁸⁶ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и в начале I тысячелетия до нашей эры. КСИИМК, XVIII. 1947, стр. 18—21; е го же. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23. М.—Л., 1951, стр. 75 и сл.

В послевоенные годы по всей территории Северного Кавказа разворачиваются археологические работы. Для наименее изученных областей намечаются детальные программы археологического исследования⁸⁷. Наиболее крупные работы ведутся Прикаспийской и Северокавказской экспедициями, возглавляемыми Е. И. Крупновым. Впервые в истории изучения северо-западного Прикаспия ведутся работы в Ногайских песках, где среди песчаных выдувов обнаруживаются скопления предметов разного времени — от эпохи неолита и до позднего средневековья. Ныне полупустынные, районы северо-западного Прикаспия в древности были довольно густо заселены, — таков основной вывод этих исследований⁸⁸.

На территории Чечено-Ингушетии и в сопредельных районах Е. И. Крупновым проведены в нагорной зоне раскопки грунтового могильника у сел. Галашки (б. Первомайское) на р. Ассе⁸⁹, а в степных районах исследование курганов у сел. Ачикулак и ст. Мекенской⁹⁰. Эти работы дали большой материал для характеристики разных этапов северокавказской культуры, а также позволили наметить основные линии взаимосвязей древних племен. В этом плане особенно интересны также материалы могильника Гатын-Кале у сел. Асланбек-Шерипово на

р. Аргун, который исследовался автором данной работы в 1956—1959 гг.⁹¹

В Кабардино-Балкарии, помимо Е. И. Крупнова, раскопавшего здесь серию курганов разных стадий эпохи бронзы⁹², работали также исследователи, как П. Г. Акритас⁹³, К. Э. Гриневич⁹⁴ и краевед Е. Хакуашев⁹⁵.

С 1947 г. Е. И. Крупновым возобновляются археологические исследования и в Дагестане, почти не исследованной стране. Позднее работы К. Ф. Смирнова у с. Тарки, Кяхулай и ст. Манас⁹⁶, а также исследования ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР в районе сел. Миатлы на р. Сулак⁹⁷ дали огромный

⁸⁷ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 107—119; его же. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, 78. 1960, стр. 107—109; В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье (в печати).

⁸⁸ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. зап. КНИИ, т. IV. Нальчик, 1948, стр. 282 и сл.; его же. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КНИИ, т. V. 1949, стр. 196—214; его же. Археологические работы на Северном Кавказе, стр. 12.

⁸⁹ П. Г. Акритас. Археологические работы в Кабарде в 1954 г. Уч. зап. КНИИ, т. X. Нальчик, 1955, стр. 37 и сл.

⁹⁰ К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, № 23. 1951, стр. 125—128.

⁹¹ Е. Хакуашев. Новые археологические находки. Уч. зап. КНИИ, т. VII. Нальчик, 1952, стр. 195, 196.

⁹² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23. 1951, стр. 226—230; его же. Дагестанская экспедиция 1950 г. Тезисы докладов на сессии отделения истории и пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 35; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, XLV. 1952, стр. 86—88; Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III—II тыс. до н. э.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1953, стр. 10—13; Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у ст. Манас), СА, XXVI. М., 1956, стр. 167—203.

⁹³ В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. I. Махачкала, 1956, стр. 212—219; его же. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. III. 1957, стр. 150—161; его же. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. Материалы по археологии Дагестана, I. Махачкала, 1959, стр. 31—59; В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. Материалы по археологии Дагестана, I, стр. 60—85; И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля. Материалы по археологии Дагестана, I, стр. 86—120.

⁸⁷ Е. И. Крупнов. К историко-археологическому изучению Грозненской области. Изв. Грозненского областного ин-та и музея краеведения, вып. I. Грозный, 1948, стр. 51—62.

⁸⁸ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г., КСИИМК, XX. 1948, стр. 72, 73; его же. Археологические работы на Северном Кавказе, стр. 17; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 95—97; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 102—105; его же. К историко-археологическому изучению Степного Дагестана. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, посвященного археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 14—17.

⁸⁹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 85—94.

⁹⁰ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 100, 104; его же. К изучению древних культур северо-восточного Кавказа. Изв. Грозненского областного краеведческого музея, вып. 7. С. Грозный, 1956, стр. 52, 53; его же. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции 1952 и 1955 гг.), СА, 1957, № 2, стр. 154—173; его же. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 107—109.

материал, который является первоклассным источником для воссоздания картины жизни и взаимоотношений древних племен Дагестана и Северного Кавказа с Закавказьем и населением южных степей.

На территории Карачаево-Черкесской Автономной области (Ставропольский край) различные археологические объекты уже много лет изучает Т. М. Минаева. В близ адыге-Хабль ею были вскрыты курганы эпохи бронзы, в одном из которых была обнаружена курительница — предмет типичный для катакомбной культуры⁹⁸. Т. М. Минаевой были изучены также собранные на территории Калмыкии каменные орудия и керамика, указывающие на древние связи северокавказцев со степными племенами⁹⁹. Специально на этом вопросе останавливается Т. Б. Попова в работах, посвященных племенам катакомбной культуры. Она считает что северокавказцы переняли у степного населения приемы орнаментации сосудов пшуром и молоточковидную форму булавок¹⁰⁰. Напротив, С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова в рецензии на книгу Т. Б. Поповой, допуская генетическую близость северокавказской и катакомбной культур, выводят молоточковидные булавки степных племен от ближневосточных и северокавказских образцов¹⁰¹. В своем последнем предположении авторы молчаливо оперируют фактами, взятыми у В. Милойчича, который молоточковидные костяные булавки южных степей сопоставляет с металлургическими булавками из Анатолии (Алача Гойюк) и на основании этого датирует катакомбную культуру более ранним

временем — III тысячелетием до н. э.¹⁰² Однако В. Милойчич не учитывает, что публикуемые им находки единичны, и не указывает, по каким путям направлялось влияние Востока на степные культуры. Поэтому его теория не может быть нами принята. Вопросом связей племен степного Предкавказья с населением Северного Кавказа большое место уделено также в работе А. А. Иерусалимской¹⁰³ и в книге О. А. Кривцовой-Граковой «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы»¹⁰⁴.

В 1954 г. Т. Б. Попова и В. М. Раушенбах в пособии для музейных работников пытались дать краткую характеристику северокавказской археологической культуры. Однако авторы слишком общо намечают территорию культуры и допускают неточности в описании инвентаря. Так, катакомбные курительницы у них оказываются предметами, типичными для северокавказской культуры¹⁰⁵. Однако в другой своей работе Т. Б. Попова исправляет эту ошибку. Анализ, проведенный ею, показывает, что курительницы появляются на Северном Кавказе с середины II тысячелетия до н. э. именно в результате движения степных племен, носителей катакомбной культуры¹⁰⁶.

В 1956 г. вышли из печати «Очерки истории СССР», в первом томе которых богатый археологический материал обобщен и использован как исторический источник. В разделе посвященном Кавказу, дается довольно яркая, но, к сожалению, очень краткая характеристика северокавказской культуры. Авторы «Очерков» правы, замечая, что дальнейшее изучение древних «племенных групп должно приоткрыть завесу над темными пока что вопросам происхождения народов Северного Кавказа»¹⁰⁷.

⁹⁸ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкессии. Тр. Черкесского научно-исследовательского ин-та, вып. II. Черкесск, 1954, стр. 276—280; е е же. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 131—168. В последней работе имеется описание ряда ранних находок, но совершенно неверно могила скифского времени отнесена к эпохе бронзы.

⁹⁹ Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, 59, 1955, стр. 46—53.

¹⁰⁰ Т. Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXV, 1955, стр. 21 и сл.; е е же. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24. М., 1955, стр. 88 и сл., 93 и сл.

¹⁰¹ С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова. Рецензия на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры». СА, 1957, № 2, стр. 270—275.

¹⁰² V. Milošević. Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadeln. «Germania», Н. 3. Berlin, 1955, S. 240—242.

¹⁰³ А. А. Иерусалимская. Предкавказский вариант катакомбной культуры. СА, 1958, № 2.

¹⁰⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 42, 50—53, 56 и др.

¹⁰⁵ Т. Б. Попова, В. М. Раушенбах. Археологические материалы в краеведческих музеях (методические указания). М., 1954, стр. 100, 101.

¹⁰⁶ Т. Б. Попова. К вопросу о курительницах «северокавказского типа». СА, 1957, № 1, стр. 161—167.

¹⁰⁷ Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 136, 137, карта на стр. 128, 129.

Несмотря на значительную работу, проделанную по изучению древней истории Северного Кавказа, многое еще остается неясным. Так, окончательно не уточнены датировки, не выявлены локальные варианты отдельных культур и т. д. Поэтому так актуально прозвучал призыв Е. И. Крушнова о планомерном и всестороннем изучении далекого прошлого всего Кавказа¹⁰⁸.

Значительную роль в развитии археологического исследования Кавказа сыграла конференция в Ереване. С докладом «Основные проблемы Кавказской археологии» выступил Е. И. Крушов. Докладчик еще раз указал на необходимость всестороннего изучения археологии Кавказа: изучения производственной деятельности древнего населения, выяснения его связей со странами Древнего Востока, выявления локальных вариантов отдельных культур, создания «хронологической школы памятников Кавказа», составления археологических карт и т. д., имея конечной целью воссоздание научной истории народов Северного Кавказа¹⁰⁹.

Доклад, посвященный итогам и перспективам археологического изучения Северного Кавказа, на той же конференции прочитал А. А. Иессен. Он остановился на проблеме изучения северокавказской культуры, наметил ее ареал «от Кубани до верхнего Терека и Суужи» и указал на возможность наметить в ней «несколько хронологических подразделений»¹¹⁰.

Ереванская конференция 1956 г. подытожила достижения в области изучения прошлого Кавказа и отметила необходимость проведения дальнейших работ над периодизацией «древнейшей истории Кавказа», выяснением связей Кавказа с Древним Востоком и

ликвидацией белых пятен на археологической карте Кавказа¹¹¹.

Завесу над одним из таких «белых пятен» приоткрывают исследования Л. Н. Соловьева, посвященные Воронцовской пещере близ г. Адлера, где на очень небольшом, но довольно тщательно проработанном материале, автор делает интересные выводы о былом существовании майкопской и северокавказской культур и о вытеснении затем северокавказскими племенами носителей майкопской культуры с занимаемой ими территории в начале II тысячелетия до н. э.¹¹² Здесь не место возражать Л. Н. Соловьеву, но хотелось бы отметить довольно слабую аргументацию последнего положения. Очень односторонним кажется нам и его мнение о происхождении ряда культур (катакомбной, северокавказской, древнеадыгской) в результате проникновения на Кавказ и влияния малоазийского племени кашков¹¹³. Такое толкование никоим образом не согласуется с археологическим материалом.

Определенное значение в археологическом изучении Северного Кавказа сыграла также конференция, посвященная археологии Дагестана, состоявшаяся в мае 1959 г. в г. Махачкале¹¹⁴.

Таков общий ход изучения культуры древних племен Северного Кавказа эпохи бронзы¹¹⁵. Нами были затронуты лишь основные, непосредственно касающиеся северокавказской культуры вопросы, и не рассмотрена проблема изучения кавказских дольменов, хотя ей посвящена обширная литерату-

¹⁰⁸ Е. И. Крушов. О задачах археологического изучения древнейшей истории Кавказа. ВИ, 1956, № 2, стр. 167, 168; его же. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа. КСИИМК, 60. 1956, стр. 3—13; его же. Über die Aufgaben der archäologischen Forschung auf dem Gebiet der alten Geschichte Kaukasiens. Bibliotheca classica Orientalis, H. I. Berlin, 1956, S. 30—32.

¹⁰⁹ Е. И. Крушов. Основные проблемы кавказской археологии. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 8—10.

¹¹⁰ А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 14.

¹¹¹ Резолюция, принятая Кавказской археологической конференцией, состоявшейся в г. Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 5, 6.

¹¹² Л. Н. Соловьев. Первобытные стоянки Очамчиря и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология (автореферат кандидатской диссертации). Симферополь, 1956, стр. 10—19.

¹¹³ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхазского ин-та языка, литературы и истории, т. XXIX. Сухуми, 1958, стр. 170—173.

¹¹⁴ С характеристикой основных памятников изучаемой культуры на территории Северного Дагестана и современной Чечено-Ингушетии выступил В. И. Марковин. См. В. И. Марковин. Культура эпохи бронзы северо-восточного Кавказа. Тезисы доклада на научной сессии..., посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 18, 19.

¹¹⁵ Подробный обзор литературы, вышедшей за период 1950—1959 гг. см. В. И. Марковин. Изучение культуры племен Северного Кавказа эпохи бронзы. СА, 1960, № 2, стр. 280—284.

ра; мы почти не коснулись также вопроса о связях фатьяновской и северокавказской культур, так как он требует специального и углубленного изучения.

Подводя итог, можно наметить следующие задачи, которые еще стоят перед исследователями культуры древних племен Северного Кавказа.

1. Окончательно выяснить вопрос о происхождении северокавказской культуры.

2. Уточнить уже намеченные, хотя и схематично, основные этапы ее развития.

3. Выявить локальные варианты внутри северокавказской культуры.

4. По возможности детальнее охарактеризовать быт, социальный строй и другие стороны жизни носителей северокавказской культуры.

5. Дать попытку типологического разбора многочисленного вещевого материала, относящегося к изучаемой эпохе.

К усиленному разрешению этих вопросов мы и переходим в последующем изложении.

Глава III

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. ХРОНОЛОГИЯ

Памятники эпохи бронзы открыты в разных частях обширной территории Северного Кавказа, в различных географических зонах: в степях, в широких речных долинах Терька, Кубани и других рек, предгорьях и даже в высокогорных районах. К сожалению, археологический материал ограничивается большей частью «случайными» и единичными находками отдельных предметов: глиняных сосудов, бронзовых изделий, каменных булав и топориков, а также погребальными комплексами, раскопки которых не всегда хорошо документированы.

Опираясь на известные достижения, имеющиеся в области изучения эпохи бронзы, попытаемся систематизировать этот разрозненный материал с тем, чтобы выделить комплексы и предметы, которые характеризуют северокавказскую культуру на разных ее этапах, и которые позволяют приоткрыть завесу над бытом и хозяйством древних племен, охарактеризовать взаимоотношения с соседями — населением Закавказья и южных степей.

Членение материала на ранние и поздние памятники основано на наблюдении, что более ранние из них имеют определенные черты сходства с памятниками предшествующей и близкой им майкопской культуры. Здесь мы следуем за В. А. Городцовым и его последователями, сближавшими названные культуры. Сходство, о котором идет речь, проявляется то в обряде погребения, то в инвентаре, а в некоторых случаях и в том и в другом. Таким путем действительно удается систематизировать вначале погребальные комплексы, а затем и «случайные» находки по аналогии с уже датированными вещами из погребений.

Анализ материала проводится по областям, начиная с Прикубанья и далее, на восток — к предгорному Дагестану.

В пределах Прикубанья археологический материал, известный в настоящее время, происходит в основном из раскопок конца XIX — начала XX в., предпринятых проф. Н. И. Веселовским. Однако, многочисленные дневники, оставленные им¹, страдают отсутствием обстоятельных чертежей и рисунков, написаны неряшливо и наспех, что несомненно, вредит полному представлению об открытых им памятниках.

Наиболее ранним памятником северокавказской культуры в Прикубанье представляется погребение 1 кургана 5 Ульского аула, находившееся ниже трех других погребений с восточной ориентацией вытянутых костяков. В интересующем нас погребении костяк подростка лежал в вытянутом положении, на спине. Он был ориентирован головой на север с небольшим отклонением к востоку. В ногах найдена краска — охра, инвентарь состоял из глиняных и двух алебастровых статуэток, миниатюрного сосудика, четырех изогнутых булавок с отверстиями, девяти медных бусин, пяти небольших медных подвесок, трех трубочек, свернутых из листочков меди, глиняного предмета, отдаленно напоминающего «повозочку» и двух фрагментов керамики, один из которых орнаментирован² (рис. 2)³.

По поводу найденных в погребении статуэток разгорелась в свое время полемика.

¹ Хранятся в архиве ЛОИА.

² ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 152—154.

³ Рисунки и таблицы, сопровождающие данную работу, исполнены автором. Масштабы к ним даны в сантиметрах.

Н. И. Веселовский, сравнивая статуэтки с домикенскими, относил данное погребение ко времени раннего развития микенской культуры⁴. А. М. Тальгрэн датировал его первой половиной II тысячелетия до н. э. (около 1600 г.)⁵.

Это погребение важно тем, что в нем сочетаются черты позднего этапа майкопской культуры и ранней фазы развития северокавказской культуры. Изогнутые булавки из Ульского кургана близки булавкам из комплексов ст. Новосвободной, орнамент же на одной из них типичен для бронз северокавказской культуры. Такие изогнутые булавки сосуществуют с более поздними металлическими молоточковидными булавками северокавказского типа. Так, в кургане под г. Кисловодском были обнаружены оба типа булавок и такие же, как в Ульском кургане, трубочки⁶. В дальнейшем уже не встречаются ни изогнутые булавки, ни трубочки.

Бусы и подвески Ульского кургана очень близки соответствующим предметам северокавказской культуры.

Погребение в кургане Ульского аула интересно и тем, что если инвентарь его близок майкопским памятникам (булавки, бусы, трубочки напоминают вещи дольменов ст. Новосвободной), то обряд погребения ничего общего с ними не имеет. Если для обряда погребения в майкопских памятниках характерно скорченное положение погребенного, лежащего головой на юг, то здесь, как мы упоминали, костяк находится в вытянутом положении, а ориентирован он на север. Такой обряд, по-видимому, свойствен памятникам уже другой, северокавказской культуры.

Это дает право поставить данное погребение в ряд памятников переходного типа. Если оперировать датировкой А. А. Иессена, предложенной им для древностей ст. Новосвободной⁷, а также учесть, что статуэтки, близкие ульским, существуют в Трое поч-

ти до II тысячелетия до н. э.⁸, то погребение 1 кургана 5 Ульского аула можно ориен-

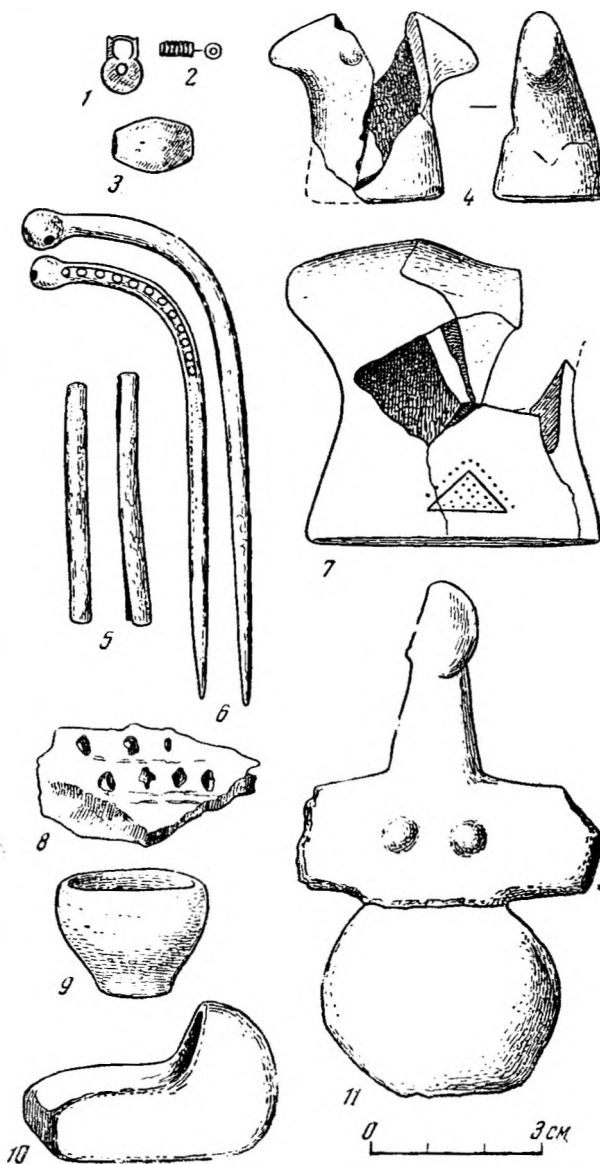

Рис. 2. Часть инвентаря из погребения 1 кургана 5 Ульского аула

1—3, 5 — бронза; 6 — серебро; 4, 7—10 — глина; 8 — «повозочка» (по Н. И. Веселовскому); 11 — алебастр

тировочно датировать самым началом II тысячелетия до н. э. Эта дата подтверждается и наблюдениями Б. А. Куфтина, который счи-

⁴ Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35. СПб., 1907, стр. 7; В. А. Городцов. Бахмутская миниатюрная каменная баба (ответ проф. Н. И. Веселовскому). ИАК, вып. 37. СПб., 1910, стр. 89 и сл.

⁵ А. М. Tallgren. Etudes sur le Caucase du nord. ESA, IV. Helsinki, 1929, p. 39.

⁶ Музей в г. Пятигорске, № 744.

⁷ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII. 1950, стр. 193.

⁸ F. Schachermeyr. Die ältesten Kulturen Grichelands. Stuttgart, 1955, S. 32.

гал Ульское погребение более древним, чем основная масса дольменов сел. Эшери (Сухуми, Абхазия)⁹. Сопоставление с древнейшими дольменными древностями лишней раз подчеркивает его архаичность.

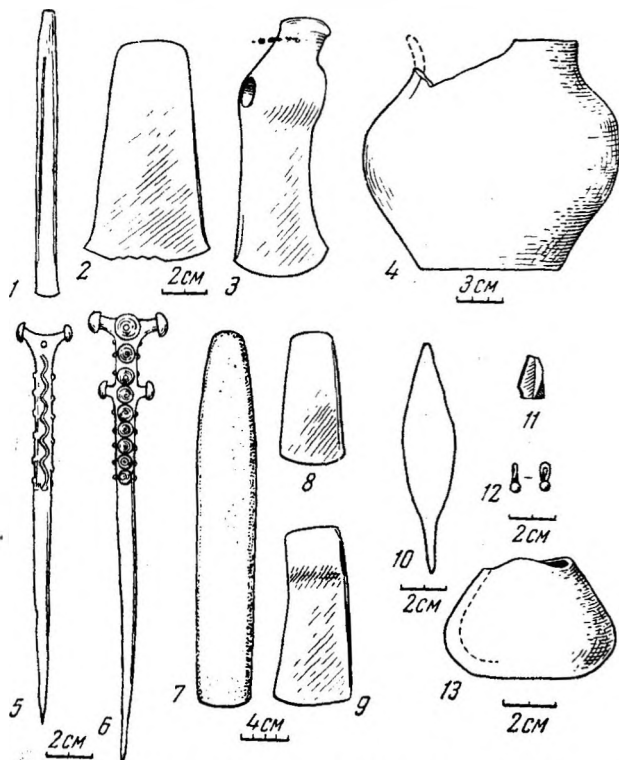

Рис. 3. Прикубанье. Инвентарь из ранних подкурганых погребений (раскопки Н. И. Веселовского)

1—4 — ст. Воздвиженская; 5 — хутор Харина у Хатажукаевского аула; 6 — 9 — ст. Андриюковская; 10 — 13 — ст. Ново-Лабинская; 1 — 3, 5, 6, 8—10, 12 — бронза, медь; 4, 13 — глина; 7 — каменный пест; 11 — кремневый отщеп

К ранним памятникам северокавказской культуры Прикубанья можно отнести и погребения в курганах у Хатажукаевского аула, станиц Воздвиженской, Андриюковской, Казанской, Псебайской, Ново-Лабинской¹⁰. Почти для всех этих погребений характерны выкладки из гальки на дне могилы, обилие камня в насыпи курганов, сильная скорченность и окрашенность костяков, ориентировка их головой на юг, т. е. все черты майкоп-

ского обряда. Среди инвентаря встречается материал очень раннего облика: тесловидные топоры, топоры с проушиной архаических форм, развилки и др. Тут же находят булавки и сосуды, изготовленные из комковатой глины, с грубым орнаментом в виде горизонтальных вдавлений и треугольного штампа (рис. 3).

Перечисленные погребальные памятники характеризуют ранний этап северокавказской культуры на территории Прикубанья.

Однако упомянутыми погребальными комплексами Прикубанья не исчерпываются памятники первого этапа. Имеется еще ряд погребений, сохраняющих только отдельные элементы древнего (майкопского) погребального обряда: южную ориентацию, посыпку дна могилы галькой, сильную окрашенность и т. д. Таковы погребения в курганах поселков Александровского, Геймановского (у ст. Тенгинской), станиц Келермесской, Казанской, хутора Кру на р. Ульке, у г. Армавира, станиц Петропавловской, Северской, Ново-Лабинской, Новосвободной (б. Царской)¹¹.

Бронзовые молоточковидные булавки, листовидные ножи, подвески, четырехгранные шилья, каменные терочники-куранты и другие вещи — таков инвентарь этих погребений (рис. 4). Кремневые поделки — ножи, скребки, нуклевидные орудия — также часто встречались среди могильного инвентаря.

Несколько иной характер имеют четыре погребения в кургане у пос. Праздничного. Костяки были обнаружены лежащими на земляном полу головой на запад. Могильные ямы имели перекрытия из дерева. Обряд этих погребений ничего общего не имеет с ритуалом известного Майкопского кургана, хотя инвентарь их выглядит очень ранним: форма каменного топора весьма проста, он лишь пропорциями напоминает топоры кабардино-пятигорского типа. Костяная булавка похожа на изогнутые булавки Ульского

1895 г., стр. 29, 30 (курган 1); ОАК за 1899 г., стр. 43 (курган 3). Эти памятники более подробно рассмотрены в главе V.

¹¹ ОАК за 1900 г., стр. 43; ОАК за 1904 г., стр. 95 (курган 3); ОАК за 1901 г., стр. 68; архив ЛОИА, л. АК № 103 за 1901 г., л. 36 («Высокий курган»); ОАК за 1900 г., стр. 34. Находки хранятся в ГИМ. № 42419; ОАК за 1902 г., стр. 86—89 (курганы 1, 5). Находки хранятся в ГЭ № 66; ОАК за 1907 г., стр. 89 (курганы 10, 11); ОАК за 1907 г., стр. 9; архив ЛОИА, л. АК № 96 за 1899 г., л. 55; архив ЛОИА, л. АК № 96 за 1899 г., л. 23.

⁹ В. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 287.

¹⁰ ОАК за 1899 г., стр. 50 (погребение 2); ОАК за 1899 г., стр. 47; ОАК за 1896 г., стр. 54 (курган б. 6); ОАК за 1901 г., стр. 67, 68 (курган А); ОАК за

кургана. Подвеска, изготовленная из перевитой проволоки, является прототипом более поздних подвесок, имитирующих обрывок шнура. Тесловидный бронзовый топорик близок топорам, найденным в майкопском комплексе¹² (рис. 5).

К этому памятнику примыкает погребение в кургане 5 ст. Келермесской, где около сильно окрашенного костяка были найдены два топора: тесловидный майкопского облика и проушной (с ребристым обухом), близкий по форме топорам из ст. Новосвободной (рис. 6, 2). Помимо того, в погребении находились листовидный нож, височное кольцо из серебра и привески — вещи типичные для северокавказской культуры¹³ (см. рис. 4, 13).

Вещи из курганов пос. Праздничного и ст. Келермесской свидетельствуют о переходе от раннего этапа северокавказской культуры ко второму этапу ее развития — времени расцвета.

Таким образом, можно наметить список предметов, характерных для раннего этапа развития северокавказской культуры — это костяные изогнутые булавки, каменные песты, витые проволочные подвески в виде обрывка шнура, каменные сверленные топоры простых форм, бронзовые топоры со слегка свисающим обухом, плоские тесловидные топоры. Сосуды зачастую покрыты «елочным» орнаментом и вдавленными.

Кроме предметов, связанных с описанными памятниками, в центральных музеях и в краеведческом музее г. Краснодара имеются большие коллекции случайных находок из Прикубанья. Среди них топоры из станиц Тенгинской, Черноморской¹⁴. Курганной¹⁵, три топорика из Прикубанья¹⁶. Наиболее ранний из них напоминает по форме колун и близок поздненеолитическим орудиям (рис. 7, 3)¹⁷. Наиболее поздний имеет сходство с топориками кабардино-пятигорского типа (см. рис. 7, 9)¹⁸.

Ранними представляются булава с тремя выступами (см. рис. 7, 2), три песта (см. рис. 7, 5, 6), близкие по форме пестам из

пос. Праздничного (один из них найден в ст. Советской (б. Урупской) (см. рис. 7, 1)¹⁹, изогнутые бронзовые булавки (с. Вольное, см. рис. 7, 14)²⁰, костяной гарпун с одним

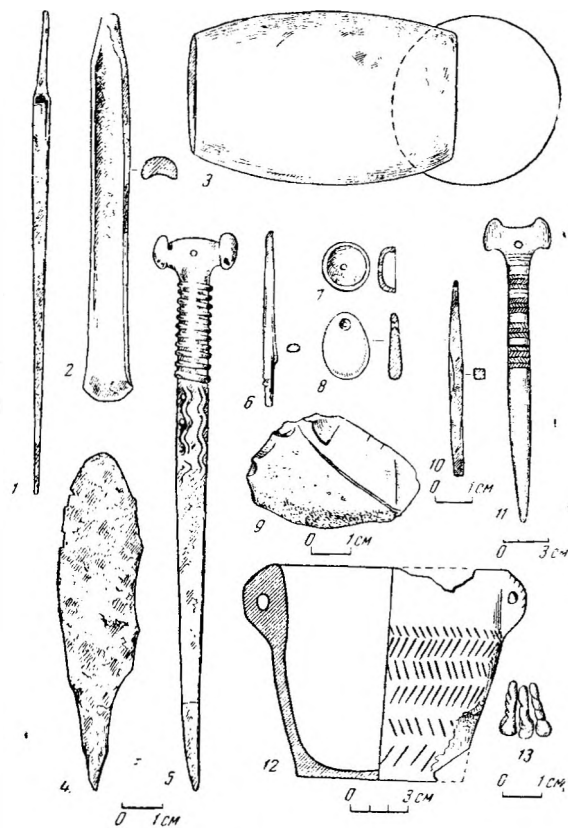

Рис. 4. Прикубанье. Инвентарь из ранних подкурганных погребений (раскопки Н. И. Веселовского) 1 — хутор Зубова; 2, 3, 13 — ст. Келермесская; 4—9 — хутор Кру на р. Ульке; 10 — ст. Петропавловская у Майкопа; 11 — ст. Гиагинская; 12 — Армавир; 1, 2, 4—6, 10, 13 — бронза, медь; 3, 8 — известняк; 9 — кремень; 11 — кость (по Н. И. Веселовскому); 12 — глина

пипом и боковым отверстием (см. рис. 7, 17)²¹. Подобное орудие было найдено В. И. Каливцем в Дагестане во время работ 1956 г. в очень раннем комплексе.

Помимо указанных вещей, к раннему этапу культуры принадлежит серия бронзовых тесловидных топориков (предметы типа

¹² ОАК за 1903 г., стр. 75—77, рис. 157—160; архив ЛОИА, д. АК № 14 за 1903 г.; коллекция в ГИМ № 48480.

¹³ ОАК за 1904 г., стр. 96, рис. 164 и 165.

¹⁴ Музей Краснодара, № 3822, 3821.

¹⁵ ГЭ, № 262-1.

¹⁶ Музей Краснодара, № 3613-18; ГЭ, № 66—84.

¹⁷ Музей Краснодара, № 3613-18, найден в Прикубанье.

¹⁸ ГЭ, № 66—34, найден в Прикубанье.

¹⁹ Указанные предметы в музее Краснодара, № 3613/34, 69, 70 и 3752-180.

²⁰ ГЭ, № 454-3. Находка М. Г. Коссовича (1907).

²¹ ГЭ, № 452-5. Найден в Прикубанье.

паходок у станиц Новосвободной и Костромской), точное местонахождение которых не ясно (см. рис. 7, 10—13), а также отдельные сосуды (см. рис. 7, 15, 16).

но, чем это было сделано Н. И. Веселовским в Прикубанье.

Ранние памятники в Пятигорье выявлены в очень незначительном количестве.

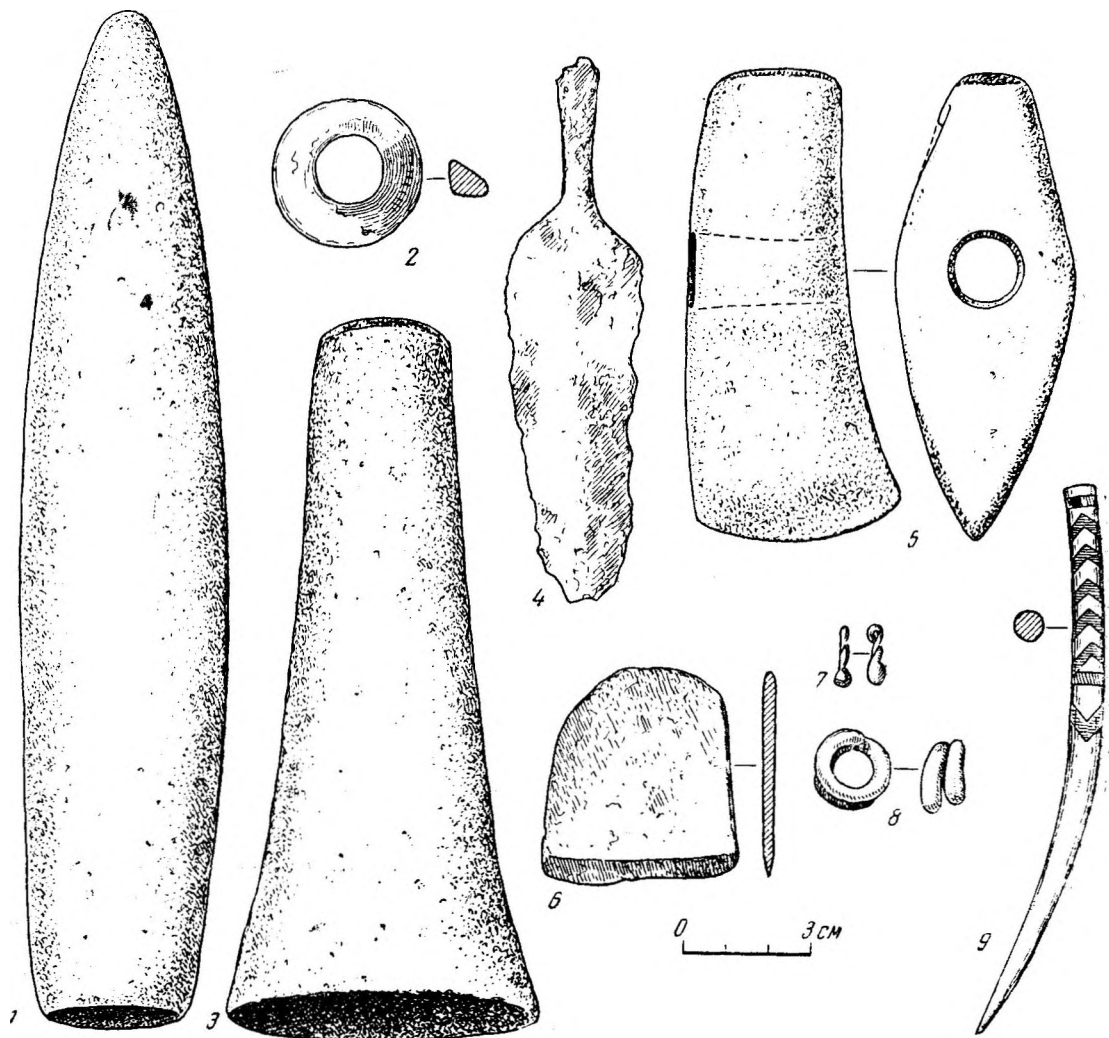

Рис. 5. Прикубанье. Инвентарь погребений из кургана пос. Праздничного (раскопки Н. И. Веселовского, 1903 г.)

1, 3, 5, — камень; 2, 9 — кость; 4, 6, 8 — бронза, медь; 8 — курган 1, погребение 1; 1, 3, 5 — курган 1, погребение 2; 9 — курган 1, погребение 3 или 4; 4, 6 — курган 1, погребение 5; 2, 7 — курган 1

* * *

Перейдем к ранним памятникам Пятигорья и прилегающей части Ставропольской возвышенности. Эта часть Кавказа изучена слабее, но исследованные здесь памятники (работы Д. Я. Самоквасова, Н. М. Егорова, И. С. Гумилевского и др.) зафиксированы более точ-

Наиболее древними из них являются каменные дольменовидные гробницы у горы «Верблюд» (бывший хутор Дыденко) к ССВ от г. Железноводска, исследованные Д. Я. Самоквасовым.

Гробницы имели четырехугольную форму (размеры: от 1,5 до 3 и 4,5 м в длину и ширину), были сооружены из массивных плит с

круглыми отверстиями. Судя по очень скудному описанию, погребальные сооружения напоминали дольмены ст. Новосвободной, но в них сохранились только поздние погребения²², поэтому мы лишь условно включаем эти дольмены в разряд древнейших памятников Пятигорья.

Более полно описаны раскопки курганов в урочище «Три Камня», у г. Кисловодска. Здесь интересно погребение в кургане 4, представлявшее собой круглую могильную яму, вырубленную в материке и покрытую плитой. Костяк лежал в скорченном положении, головой на юг (рис. 8, 1). Инвентарь состоял из ножевидной пластины обсидиана (см. рис. 8, 2)²³. Обращают внимание скорченное положение костяка, его традиционная, древняя южная ориентировка, а главное — необычайная форма могилы. Захоронения в подобных круглых ямах известны в памятниках Грузии раннебронзовой эпохи²⁴. Интересно, что описываемая могила была врезана в материк и находилась ниже впускных погребений эпохи развитой бронзы.

Собственно, этим исчерпываются наиболее ранние погребения в районе Пятигорья. Несколько более поздним представляется курган у колонии Николаевской в районе г. Пятигорска. Скорченный костяк, лежавший в прямоугольной яме на подстилке из камней, был ориентирован головой на восток. В могиле, заваленной камнями, сохранились следы деревянного покрытия. Инвентарь состоял из сосуда с «ногтевыми» вдавлениями, двух листовидных ножей, обломка четырехгранного шила, камня для шлифовки или заточки орудий, орудия типа песта-терочника (см. рис. 8, 5—9), костей лошади и зуба теленка. В ногах была обнаружена красная краска²⁵.

Наряду с древними чертами (скорченность, «подстилка из камней» под костяком, наличие дерева и камня в конструкции могилы), прослеживаются новые черты, характерные для следующего периода — времени расцвета изучаемой культуры: малое коли-

чество краски, восточная ориентация. В инвентаре погребения наиболее архаичным является сосуд, покрытый примитивным, вдавленным узором; он аналогичен сосуду май-

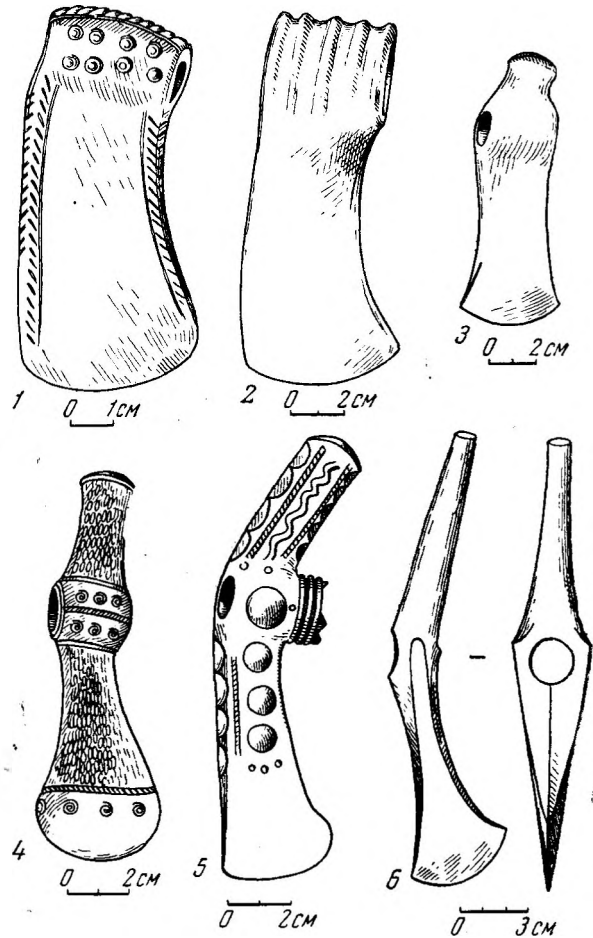

Рис. 6. Северный Кавказ. Бронзовые тоноры

1 — ст. Новосвободная; 2 — ст. Келермеская; 3 — ст. Воздвиженская (по Н. И. Веселовскому); 4 — местность Лопкуты (Кабардино-Балкария); 5 — окрестности Нальчина; 6 — ст. Андрюковская (по А. А. Иессену)

копского облика из кургана у ст. Казанской²⁶.

Погребений со скорченными костяками, ориентированными на восток или запад (реже на север), в данном районе известно не очень много. Таковы погребения, открытые у с. Летницкого²⁷, в ауле Адыге-Хабль

²² Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 23; его же. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М., 1908, стр. 22, 23.

²³ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 27, 28, рис. 9.

²⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 101 и сл.

²⁵ M. Jegorov. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolajevsk. ESA, IV. Helsinki, 1929, S. 58—60, Fig. 1—6.

²⁶ OAK за 1901 г., стр. 67, 68.

²⁷ OAK за 1899 г., стр. 56, 57, рис. 103 и 105. Упоминаемые в отчете серебряная серьга и зеркало не могли принадлежать данному погребению.

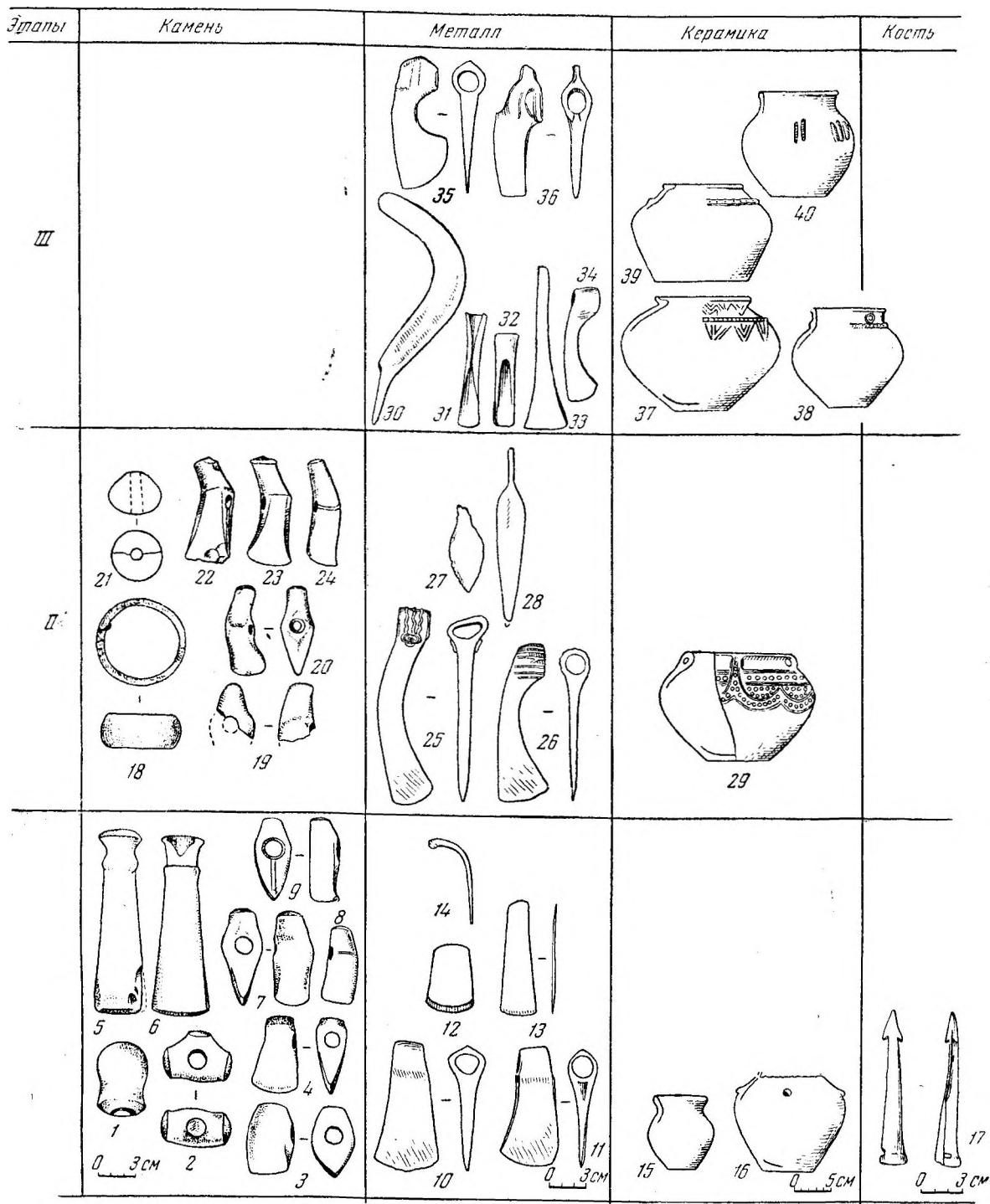

Рис. 7. Отдельные находки эпохи бронзы в Прикубанье

I этап. 1 — ст. Советская (б. Урупская), р. Уруп; 2, 3, 5—7, 9, 15—17 — Прикубанье; 4 — ст. Тенгинская; 8 — ст. Курганная; 10 — ст. Апшеронская; 11 — сел. Локшук (музей Краснодар, № 3662); 12 — Прикубанье (музей Краснодар, № 3613/11); 13 — ст. Абадзехская (Тбилиси, Гос. музей Грузии, № $\frac{16-02}{100/3052}$); 14 — с. Вольное

II этап. 18 — ст. Попутная; 19 — Крымская; 20 — ст. Крымская; 21, 25 — Прикубанье; 22 — вероятно, ст. Крымская; 23, 27, 29 — Прикубанье (собрание Н. И. Веселовского); 24 — Майкоп; 26 — ст. Абадзехская (Гос. музей Грузии, Тбилиси, № $\frac{16-02}{101/3053}$); 28 — ст. Новосвободная, р. Фарс (Тбилиси, Гос. музей Грузии, № $\frac{16-02}{106/3057}$)

III этап. 30—34 — ст. Костромская (клад); 35—40 — Прикубанье

на р. Малый Зеленчук²⁸, у ст. Джегутинской²⁹, у г. Кисловодска (раскопки А. А. Бобринского³⁰ и Д. Я. Самоквасова³¹), у г. Пятигорска, близ Провала³². Инвентарь их многочислен. В погребении у с. Летницкого были найдены две молоточковидные булавки:

ранние связи местных и степных племен, из обихода которых и попала на Кавказ костяная булавка. В дальнейшем молоточковидные булавки у населения степей исчезают. На Северном Кавказе они употребляются дольше, получают дополнительные выступы и в

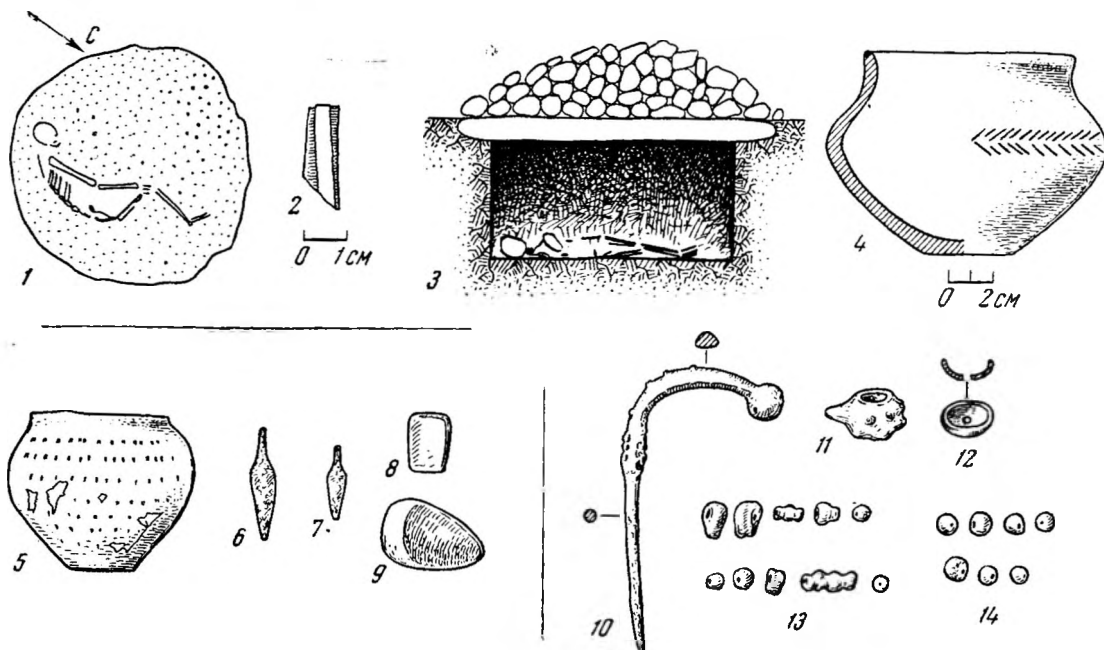

Рис. 8. Памятники эпохи бронзы Пятигорья

1 — Кисловодск, «Три камня», курган 4, погребение 6 (по Д. Я. Самоквасову); 2 — ножевидная пластина из погребения 6; 3 — Кисловодск, «Три камня», курган 4, погребение 7 (по Д. Я. Самоквасову); 4 — сосуд из погребения 7; 5—10 — сосуд, бронзовые ножи, терочки и курант из кургана колонии Николаевской у Пятигорска (по Н. М. Егорову); 11—15 — бронзовые булавка и бусы из погребения в кургане 3 колонии Константиновской у Пятигорска (по А. М. Тальгрену)

костяная с нарезным орнаментом, бронзовая с выпуклым узором. находка бронзовой булавки и ее костяного прототипа свидетельствует в пользу ранней датировки данного комплекса и лишний раз подчеркивает

таким виде мало напоминают предметы переходной формы.

Керамика из погребений, обнаруженных в ауле Адыге-Хабль и у г. Кисловодска («Три Камня») орнаментирована узором, напоминающим «елочный» (см. рис. 8, 4), характерным для посуды ранних памятников «новосвободненской подгруппы».

Близкий по орнаменту сосуд вместе с двумя листовидными ножами и четырехгранным шилом был обнаружен в подкурганном погребении у г. Машук (колония Николаевская)³³. Изогнутая булавка, подобная ульским, найдена вместе с бронзовыми бусинами

²⁸ Т. М. Минаява. Археологические памятники Черкессии. Тр. Черкесского научно-исследовательского института, вып. II. Черкесск, 1954 г., стр. 276—278, рис. 4, 3 (курган 1 и курган 2 — погребения 1, 3 и 6).

²⁹ ОАК за 1901 г., стр. 89.

³⁰ Архив ЛОИА, д. АК № 35 за 1917 г., л. 22, рис. 4.

³¹ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 27, 28, рис. 10 (курган 4, погребение 7).

³² Раскопки И. С. Гумилевского, 1952 г. Сведения взяты из записной книжки заведующего отделом Пятигорского музея Сороколетова (запись от 27 мая 1954 г., архив музея).

³³ Курган раскопан местными жителями. Сведения взяты из архива Пятигорского музея. Ножи хранятся там же, № 686.

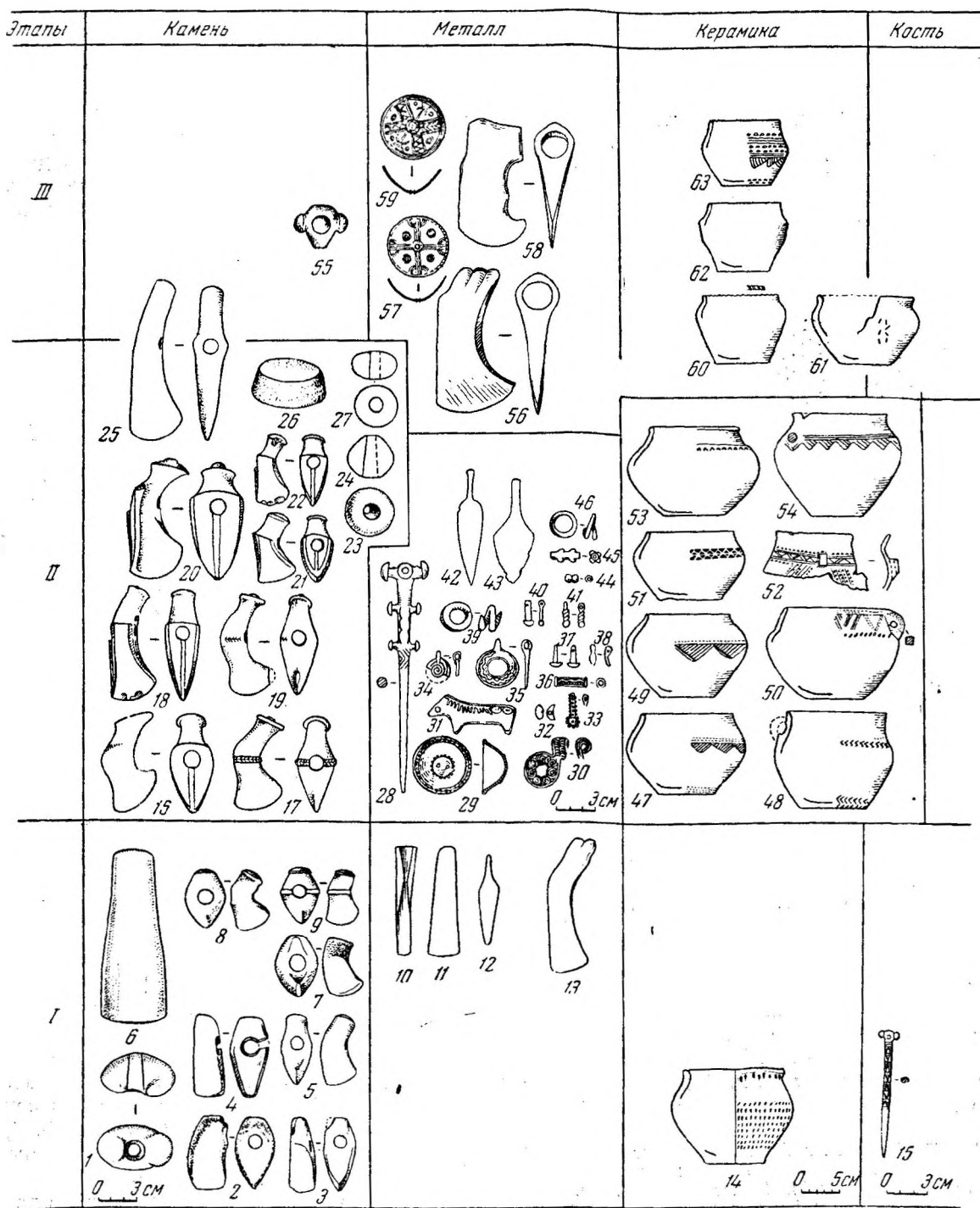

Рис. 9. Отдельные находки эпохи бронзы с территории Пятигорья и Ставропольской возвышенности

I этап. 1 — хут. Водонадный, р. Подкумок; 2 — г. Прикумск (б. Буденовск), сел. Бургун-Маджары (музей Пятигорска, № 655); 3 — с. Преградное (музей Ставрополя, № 2863); 4 — Ставропольская возвышенность (музей Ставрополя, № 2862); 5 — с. Султановское; 6 — Пятигорье (музей Пятигорска, № 668); 7 — с. Дивное; 8 — Кисловодск, Красные камни; 9 — Ессентуки; 10 — 13 — с. Привольное (клад); 14 — ст. Минутка у Кисловодска; 15 — с. Лепицкое

II этап. 16 — Пятигорск (по А. С. Уварову); 17 — хут. Родняковский, р. Итока; 18 — колония Константиновская; 19, 51 — Кисловодск; 20 — Черкессия; 21 — Пятигорск; 22 — Долина Нарзанов у Кисловодска; 23 — Ставрополь, р. Ташла (по Т. М. Минаевой); 24 — Пятигорск; 25 — с. Михайловна; 26 — г. Горячеводск; 27 — Ставрополь; 28 — 33 — Кисловодск (коллекция Е. Д. Фелицына); 34 — 42, 47, 48 — Кисловодск (коллекция Филиппова); 43 — ст. Расшеватская; 44 — 46 — ст. Минутка у Кисловодска; 49 — г. Горячеводск; 50 — Ставрополь, р. Майка, Немецкий Хутор; 52 — Новый Пятигорск (музей Пятигорска, № 571); 53 — Ставрополь, р. Ташла; 54 — Пятигорск

III этап. 55 — Карачай (ГИМ, № 54746); 56 — Ставрополье (Тбилиси, Гос. музей Грузии, № $\frac{17-02}{86/3356}$); 57 — Кисловодск (коллекция Филиппова, музей Пятигорска, № 744); 58 — Ставрополье; 59 — ст. Минутка у Кисловодска (музей Пятигорска № 2416); 60 — Ставрополь, р. Ташла; 61 — Кисловодск, р. Подкумок; 62 — Кисловодск; 63 — колония Константиновская у Пятигорска («Денежкин курган»)

ми (см. рис. 8, 10—12, 14) и бусиной из зуба ископаемой рыбы (см. рис. 8, 13) в погребении кургана 3 колонии Константиновской под г. Пятигорском³⁴.

В 1913—1914 гг. в районе г. Кисловодска большие раскопки проводил Филиппов³⁵. К сожалению, его дневники утрачены, а вещевой материал, добытый им, смешан. Среди предметов имеются выпрямленные булавки довольно раннего типа, напоминающие булавки из Ульского аула. Однако отнести весь добытый им материал к раннему этапу нельзя: большую часть комплекса составляют предметы вполне развитого типа.

Как видно из приведенного материала, к первому этапу может быть отнесено незначительное число погребений из Пятигорья. Инвентарь их очень скуден. Памятники сохраняют только некоторые элементы старых погребальных традиций: большое количество камня в насыпи, скорченное положение костяков, наличие дерева в конструкции могил, но здесь же имеются и черты, характерные для последующего времени: восточная ориентировка, могильные сооружения в виде склепов, малое количество краски, вытянутое положение костяков. Отличительной особенностью курганных погребений Пятигорья всех этапов надо считать кучи камней, лежащие над могильными сооружениями.

Инвентарь указанных погребений очень беден. Чтобы составить представление о вещевом комплексе первого этапа бронзы в Пятигорье ей необходимо привлечь случайные находки. Древнейшим предметом нам представляется булава из черного полированного диорита с едва намечающимися выступами (рис. 9, 1), найденная у хут. Водопадного (район Пятигорска)³⁶. Булава близкого типа известна из позднего погребения Мариупольского неолитического могильника. Причем Н. Макаренко по поводу своей находки замечает, что булава подобной формы в Евразии не известно за исключением находки Моргана в древних Сузах³⁷.

Известна также белая серия каменных топоров, не находящих себе аналогий в средне-русских памятниках (см. рис. 9, 2—9). Найдены они в районе г. Пятигорска³⁸, селениях Золотаревки³⁹, Дивном⁴⁰, Султановском⁴¹, г. Кисловодске («Красные камни») и в г. Ессентуки⁴³. Топорики из последних четырех пунктов близки по форме топорам кабардино-пятигорского типа (см. рис. 9, 5, 7—9).

Из Пятигорья происходит пест, изготовленный из андезита (см. рис. 9, 6). Он напоминает песты из Прикубанья.

К первому этапу развития северокавказской культуры надо отнести и известный клад из с. Привольное⁴⁴. Клад состоял из вислообушного топора, пяти тесловидных топоров («стамесок»), четырех желобчатых долот и двух листовидных пожей (см. рис. 9, 10—13). Этот клад неоднократно публиковался⁴⁵. А. А. Иессен датирует его периодом около 1700 г. до н. э.⁴⁶

Кроме клада, в степной полосе в с. Лепицком была найдена костяная молоточковидная булава (см. рис. 9, 15)⁴⁷, а у с. Благодарного обнаружены вместе костяная и бронзовая молоточковидные булавы (рис. 10, 3, 4)⁴⁸.

³⁸ Музей Пятигорска, № 789; музей Ставрополя, без номера.

³⁹ Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИИМК, XVI. 1947, стр. 134, 135, рис. 45; хранится в музее г. Ставрополя, № 3563.

⁴⁰ П. С. Уварова. Museum Caucasicum, т. V. Тифлис, 1902, стр. 134, № 2958; архив ЛОИА, д. АК, № 6 за 1886 г., л. 71, рис. на л. 78; хранится в Государственном музее Грузии (Тбилиси), № 16-02/5-2958. В с. Дивном в 1886 г. крестьянином П. Бабыниным был вскрыт курган с двумя погребениями с различного инвентарем. В раннем погребении были найдены указанный топорик и бронзовое тесло (архив ЛОИА, д. АК № 6 за 1886 г., л. 71).

⁴¹ Музей Ставрополя, № 3564.

⁴² Музей Пятигорска, № 670 (находка 1934 г.).

⁴³ Музей Пятигорска, № 669 (находка 1940 г.).

⁴⁴ Архив ЛОИА, д. АК № 93 за 1894 г., л. 7 (отношение ставропольского губернатора от 30 мая 1894 г. за № 1332).

⁴⁵ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947 г., стр. 23; его же. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 96, 97, рис. 5, 1—5.

⁴⁶ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов»; схему хронологических соотношений в исправленном виде см. в СА, XIII.

⁴⁷ Музей Ставрополя, без номера.

⁴⁸ Музей Ставрополя, № 239.

³⁴ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 36; А. М. Tallgren. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. ESA, VI. Helsinki, 1931, S. 135, Abb. 24.

³⁵ Коллекции хранятся в музее Пятигорска, № 744, часть инвентаря опубликована в виде таблицы (см. В. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, табл. XIV).

³⁶ Музей Пятигорска, № 672.

³⁷ М. Макаренко. Мариупольский могильник. Київ. 1933, стр. 31, табл. XIV.

Необходимо отметить также орнаментированный вдавленными сосуд, найденный у ст. Мпшутка в районе г. Кисловодска (см. рис. 9, 1А)⁴⁹.

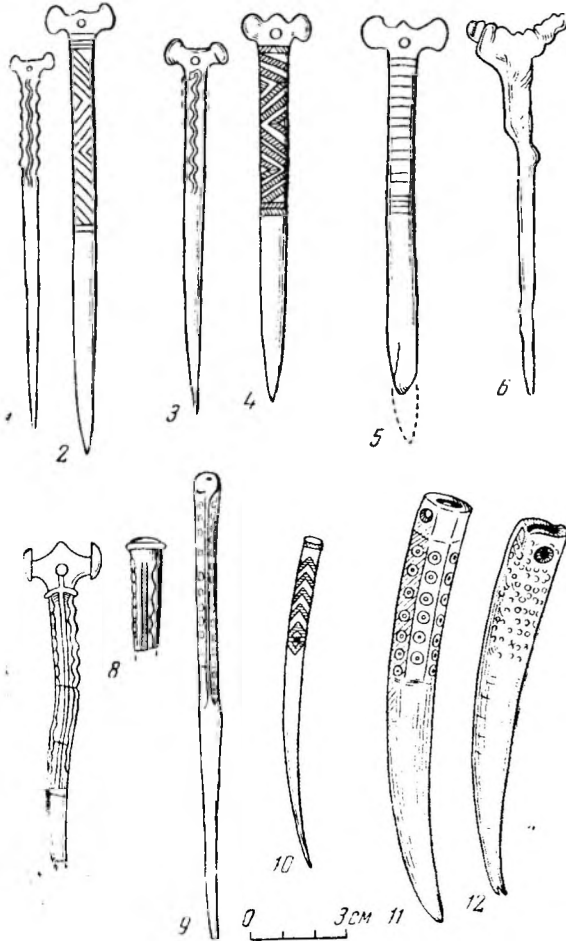

Рис. 10. Северный Кавказ. Булавки и кочедыки
Булавки: 1, 2 — с. Летническое; 3, 4 — с. Благодарное; 5, 6 — с. Ремонтное; 7—9 — Кисловодск (коллекция Филиппова, музей Пятигорска, № 744); 10 — Прикубанье, пос. Праздничный.
Кочедыки: 11 — р. Челбес (Прикубанье, музей Краснодар, № 3613/79); 12 — сел. Верхний Кобан

* * *

В центральной части Северного Кавказа наиболее ранним памятником северокавказской культуры, характеризующим не только начальную пору первого этапа, но и связь ее с предшествующей майкопской культурой,

⁴⁹ Музей Пятигорска, № 558 (находка 1940 г.).

является курган у с. Соломенка под Нальчиком⁵⁰.

Под невысокой насыпью кургана, обложенной камнем, были обнаружены три могилы четырехугольной формы со скорченными костяками, лежавшими на правом боку головами на запад (рис. 11, 2).

Для сосудов Соломенского кургана характерна светлая (красноватая) окраска, очень небольшие днища. Орнамент на них не совсем обычен для керамики северокавказской культуры (врезанный шахматный узор, косые параллельные черточки), и лишь только узор в виде свисающих треугольников напоминает орнаментику на сосудах изучаемой культуры.

Металлический инвентарь погребений состоял из выпуклой круглой бляхи и подвески, орнаментированных «веровочкой», бронзового листовидного ножа, золотого колечка и булавки (рис. 11, 4—10). Вещи эти характерны для культуры эпохи бронзы в период ее расцвета.

Изогнутая булавка с перевитым стержнем по форме отдаленно напоминает булавки из ст. Новосвободной и Ульского кургана. Костяная поделка в виде крючка (рис. 11, 11), найденная в Соломенском кургане, по орнаменту близка ранним костяным булавкам из степных районов Прикубанья и Ставрополя.

А. П. Круглов и Г. А. Подгаецкий вполне справедливо сопоставляли керамику из Соломенки с сосудами майкопской культуры, а бронзу — с предметами «среднекубанской группы» (северокавказской культуры эпохи расцвета)⁵¹.

Таким образом, материал из Соломенского кургана знаменует собой переходный этап от майкопской культуры к северокавказской.

В инвентаре Соломенского кургана сочетаются ранние типы керамики с вещами периода развитого бронзового века. В этом сочетании переходных форм инвентаря и заключается историческая ценность Соломенского кургана. Таким же древним является и скорченное погребение кургана 1 у сел. Старый Урух, сопровождавшееся сосудом, близким керамике из Соломенского кур-

⁵⁰ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, стр. 193—196.

⁵¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 193.

гана и Долинского поселения⁵². Действительно, глиняные сосуды из верхнего слоя Долинского поселения по технике изготовления и формам близки керамике памятников северокавказской культуры. Этим подтверждается, что «... и Долинское поселение

Довольно ранними памятниками северокавказской культуры являются также захоронение в кургане у Долинского поселения⁵⁴, ряд впускных погребений (1, 21, 41 и, вероятно, 97) неолитического могильника близ Нальчика (рис. 12, 1—5)⁵⁵, каменный

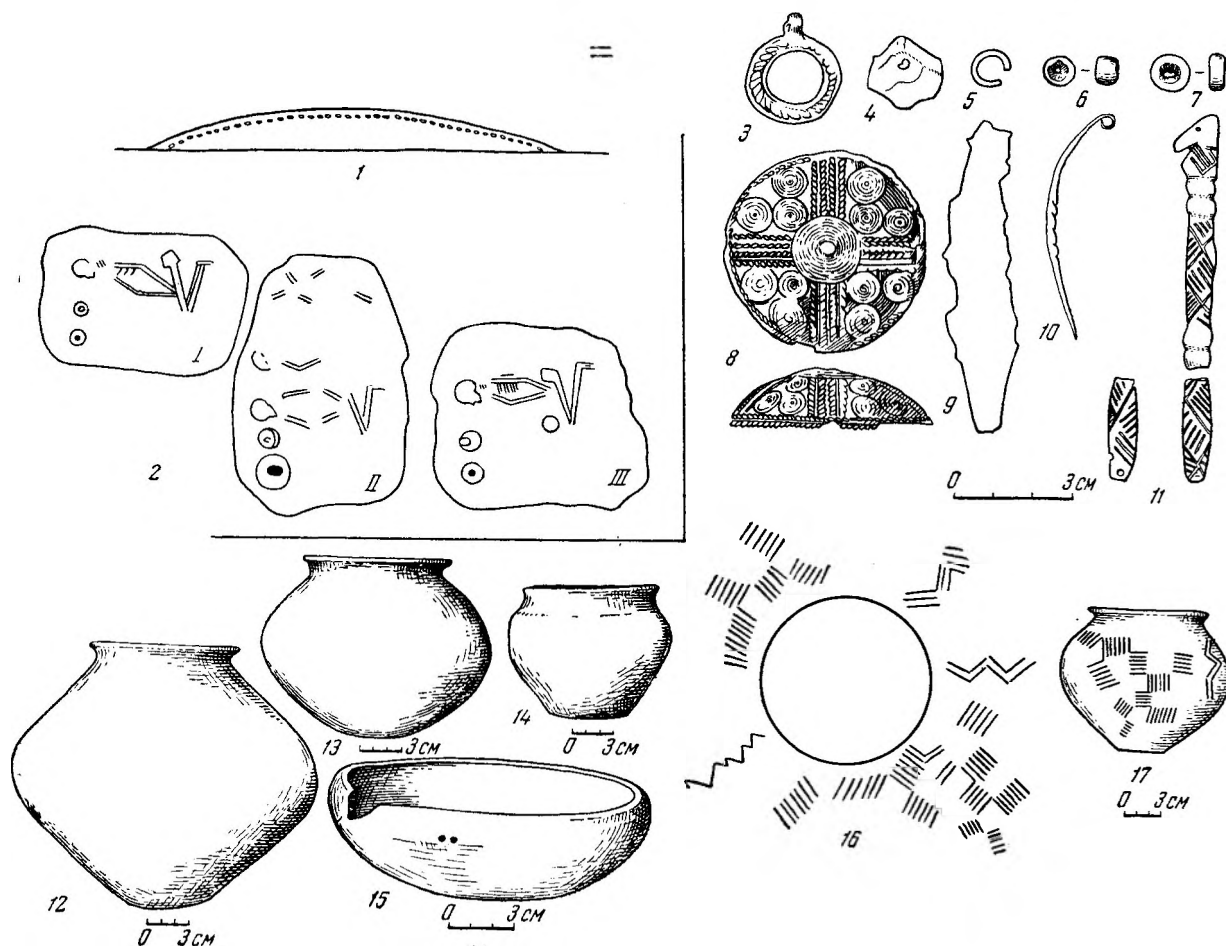

Рис. 11. Курган у сел. Соломенка

1 — профиль насыпи кургана; 2 — погребения; 3 — бронзовая подвеска; 4 — просверленный кусок воска; 5 — золотое кольцо; 6, 7 — сердоликовые бусины; 8 — бронзовая плита; 9 — бронзовый нож; 10 — бронзовая булава; 11 — костяной крючок; 12—15 — сосуды; 16, 17 — сосуд из могилы 3 и орнамент на нем (по А. П. Круглову и Г. В. Подгаецкому)

представляет собой этап жизни общества, непосредственно смыкающийся со временем захоронения в курганах среднекубанской группы»⁵³.

ящик 1, вскрытый Е. И. Крупновым у сел. Верхний Кубан, могильник Загли Бар-

⁵² Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик, 1949, стр. 230.

⁵³ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 196.

⁵⁴ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 166—169, рис. 18—21.

⁵⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 70, 75, 81, рис. 3, 4, 16, 17, 30, 32, табл. IV.

зонд (см. рис. 12, 6—10)⁵⁶, ряд погребений (1, 4, 6, 10) кургана 1 у сел. Верхний Акбаш (см. рис. 12, 11, 12)⁵⁷ и погребения в каменных ящиках кургана 1 у сел. Заюково⁵⁸.

Эти погребения, несмотря на разницу в конструкциях могил (ямы и каменные ящики) могут быть объединены по ряду признаков: во-первых, скорченное положение костяков и, во-вторых, преобладание южной ориентировки. На основе этих черт исследователи и датировали указанные захоронения Нальчикского могильника⁵⁹ и погребения у сел. Заюково⁶⁰ ранней порой эпохи бронзы. Признаком архаичности представляются также камни в насыпи и могиле Долинского кургана⁶¹. Датировка памятников уточняется инвентарем. Так, бусины «рубленого» типа из погребения 41 (Нальчик), судя по бижоническому широкому сверлению (см. рис. 12, 5), принадлежат довольно раннему времени — началу II тысячелетия до н. э.⁶² (подобные бусины были найдены и в могилах Соломенского кургана)⁶³.

Весьма ранний инвентарь был найден и в верхне-кобанском ящике 1: медные бусины с несомкнутыми концами, бронзовый нож, кремневая стрела со слабовеямчатом основании и сосуд, украшенный налепными дугообразными валиками (см. рис. 12, 7—10). Подобный тип орнамента, как замечает Е. И. Крупнов, известен в энеолитической керамике Бешташени, Элара и Ахыллара, что позволяет говорить о раннем возрасте всего памятника⁶⁴. С этим погребением могут быть сближены и основные по-

⁵⁶ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Тр. ГИМ, вып. VIII. М., 1938, стр. 41—43, рис. 1, 2.

⁵⁷ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 198, 199.

⁵⁸ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 224; архив ЛОИА, д. ГАИМК № 213 за 1934 г., отчет А. А. Иессена, л. 42.

⁵⁹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 99, 104.

⁶⁰ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 224.

⁶¹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 225—227.

⁶² Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII. 1947, стр. 24, 25.

⁶³ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 195, 196, рис. 33, 4, 5.

⁶⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. 1951, стр. 32.

гребения в кургане 1 у сел. Верхний Акбаш⁶⁵.

К более поздней поре первого этапа можно отнести еще несколько погребений с восточной и западной ориентировкой. В их инвентарь входит керамика со шнуровым орнаментом, а также сосуды более позднего облика. Таковы разрушенные центральные погребения курганов 2 и 4 Кабардинского парка Нальчика⁶⁶, инвентарь каменного ящика 2 могильника Загли Барзонд близ сел. Верхний Кобан⁶⁷ и погребение 2 в кургане с каменной насыпью у с. Каменно-мостского⁶⁸.

В погребении кургана 2 Кабардинского парка, вместе с черепками, близкими по тесту майкопской керамике, был найден фрагмент с веревочным орнаментом, а в каменном ящике 2 могильника Загли Барзонд оказался сосуд — отдаленный прототип кобанских баночных сосудов⁶⁹.

Раскопки кургана 10 под Моздоком обнаружили ряд погребений (4, 10, 11, 13) с сильно скорченными костяками и ориентировкой на Ю, ЮЗ, С и СЗ. В погребении 10 был найден сосуд с веревочным орнаментом⁷⁰. К сожалению, сосуд этот не сохранился, поэтому датировать все эти погребения ранним периодом можно только условно.

Подводя итоги обзору памятников интересующего нас времени, мы видим, что все они объединяются общностью погребального ритуала: скорченное положение костяков и преобладание южной ориентировки с отклонениями к западу и востоку. В горных районах погребальными сооружениями служат каменные ящики, а в предгорьях (Нальчик, Моздок) — ямы.

⁶⁵ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 198—210. В погребении 6 этого кургана был найден сосудик (рис. 12, 12), близкий сосудам из станиц Усть-Лабинской, Каневской и сел. Ходжалы (Азербайджан), но более раннего типа.

⁶⁶ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 225—227.

⁶⁷ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии, стр. 43—46, рис. 3.

⁶⁸ Архив ИА, д. № 981 за 1954 г., отчет П. Г. Акритаса, стр. 24. Приношу благодарность О. В. Милорадович, более полно ознакомившей меня с этим памятником.

⁶⁹ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 69, 70.

⁷⁰ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 249; архив ЛОИА, д. № 263 (ф. 2) за 1936 г. (отчет Б. Б. Пиотровского), л. 9.

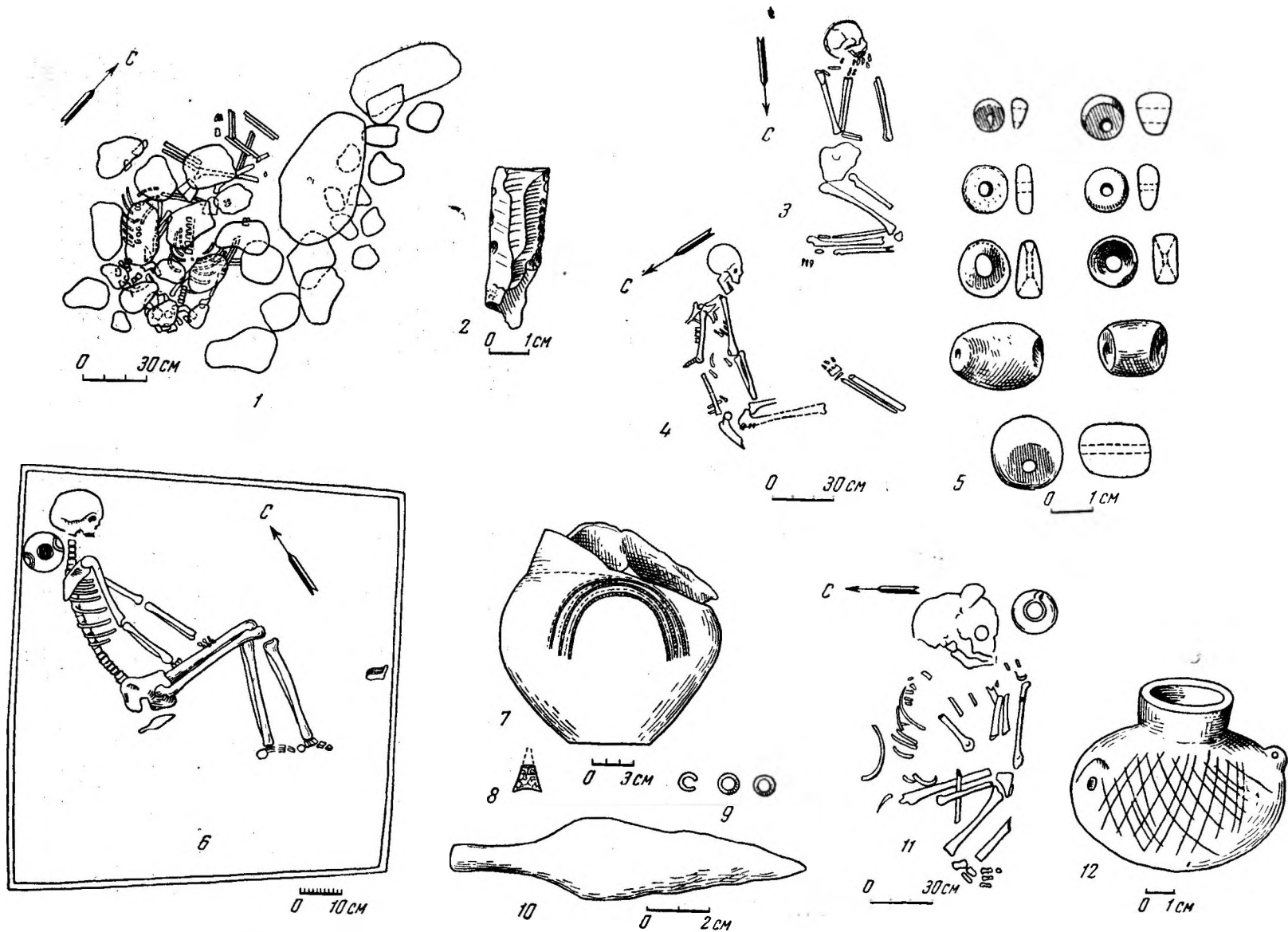

Рис. 12. Центральный Кавказ. Памятники эпохи бронзы

1 — погребение 1 с территории неолитического могильника в Нальчике; 2 — кремневая пластина из данного погребения; 3, 4 — погребения 21 и 41 того же могильника; 5 — бусины из мрамора, амезвика и гагата из погребения 41; 6 — погребение в каменном ящике могильника Загли Барзонд близ сел. Верхний Кобан; 7—10 — сосуд, кремневый наконечник стрелы, бронзовые проволочные бусы и нож из данного погребения; 11 — погребение 10 кургана у сел. Верхний Акбаш; 12 — сосудик из погребения

Довольно скудный инвентарь погребений этой поры дополняется случайно найденными предметами.

Случайные находки из Северной Осетии весьма полно интерпретированы и изданы Е. И. Крупновым⁷¹. Им выделена керамика раннего времени с S-видным орнаментом, узором из вдавлений треугольного штампа (рис. 13, 17—19), найденная на территории могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта. Профилировка фрагментов типична для керамики северокавказской культуры. S-видный и спиральный орнамент указывает на ранние связи с Закавказьем, где подобный узор встречается как на металлических сосудах, так и на керамике в течение почти всей эпохи бронзы⁷². В памятниках северокавказской культуры спираль — излюбленный мотив на бронзовых изделиях. Манера нанесения орнамента оттиском треугольного штампа на Северном Кавказе появляется довольно рано и в даль-

нейшем перенимается племенами Причерноморских степей⁷³.

Интересен сосудик с отпечатком плетенки на дне, происходящий из могильника Фаскау у сел. Галиат (см. рис. 13, 21)⁷⁴.

К первой половине II тысячелетия до н. э. Е. И. Крупнов по аналогии с закавказским материалом относит ряд бронзовых трубчатообушных и вислообушных топоров из селений Галиат, Корца и наконечник дротика из сел. Тулатово (см. рис. 13, 5—7)⁷⁵.

Только к концу первого этапа могут быть отнесены отмеченные Е. И. Крупновым височные кольца и подвески из селений Корца и Галиат, орнаментированные спиральной и «шнуром»⁷⁶ и широко бытующие около середины II тысячелетия до н. э.

Материалы, опубликованные Е. И. Крупновым, за последнее время пополнились новыми находками. Из сел. Ардон (Северная Осетия), где было снесено несколько курганов, происходит фрагмент сосуда энеоли-

⁷¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 36, и сл.

⁷² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 36, 37, рис. 6, 3, 4; Б. А. Куфтиян. Археологические раскопки в Триалеги, I, стр. 93, 109.

⁷³ Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа». СА, 1957, № 1, стр. 177.

⁷⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 31—40.

⁷⁵ Там же, стр. 38—40, рис. 7, 5—8.

⁷⁶ Там же, стр. 69, рис. 7, 1—4.

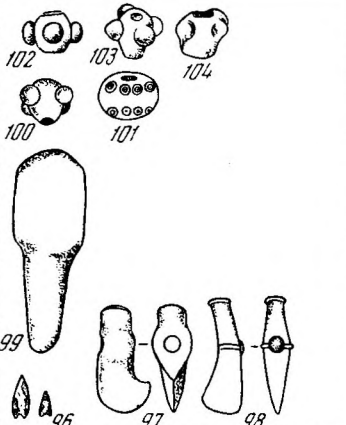
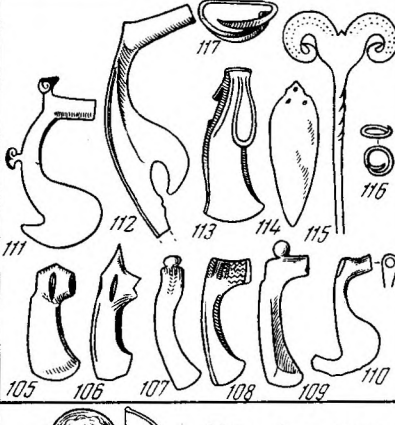
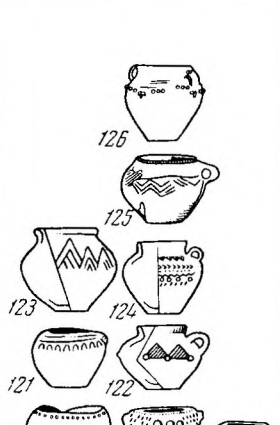

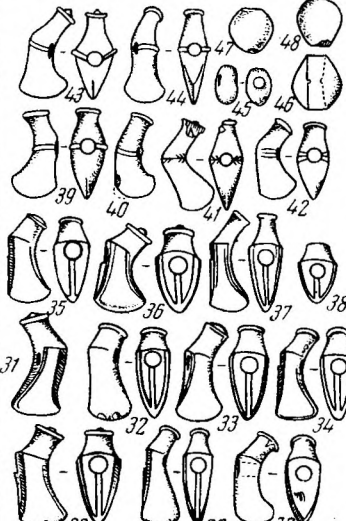
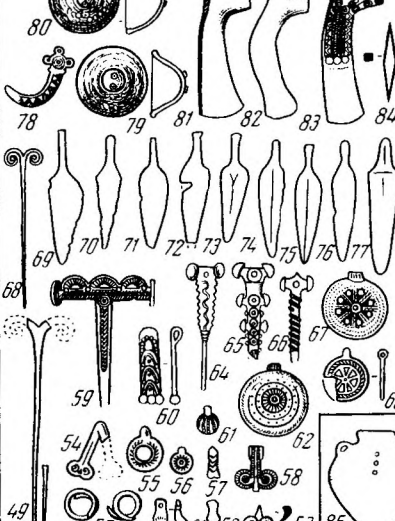
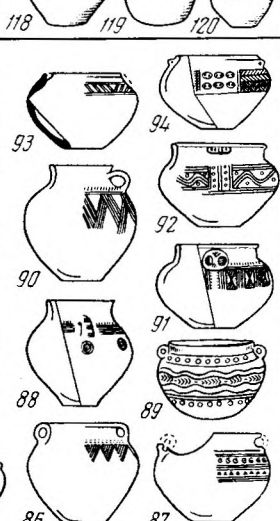

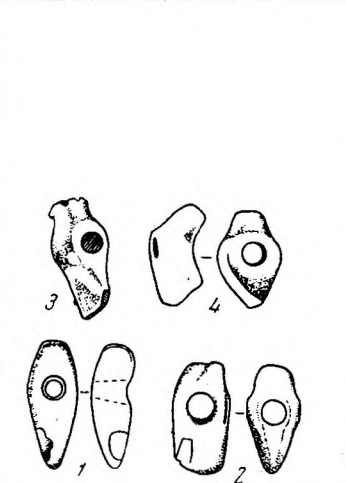
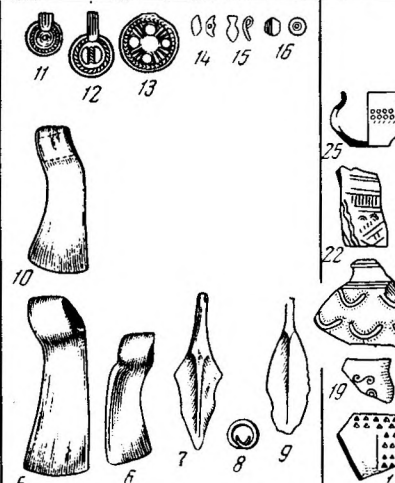

Рис. 13. Отдельные находки предметов эпохи бронзы с территории Центрального Кавказа

I этап. 1 — сел. Куба; 2 — сел. Чегем; 3 — сел. Верхний Баксан; 4 — сел. Верхний Чегем; 5 — Северная Осетия; 6, 13 — сел. Корца; 7 — курган у сел. Тулатово; 8, 11, 12, 21 — могильник Фаскау, сел. Галиат; 9 — сел. Эльхотово; 10 — находка у р. Малки или р. Баксана; 14—16 — подвески и бусы из сел. Эльхотово (раскопки Мурье); 17—19 — могильник Верхняя Рутха, сел. Кумбулта; 20 — сел. Ардон; 22 — Кабарда (раскопки Мурье); 23 — пос. Майский; 24 — Кабарда; 25 — Нальчик; 26, 27 — г. Прохладный

II этап. 28 — сел. Лескен; 29, 63 — сел. Кызбурун III; 30, 87 — сел. Долинское; 31 — сел. Чегем (Чижок); 32 — сел. Ново-Полтавское; 33, 34, 39, 40, 55—57, 72, 92 — Нальчик; 35 — сел. Лошкуть; 36, 66, 78—80, 90, 94 — сел. Ардон; 37, 62 — сел. Дигора; 38 — сел. Кобан (по П. С. Уваровой); 41, 74 — сел. Атажукино; 42 — г. Орджоникидзе; 43 — сел. Дигора (по Л. П. Семенову); 44, 93 — сел. Закоково; 45, 61 — сел. Верхний Баксан; 46 — могильник Фаскау, сел. Галиат; 47 — сел. Нижний Чегем (Чижок); 48 — сел. Донифарс (по П. С. Уваровой); 49—54 — Осетинская слободка под г. Орджоникидзе (по Б. Е. Дегену); 53 — сел. Верхний Баксан; 59 — сел. Донифарс; 60 — сел. Чегем I; 64—71 — сел. Ново-Ивановка; 65 — сел. Чегем II; 67 — с. Светловодское; 68 — б. Нальчинский округ (по И. А. Владимирову); 69 — сел. Кумбулта; 70 — могильник Загли Барзонд, сел. Верхний Кобан; 73 — Нальчик, местность «Песчанка»; 75 — между Нальчиком и сел. Затисье; 76, 77 — г. Нальчик (городская больница, находка 1955 г.); 81 — могильник Фаскау, сел. Галиат; 82 — сел. Кумбулта (по П. С. Уваровой); 83 — Большая Кабарда (ОАК за 1893 г.); 84 — Кабарда; 85 — г. Орджоникидзе, р. Дур-Дур (по Б. Е. Дегену); 86 — Нальчик, сел. Затисье; 88 — пос. Майский; 89 — сел.

Мостиздах (по Е. И. Крупнову); 91 — г. Прохладный; 95 — сел. Эльхотово (Тбилиси, Гос. музей Грузии) № 17-02/573314

III этап. 96 — могильник Верхняя Рутха, сел. Кумбулта (по Е. И. Крупнову); 97 — сел. Закоково (музей Нальчика); 98 — с. Шалунинское (музей Нальчика, № 1449); 99, 100, 105 — могильник Фаскау, сел. Галиат (по Е. И. Крупнову); 101 — сел. Камунта (ГИМ, № 35179); 102 — Осетия (музей Орджоникидзе, № 3688); 103 — сел. Чегем (по В. И. Миллеру); 104, 127 — могильник Беахни-Куп, сел. Чми (ГИМ, № 25276, 25277); 106 — сел. Кумбулта (ГИМ, пл. 65/106); 107, 109, 118—121 — сел. Кумбулта (по П. С. Уваровой); 108 — сел. Чми ГИМ, № 55738); 110—112 — могильник Фаскау, сел. Галиат (ГИМ, № 21630—22183); 113 — сел. Лескен (музей г. Орджоникидзе, по Е. И. Крупнову); 114 — могильник Беахни-Куп, сел. Чми (по Е. И. Крупнову); 115 — сел. Кобан (Эрмитаж, № 1731-67); 116 — могильник Беахни-Куп, сел. Чми; 117 — сел. Донифарс (по Е. И. Крупнову); 122, 124 — местность Сапата близ сел. Верхний Кобан; 123 — г. Нальчик (музей Нальчика, № 1959); 125 — Моздок; 126 — Кабарда (музей Нальчика)

Этапы	Камень	Металл	Керамика	Кость
III				
II				
I				<p data-bbox="1208 1487 1383 1564">Для №1-19, 22, 28-58, 78-80, 95-104, 127 ————— 6 см</p> <p data-bbox="1208 1584 1383 1661">Для №20, 21, 23-27, 69-77, 81-95, 102-126 ————— 6 см</p>

тического облика, с ручкой и узором в виде полудуний (см. рис. 13, 20)⁷⁷. Известны два фрагмента с таким же орнаментом из Кабарды (см. рис. 13, 22), а также сосуд с двумя ручками, украшенный полосой «елочного» узора (см. рис. 13, 24). В с. Майском найдено два сосуда с довольно архаическим орнаментом (см. рис. 13, 23).

Два сосуда раннего облика происходят из Нальчика. Один из них напоминает уже упомянутый сосудик из сел. Галиат, другой близок по структуре майкопской керамике и покрыт узором из оттисков круглого штампа и черточек (см. рис. 13, 25). Наконец, в г. Прохладном обнаружены трехручный сосуд (см. рис. 13, 26) и сосуд без ручек, покрытый повторяющимся узором «елочного» типа (см. рис. 13, 27)⁷⁸.

Бронзовых изделий среди случайных находок не так много. Среди них имеется листовидный наконечник дротика со стержнем прямоугольного сечения (см. рис. 13, 9), найденный в сел. Эльхотово вместе с подвесками, украшенными шнуровым узором⁷⁹. Наконечник близок переднеазиатским образцам (Тепе-Гиссар II и III, Иран)⁸⁰. Из бассейна р. Малки или р. Баксана происходит бронзовый топор со слегка свисающим обухом (см. рис. 13, 10), аналогичный топору из Северной Осетии⁸¹. К первому этапу, пожалуй, можно отнести также несколько каменных топоров из селений Куба, Верхний Баксан, Чегем (см. рис. 13, 1—4)⁸². Все они несколько разнятся друг от друга, но очень примитивны, слабо изогнуты и являются далекими прототипами кабардино-пятигорских топориков. Лишь один из них, опубликованный А. А. Иессеном, найденный вместе с медной булавкой без навершия в сел. Верхний Чегем, уже довольно близок топору указанного типа⁸³.

⁷⁷ Музей г. Орджоникидзе, № 3872, находка 1955 г.

⁷⁸ Указанные сосуды хранятся: ГЭ, № 2190 (3, 11); музей Нальчика, № 1153, 1171, 2240 и остальные без номера.

⁷⁹ ГЭ, № 2137/1—2, коллекции Мурье.

⁸⁰ Б. А. К у ф т и н. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестник Государственного музея Грузии, XII-V. Тбилиси, 1944, стр. 299, рис. 3, 1.

⁸¹ Музей Нальчика, витрина IV, пл. 2; аналогия см. Е. И. К р у п н о в. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 39, стр. 7, 8.

⁸² Музей Нальчика, № 1201, витрина II; ГИМ, № 38370.

⁸³ А. А. И е с с е н. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, табл. I, 6.

Таков материал раннего этапа с территории Центрального Кавказа.

* * *

Северо-восточный Кавказ археологически изучен довольно слабо, что очень затрудняет деление памятников данной территории на этапы. Однако такую попытку сделать необходимо. Следует оговориться, что под северо-восточным Кавказом мы понимаем современную территорию Чечено-Ингушетии и Северный (включая и степной) Дагестан с низовьями р. Сулак.

К очень раннему периоду относятся отдельные находки, обнаруженные в ногайских песках. Здесь и на Черных землях Ставрополья⁸⁴, среди выдувов в большом количестве встречаются обломки керамики и кремневые наконечники стрел с боковой выемкой и слегка опущенным концом, а также стрелы треугольной формы, т. е. предметы, оставленные племенами двух культур: северокавказской и катакомбной. Эти находки ярко свидетельствуют о связях двух синхронных культур с древнейших времен⁸⁵.

Наиболее ранним погребальным памятником является подкурганное захоронение в дольменообразном ящике у сел. Закан-Юрт. В ящике был обнаружен скорченный, обращенный головой на юго-запад костяк, возле которого лежал медный топор (рис. 14, 1), близкий новосвободненским теслам. Снаружи ящик был отмечен менгириобразным камнем⁸⁶. Тесловидный топорик, подобный найденному в погребении, известен из сел. Ведено в Горной Чечне⁸⁷. Наконец, нужно упомянуть об обнаруженных в 1957 г. в Андреевской Долине на окраине г. Грозного в разрушенном кургане бронзовом шиле, довольно узком тесловидном топоре, проушном топорике с изогнутым и слегка свисающим обухом и

⁸⁴ Т. М. М и н а е в а. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, 59, 1955, стр. 46—53.

⁸⁵ Е. И. К р у п н о в. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, XX, 1948, стр. 71 и сл.; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 95—97, рис. 26, 3—II; его же. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 103.

⁸⁶ ИАК, вып. 14 (прибавление). СПб., 1905, стр. 40, 41 (указана ориентация на ЮЗ); ОАК за 1904 г., стр. 132, 133; ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 60.

⁸⁷ ГЭ, № 1363-92.

листовидном ноже (рис. 15, 6—9)⁸⁸. Все эти предметы могут быть отнесены к раннему этапу северокавказской культуры. Аналогии им можно видеть среди предметов, составляющих типологическую шкалу, опубликованную А. А. Иессеном⁸⁹. Из Сигитмиинского поселения эпохи бронзы (Дагестан) известен обломок наконечника копья переднеазиатского типа⁹⁰, аналогичного наконечнику из ст. Новосвободной⁹¹, а неподалеку от поселения в кургане 1 шестой группы курганов у с. Миатлы, в каменном склепе (погребение 1) около скорченного костяка были найдены проушной топорик, напоминающий топор из Андреевской Долины, листовидный нож ромбической формы, различные бусины, среди которых имеются бусины «рубленого» типа. Это погребение В. И. Канивец отнес к памятникам первой половины II тысячелетия до н. э. (по В. И. Канивцу — время «миатлинского» этапа)⁹². С такой датировкой можно согласиться. К этому же времени мы склонны отнести также погребения 2 и 3 того же кургана (в ямах, перекрытых деревом; костяки ориентированы на юг). Инвентарь состоит из архаичных по форме браслетов, отдельных бусин из пасты и раковин, пронизок в виде трубочек и двуволютных подвесок — «якорьков». Близка данным погребениям и могила 1 кургана 1 из третьей курганной группы, а погребение 3 кургана 2 из той же группы имеет даже черты, близкие майкопской культуре: дно могилы выложено галькой; близка майкопским и форма сосудов⁹³.

На основании всего этого материала нельзя с уверенностью датировать перечисленные памятники очень ранним временем, так как

⁸⁸ Музей г. Грозного.

⁸⁹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», табл., ряд III, 1, 3, 6.

⁹⁰ Sarchemish (Report on the excavations at Jerabbes on Behalf of the British Museum). Part III. London, 1952, tabl. 61, b. c.

⁹¹ В. И. Канивец. Сигитмиинское поселение ранней бронзы. Доклад, прочитанный 29 марта 1957 г. на кавказской секции пленума ИА АН СССР.

⁹² В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД, I Махачкала, 1959, стр. 77—81, табл. III, 1, 2, 5—10; В. И. Канивец. Миатлы — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД, I, стр. 37, 49, 56, 57.

⁹³ В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД, I, стр. 81—84; И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. МАД, I, стр. 89—92, 98, рис. 1а, 2, 6, табл. I; В. И. Канивец. Миатлы — новый памятник..., стр. 37.

инвентарь из бронзы мог бытовать долго. Но с большой долей вероятности можно предположить, что современная территория Чечено-Ингушетии и всего северо-восточного Дагестана была заселена племенами северокавказской культуры еще в глубокой древности

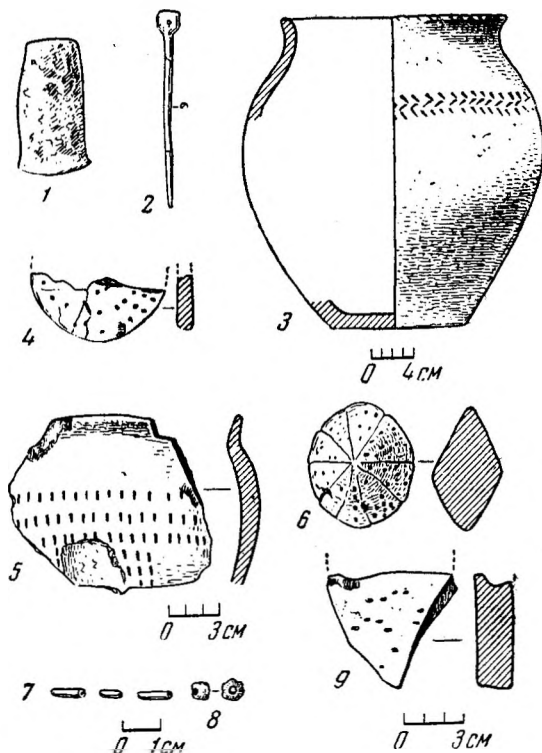

Рис. 14. Памятники эпохи бронзы северо-восточного Кавказа

1 — бронзовый теловидный топор, г. Хасав-Юрт; 2, 4 — костяная булава, глиняные поделки, фрагмент сосуда, пастовые и бронзовые бусины из кургана у сел. Кяхулай (район г. Махачкала); 3 — сосуд из кургана 5/11 сел. Ачикулак (раскопки Е. И. Крупнова, 1955 г.)

сти — начиная с первой половины II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют и некоторые другие материалы. Так, очень ранним представляется центральное погребение кургана у г. Хасав-Юрт с сильно скорченным и окрашенным костяком, лежащим головой на юг⁹⁴. В кургане 5/11 у сел. Ачикулак найден сосуд с «елочным» орнаментом — предмет, характерный для раннего этапа северокавказской культуры (см. рис. 14, 3). Некоторые погребения этого же кургана (напри-

⁹⁴ ОАК за 1902 г., стр. 99, 100.

мер, 4, 14)⁹⁵, возможно, являются равными погребениями изучаемой культуры, хотя в степных районах трудно ожидать наличия памятников не смешанного характера.

В Дагестане, в кургане у сел. Кяхулай (близ г. Махачкала) под тремя каменными «поясами» были найдены костяная булава с плоской головкой, фрагмент сосуда с погтевыми вдавлениями и три предмета из необожженной глины с очень примитивным узором (см. рис. 14, 2, 4—9)⁹⁶. В другом кургане, расположенном близ сел. Тарки (также у г. Махачкала), был обнаружен огромный каменный ящик с нарушенным костяком и сосудом (рис. 26, 1, 2), который К. Ф. Смирнов справедливо сопоставил с керамикой Долинского поселения, увидев, кроме того, в его орнаментике параллели древнебронзовым памятникам Грузии (Триалети)⁹⁷.

Следует подчеркнуть, что находки из этих курганов, так же как и из курганов у с. Митатлы, находят себе некоторые аналогии и в дагестанском археологическом материале (Кая-Кент)⁹⁸. Говорить о них только как о памятниках северокавказской культуры того вида, который характерен для Кабардино-Пятигорья, Северной Осетии и Прикубанья, нельзя. Здесь прослеживаются лишь отдельные элементы изучаемой культуры (каменные «пояса» в насыпи, форма сосудов, формы бронзовых подвесок, булавы, элементы ритуала).

Перечисленный материал слишком малочислен, очень фрагментарен и в силу этого

⁹⁵ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 167.

⁹⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23. 1951, стр. 226—228, рис. 1, 2—4, 5, 8.

⁹⁷ Там же, стр. 228—230, рис. 2, 2а.

⁹⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки..., стр. 229; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68. 1958, стр. 20 и сл.

спорен. Все это не позволяет делать определенных выводов о территории, занятой племенами северокавказской культуры на раннем этапе их жизни в северо-восточной части Кавказа. Для этого необходимы дальнейшие исследования. Но и сейчас уже проникновение их в Северный Дагестан кажется несомненным.

Мы детально рассмотрели ранние памятники северокавказской культуры. Однако хронологически ограничить ранний этап культуры, характеризуемый этими памятниками, довольно трудно. Учитывая «майкопские» черты в обряде погребения, а также архаичность инвентаря (развилки, тесловидные плоские топоры, кремневые поделки), учитывая, что некоторые из упоминавшихся предметов находят себе близкие аналогии в древнейших комплексах Закавказья⁹⁹ и даже Передней Азии¹⁰⁰, мы датируем этот этап периодом от начала II тысячелетия до н. э. и, приблизительно, до 1700 г. до н. э.

Уже А. В. Шмидт рассматривал погребения типа найденного в кургане ст. Воздвиженской как завершающий этап памятников группы Новосвободной — Майкопа¹⁰¹. А. А. Иессен отнес подобные погребения к «расширенному» кругу памятников майкопского типа¹⁰². Вот почему мы считаем вполне правомерным отнести перечисленные выше комплексы к раннему этапу северокавказской культуры

⁹⁹ М. М. Иващенко. Исследование архаичских памятников материальной культуры в Абхазии. Изв. научно-исследовательского ин-та кавказоведения, вып. 3. Тифлис, 1935, стр. 30, рис. XI; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 101—105.

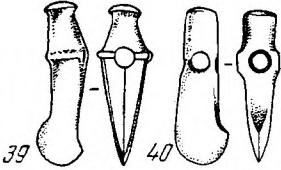
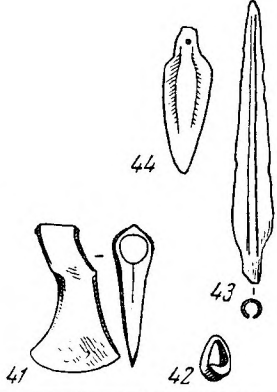
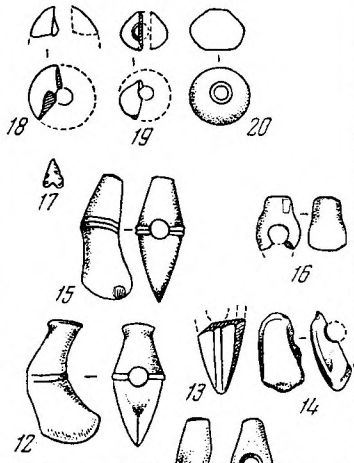
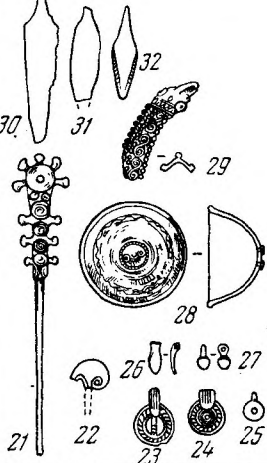
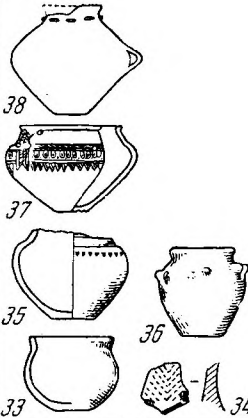

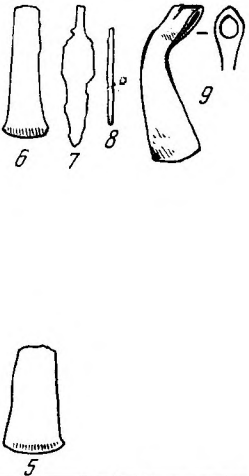
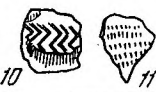
¹⁰⁰ F. Thureau-Dangin et M. Dunand. Tilbarsib. Bibliothèque archéologique et historique, v. XXIII. Paris, 1936, pl. XXVIII, XXX, etc.; Carchemish, tabl. 60; O. Montelius. Die ältern Kulturperioden im Orient und in Europa. Stockholm, 1903—1923. S. 220, 225, Abb. 653—659, 853.

¹⁰¹ А. В. Шмидт. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV. Helsinki, 1929. S. 19.

¹⁰² А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 162.

Рис. 15. Отдельные находки эпохи бронзы с территории северо-восточного Кавказа

I этап. 1 — сел. Тарки близ г. Махачкала (из кургана, 1950 г.); 2 — сел. Махмуд-Мектеб (Принаспийская экспедиция, 1955 г.); 3 — Бажиган; 4 — сел. Кара-тубе; 5 — сел. Ведено (собрание А. А. Бобринского); 6—9 — Андреевская Долина, г. Грозный; 10 — сел. Ачикулак, дача 2, пески; 11 — сел. Ачикулак, дача 1, пески
II этап. 12 — Дагестан; 13, 19 — Бажиган, пески; 14 — сел. Ачикулак, дача 1; 15, 25 — сел. Шали; 16 — сел. Махмуд-Мектеб; 17 — б. Веденский округ; 18, 32 — сел. Ачикулак; 20 — сел. Москеты; 21 — сел. Куреп-Беной; 22 — местность Тарнаир близ г. Махачкала (находка 1951 г.); 23, 24, 31 — Грозненский округ; 26, 27, 30 — сел. Ведено; 28 — сел. Согратль; 29 — г. Хасав-Юрт; 33, 35—37 — г. Грозный; 34 — г. Махачкала (гора Тарки-Тау, склон к курорту Талги 1948 г.); 38 — сел. Гуни (б. Веденский округ)
III этап. 39 — г. Грозный; 40 — сел. Алды; 41 — сел. Закап-Юрт; 42, 43 — сел. Галашки (находка Битиева); 44 — сел. Шарой

Этапы	Камень	Металл	Керамика
III			
II			
I			<p data-bbox="1078 1263 1209 1315">Для №1-3, 42 — 3 см</p> <p data-bbox="1071 1329 1326 1381">Для №4-32, 34, 39-41, 43, 44 — 3 см</p> <p data-bbox="1071 1394 1246 1447">Для №33, 35-38 — 6 см</p>

(более подробно этот вопрос разбирается в главе V).

При датировке первого этапа мы исходили также из следующих соображений:

1. Некоторая часть инвентаря из ранних погребений (развилки, тесла, долота и т. д.) находит себе аналогии в материалах майкопской культуры, особенно ее «новосвободненского этапа», который А. А. Иессен датирует 2100—1700 гг. до н. э.¹⁰³ В настоящее время А. А. Иессен несколько углубляет эту дату¹⁰⁴.

2. Курганы майкопской культуры, как и курганы северокавказской культуры, в насыпях содержат огромное количество камней. В Закавказье (Триалети) курганы с каменными насыпями появляются на грани III и II тысячелетий до н. э. и широко бытуют около середины II тысячелетия до н. э.¹⁰⁵

3. Статуэтки, близкие найденным в Ульском кургане, встречаются в культурах Малой Азии и Греции (Троя, Киклады) в слоях, датируемых III тысячелетием до н. э.¹⁰⁶ На Кавказе этот тип статуэток мог появиться несколько позже.

4. Листовидные ножи (кинжалы) в Передней Азии появляются очень рано и широко распространены в III и начале II тысячелетия до н. э.¹⁰⁷ Тогда же они появляются и в Закавказье¹⁰⁸; несколько позже могли появиться и на Северном Кавказе.

Все эти соображения заставляют нас принять предложенную выше дату первого этапа северокавказской культуры (начало II тысячелетия до н. э. — 1700 г. до н. э.). Первый этап — это время сложения основных черт северокавказской культуры и угасания характерных признаков майкопской культуры.

* * *

Переход от первого этапа ко второму, к эпохе расцвета, происходил постепенно, без

¹⁰³ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 193, 200, табл.

¹⁰⁴ Выступление А. А. Иессена в мае 1959 г. на археологической конференции в Дагестане.

¹⁰⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 81, 102. Насыпи курганов из камня были, вероятно, характерны для всего Кавказа того времени.

¹⁰⁶ W. Dörfeld. Troja und Ilion, B. I. Athen. 1902. S. 379, 381; F. Schachermeyr. Op. cit., S. 39, Taf. XIII.

¹⁰⁷ F. A. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III-e et II-e millénaires). London, 1948, p. 24, 25, pl. XIII; F. Thureau-Dangin et M. Dupand. Til-Barsib, p. 34, pl. XXVIII, XXX.

¹⁰⁸ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 101.

резких скачков. Уже среди указанных погребений, открытых в курганах Прикубанья, Пятигорья и памятниках Центрального Кавказа, спорадически встречались костяки, обращенные черепами на запад или восток (реже на север). К концу намеченного первого этапа западно-восточная ориентация погребенных становится обычным явлением. Меняется и положение погребенных, преобладают вытянутые костяки, уменьшается количество краски на покойниках. Известно несколько скорченных погребений с западно-восточной и даже северной ориентировкой, но уже слабо окрашенных, и, наоборот, в некоторых вытянутых погребениях сохраняется древняя южная ориентировка. Таковы погребения, открытые в ст. Кубанской¹⁰⁹, Хатажукаевском ауле¹¹⁰, станицах Гиагинской¹¹¹, Казанской¹¹², Некрасовской¹¹³, Ульском ауле¹¹⁴, ст. Ново-Джерелиевской¹¹⁵, в Прикубанье, парное погребение кургана 1 у колоны Константиновской, где вместе были положены скорченный и вытянутый костяки с разными ориентировками¹¹⁶. Несомненно, что перемены, происходящие в области материального производства, определенным образом отражались в идеологических представлениях людей, ломали старые традиции. С этим связаны и изменения в погребальном обряде. Первые погребения с вытянутыми костяками появляются очень рано. Таково уже упоминавшееся подкурганное погребение со статуэтками у Ульского аула, где покойник лежал вытянуто, на спине, головой на север с отклонением к востоку¹¹⁷. Относить это погребение ко времени более позднему (второму этапу) нет оснований; инвентарь погребения имеет ранний облик, напоминая вещи «новосвободненской подгруппы». Уже в переходный период (от майкопской культуры к северокавказской) появляются и первые признаки изменений в ориентировке. Так, в погребении 1 кургана 3 у ст. Келермесской сильно окрашенный, скорченный костяк ле-

¹⁰⁹ ОАК за 1902 г., стр. 91; архив ЛОИА, д. АК № 93 за 1902 г., л. 163 (курган 7, погребение 1).

¹¹⁰ ОАК за 1905 г., стр. 72; архив ЛОИА, д. АК № 64 за 1905 г., л. 68 (погребение 1, 3).

¹¹¹ Архив ЛОИА, д. АК № 2 за 1907 г., л. 53.

¹¹² ОАК за 1901 г., стр. 68 (погребение 4).

¹¹³ Архив ЛОИА, д. АК № 52 за 1906 г., л. 160.

¹¹⁴ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 154 (курган 5, погребение 8).

¹¹⁵ ОАК за 1911 г., стр. 45.

¹¹⁶ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 37.

¹¹⁷ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 154.

жал на галечной подстилке, головой на восток¹¹⁸.

Для погребальных памятников второго этапа характерны такие признаки, как западно-восточная ориентация, вытянутое положение покойного в районах Прикубанья и Пятигорья и сохранение скорченного положения погребенных в горных районах, а также уменьшение красящего вещества на костяках (краска обычно покрывает только голову и ступни ног). Инвентарь погребений становится типичным именно для северокавказской культуры: это бронзовые проушные топоры, бронзовые орудия и оружие, литые украшения, покрытые узором, каменные топоры и булавы, орнаментированные сосуды. На территории Прикубанья такие погребения раскопаны в курганах у станций Келермесской¹¹⁹, Ново-Лабинской¹²⁰, Кужорской¹²¹, Костромской¹²², Брюховецкой¹²³, Ново-Джерелиевиной¹²⁴, Роговской¹²⁵, Константиновской¹²⁶, Ульского аула¹²⁷.

Статистический анализ этих погребений (см. приложение) показывает, что покойные, обращенные головами на восток или запад, большей частью находятся в вытянутом положении, на спине, и что у погребенных, лежащих головой на восток, обычно особенно обильно покрыты краской ноги (например, ст. Ново-Джерелиевиной, курган 2, погребение 1 и 3). Западная ориентировка преобладает, в свою очередь, у костяков с окрашенными черепами. Правда, в кургане Хатажукаевского аула костяк погребения 4 был ориентирован головой на запад и имел краску на ногах, но это единственный случай¹²⁸. Единичным является и погребение кургана 3 ст. Костромской, где краска покрывала и

череп и ноги покойного, положенного головой на восток.

Такие различия в ориентировке погребенных и в распределении охры, по-видимому, находятся в зависимости от пола покойного. К сожалению, копавший здесь Н. И. Веселовский не определяет пол погребенных. Судить же об этом только по инвентарю очень трудно. Правда, в погребениях с восточной ориентировкой встречается больше украшений, что обычно служит признаком женских могил. Известны примеры, когда мужчин и женщин хоронили по различному обряду. Так, в неолитическом могильнике Нальчика женские костяки лежали на левом боку, а мужские на правом¹²⁹. В известном Мариупольском могильнике также прослежена различная ориентировка: женщины положены головой на запад, мужчины — головой на восток¹³⁰. Различные положения в зависимости от пола имеют покойные и в погребениях каякентско-хороцовой культуры I тысячелетия до н. э.¹³¹, а также в некоторых памятниках скифского времени Чечено-Ингушетии¹³². Подобные факты наблюдаются и в некоторых других памятниках различных эпох. Это дает нам право поставить вопрос о ритуальных различиях в погребениях мужчин и женщин в памятниках второго этапа. Для предшествующего же времени такие различия не отмечены.

На втором этапе особенно заметно расцветает материальная культура изучаемых племен. Показательно в этом отношении погребение в кургане 8 ст. Андрюковской, в котором у головы покойного были найдены медный кинжал с nerviной, круглый медальон-подвеска, богато орнаментированный узором, имитирующим шнур и спиральку, медные подвески («бусы»), височное кольцо овальной формы, молоточковидная булава, булава с четырьмя парами выступов и сосуд баночной формы (рис. 16)¹³³.

¹²⁹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 106.

¹³⁰ М. Макаренко. Мариупольский могильник, стр. 16.

¹³¹ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. КСИИМК, XIII. 1946, стр. 113; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки..., стр. 246.

¹³² О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV. 1950, стр. 47.

¹³³ ОАК за 1897 г., стр. 22, рис. 79—82.

¹¹⁸ ОАК за 1904 г., стр. 95. Памятники первого этапа и переходного времени нанесены на соответствующую карту (см. рис. 30). На рис. 46 показан наиболее характерный инвентарь.

¹¹⁹ ОАК за 1904 г., стр. 96, 97 (центральные погребения курганов 4, 6, 8).

¹²⁰ Архив ЛОИА, д. АК № 96 за 1899 г. л. 55 (курган 1).

¹²¹ ОАК за 1908 г., стр. 117; архив ЛОИА, д. АК № 64 за 1912 г., л. 68 (погребения в Шатохином кургане).

¹²² ОАК за 1897 г., стр. 17 (курган 3).

¹²³ ОАК за 1911 г., стр. 43.

¹²⁴ ОАК за 1911 г., стр. 45 (курган 1, 2).

¹²⁵ ОАК за 1912 г., стр. 50.

¹²⁶ A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja, S. 10.

¹²⁷ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 152 (три погребения верхнего яруса кургана 5).

¹²⁸ ОАК за 1905 г., стр. 72.

Среди вещей данного погребения интересны две бронзовые булавки (см. рис. 16, 2, 3). Одна из них, простая молоточковидная булавка, по форме еще близка своим костяным прототипам, а вторая имеет несколько выступов, делающих ее уже очень непохожей на костяные булавки.

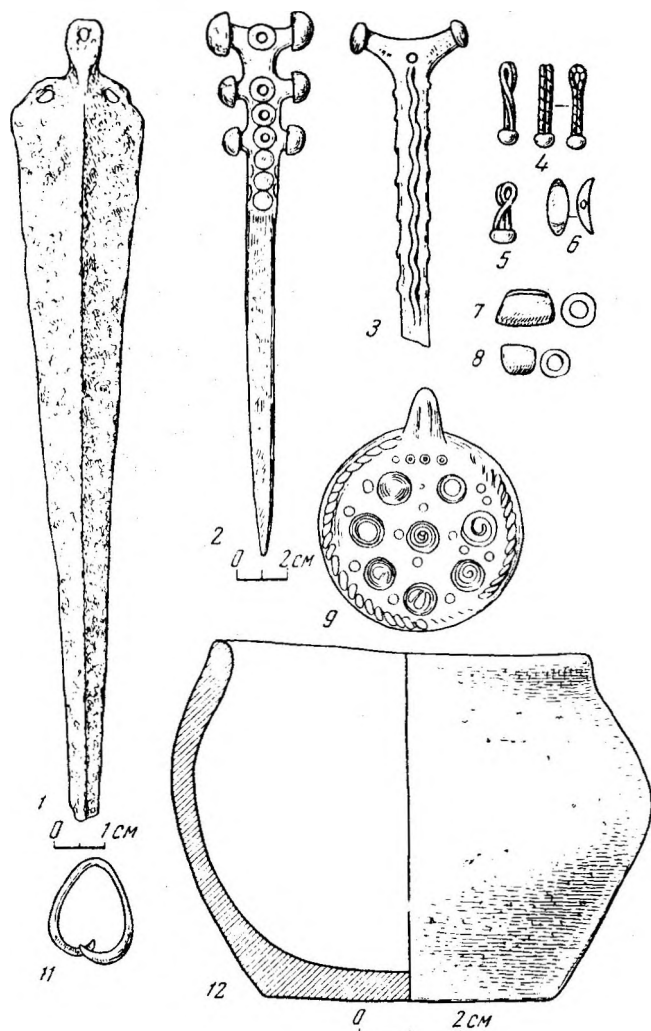

Рис. 16. Предметы из кургана у ст. Андрюковской (раскопки Н. И. Веселовского, 1897)

1—бронзовый кинжал; 2, 3,—бронзовые булавки; 4—11—изделия из бронзы; 12—сосуд

Очень интересный инвентарь был найден в курганах у станицы Константиновской. Здесь вместе с бронзовой молоточковидной булавкой были обнаружены подвески с литым «шнуровым» орнаментом, бусины из зубов ископаемой рыбы, листовидный нож, под-

вески из мелких речных галечек, четырехгранное шило, кремневые наконечники стрел с выемкой в основании (рис. 17)¹³⁴. Шатохин курган у ст. Кужорской, помимо листовидного ножа и костяного стержня, содержал 33 бараньих астрагала¹³⁵; 24 из них были просвер-

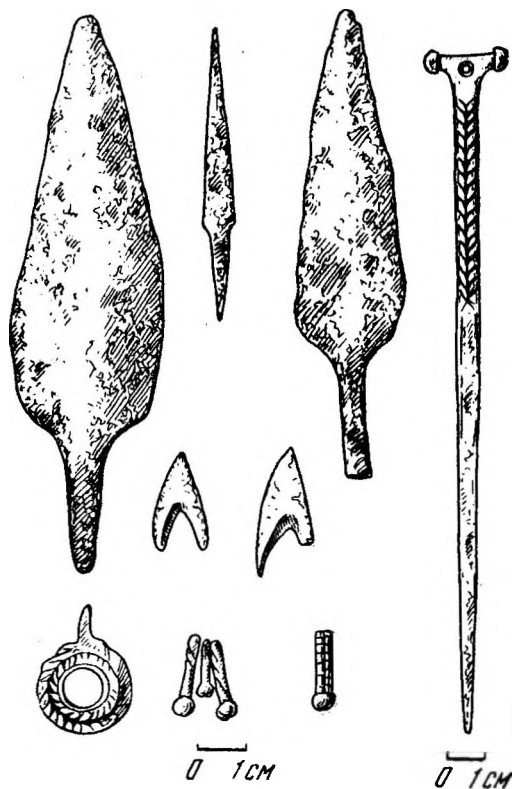

Рис. 17. Предметы из кургана у ст. Константиновской (по А. В. Шмидту); бронзовые ножи, шило, булавка, подвески, кремневые наконечники стрел

лены, а два подтесаны с боков (так называемые «мочки»). Несомненно, астрагалы служили «альчиками» для детской игры в кости. Эта игра и сейчас широко распространена среди молодежи всего Кавказа.

Инвентарь второго этапа становится очень устойчивым для соответствующих памятников и весьма далеким от своих прототипов, известных среди материалов майкопской культуры. Почти все предметы из бронзы украшены ярким литым орнаментом, имитирующим шнур, спиральку, налешные кружочки. Сосуды памятников данного времени так-

¹³⁴ А. В. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja, S. 10, 13, рис. 1—13.

¹³⁵ ОАК за 1908 г., стр. 117; ГЭ, № 277.

же довольно богато украшены оттисками шнура, спиральными вдавлениями и т. д. (рис. 18).

В конструкции курганов, как и ранее, большое место продолжают занимать камни; иногда в насыпи встречается прослойка из пе-

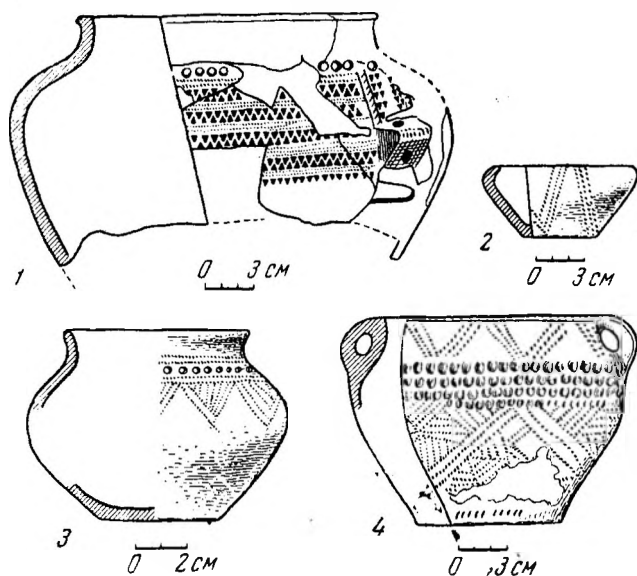

Рис. 18. Прикубанье. Сосуды из различных погребений (раскопки Н. И. Веселовского, 1897—1899 гг.)

1, 4 — ст. Костромская; 2 — ст. Ново-Лабинская; 3 — ст. Новосвободная (впускное погребение, 1898 г.)

режденной земли (Хатажукаевской аул¹³⁶, станицы Кужорская¹³⁷, Кубанская¹³⁸ и др.). Некоторые из могил (станицы Константиновская, Келермеская и др.) имеют деревянные перекрытия, облицовки. Погребальный инвентарь Прикубанья может быть дополнен отдельными «случайными» предметами. Таковы пять топориков кабардино-пятигорского типа и близких им форм, происходящих из ст. Крымской (см. рис. 7, 20—22)¹³⁹, г. Краснодара (см. рис. 7, 19)¹⁴⁰ и других пунктов Прикубанья¹⁴¹, а также грушевидные булавы в обломках (см. рис. 7, 21) — одна из

них найдена в насыпи кургана 8 у станицы Келермеской¹⁴².

В курганах у станиц Пластуновской¹⁴³, Платнировской и Попутной были обнаружены терчики-курanty¹⁴⁴.

Из Прикубанья происходят также два изящных и богато орнаментированных бронзовых топорика со слегка свисающими обухами (см. рис. 7, 25, 26)¹⁴⁵, серия беспаспортных листовидных ножей, а также глиняный сосуд (см. рис. 7, 29), опубликованный А. М. Таллгреном¹⁴⁶.

* * *

Для памятников Пятигорья также характерны указанные выше черты погребального ритуала (рис. 19, 3, 5). Отметим только некоторые особенности в конструкции курганов и могил. Курганные насыпи состоят из земли или камней. Захоронения большей частью производились в каменных ящиках из массивных плит, перекрытых такими же плитами. Реже встречаются гробницы, вернее, склепы, стены которых сложены из камней, положенных плашмя. Поверх могильных перекрытий насыпалась целая гряда булыжников. Гробницы при этом устраивались либо в материке, в специально вырытых для этой цели ямах, либо в насыпи кургана, причем впускные погребения конструктивно ничем не отличаются от материковых (см. рис. 19, 1).

Таков обряд погребения в курганах, раскопанных близ Пятигорска, Кисловодска¹⁴⁷,

¹⁴² ГЭ, другая булава — музей г. Краснодара, № 3613-22.

¹⁴³ В ст. Пластуновской были расчищены два костяка, лежавшие в вытянутом положении головами на ВСВ (архив ИА, д. 244, ф. I, 1948, отчет Н. В. Анфимова, стр. 27). Терчики, найденные в погребениях, хранятся в музее Краснодара, № 3724.

¹⁴⁴ Музей Краснодара № 3274 и 3613-72.

¹⁴⁵ Музей Краснодара, № 3613-65.

¹⁴⁶ А. М. Tallgren. Etudes sur le Caucase du nord, p. 34, fig. 26; хранится в ГИМ, № 35—38.

¹⁴⁷ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. Тр. V АС в Тифлисе. М., 1887, стр. 51—57; его же. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 23—37; его же. Описание археологических раскопок..., стр. 23 и сл.

О раскопках А. А. Бобринского см.: архив ЛОИА, д. АК № 35 за 1917 г., л. 16 и сл.; А. С. Уваров. Раскопки Самоквасова. Сборник мелких трудов А. С. Уварова, т. II. М., 1910, стр. 153, 154 (см. также «Древности», т. IX, вып. II и III, стр. 53—61).

¹³⁶ ОАК за 1905 г., стр. 72.

¹³⁷ ОАК за 1908 г., стр. 17.

¹³⁸ ОАК за 1902 г., стр. 91.

¹³⁹ Каталог Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея. Екатеринодар, 1915, л. 1, № 13. Хранятся в музее г. Краснодара, № 3613-16, 17.

¹⁴⁰ Музей Краснодара, № 3613-77.

¹⁴¹ Музей Краснодара № 3613 и ГЭ, № 66-37, 66-1.

Ессентуки¹⁴⁸, у сел. Александрия¹⁴⁹. Только в кургане 2 у колонии Каррас под Пятигорском каменное перекрытие было заменено настилом из дерева¹⁵⁰.

Оригинальные и единственные в своем роде конструкции были выявлены И. С. Гумилевским в результате раскопок двух курганов на Константиновском плато близ Пяти-

Погребения в ямах встречаются реже. Иногда они имеют перекрытия из каменных плит. Такие захоронения известны в курганах, вскрытых в колонии Константиновской под Пятигорском¹⁵², в селениях Александрия¹⁵³, Орехово, Высоцкое и Старо-Марьевка¹⁵⁴, в ауле Адыге-Хабль (окружено кромлехом)¹⁵⁵.

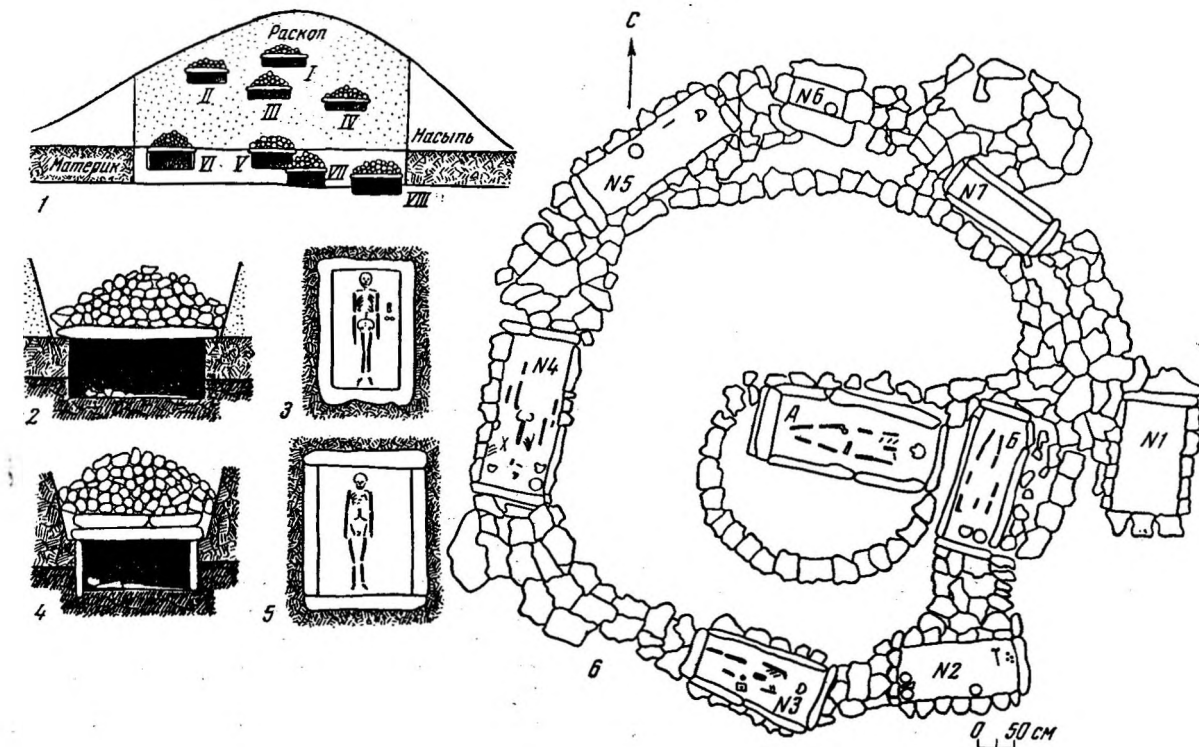

Рис. 19. Погребальные сооружения эпохи бронзы на территории Пятигорья

1 — Кисловодск, «Три камня», курган 4; 2, 3 — Кисловодск, «Три камня», курган 4, гробница 8; 4, 5 — Пятигорск, колония Каррас, курган 1; 6 — Пятигорск, курган, план погребений; 1—5—по Д. Я. Самоквасову; 6—по И. С. Гумилевскому

горска. Под земляной насыпью были обнаружены каменные ящики, соединенные между собой перемычками из рваного камня, образуя в целом подобие кромлеха-спирали. Обнаруженные в ящиках вытянутые кости (некоторые из ящиков являлись кенотафами) были ориентированы по-разному, в зависимости от расположения ящиков по кривой (см. рис. 19, 6)¹⁵¹.

¹⁴⁸ Раскопки В. Р. Алухтина. Архив ЛЮИА, д. АК № 134 за 1908 г., л. 8, 9 (письмо в АК от 18 ноября 1909 г.).

¹⁴⁹ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 159.

¹⁵⁰ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 31.

¹⁵¹ Архив ИА, д. 580 за 1951 г., д. № 1495 за 1952 г., отчеты И. С. Гумилевского. Материал не

Инвентарь всех указанных погребений (рис. 20 и 40) однообразен и только в деталях отличается от предметов, найденных в Прикубанье. Он состоит из листовидных ножей, четырехгранных шильев, бронзовых бусин, булавок, различных подвесок, височных колец в полтора оборота. По-прежнему встречаются бронзовые тесловидные топоры (напри-

опубликован, коллекции 1951 г. хранятся в ГИМ, № 86475, инвентарь из кургана 1 см. на рис. 20.

¹⁵² Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 35.

¹⁵³ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 159.

¹⁵⁴ Там же, стр. 159, 160.

¹⁵⁵ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкессии, стр. 277, 278.

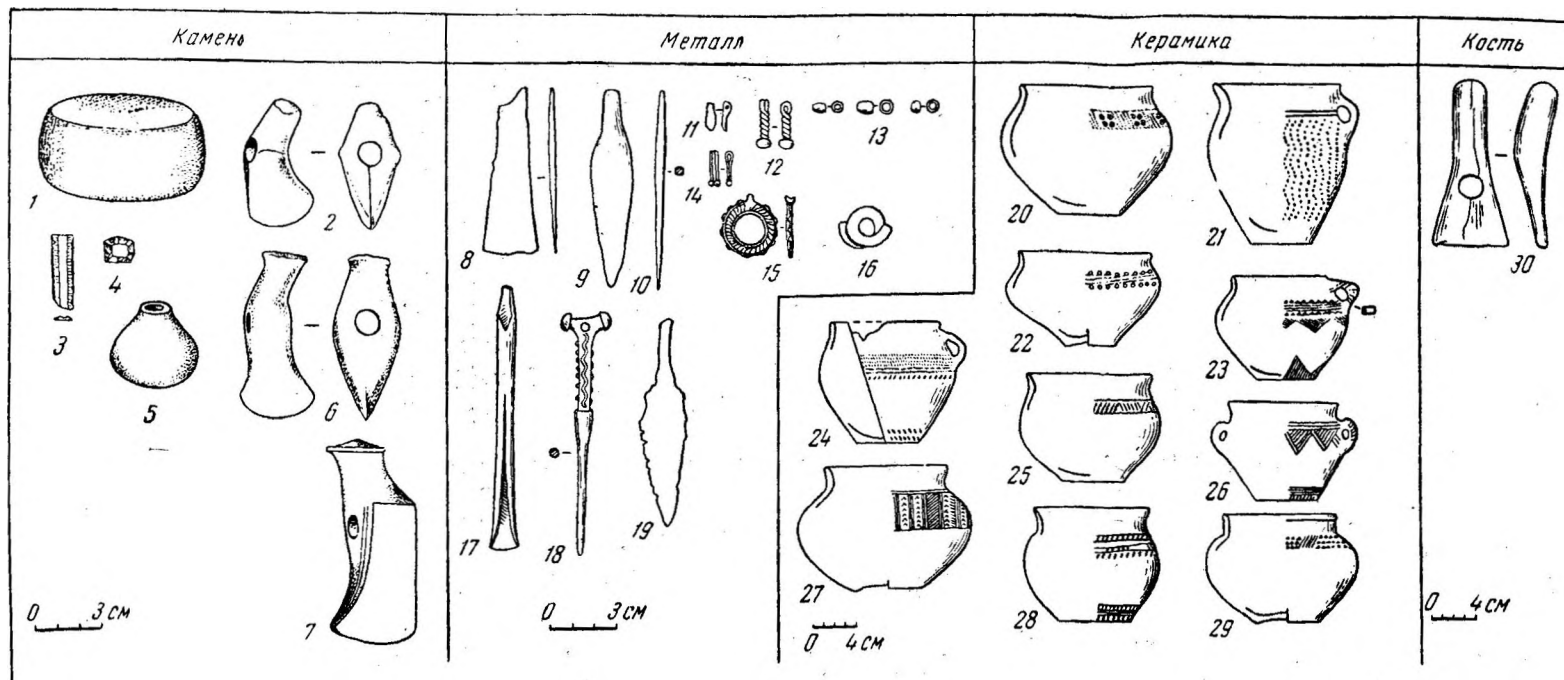

Рис. 20. Пятигорье, Черкессия. Инвентарь из погребальных памятников

1—5, 17, 20, 21, 24, 30 — Кисловодск, «Три камня»: [1, 2, 20 — курган 4, гробница 8; 3 — курган 4, гробница 5; 4 — курган 1, гробница 1; 21 — курган 3, каменный ящик; 24 — курган 2; 30 — курган 3 (по Д. Я. Самоквасову); 6, 8—13, 27 — Пятигорск, колония Константиновская: 6, 8—13 — курган 1, гробница 2; 27 — курган 2, погребение 2 (по Д. Я. Самоквасову); 14, 15, 18, 22, 23, 25, 28, 29 — Пятигорск, Константиновское плато: 14, 22, 23 — курган 1, каменный ящик 5; 15—18 — курган 1, каменный ящик; 25 — курган 1, погребение 6; 28, 29 — курган 1, каменный ящик 4 (по И. С. Гумилевскому); 16 — аул Адыг-Хабль, курган 2, погребение 2 (по Т. М. Минаевой); 19 — сел. Александрия, курган, центральное погребение (по Н. И. Веселовскому); 26 — Пятигорск, Константиновское плато (по Н. М. Егорову)

мер, находка, в кургане 1 колонии Константиновской у Пятигорска)¹⁵⁶. Довольно часты находки предметов из камня, топорики кабардино-пятигорского типа, курантов-терочников, различных поделок из кремня. Реже встречаются изделия из кости: известны находки двух роговых муфт в курганах Кисловодска («Три камня») и Пятигорска (колония Константиновская)¹⁵⁷. В погребениях обычно находят керамику. Наиболее ранним сосудом представляется сосуд, найденный в кургане 3 урочища «Три камня» под Кисловодском¹⁵⁸. По форме он несколько напоминает сосуды майкопского типа и покрыт узором, известным с глубокой древности — оттисками треугольного штампа (рис. 20, 21). Большинство же сосудов (горшки, кружки) украшены шнуровым орнаментом, оттисками спирали и различных штампов.

В погребениях довольно часты кости животных, встречаются астрагалы, которые использовались как игральные кости (например, двадцать астрагалов найдено в каменном ящике кургана 4 колонии Константиновской под Пятигорском)¹⁵⁹.

Перечисленный инвентарь может быть дополнен коллекцией вещей, собранных Е. Д. Фелицыным из разрушенного кургана у бывшей Кисловодской станицы (Кисловодск) (см. рис. 9, 28—34), и случайными находками. Все предметы из коллекции Е. Д. Фелицына покрыты узором, имитирующим в бронзе орнаменту керамики. Некоторые из них изданы как характерные для северокавказской культуры¹⁶⁰.

Большую коллекцию оставил Филиппов, копавший курганы в окрестностях Кисловодска¹⁶¹. Его находки разновременны. Ко второму этапу с большой долей вероятности можно отнести орнаментированные круглые бронзовые привески, привески в виде обрывка шнура, височные кольца в полтора оборота, листовидный нож, рубленые сердолико-

вые бусины (см. рис. 9, 35—43)¹⁶². Среди керамики выделяются сосуды округлых форм со слегка отогнутыми венчиками, покрытые шнуровым и даже «елочным» узором (см. рис. 9, 48, 49).

В коллекции А. С. Уварова имеются два топорика кабардино-пятигорского типа из колонии Константиновской (см. рис. 9, 18)¹⁶³ и из Пятигорска (см. рис. 9, 16)¹⁶⁴. Кроме того, известны топорики кабардино-пятигорского типа (гладкие и покрытые легкой огранкой) (см. рис. 9, 20—22, 26), найденные в Пятигорске, хут. Родниковском на р. Этоке (к юго-западу от оз. Тамбукан за Пятигорском), в Кисловодске, в «Долине Нарзанов» у Кисловодска, на горе Джинал близ Кисловодска, хут. Водопадном у Пятигорска¹⁶⁵, в селениях Надежда, Салтан, Михайловское¹⁶⁶. Топорик из сел. Михайловского (см. рис. 9, 25) по контурам и пропорциям близок топорам из известного Бородинского клада¹⁶⁷. Один изящный, сильно изогнутый топорик происходит из Черкессии (см. рис. 9, 20)¹⁶⁸. Все топорики изготовлены из плотного светлого известняка или зеленоватого змеевика (серпентина). В литературе (Д. Я. Самоквасов, А. С. Уваров) очень часто неверно называют эти орудия нефритовыми: нефрит на Кавказе не известен, а оба минерала по цвету и внешнему виду схожи, и это приводит к путанице¹⁶⁹.

Булавы шаровидной и грушевидной формы известны из Пятигорска, Карачая, с р. Ташлы у Ставрополя (см. рис. 9, 23, 24, 27), три булавы не имеют точного паспорта¹⁷⁰.

¹⁶² Часть вещей издана, см. Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, табл. XIV, 7, 10, 19, 20.

¹⁶³ Каталог собрания древностей А. С. Уварова, отдел IV—VI. М., 1907, стр. 7, № 30, рис. 4. Хранится в ГИМ.

¹⁶⁴ А. С. Уваров. Археология России (каменный период), т. II. М., 1881, стр. 148, табл. 45, № 5700.

¹⁶⁵ Все перечисленные предметы хранятся в музее Пятигорска, № 646, 677, 678, 675, 2486, 671.

¹⁶⁶ Хранятся в музее г. Ставрополя, № 2869, 2867, 12543.

¹⁶⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М., 1949, стр. 20, табл. XIV.

¹⁶⁸ Устное указание А. А. Исесена; хранится в музее Сочи, № А-513Д (3223).

¹⁶⁹ П. П. Чирвинский. Змеевик как поделочный камень первобытного человека на Северном Кавказе. КСИИМК, XLVII. 1952, стр. 143—146.

¹⁷⁰ Хранятся в музее Пятигорска, № 756; в ГИМ, № 54746; в музее Ставрополя, № 3553 и 3554; см. Т. М. Минаява. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, стр. 134, рис. 43.

¹⁵⁶ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 35. Хранится в ГИМ, № 76990.

¹⁵⁷ Там же, стр. 25, 26, 35.

¹⁵⁸ Там же, стр. 25, 26, рис. 5.

¹⁵⁹ Там же, стр. 36.

¹⁶⁰ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 40, 41; его же. Могильные древности Пятигорского округа, табл. II, 8—14. Вещи хранятся в ГИМ, № 76400.

¹⁶¹ Т. Б. Попова, В. М. Раушенбах. Археологические материалы в краеведческих музеях. М., 1954, стр. 100.

Куранты-терочники (см. рис. 9, 26) найдены в Горячеводске, хут. Родниковском¹⁷¹. Места находок множества терочников не указаны.

В разрушенном кургане у ст. Минутка в районе Кисловодска была обнаружена серия

Сосудов среди случайных находок не так много. Все они имеют округлые формы, орнаментированы отрисками шнура и штампами (треугольный, полукруглый и др.). Таковы сосуды из Светловодска (окрестности Кисловодска), Горячеводска, с р. Ташлы у Став-

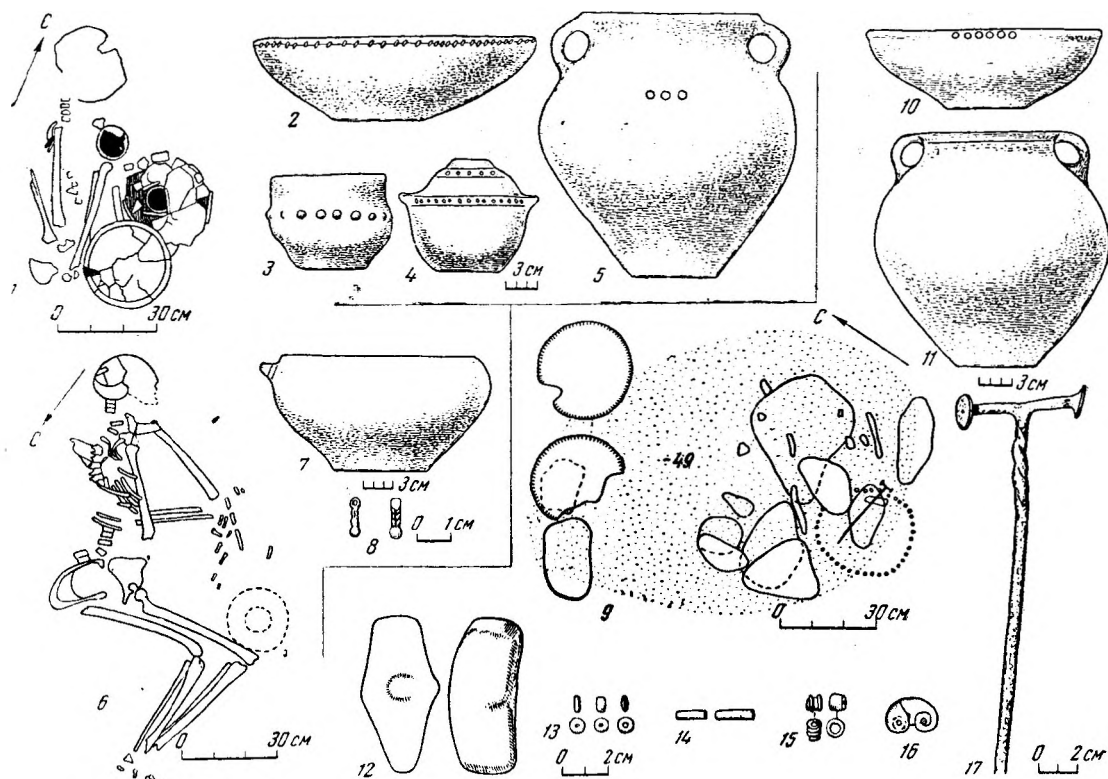

Рис. 21. Нальчик, Кабардинский парк. Отдельные погребальные комплексы

1 — погребение 1 кургана 2; 2—5 — сосуды из этого погребения; 6 — погребение 4 кургана 2; 7, 8 — сосуд и бронзовые подвески из этого погребения; 9 — погребение 1 кургана 4; 10—17 — инвентарь этого погребения: сосуды, заготовка каменного топора, пастовые бусы, бронзовые бусы, навершие булавы, булава

металлических вещей: бронзовые бородавчатые пронизки, бронзовые бусы, бусина из гагата, два височных кольца в полтора оборота (см. рис. 9, 45, 46) и более поздняя полусферическая бляха с пунктирным орнаментом¹⁷².

У ст. Расшеватской найден бронзовый листовидный нож (см. рис. 9, 43)¹⁷³.

рополя, Кисловодска, с р. Мамайки (б. немецкий хутор) у Ставрополя, Пятигорска, Эссентуков и местечка Новый Пятигорск¹⁷⁴ (см. рис. 9, 47—54). Таков материал Пятигорья, относящийся ко второму этапу.

* * *

На территории Центрального Кавказа и на втором этапе в погребениях преобладают скорченные костяки. Погребения 1—4 в ямах,

¹⁷¹ Музей Пятигорска, № 680, 682.

¹⁷² Одна из могил, открытых здесь в 1955 г., была высечена в песчанике. Инвентарь хранится в музее Пятигорска, № 2464, 2416.

¹⁷³ Музей Красводара, № 3613-73.

¹⁷⁴ Хранятся в музее Нальчика, № 1152, музее Пятигорска, № 792, 571, 573, 514, 640, 645, музее Ставрополя, № 3108 и 3809.

заваленных камнями, кургана 2 и такое же погребение 1 кургана 4 Кабардинского парка (Нальчик) содержали инвентарь уже вполне развитого облика: сосуды с налепами, миски, бронзовые подвески в виде обрывка шнура, булавки с двуволютными и катушковидными навершиями, бронзовые и пастовые бусы, заготовка каменного топорика (рис. 21) ¹⁷⁵.

порик кабардино-пятигорского типа, бронзовые височные подвески в полтора оборота, бусы, кремневые пластины, скребки, отщепы и т. д. (рис. 22) ¹⁷⁶.

Весь этот материал может быть отнесен ко второму этапу по аналогии с предметами из Прикубанья и Пятигорья. Отметим только своеобразие орнаментики местной керамики:

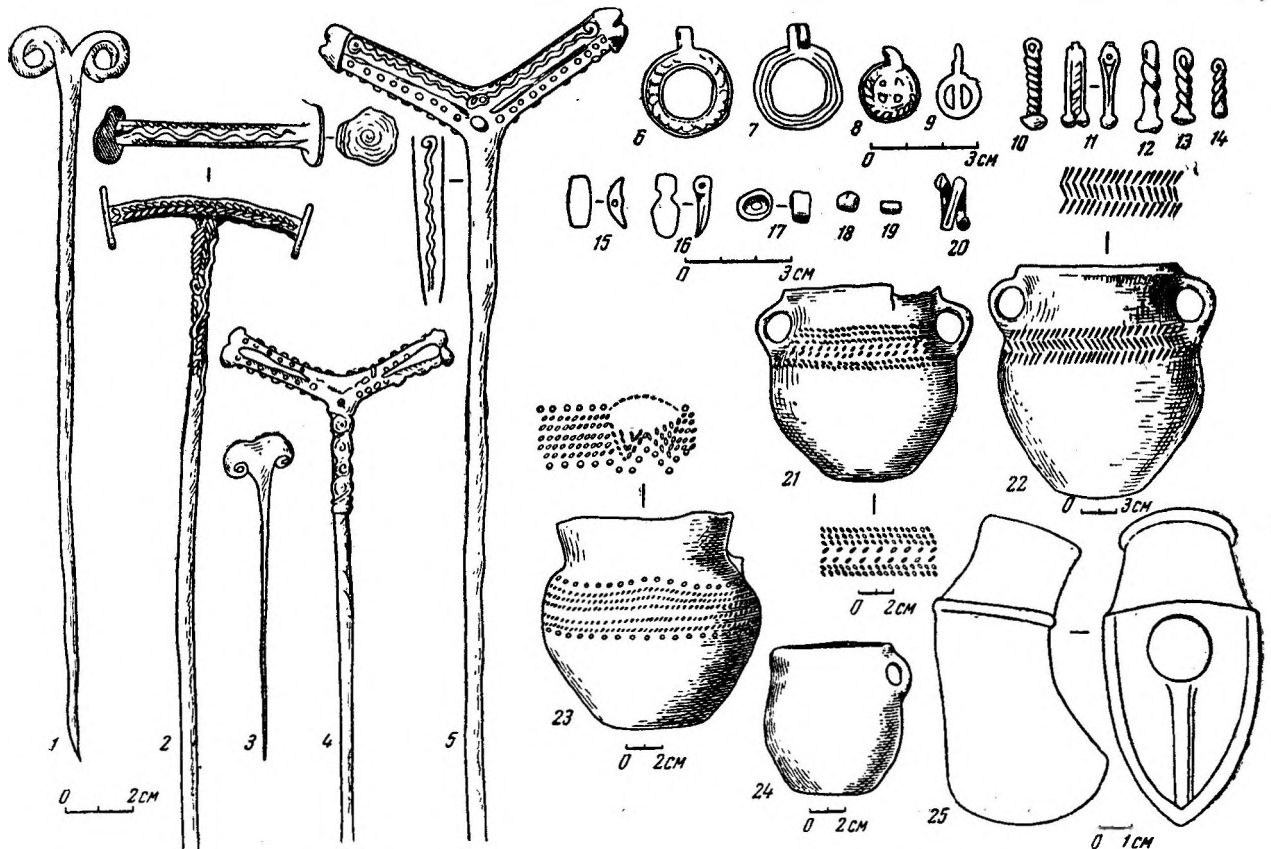

Рис. 22. Нальчик, Кабардинский парк. Инвентарь отдельных погребений

1—5—бронзовые булавки различных типов; 6—16—бронзовые подвески различных форм; 17—19—пастовые бусы; 20— височное кольцо; 21—24 — сосуды; 25 — каменный топорик

Б. Е. Деген дополнил находки в могилах предметами из частных раскопок того же могильника, разбив их на пять комплексов. Среди этих вещей двуручные сосуды с вервочным и «елочным» орнаментом, «плошечки» с налепными пишками, одноручные сосуды, сосуды без ручек, булавки медные с навершиями в виде «бараньих рогов», «катушек», сдвоенных «отростков», каменный то-

порик со шнуровым орнаментом здесь очень распространены мотивы, выполненные различными налепами. Среди металлических предметов своеобразны булавки с навершиями различных форм, особенно булавки с «катушками», явно тяготеющие к ранним западногрузинским формам (Сачхери) ¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 232, 233, рис. 34, 36, табл. IX, X, XIII.

¹⁷⁷ О. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1956 г., стр. 80 и сл. (на груз. языке).

¹⁷⁵ Б. Н. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 220—222, 227, 228, рис. 11, 12, 27, 28, 32/9, табл. V, VII.

Погребения второго этапа известны также и из других районов Центрального Кавказа. Таковы погребения 3, 5, 7 кургана у сел. Верхний Акбаш¹⁷⁸, впускное погребение кургана 1 у сел. Старый Лескен¹⁷⁹, в которых также были обнаружены скорченные костяки с

ково¹⁸¹, погребениях 2 и 9 кургана 1 у сел. Верхний Акбаш¹⁸², погребении 3 кургана 1 у сел. Старый Лескен¹⁸³; в двух погребениях у сел. Каменноостовского¹⁸⁴; в погребении 2 кургана 3¹⁸⁵ и погребении 8 кургана 10 у г. Моздока¹⁸⁶; в трех погребениях кургана 4

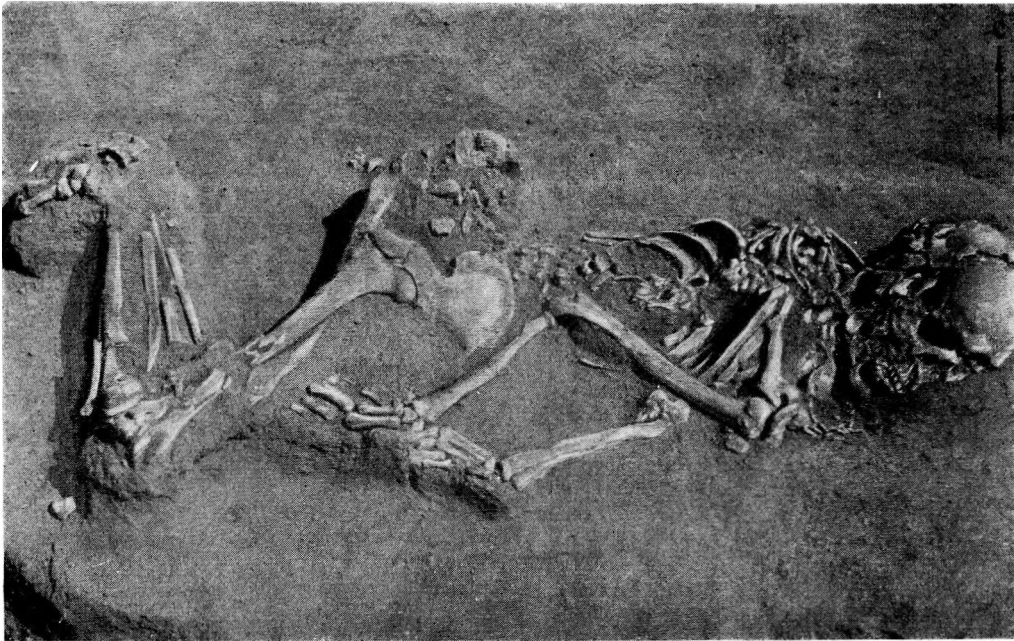

Рис. 23. Кабардино-Балкария, сел. Верхний Акбаш, погребение 3 кургана 1

инвентарем развитого типа (рис. 23, 24). По-видимому, Б. Е. Деген был неправ, считая, что погребения с вытянутыми костяками на Центральном Кавказе «служат относительно более поздним датирующим признаком» и для «II стадии (II тысячелетие до н. э. — В. М.) пока не известны»¹⁸⁰. В настоящее время на территории Центрального Кавказа известен ряд погребений с вытянутыми костяками и инвентарем, причем не отличающимся от описанного. Вытянутые костяки находились в погребении 2 кургана 2 у сел. Заю-

у сел. Хумалаг¹⁸⁷. Все эти погребения характеризуются не только тем, что костяки в них вытянуты, но и тем, что ориентированы погребенные головой на запад, либо на восток,

¹⁸¹ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 227, 228, табл. XXXVIII, 1—4; архив ЛОИА, д. ГАИМК № 213 за 1934 г., л. 56, 57, отчет А. А. Иссена.

¹⁸² Е. П. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 199, 200, 204—208, рис. 3, 9, 11, 12.

¹⁸³ Е. П. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР, стр. 286.

¹⁸⁴ Архив ИА, д. № 981 за 1954 г., стр. 22—25, полевой дневник О. В. Милорадович.

¹⁸⁵ Архив ЛОИА, д. ГАИМК, ф. 2, № 280 за 1935 г., л. 38.

¹⁸⁶ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 245—249, табл. XLI, 1.

¹⁸⁷ В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. Тр. Предварительных комитетов V AC в Тифлисе, т. I. М., 1882, стр. 228.

¹⁷⁸ Е. П. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 200—202, 213, рис. 6.

¹⁷⁹ Е. П. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. Уч. зап. КНИИ, т. IV. Нальчик, 1949, стр. 286—288.

¹⁸⁰ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 286, 287.

окрашены слабо. Погребальные сооружения различны: ямы (Моздок, Хумалаг, Заюково), склепы (Каменномоетское) и срубы из дерева (Верхний Акбаш). Однако инвентарь одинаков. Его составляют сосуды со шнуровой и

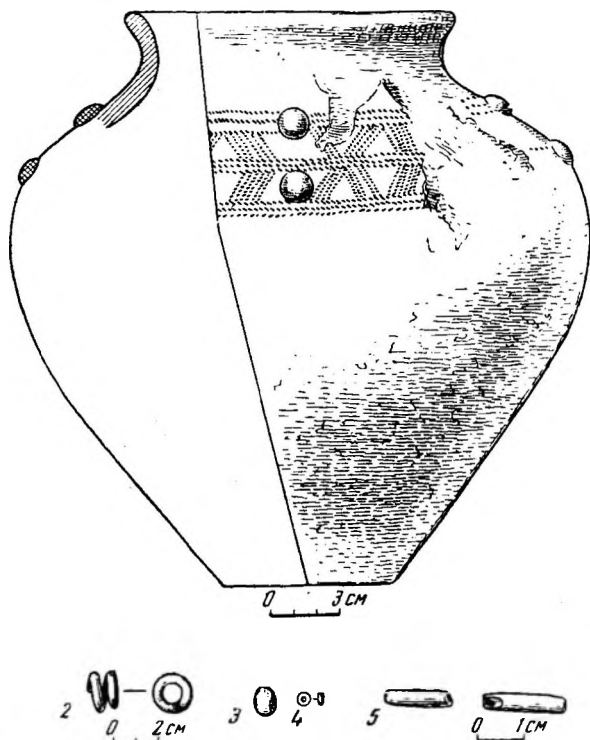

Рис. 24. Кабардино-Балкария. Инвентарь погребений

1 — сосуд (сел. Старый Лескен, курган 1, погребение 2);
2—5 — височное кольцо, бусы (сел. Верхний Акбаш, курган 1, погребение 3)

другими видами орнаментации, каменные топорики кабардино-пятигорского типа, терочники-куранты, украшения и подвески обычных форм (рис. 25).

По-видимому, в вытянутом положении лежали костяки и в разрушенных погребениях в гробнице, открытой в кургане у сел. Хабаз¹⁸⁸, в яме кургана 2 у сел. Нарган¹⁸⁹ и впускной могиле кургана 1 у сел. Старый

Урух¹⁹⁰, где был обнаружен обычный инвентарь развитого облика.

Погребения с вытянутыми костяками, как видно из этого списка, встречаются на территории Центрального Кавказа так же часто, как и скорченные захоронения. Судя по инвентарю, оба обряда некоторое время сосуществуют. В этом смысле показательно погребение 15 кургана 10 у Моздока, где оба вида захоронения были найдены в одной могильной яме¹⁹¹.

Для погребений с вытянутыми труположениями характерна, как в Прикубанье, так и в Пятигорье, в основном восточная и западная ориентировка. Покойных клали в прунтовые ямы, гробницы из камня, каменные ящики, деревянные сооружения. Все это многообразие могильных конструкций — «домов мертвых», — вероятно, отражало реально существующие типы жилых помещений. Различные деревянные конструкции мы встречали еще в памятниках майкопской культуры и в ранних погребениях изучаемой культуры. Говорить о влиянии племен срубной культуры в данном случае нет оснований, тем более, что движение их началось несколько позже¹⁹² появления погребений у сел. Верхний Акбаш. К тому же для погребального обряда племен срубной культуры характерно скорченное положение умершего¹⁹³.

Во всех названных могильных комплексах второго этапа огромное место занимает камень, то в качестве материала для устройства гробниц, то в качестве засыпки, ограждений могил и т. д., что характерно и для других районов бытования северокавказской культуры.

Отдельные находки и целые комплексы предметов, хранящиеся в местных музеях, дополняют материал из погребений. Существенная работа по сбору таких находок проделана Б. Е. Дегеном и Е. И. Крупновым. Целый комплекс предметов известен из кургана у г. Орджоникидзе (раскопки М. А. Радищева, 1919 г.). В него входят булавка с волютами, бронзовые бусы-подвески, пастовые бусы, шесть височных колец и обломок сосу-

¹⁸⁸ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 226.

¹⁸⁹ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 240.

¹⁹² Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24. М., 1955, стр. 35 и сл.

¹⁹³ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46. 1955, стр. 17.

¹⁸⁸ К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, № 23. 1951, стр. 126—128, рис. 1—4.

¹⁸⁹ Е. Хакушев. Новые археологические находки. Уч. зап. КНИИ, т. VII. Нальчик, 1952, стр. 196—199, рис. 2—6.

да. Подобные комплексы известны из разных районов Нальчика¹⁹⁴.

Листовидные ножи найдены в селениях Шалущка, Затишье (пригороды Нальчика),

типа (гладкие и с оградкой) известны из районов Нальчика, из селений Долинского, Заюкова, Кызбурун Ш, Ново-Полтавского, Лопкуты, Атажукино, Малки (Абашево),

Рис. 25. Центральный Кавказ. Погребальные комплексы с вытянутыми костяками

1 — сел. Заюково, курган 2, погребение 2 (дерево заштриховано); 2—4 — инвентарь погребения: сосуд, каменные терочник-курант и топорик; 5 — сел. Старый Лескен, курган 1, погребение 3; 6, 7 — инвентарь погребения: каменный топорик, сосуд; 8 — сел. Верхний Акбаш, курган 1, погребение 8; 9, 10 — инвентарь погребения: сосуд, каменный топорик; 11 — Моздок, курган 10, погребение 8; 12 — сосуд из погребения (по Б. В. Пиотровскому)

Курп, Чегем I, Атажукино, Ново-Ивановка. Булавы и топоры кабардино-пятигорского

Нижнего Чегема (Чишок), Нартана, Лескена, Аушигера (см. рис. 13, 28—44)¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика... Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 42.

¹⁹⁵ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 237—239, рис. 33; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселе-

Целый комплекс подвесок и миниатюрный топорик округлых форм найдены в сел. Верхний Баксан (см. рис. 13, 45, 58, 61)¹⁹⁶.

Два топора кабардино-пятигорского типа из местечка Бараково (Кабарда) и из Моздока изданы Э. Шантром¹⁹⁷. Топорик этого же типа из сел. Кобан хранится в Венском музее естественных наук¹⁹⁸.

В подкурганном погребении у сел. Дигора (б. Христиановское) обнаружен целый комплекс вещей. Среди них каменный топорик, глиняная чаша с маленькими ручками, обломок бронзовой молоточковидной булавки, бронзовые подвески¹⁹⁹. Из того же сел. Дигора происходит и второй топорик кабардино-пятигорского типа²⁰⁰.

Украшения (булавки с навершиями различных типов, подвески круглые, в виде ложечек и других форм, бусы), типичные для северокавказской культуры, известны в большом количестве из районов Нальчика (см. рис. 13, 55—57, 68)²⁰¹, сел. Верхний Баксан, Осетинской слободки под г. Орджоникидзе, Кызбуруна III, Донифарса, ст. Пришибской²⁰², Чегема II (см. рис. 13, 59, 62—65, 67)²⁰³, Чегема I (б. Кудинетово, см. рис. 13, 60)²⁰⁴, сел. Корца²⁰⁵. Помимо того, бляхи-подвески из сел. Чегем изданы В. Миллером²⁰⁶, а пастовые и бронзовые бусы из сел. Кумбулта — П. С. Уваровой²⁰⁷. Ложечковид-

ные подвески обнаружены в селениях Кызбурун III и Урванском²⁰⁸.

В сел. Ардон, где в 1955—1956 гг. разрушили 12 курганов, была собрана довольно большая коллекция предметов типичных для второго этапа: топорик кабардино-пятигорского типа, бронзовая молоточковидная булавка, орнаментированные полусферические бляхи из серебра, много подвесок, среди которых подвеска в виде кабаньего клыка, и целая серия сосудов, орнаментированных отрисками шнура и налечками (см. рис. 13, 66, 78—80, 88, 90, 94)²⁰⁹.

Предметы из сел. Ардон представляют собой великолепные образцы древнего керамического производства и художественного литья. Вещи из металла, особенно «клык» (см. рис. 13, 78), выполнены с исключительным мастерством.

Масса бронзовых вислообушных топоров и листовидных ножей происходит из селений Галиат, Кумбулта и др. (см. рис. 13, 81, 82)²¹⁰. Особенно красивые топорики, найденные в Кабарде и украшенные выпуклым литьем узором (см. рис. 13, 88).

Сосуды, близкие найденным в курганах Кабардинского парка, известны из ст. Архонской сел. Кызбурун III, Осетинской слободки у г. Орджоникидзе, сел. Заюково, пос. Майского (см. рис. 13, 86, 88, 93), из окрестностей Нальчика (см. рис. 13, 87, 92), г. Провладного (см. рис. 13, 91 — сосуд имеет ручки энеолитического типа)²¹¹. Ваза с двумя ручками известна из сел. Мостиздах (Северная Осетия)²¹².

* * *

Теперь обратимся к материалам из районов северо-восточного Кавказа.

Памятники северокавказской культуры второго этапа выявлены здесь в значительном количестве. В погалинских песках среди выдувов встречаются бронзовые четырехгранные шилья, листовидные ножи и другие характерные вещи²¹³. Известны даже отдельные по-

²⁰⁸ Музей Нальчика, № 2679 и витрина IV (экспозиция).

²⁰⁹ Музей г. Орджоникидзе, № 3872 (находки 1955 г.).

²¹⁰ ГИМ, № 21540, 21576, 21630—22188 и др. ГЭ, № 1805-2 и др.

²¹¹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 240—248; музей Нальчика, № 1164, 1720, 7368, 1463, 5369, 1465, 1452.

²¹² Е. И. Крупинов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 42, рис. 8, 8.

²¹³ За один день работы на территории песков дачи № 2 у сел. Ачикулак было найдено шесть

ние..., табл. IV, 2, 3; А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, табл. I, 1; ГЭ, № 1737-1 и 1323-1; ГИМ, № 25277, 50989, 86417, 10385; музей Нальчика, № 1449, 1810, 1184—1187, 1916, 3190; музей Ставрополя, № 3562; музей г. Орджоникидзе, № 3870.

¹⁹⁶ Музей Нальчика, № 1502.

¹⁹⁷ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I. Paris-Lyon, 1885, p. 49, fig. 3, 4, p. 1, 13.

¹⁹⁸ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII. М., 1900, стр. 22, рис. 28, 29.

¹⁹⁹ Е. И. Крупинов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 40—42, рис. 8, 1—3, 6—8.

²⁰⁰ Е. И. Крупинов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 42; архив ЛОИА, д. ГАИМК № 169 за 1924 г., отчет Л. П. Семенова, л. 7, 10, рис. 1, 2.

²⁰¹ Архив ЛОИА, д. № 215 за 1896 г., л. 1, 13, фото.

²⁰² Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 248—265.

²⁰³ Музей Нальчика, № 2213.

²⁰⁴ Архив ЛОИА, д. № 6 за 1886 г., л. 23, 31, фото.

²⁰⁵ ГИМ, № 35179.

²⁰⁶ В. Миллер. Терская область (археологические экскурсии). МАК, I. М., 1888, табл. XXI, 1, 2; XXII, 28.

²⁰⁷ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа, табл. ХСII, 3.

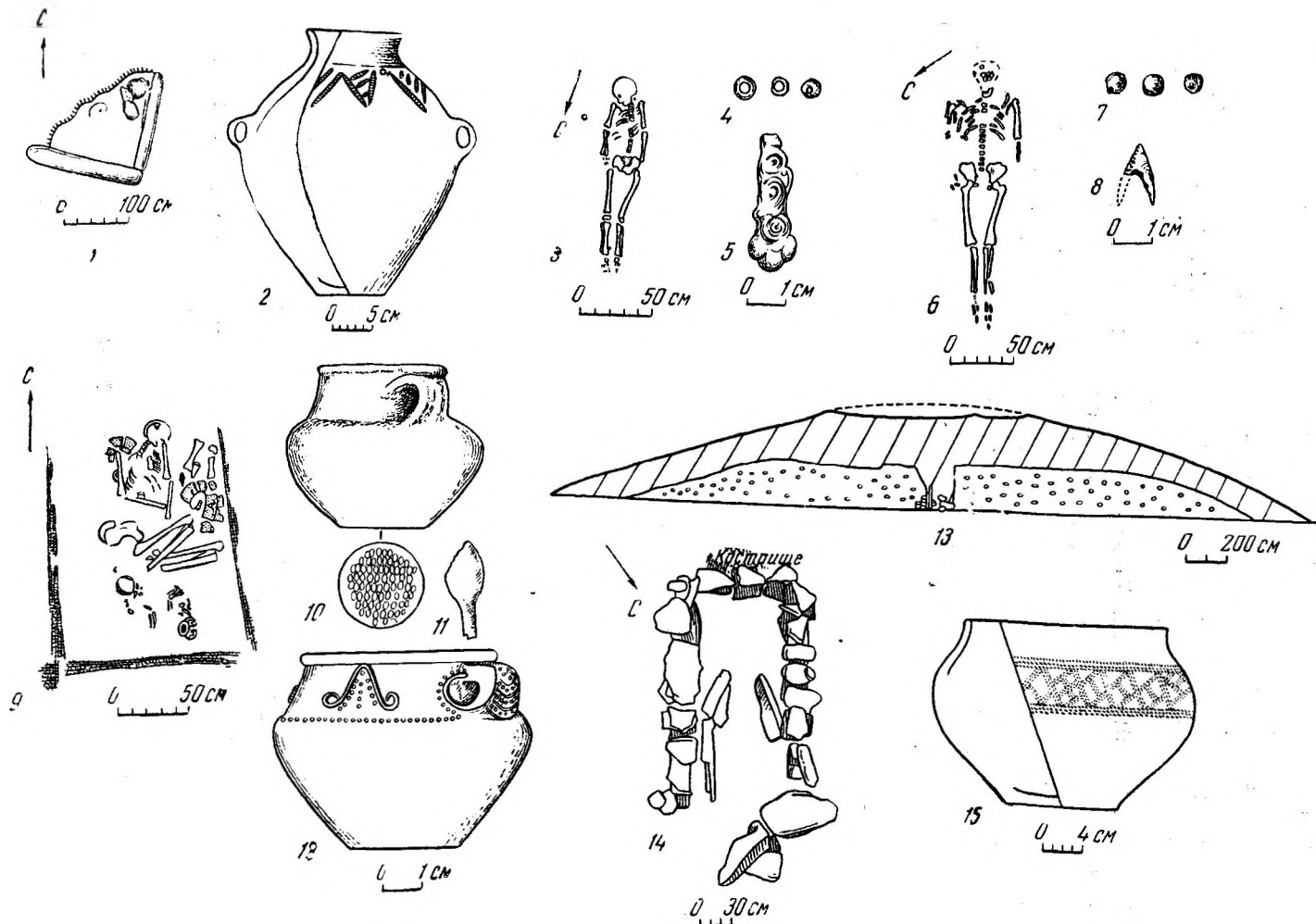

Рис. 26. Погребальные памятники и инвентарь эпохи бронзы с территории северо-восточного Кавказа

1—сел.Тарки, каменный ящик кургана; 2 — сосуд из этого погребения; 3 — сел. Ачикулак, курган 5/11, погребение 11; 4, 5 — бронзовые бусы и подвеска из погребения; 6 — ст. Мекенская, курган 1, погребение 1; 7, 8 — бронзовые бусы и кремневый наконечник стрелы из погребения 13; 10—12—сосуды и бронзовый нож из погребения (на дне сосуда (10) отпечатки ткани); 13— ст. Манас, профиль кургана «Ярти-тюбе»; 14 — гробница в кургане «Ярти-тюбе». 15 — сосуд из гробницы

гребения. Таково, например, обнаруженное в Бажигане погребение со скорченным костяком и инвентарем, состоящим из бронзовых пастовых бус, височных колец, подвесок в виде обрывка шнура, шила и иглы. Близ погребения были найдены «грузила» (может быть, булавы?) из песчаника²¹⁴. Скорченные погребения близкого типа вскрыты в курганах у сел. Ачикулак (погребение 13, кургана 5/11, рис. 25, 9) и у ст. Мекенской²¹⁵. Однако надо заметить, что основную массу погребений северокавказской культуры, конечно, надо искать не в степях, так как на степных просторах издревле сталкивались различные племена, а в предгорьях и в горной зоне. Здесь, в предгорьях и горах северо-восточного Кавказа, так же как и в районах Центрального Кавказа, долго сохраняются погребения со скорченными костяками, с преобладанием западной и восточной ориентировки (южная ориентировка встречается спорадически), в сопровождении инвентаря развитого типа.

Таковы погребения кургана 1 у сел. Базоркино (Чермен), кургана 2 у сел. Назрань (б. Ново-Дигорское)²¹⁶, несколько погребений из кургана 7 у сел. Куляры²¹⁷, из кургана у г. Хасав-Юрта²¹⁸, захоронение в каменном ящике между сел. Андрей-Аул (Эндери) и г. Хасав-Юртом²¹⁹, а также могилы у сел. Урус-Мартан²²⁰.

За последнее время также открыты аналогичные памятники. Скорченные погребения вместе с вытянутыми костяками, были обнаружены в 1956—1959 гг. в грунтовом могильнике Гатын-Кале у сел. Асланбек-Шерипово в горной Чечне (ущелье р. Аргун). В по-

гребениях в склепах и ямах найден довольно богатый инвентарь, состоявший из многовитковых бронзовых браслетов, булавок с волнообразными навершиями, бронзовых и пастовых бус, подвесок в виде ложечек и колец, височных колец, глиняных сосудов и других предметов (рис. 27, 28)²²¹.

В Дагестане у сел. Миатлы (р. Сулак) под курганами, сложенными из речных валунов, также были вскрыты погребения с вытянутыми и скорченными костяками (в том числе, и в позе сидящего человека) в склепах и ямах. В могилах был найден богатый инвентарь развитого облика (бронзовые листовидные ножи, подвески, височные кольца, а также керамика с налестками и шнуровым орнаментом)²²². Поражает сходство погребальных сооружений, инвентаря и особенно форм сосудов Гатын-Кале и Миатлы. Для обоих могильников характерны (наряду с чертами северокавказской культуры) элементы, близкие каякентско-хорочоевской культуре последующего времени. Таковы, например, полусферические колпачки и височные кольца овальной формы, известные из могил Гатын-Кале, Миатлы и Хорочоя. Сосуды первых двух могильников зачастую имеют сильно отвернутый венчик, небольшое донце и часто покрыты грубой обмазкой по поверхности (со следами пальцев). Все эти признаки также сближают могильник Гатын-Кале и Миатлы и находят аналогии в материале каякентско-хорочоевской культуры.

Таким образом, мы имеем основание еще раз подчеркнуть своеобразие памятников горной Чечни и Присулакского Дагестана, вобравших в себя черты культуры древних племен и центральных районов Северного Кавказа и Дагестана.

На территории северо-восточного Кавказа, так же как и в соседних районах, наряду со скорченными захоронениями известны погребения с вытянутыми костяками, ориентированными главным образом на запад или

шильев и четыре листовидных ножа (Материалы Прикаспийской археологической экспедиции, 1955 г.).

²¹⁴ Архив ЛОИА, ф. 35, д. № 47 за 1940 г., л. 7—8.

²¹⁵ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 107—109; его же. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 164, 165, рис. 6, 5, 8, 9, 10.

²¹⁶ В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе..., стр. 216—217.

²¹⁷ А. Бобринский. Доклад о действиях Археологической комиссии за 1888 г. ОАК за 1882—1888 гг., стр. ССLXVIII.

²¹⁸ ОАК за 1902 г., стр. 98, 99, работы В. И. Долбежова.

²¹⁹ А. Н. Грен. Отчет о летней командировке в Хасав-Юртовский округ Терской области. «Древности», т. 21, вып. 2. М., 1907, стр. 136.

²²⁰ ОАК за 1900 г., стр. 55, 56.

²²¹ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 98, рис. 1; В. И. Маркович. Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 г. (в печати).

²²² В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. I. Махачкала, 1956, стр. 212—215; его же. Миатлы — новый памятник..., стр. 31 и сл.; В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке, стр. 60—64; И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г., стр. 92—94, 102—105 и др.

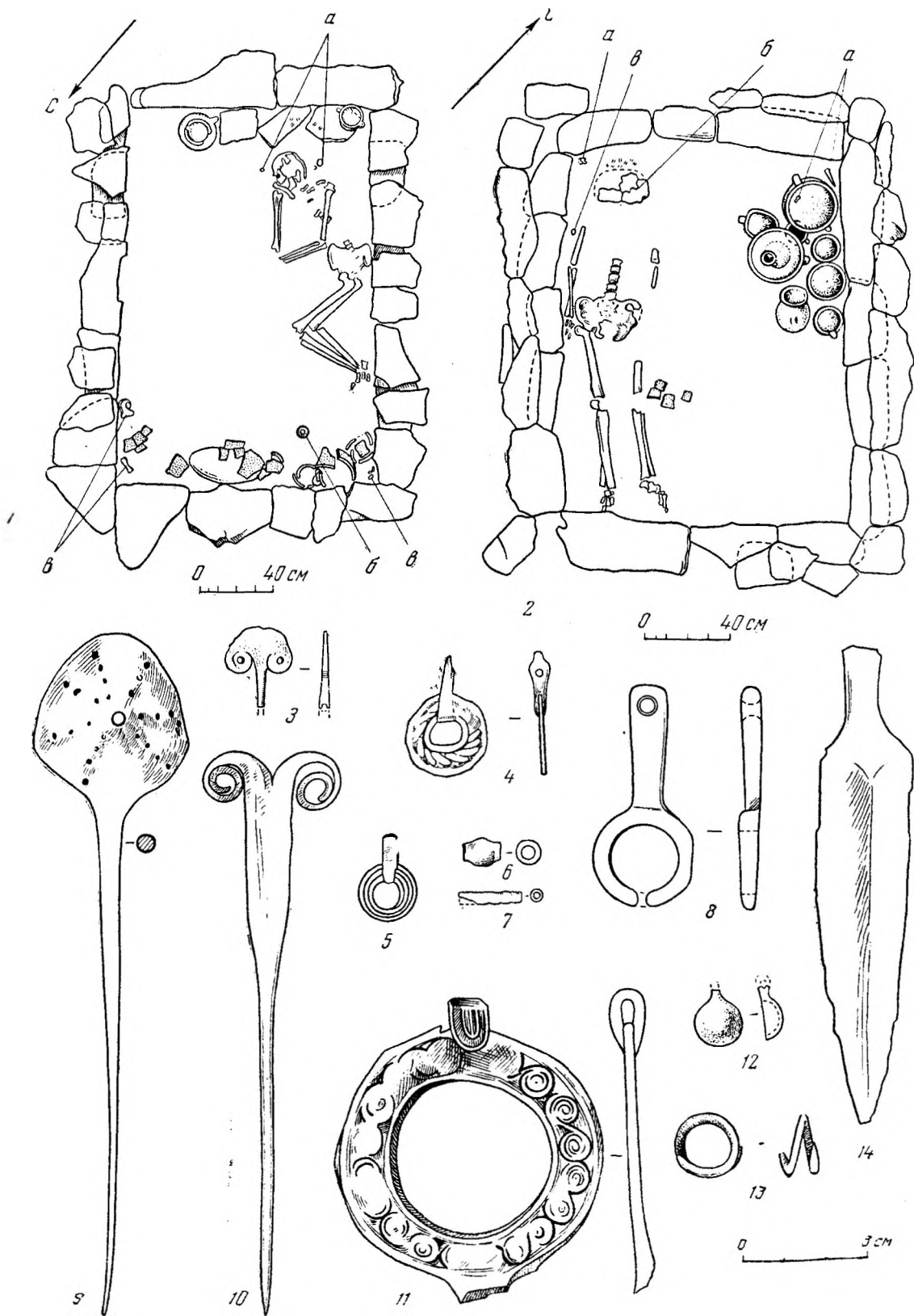

Рис. 27. Могильник Гатын-Кале, сел. Аслаббек-Шерипово (Чечено-Ингушетия)

1 — погребение 5: а — височные кольца; б — обломок мергелевой булавы, в — кости животных; 2 — погребение 8: а — кости животных б — обломок бронзового предмета, в — височное кольцо; 3 — навершие бронзовой булавы; 4, 5 — бронзовые подвески; 6 — бронзовая бусина; 7 — пастовая бусина; 8 — костяная подвеска; 9, 10 — бронзовые булавы; 11 — бронзовая подвеска; 12 — бронзовая ложечковидная подвеска; 13 — бронзовое височное кольцо; 14 — бронзовый листовидный нож; 3, 4—7, 12 — предметы из разрушенной могилы, обнаруженной в 1956 г.; 8, 9, 11, 14 — предметы из погребения 7; 10, 13 — из погребения 1

восток. Такие погребения, как указывалось, известны в могильниках Гатыш-Кале и Мп-атлы; кроме того, захоронения с вытянутыми костяками обнаружены в кургане аула Кяху-лай в Дагестане²²³, в кургане 5/11 у сел. Ачи-кулак (погребение 11 с бронзовыми бусами и

стан), где был найден сосуд со шнуровой орнаментацией обычного северокавказского типа (см. рис. 26, 13—15)²²⁶.

Как видно из нашего перечня, погребений такого рода пока известно немного, и если вытянутые захоронения в грунтовых ямах,

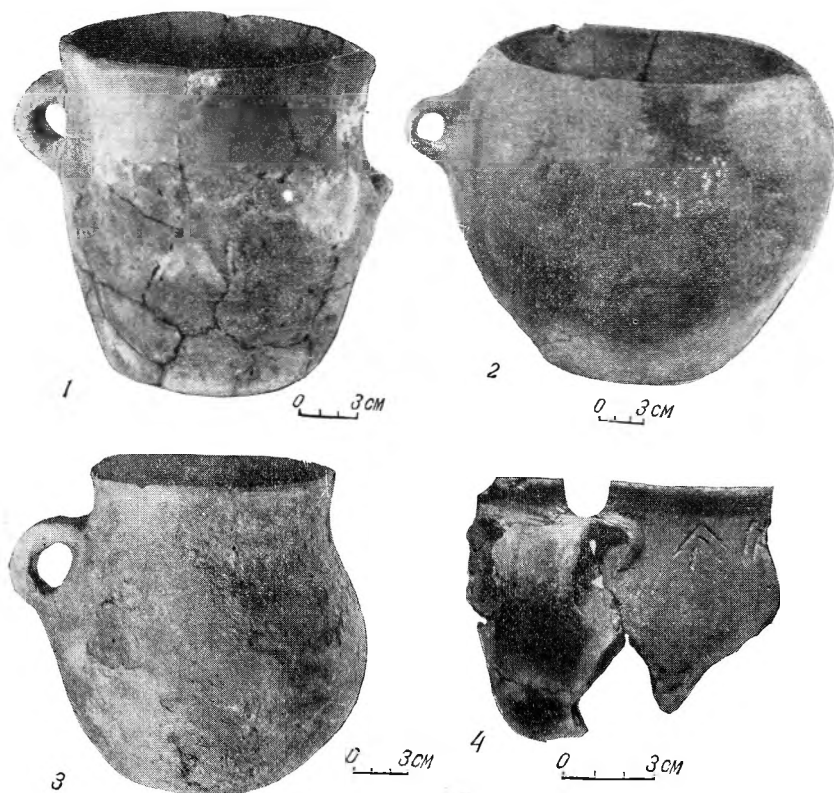

Рис. 28. Керамика могильника Гатыш-Кале, сел. Асланбек-Шерипово (Чечено-Ингушетия)

1—3 — сосуды из погребения 8; 4 — обломок сосуда из погребения 7

подвеской, см. рис. 26, 3—5)²²⁴, в кургане 1 у станции Мекенской (погребение 1 с бронзовыми бусами и кремневым наконечником стрелы, см. рис. 26, 6—8)²²⁵.

К этому же типу памятников надо отнести и погребение в склепе кургана «Ярти-тюбе» у станции Манас на р. Параул-Озень (Даге-

особенно без инвентаря, можно иногда считать принадлежащими племенам катакомбной культуры ранней поры, то погребения в каменных ящиках или в склепах несомненно

²²³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки..., стр. 228.

²²⁴ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья, стр. 166—168, рис. 7, 3.

²²⁵ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 100, 107—109, рис. 3, 2.

²²⁶ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 88; его же. Дагестанская экспедиция 1950 г. Тезисы докладов на сессии отделения истории и пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 35—38; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 197 (в последней работе данный памятник интерпретируется несколько иначе и, с нашей точки зрения, не совсем верно).

принадлежат уже носителям другой культуры. Достаточно назвать аналогии подобным памятникам в Пятигорье, Центральном Кавказе, инвентарь которых ничего общего не имеет с предметами степных культур.

Мы рассмотрели погребальные памятники северо-восточного Кавказа второго этапа. Приведенные данные могут быть пополнены отдельными находками. Так, например, сосуд, очень близкий определенному типу керамики могильника Гатын-Кале, найден в сел. Гуни Веденского района Чечено-Ингушетии (см. рис. 15, 38). Из района г. Грозного происходит целая серия сосудов и фрагментов керамики, украшенных оттисками шнура и налестками (см. рис. 15, 33, 35, 36)²²⁷.

В разрушенном каменном ящике на дороге к курорту Талги (район г. Махачкала) был найден фрагмент керамики со шнуровым орнаментом (см. рис. 15, 34)²²⁸. Небольшой фрагмент сосуда со шнуровым орнаментом был поднят у сел. Ленин-Кент (Дагестан), под скалой с древними изображениями²²⁹.

Из сел. Мосхет (Чечня) происходят каменная булава и «рогатая» (с волютами) булава²³⁰. Другая булава с волютообразным навершием найдена на территории Тарнаира (район г. Махачкала)²³¹. Булава с множеством выпуклостей обнаружена в «каменной гробнице» аула Курен-Беной (см. рис. 15, 21).

Из бывшего Грозненского округа происходят две круглые бронзовые подвески со шнуровым орнаментом (см. рис. 15, 23, 24). Из района сел. Ведено — подвески с шариками на концах и в виде ложечек (см. рис. 15, 26, 27). Богато орнаментированная полусферическая бляха найдена в сел. Согратль (Нагорный Дагестан, см. рис. 15, 28)²³². Последний предмет очень близок бляхам из сел. Ардон и, вероятно, в глубь Дагестана попал в порядке обмена.

В г. Хасав-Юрт обнаружен обломок бронзового предмета с барабанной головкой (см.

рис. 15, 29)²³³, напоминающий фигурку животного из Кисловодска²³⁴.

Множество обломков каменных булав и топоришков (среди них — кабардино-пятигорского типа) собрано на территории прикаспийских песков (Бажиган, Махмут-Мектеб, Ачикулак).

Целые топорики известны из селений Верхний Алкун, Кара-Тюбе, Шали²³⁵. Один топорик кабардино-пятигорского типа округлой формы найден на территории Дагестана²³⁶. Другой топорик подобной формы был найден на Сигитминском скальном поселении²³⁷, также в Дагестане. Наконечники стрел с выемчатыми основаниями найдены в сел. Шали и бывшем Веденском округе²³⁸.

Обзор находок и погребальных памятников на территории северо-восточного Кавказа показывает, что жизнь местных древнейших племен протекала в каком-то общении с населением степей, о чем свидетельствуют памятники северо-западного Прикаспия (сел. Ачикулак, ст. Мекенская, ногайские пески), а также с племенами древнего Дагестана (Гатын-Кале, Миатлы). В этом и заключается своеобразие культурного облика данной области.

Рассмотренный материал свидетельствует о расцвете местной металлургии бронзы. Предметы из металла этого периода разнообразны и очень богато орнаментированы. Больших успехов достигают также аборигенные племена в обработке камня: изящные топорики кабардино-пятигорского типа мастерски отполированы до зеркального блеска. Однако надо заметить, что не все находки могут быть абсолютно точно приурочены к тому или другому этапу. Терочки, которые мы относили ко второму этапу, конечно, могли бытовать и в первом, но более всего встречаются они в погребениях эпохи расцвета северокавказской культуры. Камен-

²²⁷ Музей г. Махачкала, без номера.

²²⁸ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 40, 41.

²²⁹ Материалы прикаспийских экспедиций; музей г. Грозного, № 1552, 738; ГЭ, № 451-1; см. Е. И. Круглов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII. 1941, стр. 160, рис. 1.

²³⁰ Музей г. Махачкала, № 1977.

²³¹ Выставка на конференции, посвященной археологии Дагестана (май 1959 г., г. Махачкала).

²³² ГЭ, № 177, 451 (раскопки Н. В. Орла); предметы опубликованы: А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68. 1958, стр. 69, рис. 16, 1—7.

²²⁷ Указанные предметы хранятся: ГЭ, № 177-42; ГИМ, № 55428; музей г. Грозного, № 475.

²²⁸ Наша находка 1948 г.

²²⁹ В. И. Маркович. Наскальные изображения предгорий северо-восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 157.

²³⁰ ОАК за 1902 г., стр. 100.

²³¹ В. И. Маркович. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, 67. 1957, стр. 122, 123, рис. 51, 3.

²³² Указанные предметы хранятся: ГИМ, № 35179, ГЭ, № 1740-7, 1363-75, 1741-17.

ные булавы также появляются чрезвычайно рано, но широкое распространение на Кавказе получают именно к середине II тысячелетия; позднее, в I тысячелетии до н. э. их отливают уже из металла, снабжая шипами, литым узором (колхидская и кобанская культуры).

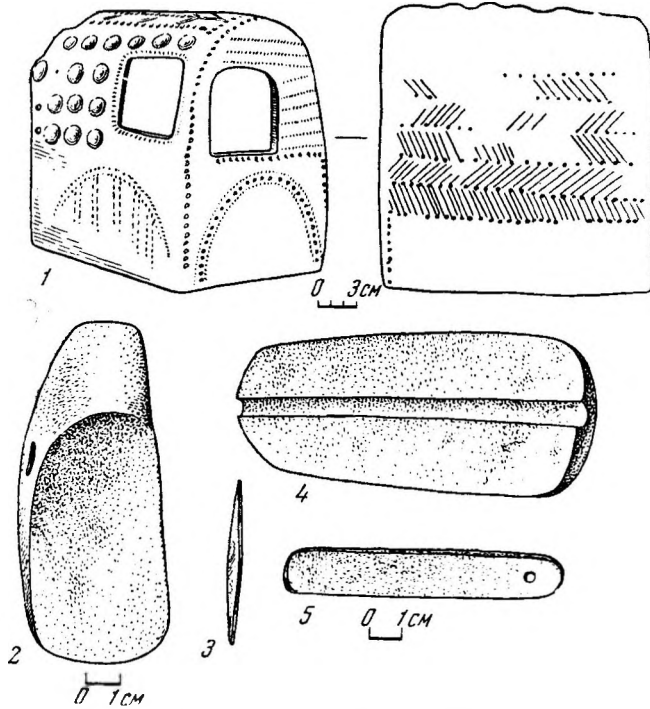

Рис. 29. Ульский аул (Прикубанье). Предметы из подкурганного погребения 7 (Н. И. Веселовский, 1909 г.)

- 1 — глиняная модель хижины; 2 — каменный молот;
3 — бронзовое шило; 4 — каменный выпрямитель стрел;
5 — каменный оселок

Большое значение для датировки второго этапа — его верхней даты — имеет погребение 7 кургана в Ульском ауле. Покойник был положен головой на север, у ног его обнаружена красная краска и две группы кремневых предметов — скребки, ножи и другие вещи. Тут же каменный молоток (топор), оселок, два выпрямителя стрел, четырехгранное шило и прекрасно сделанная глиняная модель хижины (рис. 29)²³⁹.

Обрядовая сторона этого погребения не представляется отклонением от нормы (если не считать северной ориентировки), но его

²³⁹ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 154, рис. 228, а и б.

инвентарь очень интересен. Предметы, найденные в погребении, указывают на сильное влияние степной катакомбной культуры. Выпрямители стрел (песчаниковые плитки с округлыми поперечными углублениями) являются одним из обычных и характерных предметов в погребениях катакомбной культуры²⁴⁰. Каменный топор-молот по своим пропорциям имеет скорее облик катакомбных молотов с каннелюрами, чем каменных топориков северокавказской культуры²⁴¹. Он массивен, обушная часть слита с клинком, в то время как у северокавказских орудий обушная (молоточная) часть изогнута под углом к клинку. Вместе с тем, остальные предметы, включая и прекрасно выполненную модель хижины, имеют вполне северокавказский облик. Модель хижины украшена оттисками шнура, углубленным орнаментом в виде «елочки» (крыша хижины), круглыми напелами, вышуклостями и вдавлениями треугольного штампа, т. е. орнаментальными мотивами, характерными для северокавказской керамики.

Известно, кроме того, погребение 3 кургана 3 ст. Келермесской, где также среди инвентаря были встречены песчаниковые выпрямители²⁴².

Эти памятники, оставленные древними племенами, характеризуют переход к новому, последнему этапу развития местной культуры, когда на Северный Кавказ проникают степные племена.

Если раньше мы говорили о связях северокавказских племен со степными племенами и, в первую очередь, с носителями катакомбной культуры, то имели в виду связи обменного характера, обычные для двух соседних племен. Теперь характер взаимоотношений в корне меняется. Катакомбные племена, возможно, под давлением наступавших на них срубных племен вынуждены были искать новые просторы. Многие из них направились на территорию Прикубанья. Судя по имеющимся данным, это произошло, примерно, в XV — XIV вв. до н. э.²⁴³ Мы принимаем эту датировку условно, так как имеющийся

²⁴⁰ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 122.

²⁴¹ Там же, стр. 96, табл. III.

²⁴² ОАК за 1904 г., стр. 95.

²⁴³ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 34, 35; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 84 и сл.

материал пока не дает оснований для ее изменения. Конечно, проникновение отдельных племен могло происходить и раньше, но оно, по-видимому, не носило характера столь массового движения, как об этом позволяет говорить материал.

Таким образом, второй этап — период расцвета северокавказской культуры²⁴⁴ — можно хронологически ограничивать временем около 1700 — 1500 гг. до н. э. Основанием для такой датировки служит следующее:

1) Курганная стратиграфия показывает, что погребения с вытянутыми костяками зачастую находятся выше могил со скорченными скелетами, относящихся к первому этапу (например, три погребения кургана 5 Ульского кургана²⁴⁵, погребение 3 кургана Хатажукаевского аула²⁴⁶ и др.) и, в свою очередь, перерезаются более поздними катакомбами (погребение 2 кургана 3 ст. Костромской²⁴⁷; в кургане у ст. Советской (б. Урупской)²⁴⁸ и др.). Таким образом, погребения с вытянутыми костяками занимают срединное, «центральное» положение.

2) Курильницы катакомбного типа в большом количестве появляются в степях Северного Кавказа только с середины II тысячелетия до н. э.²⁴⁹ На основной территории бытования северокавказской культуры они появляются несколько позже.

3) Литой орнамент металлических изделий («шнур», «зернь», спиральки, «змейки» и т. д.) близок узору на металлических изделиях из «младших» Триалетских курганов, датируемых серединой II тысячелетия до н. э.²⁵⁰, и аналогичен орнаменту некоторых предметов из дольменов сел. Эшери, близких вещам северокавказской культуры²⁵¹.

4) Отдельные предметы (вислообушные топоры, шилья, кинжалы из ст. Андриковской, наконечники стрел с выемкой у основания и др.) находят аналогию в предметах середины II тысячелетия до н. э. в Закавказье (Грузия²⁵², Азербайджан²⁵³).

* * *

На третьем этапе северокавказская культура на территории Прикубанья постепенно теряет свою самобытность. Погребальные памятники позволяют проследить внедрение элементов катакомбной культуры. Вначале появляются только отдельные черты нового, степного ритуала: черепки с углями, лежащие около погребенных; курильницы; подстилка из коры и камыша под костяками; снова покойных кладут головой на юг в скорченном положении (на правом или левом боку)²⁵⁴.

Таковы погребения кургана 5 Ульского аула²⁵⁵, «Острого кургана» у Геймановского поселка²⁵⁶, ст. Кубанской²⁵⁷, ст. Северной (Северной)²⁵⁸.

Погребений обычного грунтового типа в курганах, но с курильницами (рис. 31), типичными для племен катакомбной культуры Волго-Маньчского междуречья²⁵⁹, в Прикубанье несколько: в ст. Келермесской²⁶⁰, ст. Казанской²⁶¹, Хатажукаевском ауле²⁶²,

²⁵² Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии, стр. 21—28, рис. 11, I; 17, а, б.

²⁵³ Т. Пассек и Б. Латынин. Очерк до-истории Северного Азербайджана. Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана, № 3. Баку, 1926, стр. 147; Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 11—78.

²⁵⁴ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России. Отчет Исторического Музея за 1914 г. М., 1916, стр. 410; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 143.

²⁵⁵ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 154.

²⁵⁶ ОАК за 1900 г., стр. 45.

²⁵⁷ ОАК за 1902 г., стр. 31 (курган 7, погребения 2, 3).

²⁵⁸ ОАК за 1907 г., стр. 90.

²⁵⁹ Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа», стр. 164.

²⁶⁰ ОАК за 1904 г., стр. 96, 97, рис. 166, а, б. Курильницы см. Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа», стр. 170.

²⁶¹ ОАК за 1900 г., стр. 45; Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа», стр. 169, рис. 8, I.

²⁶² ОАК за 1905 г., стр. 72; Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа», стр. 168, рис. 7, 8.

²⁴⁴ Пункты основных памятников и находок см. на карте, рис. 30.

²⁴⁵ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 152.

²⁴⁶ ОАК за 1905 г., стр. 72.

²⁴⁷ ОАК за 1897 г., стр. 17.

²⁴⁸ ОАК за 1903 г., стр. 75.

²⁴⁹ Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа», стр. 174 и сл. Н. Я. Мерперт в одном из курганов у ст. Мекенской в 1959 г. впервые нашел курильницу более раннего типа.

²⁵⁰ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии, стр. 30—32.

²⁵¹ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Кольдиды, I, стр. 290—292, табл. XXXII; Б. Б. Пиотровский. Поселение медного века в Армении. СА, XI. 1949, стр. 182.

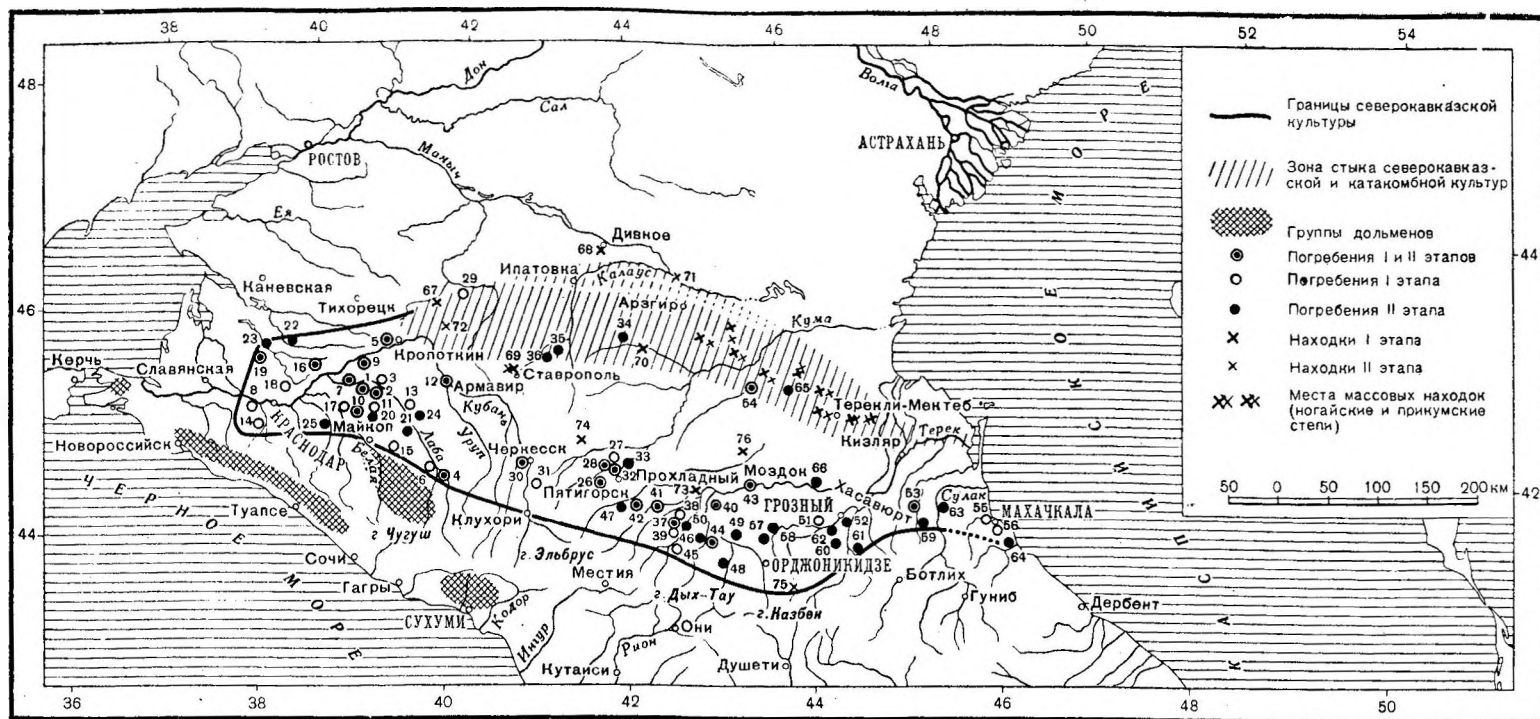

Рис. 30. Памятники северокавказской культуры эпохи бронзы (I—II этапы)

1 — Ульский аул; 2 — Хатажукаевский аул; 3 — ст. Воздвиженская; 4 — ст. Андрюковская; 5 — ст. Казанская; 6 — ст. Псебайская; 7 — ст. Ново-Лабинская; 8 — пос. Александровский; 9 — пос. Геймановский; 10 — ст. Келермеская; 11 — хутор Кру на р. Ульке; 12 — Армавир; 13 — ст. Петропавловская; 14 — ст. Северская; 15 — ст. Новосвободная (впускное погребение); 16 — пос. Праздничный; 17 — ст. Гиагинская; 18 — ст. Некрасовская; 19 — ст. Ново-Джерелиевская; 20 — ст. Кужорская; 21 — ст. Костромская; 22 — ст. Брюховецкая; 23 — ст. Роговская; 24 — ст. Константиновская; 25 — ст. Кубанская; 26 — Кисловодск; 27 — колония Николаевская у Пятигорска; 28 — колония Константиновская у Пятигорска; 29 — с. Летвицкое; 30 — аул Адыге-Хабль; 31 — ст. Джебугтинская; 32 — Пятигорск; 33 — колония Каррас под Пятигорском; 34 — сел. Александрия; 35 — с. Орехово (Ореховка); 36 — с. Высоцкое; 37 — Нальчик; 38 — сел. Соломенка; 39 — сел. Долинское; 40 — сел. Верхний Акбаш; 41 — сел. Заюково; 42 — сел. Каменномоетское; 43 — Моздок; 44 — сел. Ардон; 45 — сел. Галиат; 46 — сел. Старый Лескен; 47 — сел. Хабаз; 48 — сел. Старый Урух; 49 — сел. Хумалаг; 50 — сел. Нартан; 51 — сел. Закап-Юрт; 52 — г. Грозный; 53 — г. Хасав-Юрт; 54 — сел. Ачикулак; 55 — сел. Кяхулай; 56 — сел. Тарки; 57 — сел. Чермен (Вазоркино); 58 — сел. Ново-Дигорское (Назрань); 59 — сел. Андрей-Аул (Эндери); 60 — сел. Урус-Мартан (Красноармейское); 61 — могильник Гатын-Кале (сел. Асланбек-Шерипово); 62 — сел. Кулары; 63 — сел. Миатлы; 64 — ст. Манас; 65 — Бажиган; 66 — ст. Мекенская; 67 — с. Привольное (клад); 68 — с. Дивное; 69 — Ставрополь; 70 — сел. Благодарное; 71 — ст. Воздвиженская; 72 — ст. Расшеватская; 73 — г. Прохладный; 74 — сел. Салтановское; 75 — сел. Алкун; 76 — с. Надежда

ст. Кубанской²⁶³, «Денисовом кургане» у ст. Тифлисской²⁶⁴, в Армавире²⁶⁵.

В этих погребениях большей частью сохраняется вытянутое положение костяков и ориентировка на восток. Вероятно, северокавказские племена, перенимая отдельные черты обряда пришлого населения, долгое время сохраняли свои погребальные обычаи.

В этот период появляются также захоронения в настоящих катакомбах — сооружениях, которые никоим образом не могут считаться местными по своему устройству. Однако и в них покойники очень часто лежат в вытянутом положении и ориентированы головой на восток, в то время как для погребений катакомбных племен характерно «скорченное положение на правом или левом боку»²⁶⁶. Только в раннекатакомбных погребениях встречаются вытянутые костяки, но в Прикубанье они до сих пор не известны.

Катакомбные погребения в настоящее время известны в следующих пунктах Прикубанья: в пос. Александровском²⁶⁷, на территории бывшего имения Зиссерманов²⁶⁸, в Армавире, ст. Советской (б. Урупской)²⁶⁹, ст. Усть-Лабинской²⁷⁰, ст. Кубанской²⁷¹, ст. Ново-Джерелиевской²⁷² и др. Во всех этих погребениях преобладает восточная ориентировка.

Нам представляется, что катакомбные племена, наводнившие в этот период Прикубанье, не только сильно влияли на местные племена, вынужденные, возможно, даже отойти в соседние районы, но и сами восприняли некоторые местные обычаи (например, стали хоронить покойных головой на восток). Культура этого времени носит явно смешанный характер.

В связи со сказанным интересно остановиться на находке, сделанной у ст. Попутной

на р. Уруп (раскопки 1949—1950 гг. Н. В. Анфимова) во впускном подкурганном погребении. Там был обнаружен сосуд с высокой шейкой, желобками по плечикам и орнаментом в виде косых штриховок, отходящих от вертикальных линий (рис. 32, 1)²⁷³. Близкий по форме и орнаментации сосуд известен из позднекатакомбного погребения у с. Кондрашовки (Воронежская обл.). Сосуд этот типичен для воронежской группы катакомбной керамики (см. рис. 32, 2)²⁷⁴.

Таким образом, сосуд из ст. Попутной, не находящий себе аналогий среди северокавказской керамики, но сходный с сосудом из с. Кондрашовки, пожалуй, свидетельствует о приходе отдельных племен катакомбной культуры издалека, с севера.

Влияние племен срубной культуры в Прикубанье не сильно; нам известны лишь отдельные предметы и захоронения, которые, возможно, могут быть связаны с носителями этой культуры. Таковы погребения в «Межевом кургане» у ст. Петропавловской²⁷⁵, в ст. Чамлыцкой²⁷⁶ и в ст. Каневской²⁷⁷. Обнаруженные в них срубы, имевшие опорные столбы, содержали вытянутые и скорченные окрашенные костяки (см. карту, рис. 33).

Подобные сооружения не встречаются в более ранних памятниках Прикубанья и всего Северного Кавказа, хотя дерево и употреблялось в конструкции могил в виде перекрытий и даже облицовок.

Бронзовый нож срубного типа (с двойным перехватом, см. рис. 32, 6) был найден во впускном погребении кургана 2 ст. Крымской²⁷⁸.

Таким образом, третий этап в Прикубанье охватывает период от времени появления степных племен до полного смешения их с местной средой, что привело к возникновению прикубанской культуры последующего времени.

²⁶³ Т. Б. Попова. К вопросу о курьельниках «северокавказского типа», стр. 170, 171, рис. 9, 2.

²⁶⁴ ОАК за 1902 г., стр. 69.

²⁶⁵ ОАК за 1902 г., стр. 86, 89 (курган 1, погребение 1 и курган 4, погребение 3).

²⁶⁶ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 143.

²⁶⁷ ОАК за 1900 г., стр. 43.

²⁶⁸ Там же (курган 4, погребение 3).

²⁶⁹ ОАК за 1903 г., стр. 68.

²⁷⁰ Там же (курган 1).

²⁷¹ ОАК за 1902 г., стр. 91 (курган 6, погребение 2—4, курган 7, погребение 4).

²⁷² ОАК за 1911 г., стр. 45 (курган 1, погребение 3).

²⁷³ Используется с любезного разрешения Н. В. Анфимова (см. его «Отчет об археологических разведках на Кубани, проведенных Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг.». Сосуд хранится в музее Краснодара, № 3752-184).

²⁷⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 84, рис. 16, 1.

²⁷⁵ ОАК за 1907 г., стр. 89, 90.

²⁷⁶ ОАК за 1898 г., стр. 39.

²⁷⁷ Раскопки Д. Я. Чуйко в Кубанской области. См. ИАК, вып. 4. СПб., 1902, стр. 137; архив ЛОИА, д. АК № 19 за 1899 г. л. 24.

²⁷⁸ ОАК за 1895 г., стр. 129.

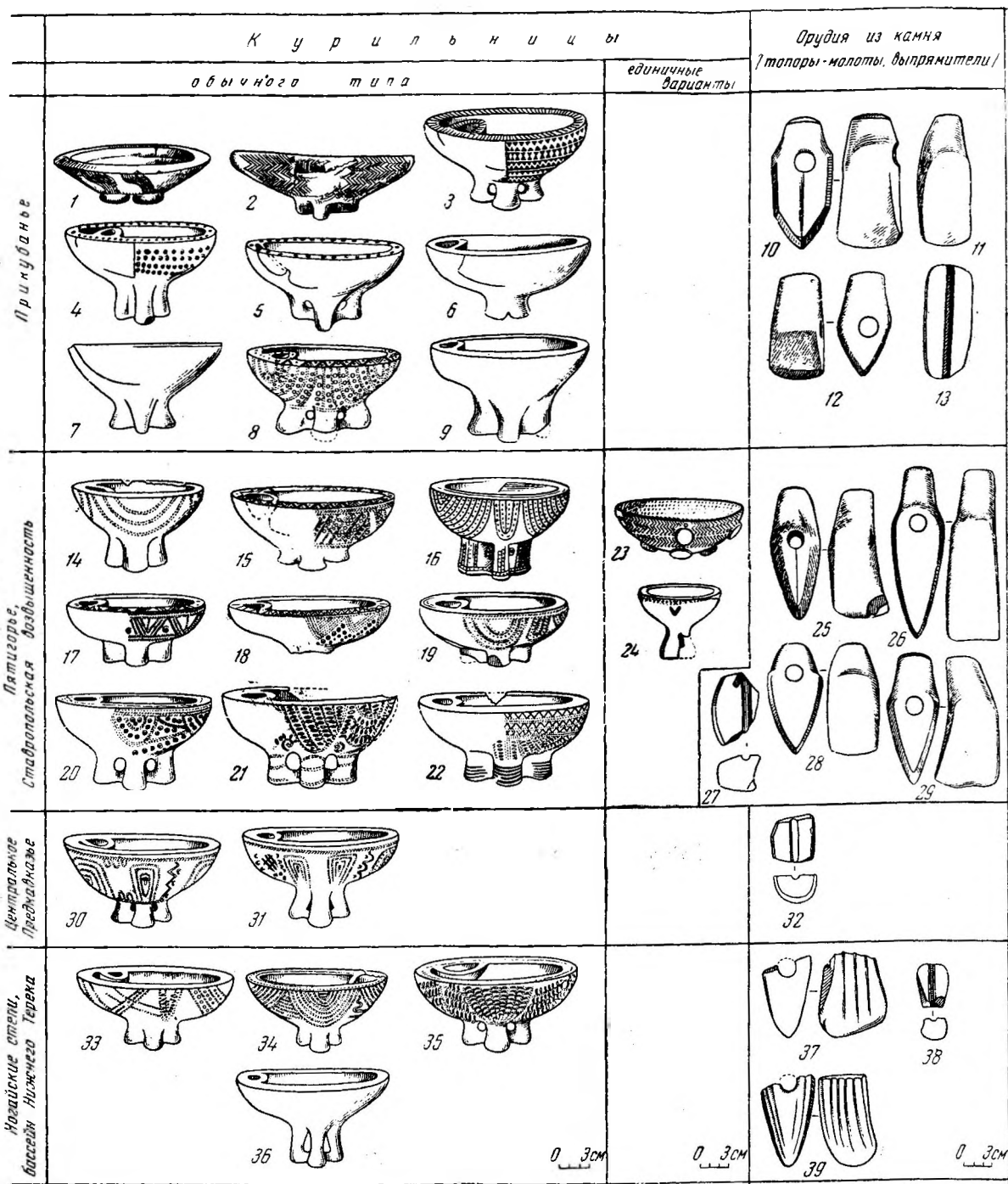

Рис. 31. Предметы катакомбной культуры, найденные на Северном Кавказе

Прикубанье: 1 — Хагажукаевский аул; 2 — ст. Келермесская (1, 2 — по А. М. Тальгрену); 3, 4 — Армавир (ГИМ, № 48480, 48478); 5 — ст. Казанская (ГИМ, № 42419); 6 — 10 — Прикубанье (ГИМ, № 48476; Эрмитаж, № 66-5; ГИМ, № 48478; Эрмитаж, № 66-11; музей Краснодара, № 3613/68); 11, 13 — Ульский аул (Эрмитаж, № 51-27, 30); 12 — ст. Роговская (музей Краснодара, № 3316)

Пятигорье и Ставропольская возвышенность: 14, 19, 21, 25 — Ставрополье (музей Ставрополя, № 2832, 2833, 2949, 3559); 15 — сел. Преградное (музей Ставрополя, № 3558); 16 — Пятигорск, Гражданские хутора (музей Пятигорска, № 579); 17, 20 — с. Сотниковское (музей Ставрополя, № 813, 2833); 18 — с. Барсуки (музей Ставрополя).

Следовательно, северокавказская культура в Прикубанье в более или менее чистом виде просуществовала только два первых (ранних) этапа. Третий (поздний) этап — это время, когда большинство признаков изучаемой культуры заменяется новыми, инородными — степными. Это время бытования культуры смешанного облика, рассмотрение которой может служить темой специальной работы.

Отдельных находок, относящихся к третьему этапу, в Прикубанье сделано немного. Более всего известен клад бронзовых изделий, найденный в 1914 г. в ст. Костромской. Он состоял из вислобушного топора, плоского, тесловидного топора, долот с желобами, серпов, а также целого ряда металлических изделий (см. рис. 7, 30—34)²⁷⁹.

Среди керамики выделяется серия сосудов округлых и приземистых форм, украшенных нарезным орнаментом и налепными валиками. Форма этих сосудов сохраняет некоторые черты (плавность, округлость) древней северокавказской керамики (см. рис. 7, 37—41). Четыре курильницы катакомбного типа (см. рис. 31, 6—9) без точного паспорта²⁸⁰, дополняют коллекцию предметов из Прикубанья.

* * *

Но степные племена проникли не только в бассейн р. Кубани; следы их (погребальные памятники и отдельные находки) обнаружены по всему Северному Кавказу.

Наибольшее количество курильниц найдено в ставропольских степях (см. рис. 31). Таковы находки в районе селений Сотников-

ского (четыре экземпляра)²⁸¹, Спасского, Преградного, Барсуковского (восточнее Невинномысска. Места находок четырех ку-

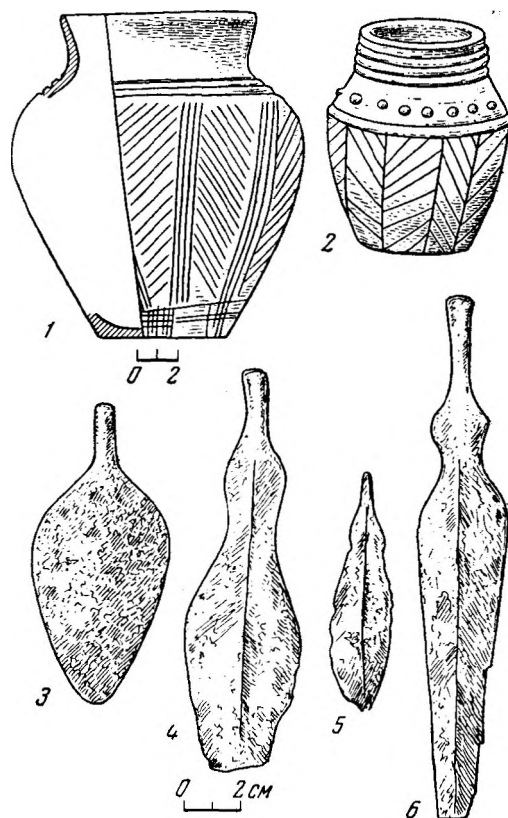

Рис. 32. Предметы степного типа

Сосуды: 1 — из погребения в кургане у ст. Попутной (по Н. В. Авфимову); 2 — из с. Кондрашовки (Воронежская обл., по О. А. Кривцовой-Граковой)

Бронзовые ножи: 3 — сел. Былым; 4 — Северная Осетия (без точного паспорта); 5 — могильник Верхняя Рутха, сел. Кумбулта; 6 — ст. Крымская, курган 2, впускное погребение (по Н. И. Веселовскому)

²⁷⁹ ИАК, вып. 65. Петроград, 1918, стр. 173, рис. 11; А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 96, 97, рис. 5.

²⁸⁰ ГЭ, № 66-5, 11; ГИМ, № 48476.

²⁸¹ Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, стр. 135, 166, рис. 46. Хранятся в музее Ставрополя, № 813, 2834.

без номера); 22 — с. Спасское (музей Ставрополя, № 2948); 23, 29 — Пятигорье (музей Пятигорска, № 615, 654); 24 — Кисловодск, «Три камня» (ГИМ, № 42419); 26, 27 — за Кисловодском, по дороге к горе Бермамыт (музей Пятигорска, № 667, 681); 28 — г. Минеральные Воды (музей Пятигорска, № 656)

Центральное Предкавказье: 30, 31 — Моздок (30 — курган 10, в насыпи; 31 — курган 10, погребение 14, Эрмитаж, № 1463 (25, 31); 32 — Нальчик, курган у «Советской дачи» (по Б. Е. Дегену)

Ногайские степи, бассейн Нижнего Терека: 33, 36 — г. Грозный (Эрмитаж, № 1783-1; ГИМ, № 57766); 34 — ст. Наурская (музей г. Грозного); 35 — ст. Мекенская (курган 2, раскопки Е. И. Крупнова, 1956 г.); 37 — Бажиган (музей г. Грозного); 38 — Ногайские пески (музей г. Грозного, № 1496); 39 — сел. Ачикулак (музей г. Грозного)

рильниц, хранящихся в музее Ставрополя, неизвестны²⁸².

В районе кавказских Минеральных Вод находки курительниц очень редки. Три из них, найденные в Георгиевске²⁸³, в Пятигорске — у Гражданских хуторов (см. рис. 31, 16)²⁸⁴ и в кургане близ аула Адыге-Хабль²⁸⁵, все они ничем не отличаются от обычных курительниц племен катакомбной культуры. Два других сосуда — из района кавказских Минеральных Вод (см. рис. 31, 23)²⁸⁶ и из Кисловодска («Три камня», см. рис. 31, 24)²⁸⁷ только отдаленно напоминают эти предметы. Первый из них представляет чашу, стоящую на четырех полукруглых выпуклинах, два таких же выступа с горизонтальными сквозными каналами имеются и на внешней поверхности предмета. Как на единственную и далеко не точную аналогию можно указать на курительницу из с. Новогригорьевки (УССР, южнее Днепропетровска)²⁸⁸. Возможно, по этому сходству следует судить об одном из исходных районов движения племен катакомбной культуры. Курительница, найденная под Минеральными Водами, представляется нам местным подражанием привнесенным формам — она не имеет перегородки, а выпуклины, покрывающие ее, очень напоминают «шишечки» местных мраморных булав.

Вторая курительница (из Кисловодска) была обнаружена в каменном склепе, содержащем два вытянутых детских костяка²⁸⁹. Она представляет чашу, стоящую на массивной четырехгранной ножке (см. рис. 31, 24), и если бы не угли, найденные в ней, то вряд ли ее можно было бы отнести к курительницам. Интересно отметить, что и это погребение, и подкурганное погребение с курительницей в ауле Адыге-Хабль (курган 2, погребение 4),

совершены по обряду, принятому северокавказскими племенами²⁹⁰.

В этот период в Пятигорье появляются массивные боевые топоры-молоты степного типа²⁹¹, спорадически встречающиеся на территории Пятигорья и Ставропольской возвышенности. Подобные молоты известны сейчас из сел. Малый Айгур²⁹², Кисловодска (дорога на гору Бермамыт: см. рис. 31, 26, 27)²⁹³, г. Минеральные Воды (см. рис. 31, 28)²⁹⁴ и с. Летницкого²⁹⁵. Эти молоты не могут быть признаны местными, так как они генетически не связаны с распространенным на Северном Кавказе кабардино-пятигорским типом топориков, слишком массивны и слишком редко встречаются.

Памятники Пятигорья, следовательно, показывают, что культура местных племен в этот период продолжает развиваться. В первую очередь это касается местной металлургии. Дошедшие до нас бронзовые топоры приносят к этому времени разнообразные и несколько вычурные формы (см. рис. 9, 56, 58). Таковы топоры, найденные у сел. Этока (южнее Пятигорска)²⁹⁶, на р. Кяфар (иррииск Кизильчук)²⁹⁷ и в районе Ставрополя²⁹⁸. Эти находки генетически связываются с несколько более поздними предметами (начала I тысячелетия до н. э.) из Боргустанского и Бекешевского кладов, с р. Эшкакон, находками на р. Кюль-Тюбе (Гилляч)²⁹⁹.

²⁹⁰ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкессии, стр. 277, 278.

²⁹¹ Т. Б. Полова. Племена катакомбной культуры, стр. 96, табл. III; А. Ауграпää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII, 1933, S. 62, Abb. 55—57.

²⁹² Музей Ставрополя, № 2853.

²⁹³ Музей Пятигорска, № 667. Там же был найден выпрямитель стрел (№ 681, см. рис. 31, 27). Выпрямитель стрел известен и из Эссентуков (№ 640).

²⁹⁴ Музей Пятигорска, № 656.

²⁹⁵ ОАК за 1898 г., стр. 54; ГЭ, № 36-5. Из северных районов Ставрополя известно еще четыре каменных топора-молота (целые и в обломках), музей Ставрополя, № 3559, 2865 и 2852; музей Пятигорска, № 654.

²⁹⁶ Музей Пятигорска, № 2358.

²⁹⁷ Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, стр. 137, рис. 48.

²⁹⁸ П. С. Уваров. Museum Caucasicum, т. V, стр. 160, № 3356. Хранится в Государственном музее Грузии (Тбилиси), № 17-02/86, 3356; три экземпляра в музее Ставрополя.

²⁹⁹ Н. М. Егоров. Боргустанский клад 1941 г. СА, XV, 1951, стр. 292—295; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951,

²⁸² Все указанные предметы хранятся в музее Ставрополя, № 2948, 3558, 2633, 2949, 2732 и 2831; см. Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, стр. 196.

²⁸³ ГЭ, № 133 (находка А. И. Кельяна, 1906 г.).

²⁸⁴ Музей Пятигорска, № 579. Опубликовано, см. А. М. Tallgren. Etudes sur le Caucase du nord, p. 28, fig. 17.

²⁸⁵ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкессии, стр. 277, 278, рис. 4 г, д.

²⁸⁶ Музей Пятигорска, № 615 (находка В. Р. Апухтина).

²⁸⁷ ГИМ, № 42419.

²⁸⁸ Т. Б. Полова. К вопросу о курительницах «северокавказского типа», стр. 163, рис. 2, 1.

²⁸⁹ А. С. Уваров. Раскопки Саможвасова, стр. 154—156.

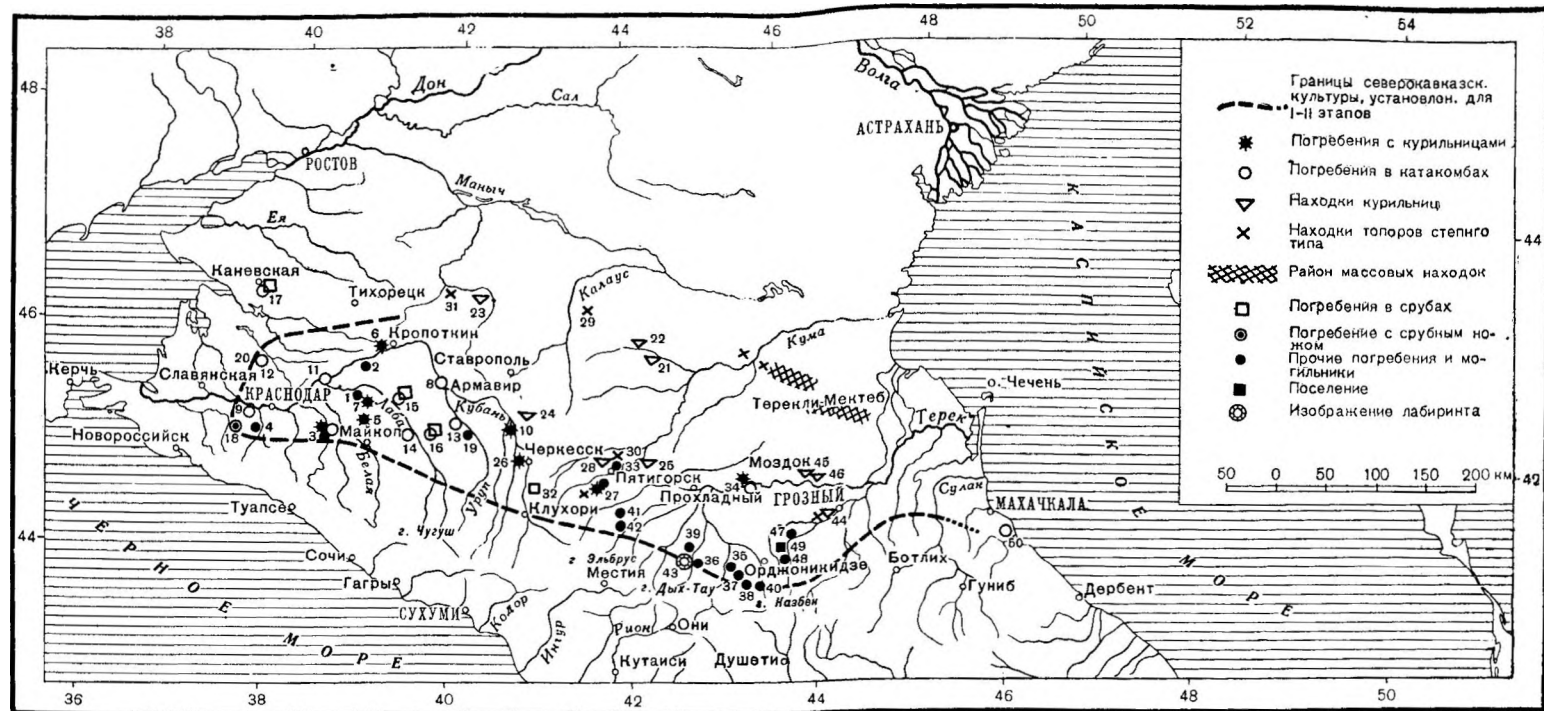

Рис. №33. Памятники северокавказской культуры эпохи бронзы (III этап)

1 — Ульский аул; 2 — пос. Геймановский; 3 — ст. Кубанская; 4 — ст. Северская; 5 — ст. Келермеская; 6 — ст. Казанская; 7 — Хатажукаевский аул; 8 — Армавир; 9 — пос. Александровский; 10 — б. участок Зиссермана; 11 — ст. Усть-Лабинская; 12 — ст. Ново-Джерелиевская; 13 — ст. Советская (б. Урупская); 14 — ст. Костромская; 15 — ст. Петропавловская; 16 — ст. Чамлыцкая; 17 — ст. Каневская; 18 — ст. Крымская; 19 — ст. Попутная; 20 — ст. Роговская; 21 — с. Сотниковское; 22 — с. Спаское; 23 — сел. Преградное; 24 — сел. Барсуковское; 25 — г. Георгиевск; 26 — аул Адыге-Хабль; 27 — колония Константиновская у Пятигорска; 28 — район г. Минеральных Вод; 29 — сел. Малый Айгур; 30 — г. Минеральные Воды; 31 — с. Летичское; 32 — ст. Джегутинская; 33 — колония Константиновская у Пятигорска; 34 — Моздок; 35 — сел. Кумбулта (Верхняя Рутха); 36 — сел. Галиат (Фаскау); 37 — сел. Корца; 38 — сел. Верхний Кубан (Загли Барзонд); 39 — сел. Допларс; 40 — сел. Чми (Беахни-Куп); 41 — Нальчик; 42 — сел. Нартан; 43 — сел. Махческ; 44 — г. Грозный; 45 — ст. Наурская; 46 — ст. Мекенская; 47 — ст. Нестеровская; 48 — сел. Галашки; 49 — сел. Алхасте; 50 — ст. Манас

Древние местные металлурги получали металл, вероятно, из центральных районов Кавказа. О связях с древней Дигорией свидетельствует погребение кургана 5 у Кисловодска («Три камня»), в котором были найдены две массивные бронзовые булавки³⁰⁰ так называемого дигорского типа (более всего известны из районов Дигорити и сел. Чми в Северной Осетии). Подобные булавки известны и из Карачая (Черкесия). Датируют их обычно второй половиной II тысячелетия до н. э.³⁰¹

Специфические формы керамики третьего этапа выделяются слабо, так как посуда, вероятно, сохраняла в основном прежние формы. Однако отдельные сосуды довольно резко отличаются от основной массы керамики. Таковы сосуды, найденные в «Денежкином кургане» у колонии Константиновской под Пятигорском (см. рис. 9, 63)³⁰², в Кисловодске (см. рис. 9, 62), в кургане у р. Ташлы близ Ставрополя (см. рис. 9, 60)³⁰³, в ст. Кисловодской (окрестности Кисловодска)³⁰⁴. Все эти сосуды и формой и орнаментом (нарезной орнамент, сочетающийся со шнуровым, «знаки» на тулове, зубчатый обрез венчика) напоминают керамику срубной культуры³⁰⁵. Один из них (из «Денежкина кургана») был найден в обычном каменном ящике. Лишь только центральное погребение, открытое в кургане «Сангарау-тепе» у ст. Джегутинской, представляло собой типичный сруб. Правда, курганная насыпь, покоившаяся на площадке, выложенной камнем, указывает на сохранение и в этом памятнике старых северокавказских черт³⁰⁶.

стр. 92, рис. 21; Н. М. Егоров. Могильник у реки Эшкакон. КСИИМК, 64. 1956, стр. 135—140; Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске, стр. 136, 137, рис. 47.

³⁰⁰ Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 29; его же. Могильные древности Пятигорского округа, стр. 51, табл. II, 1.

³⁰¹ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 56—60, рис. 26.

³⁰² Д. Я. Самоквасов. Описание археологических раскопок..., стр. 37; сосуд в ГИМ, № 76990.

³⁰³ Хранятся: музей Пятигорска, № 515; музей Ставрополя, № 3050.

³⁰⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, табл. XIV, 19.

³⁰⁵ А. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 34, 42, рис. 7, 10 и др.; А. А. Формозов. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. ВДИ, 1953, № 1, стр. 193—200.

³⁰⁶ ОАК за 1901 г., стр. 89.

Малое количество материала не позволяет полнее осветить культуру третьего этапа на территории Пятигорья и прилегающей к нему Ставропольской возвышенности. О некотором усилении влияния степных культур на древние племена этой части Северного Кавказа говорят только отдельные элементы. Но в целом влияние степняков в этих районах было невелико. Обряд погребения, судя по имеющимся памятникам, почти не меняется. Косвенно об этом свидетельствуют и погребения первой половины I тысячелетия до н. э. на р. Эшкакон, где также были вскрыты могилы с вытянутыми костяками. Степное влияние в этот период слабо прослеживается в материальной культуре изучаемых племен. В этом Пятигорье существенно отличается от Прикубанья.

* * *

Центральная часть Северного Кавказа сохранила мало следов продвижения степных племен. Наиболее яркие памятники, оставленные ими, обнаружены в Моздокских степях. Так, погребение 17 в кургане 10 (Моздок) представляло собой захоронение в катакомбе, кроме того, в погребении 14 и в насыпи кургана найдены типичные курильницы³⁰⁷.

В горных районах Центрального Кавказа только отдельные предметы могут быть связаны с пребыванием здесь племен катакомбной культуры. Таковы очень широкий бронзовый листовидный нож, типичный для степных племен Поволжья (см. рис. 32, 3) найденный в сел. Былым³⁰⁸, и выпрямитель для древков стрел, обнаруженный в одном из курганов г. Нальчика (см. рис. 31, 32)³⁰⁹.

К сожалению, памятники горной части Центрального Кавказа редко представляют собой непотревоженные комплексы. Так, могилы 10 и 16, исследованные Е. И. Крупновым на территории могильника «Верхняя Руха» у сел. Кумбулта, оказались некогда

³⁰⁷ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 245, 246.

³⁰⁸ Сведения получены от Е. И. Крупнова и публикуются с его любезного разрешения.

³⁰⁹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 252, рис. 35, 10; Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. I. Нальчик, 1951, табл. XV, 3.

ограбленными. Однако они имеют первостепенное значение для изучения культуры древних племен тех районов, на которых почти не сказались влияние степных племен.

Каменный топор, найденный в могиле 16 (см. рис. 35, 1), является явным прототипом бронзовых кобанских топоров³¹⁰. Керамика склепов представлена сосудами типа горшков

Рис. 34. Часть инвентаря погребения 10 могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта (Северная Осетия)

1 — пастовые бусы; 2, 3 — кремневые наконечники стрел; 4, 5 — бронзовые кинжалчики

Могила, открытые у сел. Кумбулта, представляли собой квадратные склеповидные сооружения, сложенные из плитняка и ориентированные по странам света. Перекрытие их в виде накатника из бревен покоилось на специальных широких каменных уступах. В склепах найдены коллективные захоронения. Инвентарь очень богат и разнообразен. Необходимо отметить среди бронзы два «кинжалчика удлиненно-треугольной формы» с черенками (рис. 34, 4, 5), листовидные ножи обычного типа, «наконечник дротика» с длинным плоским черенком (рис. 35, 6), крупные «рогатые» булавки дигорского типа с выпуклым штампованным орнаментом (см. рис. 35, 3), височные кольца, но уже не круглой, а овальной формы (см. рис. 35, 7, 8).

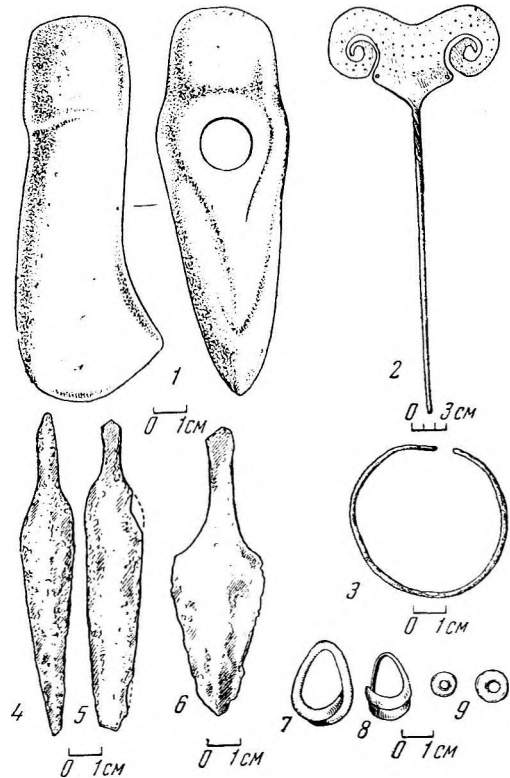

Рис. 35. Часть инвентаря погребений 10 и 16 могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта (Северная Осетия)

1 — каменный топор; 2 — бронзовая булавка; 3 — бронзовый браслет; 4, 5 — бронзовые ножи; 6 — бронзовые наконечники дротика (?); 7, 8 — височные кольца; 9 — пронизки из кости; 1—3, 7—9 — из погребения 16; 4—6 — из погребения 10

и банок, орнаментированными, помимо отпечатков шнура, прочерченным узором (зигзаги, продольные линии) и налепами (рис. 36).

Близкие по типу четыре сосуда из этого же могильника у сел. Кумбулта изданы П. С. Уваровой (см. рис. 13, 118—121)³¹¹. Указанные находки дополняются костяными

³¹⁰ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 68, 71, 72, рис. 6, 7.

³¹¹ МАК, VIII. М., 1900, стр. 231, табл. XCIX, 4—7.

«пуговицами», пастовыми бусами и «рогатым» бисером³¹².

Е. И. Крупнов, опубликовавший этот материал, дополняет его случайными находками из различных могильников.

Из могильников Фаскау (сел. Галиат), Заг-

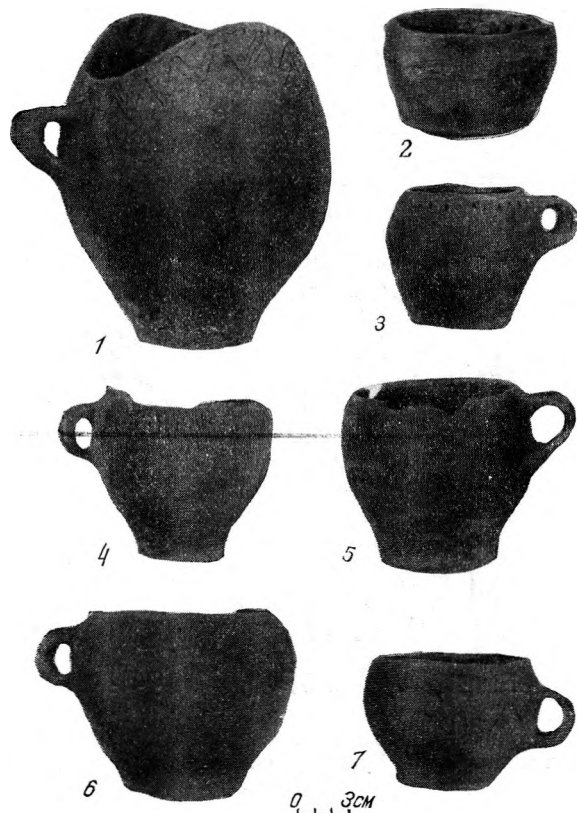

Рис. 36. Сосуды из погребения 10 и 16 могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта (Северная Осетия)

1, 3—7 — из погребения 10; 2 — из погребения 16

ли Берзонд (сел. Верхний Кобан), Верхняя Рутха (сел. Кумбулта) известны наконечники стрел с небольшими выемками у основания (см. рис. 13, 96), по форме близко стоящие к наиболее поздним закавказским образцам. К концу II тысячелетия до н. э. Е. И. Круп-

нов относит также булавы с выпуклостями (см. рис. 13, 100, 102—104) из могильника Фаскау (сел. Галиат). В это время продолжают существовать и более древние типы булав (круглые, грушевидные — из могильников Фаскау, Верхняя Рутха, сел. Донифарс и др.). Булава, покрытая циркульным орнаментом (см. рис. 13, 101), найдена в сел. Камунта, две булавы с выступами найдены в могильнике Беахни-Куп у сел. Чми и где-то в Осетии (см. рис. 13, 102, 104). К этому же времени можно отнести пастовые бусы (Верхняя Рутха), каменный пест с рукоятью из могильника Фаскау и серию топоров трубчатообушного и вислообушного типов, происходящих из упомянутых выше могильников, а также из сел. Чми. Эти топоры являются «примером дальнейшего развития более ранних массивных вислообушных топоров»³¹³. Некоторые из них украшены выпуклостями и нарезным узором (см. рис. 13, 105—109).

Большое количество листовидных ножей известно из селений Кумбулта, Донифарс, Галиат, Кобан, Чми.

К концу II тысячелетия до н. э. появляется и новый вид украшений: дугообразно согнутая подвеска с двумя-тремя лопастями (сел. Кумбулта и другие места Дигории — см. рис. 13, 117)³¹⁴.

Керамика, близкая посуде могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта, обнаружена в могильнике Фаскау³¹⁵.

Материалы, изданные Е. И. Крупновым, пополняются серией новых случайных находок.

Наиболее ранними предметами, относящимися к третьему этапу, представляются нам округлые сосуды с кольцевидными ручками из местности Сапата (у сел. Верхний Кобан.) Орнаментация их состоит из налепов, врезанного и нанесенного лощилом узора (зигзаги, треугольники и пр., см. рис. 13, 122, 124)³¹⁶.

³¹³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 43—46, рис. 9, 10.

³¹⁴ Там же, стр. 48, 61, рис. 21, 3.

³¹⁵ Там же, стр. 47, 43, рис. 11, 1—5 и рис. 12. Некоторые из материалов, изданных Е. И. Крупновым, см. в МАК, VIII. М., 1900, стр. 206—207, 228, 252 и др., рис. 179, 221, 252; табл. XXXIII; XCIV, 3, 4, 6; СIII, 18; СXXI и др.

³¹⁶ Музей г. Орджоникидзе, № 3672. Материал был любезно предоставлен в мое распоряжение покойным проф. Л. П. Семеновым.

³¹² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 48—58, рис. 18—20.

Из селений Кобан и Камунта известны массивные «рогатые» булавки дигорского типа.

Уже давно указывалось на сходство дигорских древностей с древностями юго-восточных районов Кабардино-Балкарии³¹⁷.

Действительно, на территории Нальчикского неолитического могильника были вскрыты два впускных погребения (28 и 31), содержавшие материал, близкий дигорскому: сосуды с небольшими ручками и характерным орнаментом, височные кольца, подвески из зубов оленя, различные бусины из пасты, сердолика и другие предметы (рис. 37)³¹⁸.

Авторы, опубликовавшие этот материал, говорят о специфических особенностях керамики данных погребений, намечая территорию ее распространения до Дигории (Кумбулта, Донифарс) включительно³¹⁹. К этому можно добавить и общие черты захоронения в погребениях Кумбулты³²⁰ и Нальчикского района.

Близко дигорским и нальчикским памятникам и открытое в кургане 1 между сел. Нартан и Прохладненским шоссе погребение, в котором найдены костяные подвески, похожие на подвески из оленьих зубов, костяной предмет, напоминающий поздние наконечники стрел, бронзовый браслет и колечко³²¹.

Среди случайных находок, происходящих из Кабарды, имеются вещи также близкие осетино-дигорским.

Таков сосуд из окрестностей Нальчика с орнаментом из углов (см. рис. 13, 123) и другой без точного паспорта, украшенный прямоугольными вдавлениями и кружочками.

Каменный топор из кургана у сел. Заково имеет сходство с бронзовыми топорами-секирами последующего времени (см. рис. 13, 97). Отдаленно напоминает топорики кабардино-пятигорского типа и орудие с медным стержнем для рукояти, извлеченное вме-

сте с кинжалом сероватого металла из кургана у сел. Шалушинского (см. рис. 13, 98)³²².

Из всего сказанного следует, что предложение Е. И. Крупнова выделить памятники Западной Осетии и юго-восточных районов

Рис. 37. Нальчик. Территория неолитического могильника

1 — впускное погребение 28; 2 — сосуд из этого погребения; 3 — впускное погребение 31; 4 — подвески из зубов животных; 5 — медные конусовидные подвески; 6 — височное колечко; 7 — пастовые и каменные бусы; 8 — сосуд; 4—8 — из погребения 31

Кабардино-Балкарии «в особую группу древностей Северного Кавказа» вполне закономерно. Тем самым выделяется один из локальных вариантов северокавказской культуры на позднем этапе развития, предшествующем кобанской культуре. Е. И. Крупнов дал ему название «дигорской культуры»³²³.

О том, что «дигорская культура» генетически зависела от северокавказской культуры предшествующего периода, свидетельствуют

³¹⁷ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 122; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 60.

³¹⁸ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 75, 76, 121, 122, рис. 20, 21, 25, табл. III, 1, 2; VI, 1—3; X, 2, 3.

³¹⁹ Там же, стр. 122.

³²⁰ Архив ЛОИА, д. № 16 за 1889 г., отчет В. И. Долбежева, л. 54; ОАК за 1889 г., стр. 58, 59.

³²¹ Е. Хакушев. Новые археологические находки, стр. 195, 196, рис. 1, а—г.

³²² Указанные предметы хранятся: музей Нальчика, № 1959, 1456, 1449; см. также Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 237.

³²³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 60.

преемственность форм булавок, топориков из камня и металла, шнуровой орнамент, контуры сосудов, могильные сооружения, окрашенность костяков и т. д. Почти полное отсутствие степного влияния, сохранение «горских» черт, связь с последующей кобанской культурой позволяют выделить данный район как локальный вариант не только на позднем этапе развития, но и на протяжении почти всего II тысячелетия до н. э. Но об этом более подробно мы скажем несколько позже.

Только один предмет — сосуд из Моздока, очень характерный для памятников описанного круга (см. рис. 13, 125)³²⁴, указывает на связи горных областей с предгорными степными районами в конце II тысячелетия до н. э.

В это время гораздо более сильными были связи с северными районами Грузии, особенно Рачой, что прослеживается не только по общности типов металлических изделий³²⁵, но особенно по формам сосудов, по приемам орнаментировать их врезанными линиями, прямоугольными штампами и т. д. (орнаментика в виде оттисков шнура на керамике в этих районах древнейшей Грузии не существовала)³²⁶. Наметившаяся близость инвентаря позволила А. А. Иессену выделить особый Дигоро-рачинский район, «где в рассматриваемое время сохраняются многие архаические черты более древней местной культуры»³²⁷.

Нам представляется, что возросшие связи обменного характера с горными районами, в том числе с Закавказьем, породили своеобразие культуры, которое отмечают оба исследователя — Е. И. Крупнов и А. А. Иессен.

Дальнейшие археологические работы несомненно уточнят все вопросы, связанные с исследованием этой группы памятников.

К концу существования северокавказской культуры относится целый ряд различных находок.

³²⁴ Музей Пятигорска, № 421.

³²⁵ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. X—XII.

³²⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 66—72.

³²⁷ А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 15.

В могильнике Беахни-Куп у сел. Чми найдены клинки листовидных кинжалов длиной до 17—18 см, прикреплявшиеся к рукояти двумя-тремя заклепками (см. рис. 13, 114), массивные височные кольца, сосуды баночных форм и костяные наконечники стрел с длинным черенком (см. рис. 13, 127)³²⁸. Ближайшие аналогии им находим среди предметов Самтаврского могильника.

К концу II тысячелетия до н. э. бронзовые топоры приобретают формы, очень близкие кобанским топорам (топор из сел. Лескен и литейные формы из сел. Зилга)³²⁹. Трубочатообушные топоры становятся исключительно вычурными, снабжаются выступами, скульптурными изображениями бараньих головок (см. рис. 13, 111)³³⁰, уже смыкаясь с кобанскими бронзами, где этот «животный мотив» является излюбленным³³¹. Бараньи головки в этот период иногда встречаются даже на керамике (см. рис. 13, 126)³³².

К последним столетиям II тысячелетия до н. э. Е. И. Крупнов относит и известное изображение лабиринта на камне у сел. Махческ, считая его показателем «древнейших взаимосвязей Северного Кавказа с древним средиземноморским миром»³³³. Здесь уместно указать, что изображения лабиринтов в культуре территориально близких дагестанских племен широко применялись не только в древности (откуда этот мотив мог попасть на Центральный Кавказ), но даже и в современном быту³³⁴.

Свидетельством связи со степными районами Причерноморья являются ножи срубного типа, обнаруженные на территории Се-

³²⁸ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 61, 62, рис. 21; МАК, VIII, табл. X, 6, 7.

³²⁹ Там же, стр. 61—63, рис. 21, 5, 6; 22.

³³⁰ МАК, VIII, стр. 275, рис. 240; ГИМ, № 21630—22183 (из могильника Фаскау).

³³¹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, Л., 1949, стр. 234, табл. XI, 24, 42 и др.

³³² Сосуд из Кабарды — музей Нальчика.

³³³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 64, 65, рис. 24, 2.

³³⁴ В. И. Марковин. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, 1954, стр. 332, 333, рис. 10; А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Сб. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. I. Л., 1927, стр. 31, 44, рис. 10, 25, табл. I; А. С. Башкиров. Петрографика Аварии. Тр. секции археологии РАНИОН, V, 1930, стр. 160, табл. XI, 3.

верной Осетии и, в частности, в могильнике Верхняя Рутха, а также кинжалчики степного типа из селений Донифарс и Курп (см. рис. 32, 4, 5) ³³⁵.

Сохраняются связи, установившиеся с древнейших времен, с Передней Азией. На это указывают находки переднеазиатских кинжалов на территории Центрального Кавказа (селения Галиат, Кумбулта) ³³⁶, а также упоминавшихся пастовых бус («рогатый» бисер) ³³⁷.

Таким образом, материал третьего этапа северокавказской культуры эпохи бронзы показывает дальнейшие успехи местных племен в освоении природных ресурсов, в усилении связей с соседними племенами, Передней Азией и Средиземноморьем. В отличие от племен степных районов (Моздокские степи), попавших под влияние племен катакомбной культуры, древние жители гор сумели создать предпосылки для развития и расцвета блестящей кобанской культуры последующего времени ³³⁸.

* * *

Нам осталось рассмотреть памятники позднего этапа изучаемой культуры с территории северо-восточного Кавказа.

Движение степных племен в этой части Кавказа также отмечено рядом находок. Типичные для катакомбной культуры курильницы найдены в г. Грозном, у ст. Наурской ³³⁹. В кургане 2 у ст. Мекенской обнаружен ритуальный комплекс, состоящий из сосудов местного типа, курильницы и других предметов ³⁴⁰. В песках Караногай найдены выпрямители стрел и огромные каннелированные молоты — типичные орудия катакомб-

ников (см. рис. 31, 37, 39) ³⁴¹. Топорики степных типов и выпрямители стрел обнаружены в г. Грозном (см. рис. 31, 38) ³⁴².

Крупные «репчатые» сосуды с резко отвернутыми краями из тех же Ногайских степей (Махмут-Мектеб, Караногай) также являются образцами степной керамики ³⁴³.

Если на территории степной и предгорной части современной территории Чечено-Ингушетии имеются явные следы проникновения сюда племен катакомбной культуры, то в Дагестане за исключением каменного топорика степного типа ³⁴⁴, не найдено ни одного предмета явно катакомбного облика. Но и этот топор вызывает сомнение, так как был приобретен у горца-антиквара.

Имеющийся материал позволяет говорить о том, что носители катакомбной культуры проникли в Северный Дагестан поздно, утратив уже наиболее характерные черты своей материальной культуры и сохранив единственное — обряд погребения. Таковы катакомбные захоронения в курганах у станции Манас, где только в обряде погребения сохранены степные традиции — могилы устроены в виде подземных пещер ³⁴⁵.

Вероятно, древними местными дагестанскими племенами были в это время полностью ассимилированы не только степные племена, но и племена северокавказской культуры, оставившие здесь присулакские курганы и курганы типа Тарки-Кяхулая. Керамика этих курганов содержит массу местных элементов, близких таким памятникам, как могильник Карабудахкент II ³⁴⁶, Гоно ³⁴⁷ и др. В Дагестане пока не найден материал позднего этапа существования северокавказской культуры, не считая бронзовой бляхи с выбитым орнаментом ³⁴⁸ и навершия двуволютной

³³⁵ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 64, рис. 23, 1—3.

³³⁶ Там же, стр. 66, 67, рис. 25, 1—3.

³³⁷ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 261.

³³⁸ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры, стр. 82.

³³⁹ Хранится в музее г. Грозного; ГИМ, № 57766; ГЭ, № 1781-1. См. Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа», стр. 168, рис. 7, 4.

³⁴⁰ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа, стр. 107, 108, рис. 9, 1, 2. В 1959 г. Н. Я. Мерперт раскопал у ст. Мекенской курганы с находками курильниц катакомбной культуры.

³⁴¹ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция, стр. 102 и сл.

³⁴² Музей г. Грозного, № 782.

³⁴³ Архив ИА, д. 929 за 1952 г., отчет Е. И. Крупнова, л. 30.

³⁴⁴ ГЭ, № 1745-1; аналогии см. ИАК, вып. 53. СПб., 1914, стр. 99, рис. 10, и ESA, VIII, стр. 63, рис. 58.

³⁴⁵ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг., стр. 86—88. Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, стр. 167—203.

³⁴⁶ Там же, стр. 148 и сл.

³⁴⁷ Архив ИА, д. 1156 за 1955 г., ф. 1. Используется с любезного разрешения В. Г. Котовича.

³⁴⁸ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы, ч. I. СПб., 1837, стр. 53—56, рисунок.

булавки, обнаруженной в позднем каменном ящике у курорта Талги³⁴⁹. Эти одиночные предметы являются показателями возможно-

культуры лишь на позднем этапе ее развития. Но ее влияние долго сохранялось в культуре древних дагестанских племен, в первую

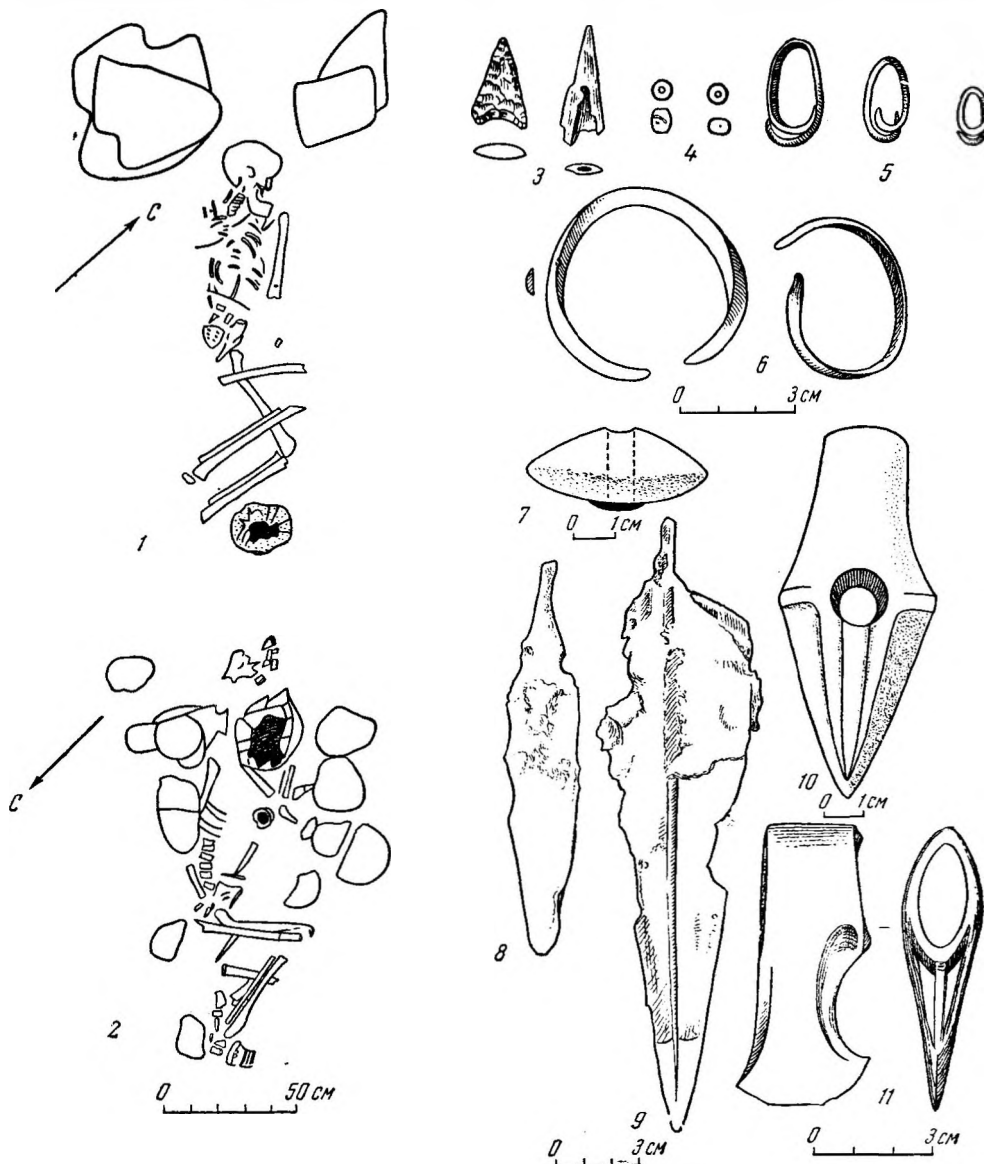

Рис. 38. Могильник у сел. Галашки (б. Первомайское, Чечено-Ингушетия)

1 — погребение 2; 2 — погребение 3; 3 — кремневый и костяной наконечники стрел из погребения 8; 4 — сердоликовые бусы из погребений 1, 3, 4; 5 — бронзовые височные кольца (подобные имеются в погребениях 3, 4, 8); 6 — бронзовый браслет из погребения 9; 7 — глиняное пряслице из погребения 4; 8 — бронзовый нож из погребения 1; 9 — бронзовый кинжал из погребения 5; 10 — топорик из диорита из погребения 3; 11 — бронзовый топор из разрушенного погребения; 1—10 — по Е. И. Крупнову

го существования здесь северокавказской

³⁴⁹ М. И. Исаков. Талгинский могильник. КСИИМК, 67, стр. 126, 128, рис. 53, 6.

очередь в орнаментике металлических предметов в виде литого «шнурового узора» и на керамике — в узоре, имитирующем оттиски того же шнура.

Это явление можно проследить вплоть до средневековья.

В изучаемый период на степных просторах Прикаспия появляются памятники смешанного типа. Таково, например, погребение 1 кургана у сел. Ачикулак, в котором было обнаружено два костяка, ориентированные головами на юго-восток и восток, с инвентарем, состоявшим из сосуда северокавказского типа, каменного песта и костяной проколки³⁵⁰. Трудно определить культурную принадлежность этого комплекса, в нем имеются степные и кавказские черты в равной степени. Такой же облик имеет погребение, обнаруженное в песках дачи 2 у Бажигона³⁵¹, упомянутый выше ритуальный комплекс с курильницей и сосудом северокавказского типа, обнаруженный в кургане 2 у ст. Мекенской и другие памятники. Только памятники горных и предгорных районов являются свидетельством дальнейших культурных достижений местных племен, их связей с племенами Закавказья и соседними родственными племенами Центрального Кавказа. Таков материал из кургана у ст. Нестеровской на р. Ассе (керамика, обломок каменного топорика, бронзовый наконечник дротика, терочники и проч.), который находит себе аналогии в предметах северокавказской культуры позднего этапа, особенно среди древностей кумбултского могильника Верхняя Рутха³⁵². Очень важным памятником, стоящим в самом начале третьего этапа северокавказской культуры, является грунтовой могильник у сел. Галашки (б. Первомайское) на р. Ассе. Обнаруженные там погребения были «завалены или обложены булыжником». Мужские костяки лежали на левом боку, женские — на правом, в их ориентировке преобладало восточное направление. Инвентарь могильника состоял из диоритового топорика, кремневого наконечника, стрелы «со слабо выемчатым основанием», наконечников стрел из кости с отверстиями для насадки; глиняных пряслиц, предметов из бронзы: овальных височных колец в полтора оборота, узких браслетов с несомкнутыми концами, ножа

листовидной формы, кинжала с черенком, топора с овальной проушиной и втульчатого наконечника копья. Среди посуды выделяются баночные сосуды, горшки приземистых форм и сосуды с сильно отвернутыми венчиками. Инвентарь дополняют бусы из сердолика с односторонним сверлением и пастовый бисер (рис. 38)³⁵³.

Е. И. Крупнов в своей публикации для каждого из предметов приводит соответствующие аналогии, он особенно подчеркивает их

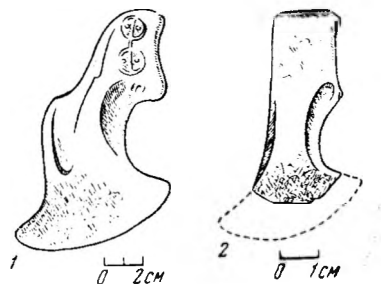

Рис. 39. Бронзовые топоры

1 — Грма-Геле (Тбилиси, Грузия); 2 — сел. Галашки, реконструкция

близость находкам из Кумбултского могильника Верхняя Рутха, тем самым намечая и датировку Галашкинского могильника не ранее середины II тысячелетия до н. э.³⁵⁴ Датировка эта уточняется находкой упомянутого выше топорика, аналогии которому в Грузии (Грма-Геле) (рис. 39) датируются временем от XV—XIV вв. до н. э. до конца II тысячелетия до н. э.³⁵⁵ В Закавказье имеются аналогии также втульчатому копью³⁵⁶ и даже керамике³⁵⁷. Таким образом, в этот период усиливаются связи населения Северного Кавказа с закавказскими племенами.

К сожалению, памятники, подобные Галашкинскому могильнику, малоизвестны. Только случайные находки, относящиеся к последним векам II тысячелетия до н. э., до-

³⁵⁰ Архив ИА, д. 163 за 1947 г., ф. 1, отчет Е. И. Крупнова, л. 73.

³⁵¹ Там же.

³⁵² ОАК за 1891 г., стр. 122; Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассиинского ущелья, стр. 160.

³⁵³ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 85—93, рис. 23—25.

³⁵⁴ Там же, стр. 92—94.

³⁵⁵ Т. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси. 1957, стр. 111, 123, рис. 16.

³⁵⁶ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 92—94.

³⁵⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I, стр. 75—77, табл. VII (рисунок верхний справа).

полняют наше представление о культуре далекого прошлого этих районов. Как результат дальнейшего развития каменных топоров кабардино-пятигорского типа можно рассматривать топор из г. Грозного (см. рис. 15, 39, 51)³⁵⁸. Он напоминает топоры из Бессарабского клада. Другой топор из сел. Алды (Черноречье) близок бронзовым «секирам» последующего времени (см. рис. 15, 40).

Бронзовый топор из сел. Закан-Юрт является одним из прототипов кобанских топоров (см. рис. 15, 41). Бронзовый кинжал с чертами поздних клинков найден в сел. Шарой (см. рис. 15, 44)³⁵⁹.

Особое место среди бытовых памятников занимает Алхастинское поселение (у сел. Алхасте в Чечено-Ингушетии на р. Ассе), являющееся единственным научно исследованным бытовым комплексом изучаемой эпохи.

Поселение занимало левобережную террасу и тянулось с севера на юг на 0,5 км. Нижний слой его, относящийся к изучаемому времени, содержал кусочки глиняной обкладки, керамику, бараньи астрагалы — альчики, обработанные для игры, фрагменты жерновов. Сосуды этого слоя имеют баночную форму, на них нанесен орнамент мелким зубчатым «чеканом». С этим же слоем связывается каменный пест и ладьевидная зернотерка. В слое найдены кости коровы, лошади, овцы, свиньи и собаки³⁶⁰.

Некоторое сходство орнаментов на сосудах этого поселения и на керамике срубной культуры, возможно, свидетельствует об определенном влиянии этой культуры, а главное, позволяет данный слой поселения датировать концом эпохи бронзы.

На очень неясные связи с племенами срубной культуры указывает находка бронзового ножа срубного типа из сел. Гоуст³⁶¹.

Таков материал, характеризующий поздний этап развития северокавказской культуры на территории северо-восточного Кавказа. Ценность его в том, что он позволяет воссоздать картину жизни и быта древних

племен и раскрывает отношения древних племен между собой, намечая связи древних дагестанцев с племенами других районов Северного Кавказа, с населением Закавказья и с кочевыми племенами степей. Материал этот важен еще и тем, что он приоткрывает завесу над происхождением культур I тысячелетия до н. э., например, каякентско-хорочоевской, о чем говорилось при описании памятников Миатлы, Гатын-Кале и кобанской культуры. Так, сосуды из могильника у сел. Галашки близки керамике VI—V вв. до н. э. (скифского времени) соседнего Нестеровского могильника³⁶², оставленного племенами позднекобанской культуры — ее восточного варианта.

В целом, третий этап в развитии древних племен Северного Кавказа можно датировать временем примерно от 1500 г. до н. э. до конца II тысячелетия до н. э., когда, по А. А. Иессену и Е. И. Крупнову, возникают особенности новых культур последующего времени.

* * *

Мы рассмотрели по отдельным районам весь основной материал, оставленный древним населением Северного Кавказа. Перечисленные памятники характеризуют так называемую северокавказскую археологическую культуру с намечающимися в ней локальными вариантами, отражающими племенные отличия. Несомненно, изучаемая культура имеет полное право на такое общее название, как северокавказская археологическая культура, так как она охватывает главнейшие области Северного Кавказа во всем их своеобразии. Мы попытались также разбить весь материал на отдельные отрезки времени — этапы (рис. 40). В основу такого деления были положены факты появления первых, но уже ощутимых признаков данной культуры, ее сложения, расцвета и угасания.

Первый этап (начало II тысячелетия до н. э. — около 1700 г. до н. э.) — это период сложения северокавказской культуры, возникновения основных характерных черт шнуровой орнаментации в керамике и на металле, овладения литьем и обработкой бронзы, умелого использования камня.

³⁵⁸ О. В. Милорадович. Новые археологические находки в Грозненской области. КСИИМК, 64. 1956, стр. 133, 134, рис. 57.

³⁵⁹ Все эти предметы хранятся: ГЭ, № 1366-82; музей г. Грозного, № 455; ГИМ, № 54322.

³⁶⁰ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассиновского ущелья, стр. 14.

³⁶¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассиновского ущелья, стр. 10, рис. 1.

³⁶² Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 94.

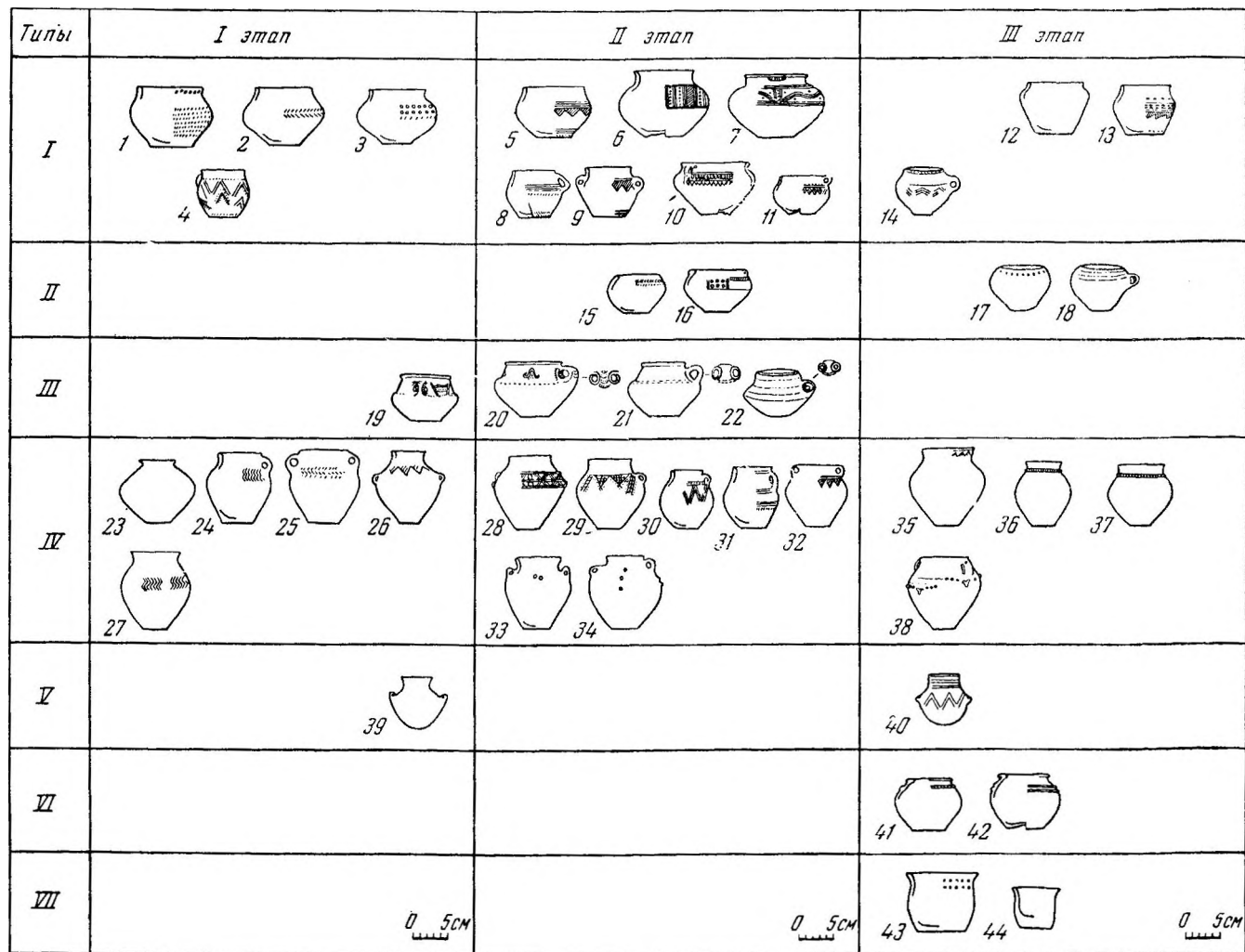

Рис. 40. Типы сосудов северокавказской культуры

I. 1 — ст. Минутка (окрестности Кисловодска, музей Пятигорска, № 558); 2 — Кисловодск, «Три камня» (ГИМ, № 76990); 3 — Нальчик; 4 — пос. Майский у Нальчика (музей Нальчика, № 1953); 5 — Кисловодск (по Б. Е. Дегену); 6, 13 — колония Константиновская у Пятигорска (ГИМ, № 76990); 7 — Нальчик (музей Нальчика, № 1845); 8 — Кисловодск, «Три камня» (ГИМ, № 76990); 9 — Пятигорск (ГИМ, № 86475); 10 — г. Грозный (ГИМ, № 55428); 11 — сел. Ардон (Северная Осетия, музей г. Орджоникидзе, № 3872); 12 — Ставрополь, р. Ташла (музей Ставрополя, № 3050); 14 — Моздок (музей Нальчика, № 421)

II. 15 — Нальчик (музей Нальчика, № 1164); 16 — сел. Ардон; 17 — сел. Кумбулта (Северная Осетия, по П. С. Уваровой); 18 — сел. Кумбулта (по Е. И. Крупнову)

III. 19 — пос. Майский (Кабардино-Балкария, музей Нальчика, № 1153); 20 — сел. Ачикулак (по Е. И. Крупнову); 21, 22 — Моздок (по В. Б. Пиотровскому)
IV. 23 — сел. Соломенка у Нальчика; 24 — Кабарда (музей Нальчика); 25 — Нальчик (по Б. Е. Дегену); 26 — сел. Тарки (у г. Махачкала); 27 — ст. Прохладная (музей Нальчика); 28 — сел. Лескен (Северная Осетия, ГИМ, № 82350); 29 — сел. Миатлы (Дагестан); 30 — сел. Ардон (Северная Осетия, музей г. Орджоникидзе, № 3872); 31 — Нальчик (музей Нальчика, № 1451); 32 — с. Затишье у Нальчика (музей Нальчика, № 7363); 33 — хутор Зубовский (Прикубанье, по Н. И. Веселовскому); 34 — г. Орджоникидзе (по Б. Е. Дегену); 35 — Прикубанье (ГИМ, № 48478); 36 — Армавир (по Н. И. Веселовскому); 37 — сел. Галашки; 38 — Кабарда (музей Нальчика)

V. 39 — сел. Верхний Акбаш (Кабарда, по Е. И. Крупнову); 40 — ст. Усть-Лабинская (Прикубанье, ГИМ, № 48470)

VI. 41 — Прикубанье (по Н. И. Веселовскому); 42 — ст. Кубанская (Прикубанье)

VII. 43, 44 — сел. Галашки

Второй этап (около 1700—1500 гг. до н. э.) — эпоха расцвета северокавказской культуры, показателем чего являются пышно орнаментированная керамика и металлические изделия (оружие, украшения, булавки), исключительное мастерство в сверлении и полировке камня (кабардино-пятигорский тип топориков, булав). В этот период усиливаются связи со степными племенами (северокавказская бронза известна во многих памятниках степных районов нашей страны).

Третий этап (около 1500 г. до н. э. — конец II тысячелетия до н. э.) знаменуется наступлением степных племен. Самобытные черты северокавказской культуры в это время сохраняются только в отдаленных районах — в горах. Внутри изучаемой культуры создаются явные предпосылки для возникновения кобанской, прикубанской и, вероятно, каякентско-хорочоевской культур I тысячелетия до н. э. Предложенная А. А. Иессеном хронологическая схема, делящая памятники северокавказской культуры

на два этапа — Привольненский и Костромской³⁶³, нам кажется малоубедительной. Этапы этой схемы, выделенные на основе изучения успехов металлургии, без учета всего материала (названия даны по двум известнымкладам), не дают общего представления о ходе развития культуры древних племен, об их появлении на арене истории и дальнейших судьбах.

«Костромской» («андрюковский») этап, по Б. А. Латынину, охватывающий только памятники Прикубанья³⁶⁴, не характеризует памятники всего Северного Кавказа, рассматривается Б. А. Латыниным оторванно от материалов последующего времени и также не может быть нами принят.

³⁶³ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 198.

³⁶⁴ Б. А. Латынин. Вопросы изучения майкопской культуры. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГЭ за 1959 г. Л., 1960, стр. 6.

Глава IV

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ. АРЕАЛ

В предыдущей главе были рассмотрены памятники и отдельные находки эпохи бронзы, обнаруженные за последнее время на территории Северного Кавказа. Весь этот материал был разделен нами на хронологические этапы, отражающие отдельные периоды в жизни древнего населения Северного Кавказа.

Для того чтобы воссоздать картины хозяйственного быта, социальных отношений и взаимосвязей племен в древности, надо иметь представление и о некогда занимаемой ими территории, и о специфике основного материала, который оставило древнее северокавказское население, и о предметах, привнесенных другими племенами. Здесь вполне уместно будет дать краткую характеристику отдельных категорий предметов северокавказской культуры.

Свой анализ начнем с керамики как наиболее массового материала.

Керамика

Керамика северокавказской культуры вообще слабо изучена, за исключением материалов, происходящих с территории Кабардино-Балкарии¹.

Сосуды, как правило, имеют красновато-коричневую, иногда черную поверхность. Глиняное тесто черного цвета обладает ком-

коватой структурой, что зависит от примесей шамота, режы дресвы (дресвой служили песчаник, кварц, кальцит). Иногда в качестве примесей добавлялись мелкие кусочки черного сланца (так называемого книжного глинистого сланца), почти повсеместно встречающегося на Северном Кавказе. По качеству глины керамика северокавказской культуры почти ничем не отличается от обломков сосудов второго слоя («второй группы») Долинского поселения². Разница между цветом черепка в изломе и его поверхности объясняется неравномерностью обжига и заглаживанием сосуда, которое производили, обильно смачивая его поверхность³.

Лепка сосудов ручная, поверхность их в результате самого тщательного заглаживания очень ровная, иногда вылощенная до блеска. В этом заключается их существенное отличие от керамики катакомбных племен, которая большей частью имеет поверхность, сглаженную мелким зубчатым штампом. Сосуды из могильника Гатын-Кале порой покрыты грубой обмазкой, наносившейся пальцами на непросохшую глину. Некоторые из раслаивающихся черепков сохраняют следы лепки ленточным способом. Ручки к корпусу сосуда примазывались после формовки. Количество их не превышает четырех, но чаще сосуды вообще не имеют ручек. По форме сосуды можно подразделить на несколько типов:

I. Сосуды, напоминающие по форме горшки с округлым туловом, плоским дном и

¹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, стр. 240—248, 273—275; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, стр. 185—191; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3. 1941, стр. 120—125.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 185.

³ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 275.

почти прямым или слабо отогнутым венчиком. Ручки прикреплены чуть ниже устья. Сосуды этого типа близки сосудам майкопской культуры (см. рис. 40, 1—11). Ранние из них покрыты узором в виде вдавлений, нанесенных на весь корпус сосуда (см. рис. 20, 1), в виде неширокого пояска из «елочки» (см. рис. 40, 2), S-видного орнамента⁴, оттисков треугольного штампа и прочих орнаментальных мотивов.

В период расцвета северокавказской культуры на сосудах появляется богатый орнамент из оттисков шнура в комбинациях со спиралькой, вдавлениями треугольного штампа и др. Узор покрывает обычно только плечики сосудов в виде пояска, часто дополненного свисающими треугольниками. (см. рис. 40, 8, 9).

Сосуды этого типа имеют некоторое сходство с сосудами из закавказских дольменов (сел. Эшери, по работам Б. А. Куфтина)⁵, некоторые аналоги им встречаются и в памятниках бассейна Маныча⁶, в курганах Калмыцких степей⁷. По мнению Т. Б. Поповой, такие сосуды не могли принадлежать степным племенам⁸. Это вполне вероятно, так как керамика степных районов имеет иную форму и иные орнаментальные мотивы. Описанный тип керамики можно считать типичным именно для северокавказской культуры.

К концу существования культуры этот тип сосудов изменяется, приобретая несколько угловатые формы. Теперь сосуды напоминают «банки» (см. рис. 40, 12, 13). Высота их варьирует от 6,5 до 14—16 см при диаметре тулова от 10 до 20 см.

II. Сосуды округлой формы. Венчик не выражен, край сосуда тупо обрезан и обра-

щен внутрь. Подобный тип керамики характерен для периода расцвета изучаемой культуры, особенно для ее третьего этапа в центральных частях Северного Кавказа. Таковы сосуды из сел. Заюково, г. Нальчика, сел. Кумбулта (см. рис. 40, 15—18).

Сосуды украшены только по краю устья пояском из оттисков шнура, прямоугольного и треугольного штампов и равномерно повторяющихся налепов.

Изредка сосуды этого типа снабжаются одной ручкой (см. рис. 40, 18). По размерам они несколько мельче предшествующих.

III. Сосуды почти биконической формы с ручками энеолитического типа или в виде плоских колец-петель и налепов. Характеризуются тщательностью выделки. Части сосуда (венчик, шейка, плечики) иногда подчеркнута выделены. Орнамент на сосудах разнообразен: различные налепы, оттиски шнура и штампов. Иногда узором покрыты и ручки сосудов (см. рис. 40, 19—22).

Средние размеры сосудов: высота 17 см, диаметр тулова 12—20 см.

Этот тип керамики характерен для Пятигорья, Центрального и северо-восточного Кавказа и очень сильно напоминает энеолитические сосуды⁹, а также керамический материал таких памятников Дагестана, как Карабудахкент II и Манас¹⁰. Сосуды такого типа могут быть отнесены по времени бытования в основном ко второму этапу.

IV. Сосуды вытянуто-округлых, яйцевидных форм. Имеют красиво отогнутый наружу венчик и небольшое дно. Типологически могут быть связаны с сосудами майкопской культуры (станции Костромская и Новосвободная).

Орнамент большей частью покрывает только плечики сосудов. Он довольно разнообразен: «елочный» узор, шнуровые мотивы и налепные валики с вдавлениями. Последний тип орнаментации характерен для сосудов третьего этапа и, вероятно, заимствован от степных племен (сосуды с подобным орнаментом известны из катакомбных погребений).

⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. 1951, стр. 36, 37, рис. 6, 3.

⁵ Пользуюсь материалами Государственного музея Грузии, любезно предложенными мне О. М. Джапаридзе и Р. М. Абрамишвили.

⁶ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. СА, IV. 1937, стр. 93—132; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI. 1949, стр. 305, 306.

⁷ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг., СА, I. 1936, стр. 115 и сл.

⁸ Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа». СА, 1957, № 1, рис. 10, 1, 3, 6. Принятому глубокою благодарностью О. А. Кривцовой-Граковой за помощь, оказанную при изучении степной керамики.

⁹ Е. А. Байбуртян. По поводу древней керамики из Шреш-Блура. СА, III. 1937, стр. 211—213; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Тrialeti, I. Тбилиси, 1941, стр. 110, 111, 114—117, рис. 117, 118, 122, 124 и др.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 годах. КСИИМК, XLV. 1952, стр. 84 и сл.

ний). Снабжены одной-двумя ручками. Высота сосудов варьирует от 10 до 30 см, диаметр тулова от 11 до 30 см.

Подобный тип характерен для всех трех этапов (см. рис. 40, 23—38).

V. Сосудики с округлым дном, довольно высокой шейкой и почти шаровидным туловом. Ручками служат налелы — выпуклости со сквозными отверстиями. Иногда украшены шнуровым узором и штриховкой. Высота сосуда около 8—9 см, диаметр тулова около 9 см.

Территория распространения — Прикубанье, Центральный Кавказ (см. рис. 40, 39, 40).

Бытуют на протяжении всех трех этапов (сосуд из ст. Усть-Лабинской найден в катакомбе).

Сосуд с плоским дном, но очень близкий по форме описанным, найден в сел. Ходжалы (Азербайджан) в кургане конца II тысячелетия до н. э.¹¹ Это указывает на широкое распространение и длительное бытование керамики пятого типа.

Т. Б. Попова совершенно справедливо отмечает кавказское происхождение подобных сосудов¹², ибо они действительно встречаются здесь, вероятно, еще со времени новосвободненского этапа¹³.

VI. Сосуды «репчатой» формы — массивные и приземистые с прямо поставленным и сильно утолщенным венчиком. Размеры дна превышают размеры устья или равны им. Орнаментированы нарезным орнаментом и налелными валиками с вдавлениями. Найдены в очень незначительном количестве в степной зоне (Прикубанье, ногайские степи). По времени бытования относятся к третьему этапу, к концу II тысячелетия до н. э. (см. рис. 40, 41, 42). Их происхождение вряд ли можно связывать с кавказскими древностями, как это делает Т. Б. Попова¹⁴, аналогии им надо искать в степях Причерноморья. А. А. Иерусалимская связывает этот тип сосудов с предкавказской культурой (ва-

риант катакомбной культуры)¹⁵. Для Северного Кавказа мало характерны.

VII. Сосуды с настолько сильно отогнутым венчиком, что он выступает за край тулова сосуда, известны пока только из могильника у сел. Галашки¹⁶ и относятся к самому началу третьего этапа. Один из подобных сосудов орнаментирован двумя рядами прямоугольных вдавлений (см. рис. 40, 43, 44).

Высота сосудов этого типа варьирует от 3 до 5 см, диаметр тулова 6—10 см, диаметр венчика (устья) 7—11 см.

Таковы основные формы сосудов северокавказской культуры. Отметим, что типы V — VII встречаются весьма редко и пока представлены единичными находками. Помимо указанных сосудов, характерных в той или иной степени для северокавказской культуры, в керамике всех трех этапов встречаются миски, небольшие чашки без ручек и с ручками. Подобная керамика не выделяется нами в особые типы, так как встречается в памятниках различных культур и разного времени.

Формы сосудов наименее разнообразны на первом этапе, затем многообразие их возрастает. В третьем этапе некоторые из форм керамики исчезают и появляются новые (см. таблицу 2).

Рассматривая орнаментацию керамики, можно заметить, что на первом этапе существования северокавказской культуры преобладает нанесенный лощилом в виде углублений «елочный» орнамент. Иногда встречаются налелы.

В конце первого этапа появляются отпечатки шнура; потом «шнур» становится ведущим орнаментальным мотивом для всех видов керамики, а не только ритуальной посуды, как указывал А. А. Миллер¹⁷. Шнуровой узор разнообразится оттисками различных штампов, среди которых преобладают треугольные. От населения Северного Кавказа этот вид штампа попадает к степным племенам¹⁸. В свою очередь, шнуровой орнамент

¹¹ И. М. Джафар-Заде. Ходжалинская экспедиция. Изв. Азербайджанского филиала АН СССР, № 2. Баку, 1941, стр. 22—24, рис. 4.

¹² Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24. 1955, стр. 113.

¹³ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик, 1949, стр. 209, 210.

¹⁴ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 113, 115, рис. 27, 4, 5.

¹⁵ А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, сводная таблица.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII. 1950, стр. 91, 92, рис. 24, 2.

¹⁷ А. А. Миллер. Археологические разведки. ИГАИМК, вып. 83. М.—Л., 1934, стр. 119.

¹⁸ Т. Б. Попова. К вопросу о курьельниках «северокавказского типа», стр. 161 и сл.

Таблица 2

Территориальное распределение типов сосудов северокавказской культуры по этапам

Типы	Прикубанье			Пятигорье			Центральный Кавказ			Северо-восточный Кавказ		
	I этап	II этап	III этап	I этап	II этап	III этап	I этап	II этап	III этап	I этап	II этап	III этап
I	1	6		3	14	4	6	13	5	1	10	
II			1					4	7		1	
III					1		2	5			6	
IV	7	8	12	1	6		7	19	3	3	17	6
V	1		1				1					
VI			4									2
VII												3

на Северный Кавказ попал в результате связей с населением степных районов.

Третий этап — время угасания шнуровых мотивов на керамике; на металле же узор, имитирующий плетенку и шнур, применяется и в позднекобанское время¹⁹ и даже еще позже. Сосуды третьего этапа украшаются резным узором и массой различных налепов.

Говоря о северокавказской керамике, нельзя не отметить две линии ее развития, связанные, с одной стороны, с керамикой предшествующей майкопской культуры, что проявляется в формах сосудов (особенно в районах Прикубанья и отчасти Пятигорья) и, с другой, — с формами энеолитической керамики Восточного Кавказа и Закавказья. Влияние последней сильно ощущается в керамике Центрального, северо-восточного Кавказа и отчасти Пятигорья в виде ручек энеолитического типа, резкого членения сосудов на части, сильного лощения, налепного орнамента. Кроме того, в северокавказской керамике могут быть прослежены влияния посуды соседних синхронных культур: катакомбной (появление шнурового узора в

раннюю пору), культур Закавказья (Рача — применение различных штампов), древних культур Дагестана (грубая обмазка сырой глиной).

Металлические изделия

Металлические изделия северокавказской культуры детально изучались А. А. Иессеном, Б. Е. Дегеном, Е. И. Крупновым и др. Типологическим исследованием бронзовых булавок занимался Ф. Ганчар²⁰. Все это позволяет нам ограничиться самой общей характеристикой.

Оговоримся, что термины «медь», «бронза» употребляются нами применительно к древним предметам условно. Работами последних лет установлено, что изделия из чистой меди встречаются очень редко²¹, а так называемые бронзовые изделия зачастую представляют собой сплав меди не с оловом, а с мышьяком (мышьяковистая бронза)²².

²⁰ Литература этого вопроса указана в главе II.

²¹ Л. П. Васильева и Д. М. Нахимов. Металлографическое исследование древних бронзовых изделий, найденных в Кабардинской АССР. Уч. зап. КНИИ, т. VII. Нальчик, 1952, стр. 63—75.

²² И. Р. Селимханов. К истории развития металлообработки и горнорудного дела в Азербайджане. ВАН, 1958, № 9, стр. 56, 57.

¹⁹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13. Л., 1949, стр. 225 и сл.

Этот сплав обладает повышенной твердостью и меньшей тугоплавкостью, чем обычная бронза²³. К тому же месторождений олова на Северном Кавказе почти нет²⁴, а мышьяк здесь часто сопутствует залежам меди и встречается в местах контакта гранитов с другими породами²⁵.

Обилие бронзовых изделий на Северном Кавказе, их своеобразие, большое количество меднорудных месторождений и следов древней металлургии и металлообработки свидетельствуют о местном, северокавказском производстве металла.

Ареал металлических изделий Северного Кавказа эпохи бронзы шире, чем территория самой северокавказской культуры. Это объясняется большим спросом на металлические изделия в древности. Бронзы Северного Кавказа (оружие, орудия, украшения) находим у племен ямной и полтавкинской, а позднее — катакомбной и срубной культур²⁶.

Из металла на Северном Кавказе изготавливали оружие, орудия труда и украшения.

Тесла или тесловидные топоры раннего этапа довольно коротки и широки (средние размеры их: 9×5—4 см) и напоминают орудия из памятников майкопской культуры. Таковы тесла из клада ст. Привольной²⁷, из ст. Воздвиженской²⁸, с. Летницкого, пос. Праздничного (рис. 41, 1—4), селений Ведено (рис. 41, 5)²⁹ Заган-Юрт³⁰ и др. Находки указывают на широкое бытование тесел по всей территории северокавказской культуры. В дальнейшем, к эпохе расцвета, количество находок их уменьшается, возможно, за счет роста производства бронзовых топоров с проушиной. Изменяется несколько и форма тесел: они удлиняются (до 11—12 см), лезвие становится широким округленным, а торец узким. Таковы тесла из

Костромского клада³¹, из ст. Абадзехской³², с. Дивного³³, колонии Константиновской у Пятигорска (см. рис. 41, 6—10)³⁴ и др.

У более поздних тесел по краям появляются выступы (кобанская культура).

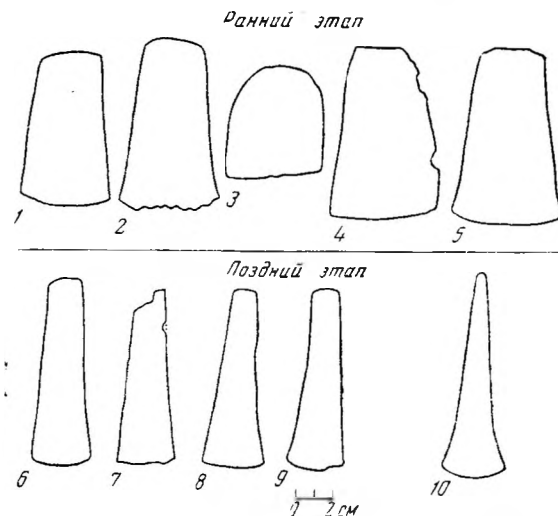

Рис. 41. Типы бронзовых и медных тесловидных топоров

Ранний тип: 1 — с. Привольное (клад); 2 — ст. Воздвиженская; 3 — пос. Праздничный (Прикубанье); 4 — с. Летницкое; 5 — сел. Ведено (Чечено-Ингушетия). Поздний тип: 6 — колония Константиновская; 7 — ст. Абадзехская; 8 — с. Дивное; 9 — Прикубанье; 10 — ст. Костромская (клад).

Типологическая схема развития их создана А. А. Иессеном³⁵.

Долота мало типичны для инвентаря изучаемой культуры, так же как и для более поздней кобанской культуры. В основном находки всех типов долот (от приостренно-выемчатых стержней до втульчатых орудий) приходится на Прикубанье. Единичные находки известны также из Пятигорья. Генетически долота связываются с подобными предметами майкопской культуры³⁶.

Также совершенно не типичны для северокавказской культуры крючья с одним

²³ В. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 278.

²⁴ А. А. Иессен. Олово Кавказа. ИГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935, стр. 193 и сл. См. также главу I нашей работы.

²⁵ С. В. Колесник. Северный Кавказ и Нижний Дон. М.—Л., 1946, стр. 11.

²⁶ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 98—108; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46. 1955, стр. 51 и сл.

²⁷ ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 60; ОАК за 1898 г., табл. III, 35, 36.

²⁸ ОАК за 1899 г., стр. 46, рис. 79.

²⁹ Указанные предметы хранятся: ГЭ, № 36-2, 354; ГИМ, № 48480.

³⁰ ОАК за 1904 г., стр. 132, 133.

³¹ ИАК, вып. 65. Петроград, 1918, стр. 173, рис. 11.

³² П. С. Уварова. Museum Caucasicum, т. V. Тбилиси, 1902, стр. 144, № 3052.

³³ Архив ЛОИА, д. № 6 за 1886 г., л. 71, 76, рисунок.

³⁴ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Пятигорского округа. Тр. V АС в Тифлисе. М., 1887, табл. I, II.

³⁵ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII. 1950, стр. 171, 172, 200, таблица.

³⁶ Там же, стр. 172, 200, таблица.

и двумя зубцами, известные в основном в Прикубанье³⁷ и Закавказье.

Очень широко распространены среди металлических предметов северокавказской культуры листовидные ножи и бронзовые топоры с проушиной.

Обоюдоострые листовидные ножи встречаются на всей территории, занятой

очень долго. Поэтому датировать различные комплексы на основании находки подобных предметов нельзя.

Размеры их: длина 11—18 см, ширина около 2,5—3 см. Изготавливались путем проковки и последующей заточки.

Второй тип — ножи листовидно-удлиненной формы с ясно выраженным черенком

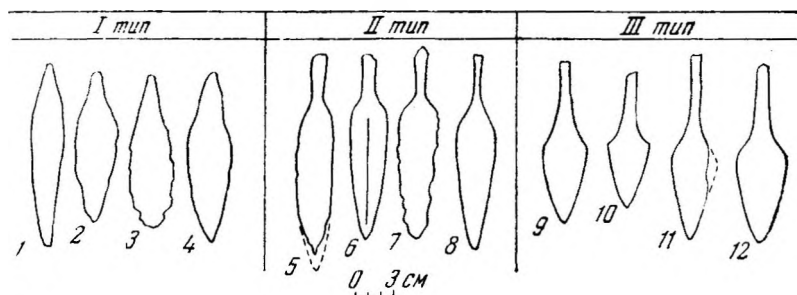

Рис. 42. Типы бронзовых и медных листовидных ножей

- I. 1 — ст. Келермесская; 2 — сел. Кумбулта (Северная Осетия); 3 — Прикубанье; 4 — сел. Черней (Дагестан)
 II. 5 — ст. Ново-Джерелиевская; 6 — сел. Галиат (Северная Осетия); 7 — пос. Праздничный; 8 — Прикубанье³
 III. 9 — ст. Нестеровская (Чечено-Ингушетия); 10 — Ставрополье; 11 — сел. Верхний Кубан (Северная Осетия); 12 — пос. Зиссерманов (Прикубанье)

северокавказской культурой. Они являлись главнейшим предметом обмена с соседними племенами катакомбной, срубной и других культур. Они же послужили прототипом для создания степных форм ножей (широкий округлый нож с черенком у катакомбников и нож с перехватом у срубников)³⁸.

По форме листовидные ножи можно разделить на три типа.

Первый тип — ножи листовидно-удлиненной формы с нечетко выделенным черенком (близок майкопским формам)³⁹. Сечение удлиненно-овальное. Найдены они по всей территории северокавказской культуры. Известна находка ножа такого типа в сел. Новый Чиркей на р. Сулак в Дагестане⁴⁰ (самый восточный пункт подобных находок в настоящее время, рис. 42, 4). Этот тип характерен для ранних памятников, но бытует он

(см. рис. 42, 5—8). Сечение удлиненно-овальное, у некоторых удлиненно-ромбическое. Известны в большом количестве. Особенно много найдено подобных ножей на территории Северной Осетии. Характерны для периода расцвета изучаемой культуры. Как пережиток доживают до I тысячелетия до н. э. (нож этого типа был найден автором в каменном ящике каякентско-хороховской культуры у сел. Тарки в Дагестане)⁴¹.

Размеры их в среднем: длина 10—12 см, ширина 3—3,5 см, длина черенка 3 см.

Третий тип — ножи ромбическо-округлой формы с длинным черенком (см. рис. 42, 9—12). Сечение их овально-удлиненное, реже — ромбическое. В зависимости от формы клинка или черенка можно наметить массу разновидностей между этими типами. Е. И. Крупнов склонен считать их наконечниками дротиков⁴², что вполне вероятно. Этот тип ножей менее распространен, хотя и встречается на широкой площади. Харак-

³⁷ В музее Краснодара хранится пять экземпляров таких крючьев, в коллекциях других городов Северного Кавказа их нет.

³⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 54.

³⁹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кавказских курганов», стр. 172, 200, таблица I, 5.

⁴⁰ ГИМ, № 42838.

⁴¹ К. Ф. Смирнов. Археологические памятники в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23. 1951, стр. 254, 255, рис. 14, 4.

⁴² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 48.

терен для второй половины II тысячелетия до н. э.⁴³

Средние размеры: общая длина — 8,5 — 10 см, ширина — 3 см, длина черенка 3—5 см. Листовидные ножи являются типичным орудием (и оружием) северокавказцев, тогда как в Закавказье они более редки.

Постепенно удлиняясь, листовидные ножи с ребром, идущим вдоль лезвия послужили прототипами для кинжалов. Первые кинжалы появляются во втором этапе, например кинжал из ст. Андрюковской⁴⁴ (см. рис. 16, 1), но особенно распространяются они уже на закате северокавказской культуры⁴⁵. В Закавказье появляются рано — с XV — XIV вв. до н. э.⁴⁶

Так же, как и листовидные ножи, многочисленны бронзовые топоры с проушиной. Типология их достаточно разработана, и на их характеристике мы остановимся кратко.

Наиболее ранним типом их является массивный клиновидный топор, напоминающий колун с круглой проушиной. Топоры этого типа известны в памятниках майкопской культуры⁴⁷. Прототипом их являются древнейшие переднеазиатские образцы⁴⁸.

Топоры подобного типа характерны для самой ранней поры первого этапа и, что важно отметить, встречены в основном только на территории Прикубанья⁴⁹ (один экземпляр найден в Кабарде).

В дальнейшем топоры становятся несколько изогнутыми, проушная часть слегка свисает, иногда украшается перехватами. Такие топоры известны уже по всему Северному Кавказу и характерны для эпохи расцвета северокавказской культуры, хотя появляются они довольно рано.

В дальнейшем из топоров с сильно свисающим обухом возникают топоры вислообушного типа. Наиболее яркие образцы их украшены богатыми орнаментами, имитирующими шнур, выпуклыми спиральками и т. д. (например, топор из Кабарды, см. рис. 13, 83)⁵⁰.

На третьем этапе появляются трубчатобушные топоры, проушная часть которых имеет вид трубки, а лезвие очень часто отличается вычурными формами⁵¹. Особенно распространены эти топоры на территории Северной Осетии⁵². Топоры украшаются выступами, резным орнаментом, иногда даже скульптурными бараньими головками (см. рис. 13, 110—112)⁵³.

Топоры северокавказского происхождения, особенно проушные и вислообушные, широко применялись степными племенами. Они найдены в древних памятниках Никопольской и Харьковской областей, в срубных памятниках Саратовской области⁵⁴ и т. д.

Пока еще только намечается развитие типа топоров с выступающим обухом (die Knaufhammeräxte). Наиболее ранним из них является известный топор из ст. Воздвиженской (см. рис. 6, 3)⁵⁵. Пока этот топор является единственной находкой для раннего времени. Но в эпоху расцвета появляются богато орнаментированные топоры с выступающими обухом и секировидным округлым лезвием (см. рис. 6, 4, 5)⁵⁶. К третьему этапу можно отнести топорик-секиру из ст. Андрюковской (см. рис. 6, 6)⁵⁷. Эти орудия, по нашему мнению, составляют один тип.

К концу третьего этапа появляются топоры со слегка свисающим обухом с овальной проушиной и вмятинами по бокам — явные прототипы кобанских топоров (в настоящее

⁴³ Там же, стр. 43 и сл.

⁴⁴ ОАК за 1897 г., стр. 22, рис. 82.

⁴⁵ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 60 и сл.; А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 172.

⁴⁶ Т. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 111, 123, рис. 16.

⁴⁷ ОАК за 1898 г., табл. III, 37, 38, 40.

⁴⁸ Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестник Государственного музея Грузии, XII—В. Тбилиси, 1944, стр. 298, рис. 2.

⁴⁹ Таковы находки их в станицах Саратовской (см. СА, III, стр. 227), Андрюковской (ГЭ, № 29-13), Анастасьевской (ГИМ, № 54746), Апшеронской (ГЭ, № 334). Места находок ряда топоров неизвестны (ГЭ, ГИМ, музей Краснодара).

⁵⁰ ОАК за 1893 г., стр. 33, рис. 20.

⁵¹ МАК, VIII. М., 1900, CXVI, 1, CXV, 1 и др.

⁵² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 45—48, рис. 9, 11—14.

⁵³ МАК, VIII. табл. XCIV; стр. 275, рис. 210.

⁵⁴ Архив ЛОИА, д. 298, ф. 5, л. 70 («корочки» А. А. Спицына); ОАК за 1890 г., стр. 123, № 88—90; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 101, рис. 22; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 60, 61, рис. 14, 5, 6.

⁵⁵ ОАК за 1899 г., стр. 46, рис. 30.

⁵⁶ Топоры хранятся: ГЭ, № 329-4 и два в музее Нальчика.

⁵⁷ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23. 1951, стр. 120, рис. 55.

время известны только с территории Северной Осетии)⁵⁸.

Бронзовые копья не характерны для северокавказской культуры. Распространяются только в последующих культурах⁵⁹.

Бронзовые четырехгранные шилья принадлежат к одному из древнейших видов орудий. М. Е. Фосс считает, что

известны на всем Северном Кавказе. Особенно много их найдено Е. И. Крупновым в ногайских песках. Возможно, отсюда они распространились к соседним племенам русских степей.

Вторую группу металлических предметов составляют украшения. Это весьма многочисленная и разнообразная серия вещей.

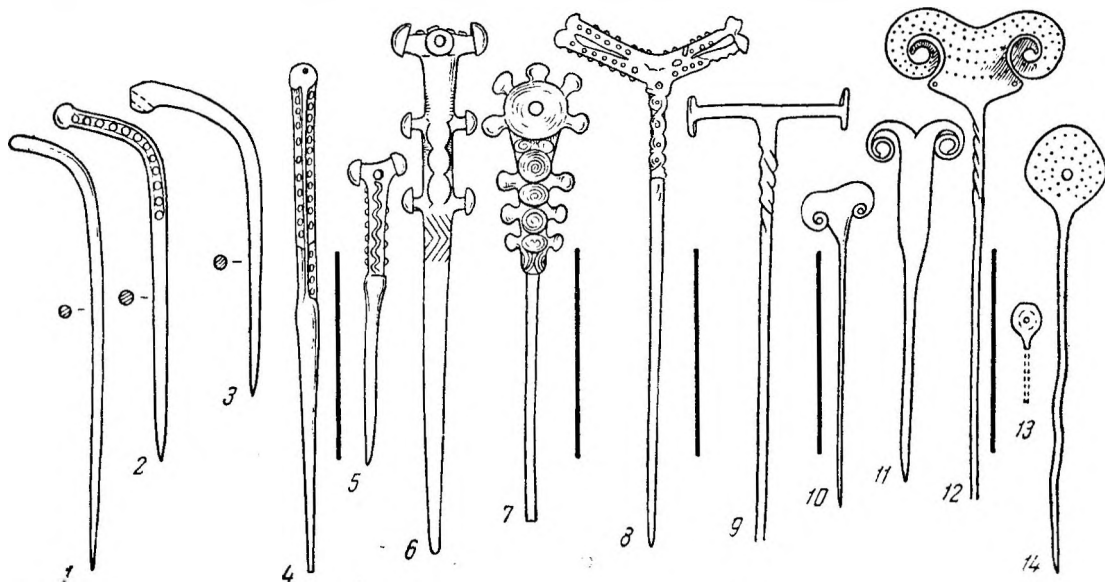

Рис. 43. Типы металлических булавок

1 — ст. Новосвободная; 2 — Ульский аул (Уляп); 3 — сел. Вольное; 4, 6 — Кисловодск; 5 — Пятигорск; 7 — сел. Курен-Белой (Чечено-Ингушетия); 8, 9 — Нальчик, Кабардинский парк; 10 — Нальчик, «Садки»; 11, 13, 14 — могильник Гатын-Кале, сел. Асланбек-Шерипово, Чечено-Ингушетия; 12 — могильник Верхняя Рутха, сел. Кумбулта

они ведут свое происхождение от кремневых проколов⁶⁰. Шилья встречаются как в памятниках майкопской культуры, так и в более поздних памятниках (I тысячелетие до н. э.)⁶¹. А. А. Иессен отмечает, что в памятниках «больших курганов» они менее велики и утолщены, чем в северокавказских («среднекубанских») древностях⁶². Размеры их варьируют от 3,5 до 20 см в длину, от 0,4 до 0,9 см в ширину. Концы их заострены, посредине иногда имеется утолщение. Шилья

Главное место среди них занимают бронзовые булавки, служившие одновременно и для скрепления одежды и как украшения.

Среди булавок можно заметить пять типов.

I. Изогнутые булавки (булавки в виде «посоха»). Наиболее ранние из них представляют собой гладкий изогнутый и заостренный книзу стержень с отверстием в верхнем конце. Таковы четыре серебряные булавки из дольменов ст. Новосвободной⁶³. В дальнейшем навершие их утолщается (булавки из сел. Вольного⁶⁴, Ульского аула)⁶⁵, и некоторые из них украшаются простым

⁵⁸ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 61, 62, рис. 21, 5, 6 и 22.

⁵⁹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 172, 200, таблица IV, 6, 7.

⁶⁰ М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, XXV, 1949.

⁶¹ Найден автором в каменном ящике каякентско-хорочовской культуры у сел. Тарни.

⁶² А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 173.

⁶³ ОАК за 1898 г., табл. I, 9, 10.

⁶⁴ ГЭ, № 454 (коллекция М. Г. Коссович, 1907).

⁶⁵ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 153, 154; Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домижонской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35. СПб., 1907, табл. I и II.

выпуклым орнаментом (Ульский аул, рис. 43, 2). Разновидностями этого типа булавок являются изогнутая бронзовая булавка с загнутым в колечко концом из кургана у сел. Соломенка под Нальчиком (см. рис. 11, 10)⁶⁶ и булавки с выпрямленным стержнем из-под Кисловодска (см. рис. 43, 4)⁶⁷. Длина их в среднем достигает 10—14 см при диаметре сечения 0,3—0,5 см. Они характерны только для памятников раннего этапа северокавказской культуры и совершенно неизвестны на северо-восточном Кавказе. Своим происхождением такой тип булавок, возможно, обязан изогнутым булавам Северного Кавказа. Вопрос об их происхождении осложняется, однако, тем, что отдельные экземпляры их встречены среди памятников Передней Азии; правда, в странах, лежащих между Передней Азией и Северным Кавказом, они неизвестны. В степи Южного Поволжья довольно рано проникают изогнутые булавки⁶⁸.

II. Булавки с молоточковидными выступами. Наиболее ранние из них имеют навершия в виде двух округлых молоточков с отверстием между ними. В дальнейшем число симметрично расположенных «молоточков» увеличивается до двух-четырех пар. Стержень булавки покрыт выпуклым орнаментом в виде имитации шнура, спиралек, кружочков, волн, змеек с трехугольной головой (мотив, встречающийся и на кобанских бронзах)⁶⁹. Сечение стержня круглое. Размеры: в длину от 10—11 до 18—19 см, размах «молоточков» — 1,5—3 см (см. рис. 43, 5—7).

Булавки такого типа характерны для первого и второго этапов и распространены в основном по Прикубанью и Пятигорью (в центральной и северо-восточной частях Кавказа находки их единичны)⁷⁰. Прототи-

пом их могли служить костяные молоточковидные булавки степных племен ямной и катакомбной культур (известны совместные находки бронзовых и костяных булавок близких форм).

На территории Центрального Кавказа на втором этапе развития северокавказской культуры появляются булавки в виде стержня с отходящими от него вверх двумя-тремя заостренными отростками, не до конца разьединенными прорезями между ними. Булавки богато украшены выпуклым литым орнаментом. Многие из них изданы Б. Е. Дегеном (находки из Кабардинского парка в Нальчике, из окрестностей Нальчика, пос. Долинского, сел. Заюково)⁷¹. Эти булавки можно рассматривать как своеобразную разновидность молоточковидных булавок, типичную для узкого района Кабарды. Длина их превышает 40 см, размах отростков до 10 см (см. рис. 43, 8).

III. Булавки с поперечной перекладиной. Стержень у них слегка перебит, а перекладина снабжена на концах двумя дисками. Редкие образцы их богато орнаментированы. Одна из таких булавок (из сел. Донифарс, Северная Осетия) украшена тремя декоративными дужками, прикрепленными к перекладине. Длина их доходит до 40 см, а ширина перекладины — до 7—8 см. Булавки эти весьма подробно описаны Б. Е. Дегеном⁷². Характерны они для Центрального Кавказа на втором этапе развития изучаемой культуры (см. рис. 43, 9).

Их прототипом явились западно-прузинские формы (Сачхери). Это тем более вероятно, что в Грузии был рано освоен металл. Навершие одной из сачхерских булавок представляет собой стилизованное скульптурное изображение двухколесной тележки — арбы⁷³.

IV. Булавки с навершием в виде завитков («рогов») или греческих волют. Стержень у них круглый, а навершие плоское расплющенное. Ранние типы булавок малы, волюты слиты. Более поздние булавки крупнее и волюты у них раскручены. В Дигории на третьем этапе

⁶⁶ А. Н. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 195, 196, рис. 33, 8.

⁶⁷ Музей Пятигорска, № 744 (раскопки Фляпцова 1913—1914 гг.). Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, табл. XIV, 3.

⁶⁸ И. В. Сяницын. Памятники предкифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X. 1948, стр. 146, 158, рис. 6.

⁶⁹ А. П. Семенов. Нартские памятники Северной Осетии. Сб. «Нартский эпос». Дзауджикау, 1949, стр. 59, рис. 5, 6.

⁷⁰ В музее Нальчика два экземпляра из селений Чегем II и Ново-Иваловка (№ 2913, см. МИА, № 3, стр. 225, рис. 37, 4), в музее г. Орджоникидзе из сел. Ардон (№ 3872-13) и в ГЭ своеобразная булавка с округлым навершием (см. рис. 14) из сел. Беной (№ 1740-7).

⁷¹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 251 и сл., рис. 34, 3; 35, 1, 2; 37, 3; 38, 1. Булавка из сел. Заюково хранится в музее Нальчика (витрина IV).

⁷² Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, табл. XVI, 1-а, б.

⁷³ О. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, табл. XI, 1.

булавки данного типа приобретают колоссальные размеры (длина до 67 см, размах волкут до 16 см), а массивные волкуты (рога) украшаются чеканным точечным орнаментом (см. рис. 43, 10—12).

Двуволютные (рогатые) булавки характерны на втором этапе для Центрального и северо-восточного Кавказа, на третьем этапе сохраняются в основном на территории Дигории и, вероятно, в порядке обмена попадают в район Кисловодска, в Черкессию.

Происхождение этого типа булавок надо вести с Ближнего Востока.

Булавки указанного типа были найдены там во втором слое Тепе-Гиссара (Гиссар II, Иран). Слой этот датируется временем около 3500 г. до н. э.⁷⁴ Такие же булавки известны в материалах IV периода Тепе-Сяллка (южный и северный холм), относящегося к 3200—3000 гг. до н. э.⁷⁵ Бытуют эти булавки в Иране и в эпоху бронзы⁷⁶. Встречаются в это время они в Тарсе (Турция), на Кикладских островах, в Малой Азии (Троя), в Средней Азии (Анау)⁷⁷. На рубеже III и II тысячелетий до н. э. они проникают в Грузию (находки в селениях Короты-Сачхери, Дзагина на Бомбарской поляне)⁷⁸, а отсюда уже на Центральный Кавказ, где в настоящее время найдено их наибольшее количество, и где их формы несколько видоизменились.

⁷⁴ E. F. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar Daughan. Philadelphia, 1937, p. 320, pl. XXIX, H. 4856.

⁷⁵ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937, v. I. Paris, 1938, p. 87, pl. XXIX, I. b; XCY, 1602, a, e.

⁷⁶ J. de Morgan. Mission scientifique en Perse, t. IV. Paris, 1896, p. 99, fig. 100.

⁷⁷ H. Goldman. Excavations at Gözlu Kule Tarsus, t. II. Princeton, 1956, pl. 431, 207—209; F. Schachermeyer. Die ältesten Kulturen Griechenlands. Stuttgart, 1955, S. 179, 194. Abb. 53, 3; 62, 6; Wilhelm Dörpfeld. Troja und Ilion, B. I. Athen, 1902, S. 356, 357, Abb. 294, h, g; H. Schmidt. Heinrich Schliemanns Sammlung trojanischer Altertümer. Berlin, 1902, S. 254, № 6401—6404; Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 273, рис. 24; R. Pumpelly. Explorations in Turkestan expedition of 1904, t. I. Washington, 1908, p. 152, fig. 25, 1252, pl. 37, 3.

⁷⁸ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 79, 80, табл. XVIII; е го же. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 38, рис. 3, 1; О. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии, табл. XV, 5.

К середине II тысячелетия они уже широко распространены на Северном Кавказе.

Особую группу составляют булавки с наверхиями в виде дисков. Пока их находки малочисленны и в основном происходят из северо-восточной части Кавказа (см. рис. 43, 13, 14).

Отдельные экземпляры двуволютных северокавказских булавок проникли далеко на север (Мордовская АССР, р. Мокша)⁷⁹.

Металлические украшения на Кавказе очень многочисленны. В основном это крупные полусферические бляхи, плоские бляшки, часто имеющие ушко для подвешивания, подвески разнообразных форм, височные кольца, браслеты и бусы.

Для времени расцвета северокавказской культуры (второй этап) довольно характерны литые крупные (высота 2,6—6 см, диаметр 5—9 см) полусферические бляхи, богато украшенные выпуклым литым орнаментом в виде имитации шнура, зигзагов, солярных знаков, волн, уголков. На верхней части они имеют два отверстия, окруженных выпуклой «розеткой» (см. рис. 13, 79, 80). Найдены подобные предметы в Пятигорье, Центральном Кавказе и одна бляшка — в Дагестане (самой восточной точкой подобных находок является сел. Согратль)⁸⁰. Чистота отделки, богатство декора, плотность металла (бляхи, найденные в сел. Ардон в Северной Осетии, изготовлены из серебра)⁸¹ свидетельствуют о большой ценности этих предметов. Однако их назначение не совсем ясно. Это, по-видимому, не украшение, а принадлежность конской сбруи. К концу второго этапа литой орнамент на них заменяется пунсонным в виде выбитых изнутри точечных линий, зигзагов, кружков и т. д., а сами бляхи уплощаются. Таковы бляхи из Нальчика, Кисловодска и Дагестана⁸². В таком виде единичные экземпляры известны из

⁷⁹ И. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокша. КСИИМК, 59. 1955, стр. 72, 73, рис. 26, 1.

⁸⁰ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 100; бляха хранится в ГЭ, № 1741-17.

⁸¹ Музей г. Ordzhonikidze, № 3872. Материал не опубликован.

⁸² Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, табл. XI, 3; XV, 1—5; музей Пятигорска, № 2416; А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, ч. I. СПб., 1887, стр. 53, 56, рисунок.

Прикубанья⁸³. Бляхи эти изготавливаются уже не литьем, а штамповкой.

Наиболее массовым материалом являются бронзовые подвески в виде довольно крупных и богато орнаментированных дисков, а также небольших кружочков и колец, из которых многие снабжены стерженьком, проходящим через середину. Все эти предметы имеют ушко для подвешивания. Диаметр крупных блях-подвесок изменяется от 3 до 3,5 см. Мелкие из них более или менее стандартны; их диаметр равен около 1,5—2,5 см. Эти предметы характерны в основном для второго этапа и известны по всей территории Северного Кавказа. Бляхи-подвески служили украшением головного убора, поэтому они найдены по сторонам черепа (ст. Константиновская)⁸⁴. Кроме того, они украшали платья, возможно, пояса (найжены в районе поясицы,— могильник у Гатын-Кале).

Встречаются также подвески, напоминающие обрывок шнура с узлом на конце (ранние образцы их свиты из проволочек), некоторые из этих «шнуровых» подвесок расположены по две и по три под углом друг к другу. Самые крупные из них достигают в длину 4 см.

В составе ожерелий встречаются литые круглые бусины и бусины, свернутые из куска металла, орнаментированные трубочки, мелкие подвески различных форм, часть из которых напоминает ложечки и иногда покрыта зернью.

Все эти изделия, так же как и описываемые ниже височные кольца, имели большой спрос у соседних катакомбных и срубных племен⁸⁵.

Височные кольца в полтора оборота известны с древнейших времен (прунцовое погребение у сел. Галиат)⁸⁶. Круглые височные кольца встречаем по всей территории северокавказской культуры в течение первого и второго этапов ее развития. На третьем этапе височные кольца большей частью уже имеют овальную, удлиненную форму. Тако-

⁸³ ГЭ, № 56-3 (материалы раскопок Н. И. Веселовского в ст. Ново-Джерелиевской).

⁸⁴ A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV. Helsinki, 1929, S. 10—11, Abb. 6, 7.

⁸⁵ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 102, 103; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, стр. 65, 67, рис. 15, 1, 2.

⁸⁶ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 27.

вы кольца из могильников у селений Галашки⁸⁷, Кумбулта и др.

Браслеты не очень характерны для инвентаря могильных комплексов северокавказской культуры. Многовитковые браслеты изготавливались из кованого прута подтреугольного сечения (диаметр около 7 см). Подобные браслеты, сохранившиеся в целом виде, известны из могильника Гатын-Кале у сел. Асланбек-Шерипово (Чечено-Ингушетия) и Кабардинского парка Нальчика⁸⁸. Многовитковые браслеты существуют и позже (кобанская культура).

Браслеты в виде кольца с незамкнутыми или слегка заходящими друг за друга концами также не очень часты. Известны из могильников Северной Осетии и селений Галашки, Тамбиевского (Кабарда), могильника Гатын-Кале.

Редки находки фигурок животных (Пятигорск, Хасав-Юрт)⁸⁹.

Таков основной металлический инвентарь памятников северокавказской культуры.

Большая часть предметов изготавливалась из «меди» и «бронзы», но известны отдельные предметы из серебра (полусферические бляхи из сел. Ардон, серебряные колечки и спиральки из ст. Чамлыкской, пос. Праздничного, с. Летницкого⁹⁰ и др.), золота (кольца из кургана у ст. Нартан в Кабарде⁹¹, впускного погребения ст. Новосвободной и др.), сурьмы (подвеска-пронизка из могильника у сел. Миатлы в Дагестане)⁹².

Предметы эти представляют собой единичные находки, но все же они, вероятно, местного производства, так как Северный Кавказ имеет богатые месторождения серебряных руд, антимонита (сурьмы) и россыпи золота.

Изделия из камня

Изделия из камня, включая и кремневые, играли важную роль в быту племен северокавказской культуры. В обработке твердых

⁸⁷ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 89, рис. 23, 4.

⁸⁸ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 252, рис. 35, 3.

⁸⁹ Музей г. Махачкала.

⁹⁰ ГИМ, № 42405, 48480, раскопки Н. И. Веселовского 1898 и 1903 гг.; ГЭ, № 36.

⁹¹ Е. Хакушев. Новые археологические находки. Уч. зап. КНИИ, т. VII. Нальчик, 1952, стр. 195, рис. 1, д.

⁹² В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 г. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского Филиала АН СССР, т. I. Махачкала, 1956 г.

пород камня (диорита, гранита, базальта) они достигли исключительного мастерства. Не менее хорошо владели они приемами обработки хрупкого кремня и обсидиана. Высокая культура обработки камня привела к значительному разнообразию каменных изделий. Среди них довольно видную роль играют кремневые поделки (наконечники стрел, скребки и т. д.), каменные топоры, булавы, песты, терочки, украшения.

Однако древние изделия из камня плохо изучены. Только А. Европеус в работе, посвященной боевым топорам, выделяет особый пятигорский тип каменных топоров⁹³.

Кремневые изделия памятников северокавказской культуры в основном служили орудиями труда и наконечниками стрел. Среди орудий труда можно выделить режущие поделки — это ножевидные пластины удлиненных форм, слегка подретушированные у краев. Таковы пластины из ст. Ново-Джеуриевской, урочища «Три камня» у Кисловодска (см. рис. 8, 2; 20, 3), Ессентуков, курганов Нальчика (см. рис. 12, 1)⁹⁴ и других мест.

Орудия типа скребков, найденные у хут. Кру (Прикубанье, см. рис. 4, 9) ст. Гиангинской у Кисловодска⁹⁵, Нальчика⁹⁶ почти все имеют округлую форму, сохраняют поверхность кору, и лишь округлое лезвие у них тщательно отретушировано (реже встречаются кощевые скребки).

Отметим еще находки кремневых вкладышей с пильчатой ретушью, служивших составными частями серпов⁹⁷ и других орудий. Вкладыши, как и все указанные типы орудий, известны в прекрасных образцах из Долинского поселения, Ульского аула (Прикубанье), Кумбулты (Северная Осетия), Сержен-Юрта (Чечено-Ингушетия) и других пунктов Северного Кавказа⁹⁸. Не всегда

удаётся установить точную дату найденного предмета, но эти орудия очень живучи. В Азербайджане, например, вкладыши известны вплоть до эпохи железа⁹⁹, а наиболее ранние из них найдены в Грузии еще в неолитических комплексах¹⁰⁰.

Среди кремневых обломков и отщепов можно усмотреть формы, близкие проколкам, но этот материал слишком нетипичен и не может быть систематизирован.

Все названные типы орудий не могут быть отнесены к какому-либо одному этапу и узко локализованы. Они существуют еще с неолита и бытуют повсеместно, а в памятниках северокавказской культуры кажутся уже некоторым архаизмом.

Кремневые наконечники стрел представлены в изучаемых памятниках тремя типами¹⁰¹.

I. Наконечники стрел удлиненной формы с глубокой боковой выемкой (рис. 44, 1—3). Размеры: длина около 4 см., ширина 1,5—2 см. Наиболее ранние образцы их, покрытые с обеих сторон прекрасной ретушью, найдены в кургане майкопского облика у ст. Костромской¹⁰². Много их найдено в выдувах погайских песков, на Черных землях, в Калмыкии¹⁰³. Тип этих стрел близок листовидным неолитическим стрелам и стрелам с пильчатой ретушью из Майкопа и ст. Новосободной¹⁰⁴. Появление на наконечниках стрел выемки, а также применение пильчатой ретуши обычно совпадают по времени с началом обработки металла¹⁰⁵. Это позволяет нам считать подобный тип стрел довольно древним, а совместные находки их с ранни-

⁹⁹ Rösler. Zwei Gräber von Schuscha. Zeitschrift für Ethnologie, B. XXIV (Verhandlungen). Berlin, 1892. S. 567. Abb. 5.

¹⁰⁰ Н. З. К и л а д з е. Памятник нового каменного века из Тетралица. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 29. Тбилиси, 1951, стр. 264, табл. VIII, 4.

¹⁰¹ Из описания исключены стрелы катакомбного типа.

¹⁰² ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 62.

¹⁰³ Е. П. К р у п н о в. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, XX. 1948 и другие работы; Т. М. М и н а е в а. Стоянка с микроритическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, 59. 1955, стр. 46—53; И. В. С и н и ц ы н. Кремневые орудия с новых стоянок Калмыцкой области. Изв. Нижне-Волжского Ин-та краеведения, т. IV. Саратов, 1931, стр. 87, табл. II, 53.

¹⁰⁴ ОАК за 1897 г., стр. 6, рис. 15; ОАК за 1898 г., табл. I, 16.

¹⁰⁵ М. Е. Ф о с с. Неолитические культуры Севера европейской части СССР. СА, IX. 1947, стр. 37.

⁹³ А. А у г ä r ä ä. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII. Helsinki, 1933, S. 56—60.

⁹⁴ Музей Пятигорска, № 640; Б. Е. Д е г е н. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 234—236, рис. 32, 4, 5.

⁹⁵ ГИМ, № 76990. Раскопки Д. Я. Самоковасова.

⁹⁶ Б. Е. Д е г е н. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 286, рис. 32, 1, 2, и др.

⁹⁷ С. А. С е м е н о в. Древнейшие каменные серпы. СА, XXI. 1954, стр. 354—367.

⁹⁸ А. П. К р у г л о в и Г. В. П о д г а е ц к и й. Долинское поселение..., стр. 177, рис. 23, 1—5; П. С. У в а р о в а. Museum Caucasicum, т. V, стр. 162, № 3379, 3380; хранятся в Государственном Музее Грузии под теми же номерами; ГИМ, № 25278; музей г. Грозного.

ми стрелами катакомбников дают возможность датировать их временем первого этапа северокавказской культуры.

II. Наконечники стрел асимметричной формы с шипом. Выемка у одного из краев образует шипы разной длины (см. рис. 44,

них памятниках всего Кавказа позволяют относить их к числу предметов, характерных для первого этапа.

III. Этот тип наконечников стрел наиболее распространен по всему Кавказу. Наконечники стрел имеют симметричную тре-

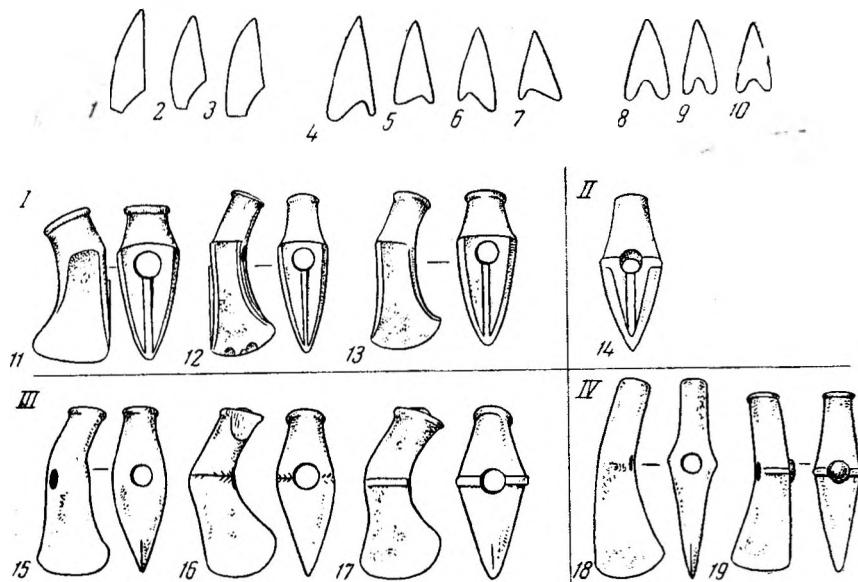

Рис. 44. Кремневые наконечники стрел и каменные топорики

Наконечники стрел: 1 — ст. Костромская; 2, 5 — Ногайские пески; 3 — сел. Тарки близ г. Махачкала; 4 — ст. Новосвободная; 6 — Долинское поселение, Нальчик; 7 — Тарнаир близ г. Махачкала; 8 — Горная Чечня, б. Веденский округ; 9 — ст. Константиновская; 10 — сел. Ачикулак; 1—3 — стрелы с боковой выемкой; 4—7 — стрелы с опущенным шипом; 8—10 — стрелы с симметричной выемкой

Каменные топорики: I. Кабардино-пятигорский тип, с оградкой: 11 — сел. Старый Лескен; 12 — Пятигорье; 13 — Центральный Кавказ; II. Производный от данного типа: 14 — сел. Галашки; III. Кабардино-пятигорский тип, гладкие: 16 — Пятигорск; 16 — сел. Атажукино; 17 — Пятигорье; IV. Производные от данного типа: 18 — с. Михайловка; 19 — с. Шалушинское близ г. Нальчика (с бронзовой обоймой в проушине)

4—7). Наконечники стрел обработаны прекрасной двусторонней ретушью. Размеры: длина 2—2,7 см, ширина около 1,5 см. Наконечники этого типа появляются рано: они известны из дольменов ст. Новосвободной, Долинского поселения¹⁰⁶. Много их найдено в степных районах. Но, если первый тип характерен только для Северного Кавказа, то второй тип распространен на территории всего Кавказа (известны находки из Зугдиди, Очамчиры (Грузия), Ханлара (Азербайджан)¹⁰⁷. Находки подобных стрел в ран-

угольную форму и выемку различной глубины у основания. Длина их не превышает 4 см. Наконечники этого типа появляются также весьма рано и сосуществуют со вторым типом наконечников¹⁰⁸. В Закавказье они бытуют дольше, чем на Северном Кавказе, — вплоть до эпохи железа¹⁰⁹.

3; 72, 8; Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 62, рис. 26, 6.

¹⁰⁶ В. П. Любим. Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинвир (Юго-Осетия). КСИИМК, 60. 1935, стр. 14—22; Я. И. Гуммель. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, XX. 1948, стр. 15—28.

¹⁰⁹ Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, I. Ереван, 1950, стр. 20; А. О. Мнацаканиян. О раскопках могильников у села Головино (Армения). КСИИМК, XLVI. 1952, стр. 67, рис. 14, 6.

¹⁰⁶ ОАК за 1898 г., табл. IV, 48; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 176, 182, рис. 25, 2, 3.

¹⁰⁷ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 257, 268, табл. 64,

Характерны для памятников второго и третьего этапов северокавказской культуры (см. рис. 44, 8—10).

Коллекция каменных топоров, найденных в пределах Северного Кавказа, огромна. Из числа этих орудий необходимо исключить явно привнесенные формы (катакомбные топоры-молоты) и орудия более позднего типа (подобие молотков, просверленных посредине)¹¹⁰. Но и оставшийся материал настолько значителен, что изучение его может послужить темой специальной работы.

Топоры пятигорского типа, выделенного А. Европеусом¹¹¹, имеют весьма сложную конфигурацию: плоскую переднюю часть и изогнутую внутреннюю; молоточная часть у них наклонена назад и четко выделена; проушина цилиндрического или конического сечения; от проушины до лезвия проходит обычно выпуклое ребро; основная масса топора, кроме округлой молоточной части, имеет легкую огранку. В зависимости от общей вытянутости они кажутся то высокими, то низкими, так как их размеры варьируют: высота (длина) от 8,5—9 до 16—17 см, ширина у сверлины с наружной стороны от 3 до 5,5 см.

Топорики тщательно отполированы. Изготовлены большей частью из змеевика (серпентина)¹¹² и метаморфических известковых пород. Месторождения змеевика известны в Осетии, Ставрополье, Кабарде и в Прикубанье (небольшое). Нигде, кроме Северного Кавказа, топоры такого типа не встречены (известен один экземпляр из Азербайджана)¹¹³. Это свидетельствует о его чисто местном происхождении. Металлические предметы, находимые вместе с топориками, позволяют датировать их временем второго этапа. Основные находки топориков происходят из Кабардино-Балкарии, Пятигорья и Северной Осетии. В Прикубанье и на северо-востоке Кавказа они редки. Именно поэтому такой тип топориков мы вслед за Е. И. Крупновым¹¹⁴ называем не «пятигорским», а «кабардино-пятигорским».

¹¹⁰ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 250, рис. 46.

¹¹¹ А. Europeus. Op. cit., S. 57—60.

¹¹² П. И. Чирвинский. Змеевик как поделочный камень первобытного человека на Северном Кавказе. КСИИМК, XLVII. 1952, стр. 143—146.

¹¹³ И. М. Джафар-Зале. Древнейший период истории Азербайджана. Сб. «Очерки по древней истории Азербайджана», стр. 19, рис. 8.

¹¹⁴ Такое название этого типа топоров встречается во всех цитируемых работах Е. И. Крупнова.

Кабардино-пятигорские топоры известны в двух вариантах. Описанные выше топоры с огранкой и ребром у проушины встречаются часто и являются основным типом (см. рис. 44, 11—14). В меньшем количестве известны гладкие топоры округлых форм, без огранки, часто снабженные выступом или орнаментальным пояском, охватывающим проушину с двух сторон. Топоры этого вида менее приземисты (размеры: высота (длина) 10,5—11,5 см, ширина 4,5—6 см., см. рис. 44, 15—17). Судя по находимому вместе с ними в погребениях инвентарю (например, курган 1, гробница 2 у колонии Константиновской под Пятигорском или погребение в кургане у сел. Малка¹¹⁵ и др.), они одновременны топорикам основного вида. Однако морфологическая близость их топорикам последующего времени заставляет нас считать их типологически несколько более поздними. Границы распространения топориков обоих типов совпадают: главные находки приходятся на Кабардино-Балкарию, затем следуют Пятигорье и Осетия; более редки находки в северо-восточной части Кавказа и в Прикубанье¹¹⁶. Основным тип топориков мы считаем возможным назвать «граненым» (или с огранкой) в отличие от второго — «гладкого». Как видно из описания, топоры кабардино-пятигорского типа представляют собой сложное по форме орудие. Это заставляет искать их прототипы. Серия топориков, найденных на Северном Кавказе, позволила нам проследить линию развития их от простейших форм¹¹⁷.

На третьем этапе появляется ряд топориков (см. рис. 44, 18, 19), производных от гладкого типа. Лезвие у них сильно закруглено, более массивна молоточная часть, и по форме они напоминают металлические кобанские и колхидские топоры¹¹⁸. Особенно изящен топорик из г. Грозного, опубликованный О. В. Милорадович (см. рис. 15, 39; 51)¹¹⁹.

¹¹⁵ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 35; ГЭ, № 1737-1-4 (находки 1891 г.).

¹¹⁶ Топорик из Тамани (раскопки Корейши в 1847 г.). ГЭ, № 2-1.

¹¹⁷ В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 19, 20, рис. 6.

¹¹⁸ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 68, 71, 72, рис. 6, 7; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII. 1953, стр. 290.

¹¹⁹ О. В. Милорадович. Новые археологические находки в Грозненской области. КСИИМК, 64. 1956, стр. 1.

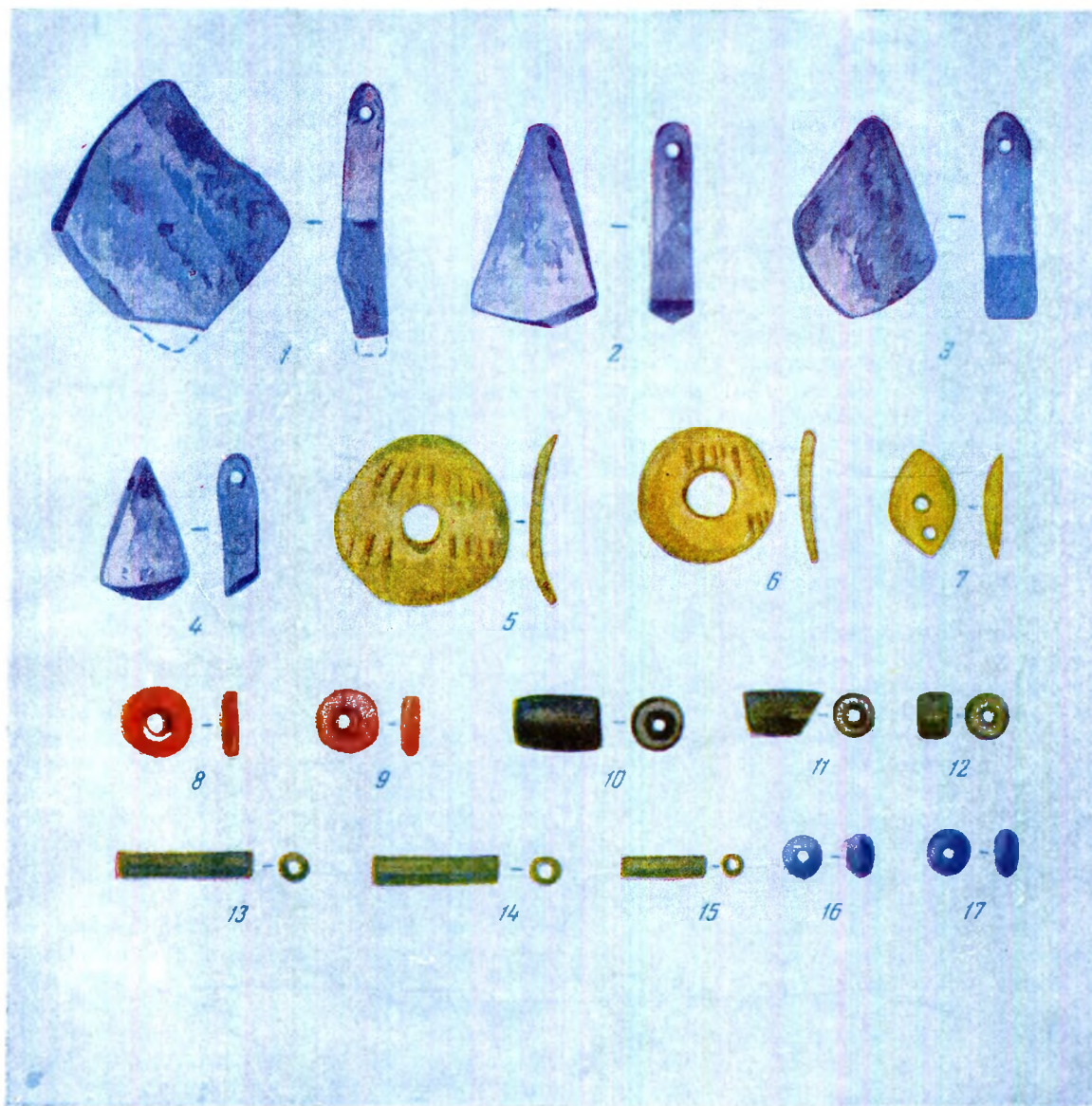

Рис. 45. Бусы и подвески

1 — сел. Нарын-Худу, Черные земли (музей Ставрополя); 2 — сел. Ястан-Худак, Черные земли (музей Ставрополя, № 302); 3, 4 — Бажиган (музей г. Грозного, № 1506); 5—17 — могильники Гатын-Кале, сел. Асланбек-Шерипово, 5—7 — раковины *Sardium* sp., погребение 7; 8, 9 — сердолик, погребение 31; 10—12 — гагат, погребение 27; 13—17 — стеклянная паста, погребение 31

Тщательность отделки и полировки, относительно небольшой вес, мягкость материала не позволяют считать подобные топоры орудиями производства, хотя, как отмечает Б. Е. Деген, их конфигурация удобна для пользования как заостренной, так и молоточной частью¹²⁰. Являясь знаками власти и почета, а также личным оружием, генетически эти топоры связаны с каменными рабочими орудиями, чем и объясняются их строго выдержанные формы.

Таким же «парадным» личным оружием были и каменные булавы, встречающиеся с древнейших пор в Передней Азии¹²¹ и на Кавказе.

Типы булав, выделенные Е. И. Крупновым по находкам в Северной Осетии, вполне могут быть применимы для всего Северного Кавказа¹²².

Особенно распространены на территории северокавказской культуры прусевидные булавы (II тип), в меньшей степени — булавы с выпуклостями (III тип). Наиболее древними считаются шаровидные булавы (I тип). Но вообще все типы булав сосуществуют очень долго. Позднее булавы отливались в металле, и, видоизменяясь по форме, они существуют еще в I тысячелетии до н. э.¹²³ В периоды бытования северокавказской культуры булавы, как правило, изготавливались из твердых пород камня (диорита, кварцита, долерита, порфира, базальта, реже из мрамора и известняка). В ареал их наибольшего распространения входит Центральный Кавказ (Кабардино-Балкария и Северная Осетия) и Пятигорье. В Прикубанье и северо-восточной части Кавказа их гораздо меньше. Различные типы булав пока не представляется возможным четко распределить по хронологическим этапам.

Среди коллекций музеев Северного Кавказа большое место занимают каменные предметы, связанные с земледелием. Таковы ладьевидные зернотерки, терочники-кураяты, песты, терочники вытянутых форм. Все эти предметы присущи не только северокавказской культуре, они обычны на любом посе-

лении эпохи бронзы нашего Юга¹²⁴, поэтому детальное описание их мы опускаем.

Орудия типа выпрямителей стрел также не могут считаться типичным предметом в инвентаре северокавказской культуры, поэтому они здесь также не рассматриваются. То же относится и к оселкам, которые бытуют очень долго, вплоть до средневековья¹²⁵.

Нам остается несколько слов сказать об украшениях из камня — бусах и подвесках.

Каменные бусы (из сердолика, гагата, хрусталя) пока в памятниках северокавказской культуры известны мало. К раннему типу бус относятся небольшие бусины-цилиндрики с неровными краями («рубленные» бусы) и двусторонним коническим сверлением (рис. 45, 8, 9). Более поздние бусы округляются, сверление у них цилиндрическое или коническое, но одностороннее¹²⁶. Бусы из гагата — материала более мягкого, — имеют бипирамидальную форму. Найдены в комплексах в курганах у сел. Ардон в Северной Осетии и в могильнике Гатын-Кале (рис. 45, 10—12).

Сырьем для изготовления бус из сердолика могли служить местные минеральные ресурсы; кроме того, они могли поступать уже в готовом виде и из Грузии¹²⁷. Гагат (гипер) происходит, вероятно, из Дагестана. Находки каменных бус связываются в основном со вторым этапом.

Подвески представляют собой мелкие речные галечки с двусторонней сверлиной в их верхней части (найжены в Прикубанье и Пятигорье, см. рис. 4, 8). Делались также бусы из морских раковин. Большое количество плоских круглых бусин найдено в могильнике Гатын-Кале (рис. 45, 5—7). Они были изготовлены из раковин каспийских моллюсков *Cardium* sp., *Didacna trigonoides* (Pallas)¹²⁸.

¹²⁰ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 240.

¹²¹ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 75, рис. 12.

¹²² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 44.

¹²³ МАК, VIII, табл. ХСVII, 1—3.

¹²⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII. 1947; И. В. Сивицын. Поселение эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI. 1949, стр. 195—224.

¹²⁵ К. Ф. Смирнов. Агач-калинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII. 1951, стр. 113.

¹²⁶ Г. Г. Лемлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 26—30.

¹²⁷ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, стр. 169 и сл.

¹²⁸ Определены П. В. Матеевым (Зоологический музей МГУ).

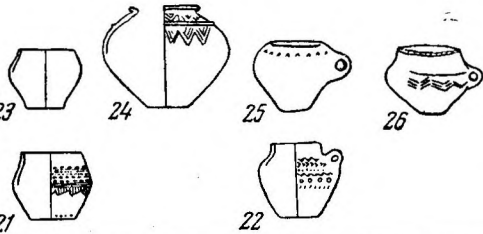
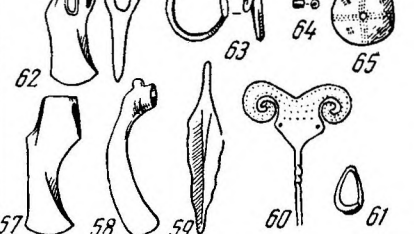
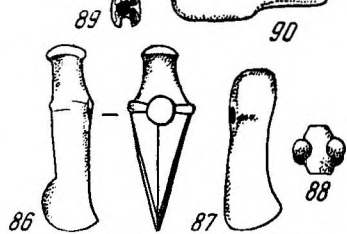

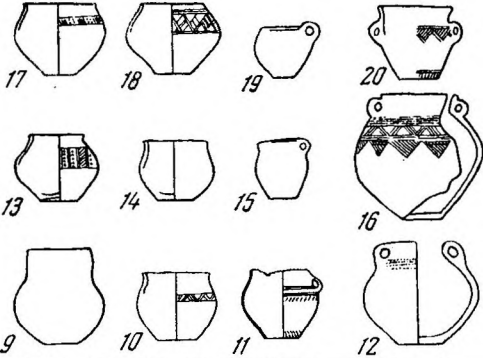
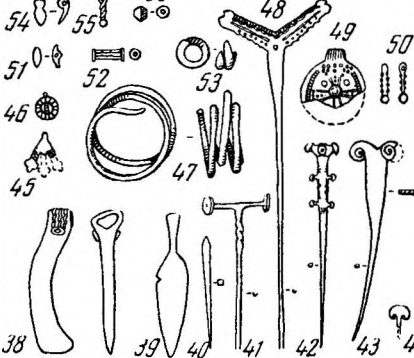
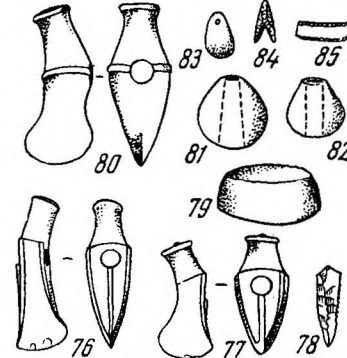
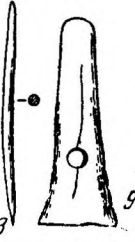
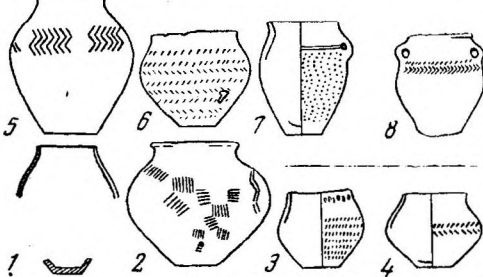
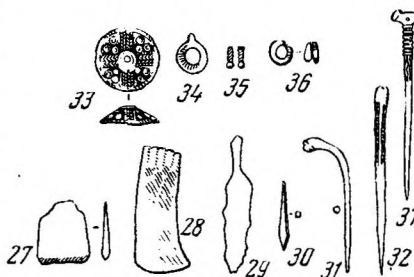
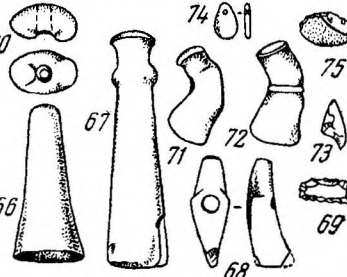
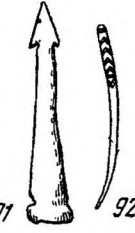
<p>Конец II тысячелетия до н.э.</p>	<p>Керамика</p>	<p>Металл</p>	<p>Камень</p>	<p>Кость</p>
<p>III этап</p> <p>Около 1500г. до н.э.</p>	 <p>21 22 23 24 25 26</p>	 <p>57 58 59 60 61 62 63 64 65</p>	 <p>86 87 88 89 90</p>	 <p>95</p>
<p>II этап</p> <p>Около 1700г. до н.э.</p>	 <p>9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20</p>	 <p>38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55</p>	 <p>76 77 78 79 80 81 82 83 84 85</p>	 <p>93 94</p>
<p>I этап</p> <p>Начало. I тысячелетия до н.э.</p>	 <p>1 2 3 4 5 6 7 8</p>	 <p>27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37</p>	 <p>66 67 68 69 70 71 72 73 74 75</p>	 <p>91 92</p>

Рис. 46. Основные формы инвентаря северокавказской культуры

е р а м и к а: 1 — Долинское поселение, Нальчик; 2 — сел. Соломенка, Кабардино-Балкария; 3 — ст. Минутка у Кисловодска; 4 — «Три камня» у Кисловодска, курган 3, гробница 7 (по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 5 — ст. Прохладная (музей Нальчика); 6 — колония Николаевская, Пятигорск (по Н. М. Егорову); 7 — Кисловодск, «Три камня» (по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 8, 15, 19 — Нальчик, «Садки» (по В. Я. Дегену); 9 — ст. Ново-Лабинская (ГИМ, № 42418); 10 — Пятигорск, Константиновское плато (по И. С. Гумилевскому, ГИМ, № 83782); 11 — Кисловодск, «Три камня», курган 2 (по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 12, 16 — Кабардинский парк, Нальчик, курган 2; 13 — Пятигорск, колония Константиновская, курган, 2, могила 2 (по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 14 — г. Грозный (музей г. Грозного, № 475); 17 — Кисловодск, «Три камня», курган 4, гробница 8 (по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 18 — ст. Манас (Дагестан, музей «Ярти-тубе»); 20 — Пятигорск (ГИМ № 86475); 21 — колония Константиновская, Пятигорск (по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 22 — Садата, Северная Осетия (по Л. П. Семенову, музей г. Орджоникидзе, № 3672); 23 — Кисловодск (музей Пятигорска, № 515); 24 — Прикубанье (по Н. И. Веселовскому); 25 — могильник Верхняя Рутха, сел. Кумбулта (Е. И. Крупнов, 1938 г.); 26 — Моздок

М е т а л л: 27 — плоское тесло (пос. Праздничный, Прикубанье); 28, 29 — проушной топор и листовидный нож (ст. Келермеская, по Н. И. Веселовскому); 30 — шило (хутор Кру на р. Ульке, Прикубанье, по Н. И. Веселовскому, ГИМ, № 42419); 31 — булава (пос. Вольный, Прикубанье, по М. Г. Коссовичу); 32 — булава (Кисловодск, коллекция Филиппова, музей Пятигорска, № 744); 33, 34 — бляха и подвеска (сел. Соломенка, Кабардино-Балкария); 35, 36 — подвеска и височное кольцо (пос. Праздничный, Прикубанье); 37 — булава (хут. Кру на р. Ульке, Прикубанье); 38 — топор с отвисшим обухом (Прикубанье, музей Краснодара, № 3613); 39 — листовидный нож (Кисловодск, коллекция Филиппова, музей Пятигорска, № 744); 40 — шило (сел. Ачикулак, по Е. И. Крупнову, 1955 г.); 41 — булава (Нальчик, Кабардинский парк, курган 4, погребение, по В. Я. Дегену); 42 — булава (Кисловодск, коллекция Е. Д. Фелицына, ГИМ, № 76400); 43 — булава (могильник Гатын-Кале, сел. Асланбек-Шерипово, Чечено-Ингушетия); 44 — навершие булавки (Махачкала, урочище Тарнаир); 45, 46 — подвески (Нальчик, по В. Я. Дегену); 47 — многовитковый браслет (могильник Гатын-Кале); 48 — булава (Нальчик, музей Нальчика, № 1540); 49 — бляха-подвеска (сел. Чегем II, Кабардино-Балкария, музей Нальчика, № 2213); 50 — подвеска (Кисловодск, коллекция Е. Д. Фелицына, ГИМ, № 76400); 51 — пронизка (сел. Кызбурун III, Кабардино-Балкария, музей Нальчика, № 2679); 52 — пронизка (Кисловодск, коллекция Филиппова, музей Пятигорска, № 744); 53 — височное кольцо (сел. Верхний Акбаш, Кабардино-Бал-

кария, по Е. И. Крупнову); 54—56 — подвески-пронизки, бусы (Нальчик, «Садки», по В. Я. Дегену); 57 — вислобушный топор (Ставрополье, музей Ставрополя); 58 — вислобушный топор (могильник Фаскау, сел. Галиат, Северная Осетия, ГИМ, № 21630); 59 — кинжал (могильник Верхняя Рутха, сел. Кумбулта, Северная Осетия, по Е. И. Крупнову); 60 — булава (могильник Верхняя Рутха, по Е. И. Крупнову); 61 — височная подвеска (могильник Верхняя Рутха, по Е. И. Крупнову); 62 — топор (сел. Лескен, Северная Осетия, по Е. И. Крупнову); 63, 64 — браслет и бусы (сел. Галашки, Чечено-Ингушетия, по Е. И. Крупнову); 65 — полшарная бляха с пунктирным орнаментом (Нальчик, «Советская дача», по В. Я. Дегену)

К а м е н ь: 66 — пест (пос. Праздничный, Прикубанье, ГИМ, № 4840); 67 — пест (Прикубанье, музей Краснодара, № 3613-70); 68 — топорик (сел. Атажукино, Кабардино-Балкария, музей Ставрополя, № 4487); 69 — кремневый вкладыш (Долинское поселение, Нальчик); 70 — булава (хут. Водопадный у Пятигорска, музей Пятигорска, № 672); 71 — топорик (Кисловодск, «Красные камни», музей Пятигорска, № 670); 72 — топорик (Ессентуки, музей Пятигорска, № 669); 73 — наконечник стрелы (Долинское поселение, Нальчик); 74, 75 — подвеска и скребок (хут. Кру на р. Ульке, Прикубанье, ГИМ, № 42419); 76 — топорик кабардино-пятигорского типа (колония Константиновская, Пятигорск, по А. С. Уварову); 77 — топорик кабардино-пятигорского типа (сел. Лескен, Северная Осетия, музей г. Орджоникидзе, № 3870); 78 — кремневый вкладыш (с. Затишье, окрестности Нальчика); 79 — терочник-курант (Кисловодск, «Три камня», ГИМ, № 76990); 80 — топорик (Нальчик, музей Нальчика, № 1926); 81 — булава (Пятигорск, музей Пятигорска, № 756); 82 — булава (с. Прохладный, музей Нальчика); 83, 84, — подвеска и наконечник стрелы (Константиновская, по А. В. Шмидту); 85 — кремневая ножевидная пластинка с ретушью (ст. Ново-Джерелиевская, по Н. И. Веселовскому); 86 — топорик (г. Грозный, музей г. Грозного, № 454); 87 — топор (могильник Верхняя Рутха, по Е. И. Крупнову); 88 — булава (сел. Нижний Чегем, Кабардино-Балкария, В. И. Ренгартен, по А. А. Иессену); 89 — наконечник стрелы (могильник Верхняя Рутха, по Е. И. Крупнову); 90 — пест (могильник Фаскау, сел. Галиат, Северная Осетия, по Е. И. Крупнову)

К о с т ь: 91 — костяной топор (Кисловодск, «Три камня», по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 92 — костяная булава (пос. Праздничный, Прикубанье, курган 1, погребение 3, по Н. И. Веселовскому); 93 — заостренное орудие (колония Константиновская, Пятигорск, по Д. Я. Самоквасову, ГИМ, № 76990); 94 — костяное орудие (Кисловодск, Три камня», курган III); 95 — наконечник стрелы (могильник Беахни-Куп, сел. Чми, Северная Осетия, по Е. И. Крупнову)

Северокавказцами употреблялась для различных поделок и кость, но костяные находки слишком единичны, что вероятно, связано с недолговечностью материала. Можно указать только на роговые и костяные муфты, пряслицевидные предметы и подвески. Большая часть этих вещей найдена в могильнике Гатыня-Кале.

Таким образом, нами учтен и проанализирован весь вещевой материал, характеризующий северокавказскую культуру эпохи бронзы и ее локальные варианты.

После тщательного анализа погребальных памятников и всех случайных находок (рис. 46) необходимо уточнить границы территории, занимаемой племенами северокавказской культуры, так как в этом вопросе нет определенных и установившихся мнений. Если одни исследователи северную границу культуры намечают от Астрахани до Ростова, то другие проводят ее от Гурьева до Ейска¹²⁹.

В 1942 г. А. А. Иессен писал: «Памятники этой культуры (северокавказской.— В. М.) распространены по обе стороны центральной части Кавказского хребта и примыкают к предкавказским степям на всем протяжении от Верхней Кубани до района Грозного»¹³⁰. Почти так же он определил границы этой культуры в 1956 г.: «...от Кубани до верхнего Терека и Сувжи»¹³¹.

Для того, чтобы более четко наметить границы северокавказской археологической культуры, необходимо провести тщательное картографирование как погребальных памятников, так и отдельных находок. В настоящее время, когда, в основном, учтены все памятники данной культуры, ее границы в период расцвета представляются в общих чертах, в следующем виде (см. рис. 30).

На севере и северо-востоке исследуемая культура граничит с южным и юго-восточным краем территории, занятой племенами катакомбной культуры, которая, по последним

данным, захватывала весь Таманский полуостров, бассейн реки Мангыча. Памятники, оставленные этими племенами, уходят далее в астраханские степи, даже за Волгу¹³².

Расположение периферийных пунктов находок предметов северокавказской культуры (с. Дивное, Преградное на р. Кугульта, станицы Распеватская, Воздвиженская, Роговская на р. Кирпили и др.)¹³³, совпадает с южной границей катакомбной культуры. Несмотря на это, наметить северную границу распространения племен северокавказской культуры очень трудно, ибо на полосе, идущей по этой границе, степные племена сталкивались с населением изучаемой культуры. Здесь, следовательно, находилась довольно обширная зона «стыка» синхронных культур, захватывающая также Прикумские и Ногайские степи. На нашей карте (см. рис. 30) она показана очень условно, так как огромное пространство между Ставрополем и Кизляром до сих пор еще не исследовано. Однако раскопки М. И. Артамонова и Г. В. Подгаецкого на р. Мангыч показали всю важность этой территории для выяснения вопросов взаимосвязей катакомбной и северокавказской культур¹³⁴. Площадь этой зоны «стыка», по-видимому, весьма значительна, потому что даже в астраханских степях известны погребения, свидетельствующие если не о проникновении северокавказских племен в Поволжье, то о широких связях древних племен Поволжья с племенами Кавказа¹³⁵. Последнее время все чаще высказывается интересная мысль о существовании на территории, названной нами зоной «стыка», особой предкавказской культуры¹³⁶, которая должна иметь черты двух культур — северокавказской и катакомбной.

¹³² Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 13, 69, 95, рис. 15, 20.

¹³³ Все эти памятники указаны подробно в соответствующих разделах. Упомяну каменные топоры с р. Кирпили (музей Краснодар, № 3916, 3821), каменный топор из с. Дивного (Государственный музей Грузии, № S-2958), топор из с. Преградного (музей Ставрополя, № 2863), каменный топор из с. Воздвиженского (ГИМ, № 42418) и т. д. Из с. Дивного происходит целый ряд предметов раннего облика (бронзовое пило, долото и др. См. архив ЛОИА, д. АК № 6, за № 1886 г, л. 71).

¹³⁴ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Мангыче в 1937 г., стр. 305—306.

¹³⁵ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг., стр. 117 и сл.

¹³⁶ А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа, стр. 14.

¹²⁹ Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшее государство на территории СССР. М., 1956, стр. 128, карта (вклейка); М. И. Артамонов, О. А. Гракова. Бронзовый век. БСЭ, т. 6, М., 1951, стр. 154, карта (вклейка).

¹³⁰ А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 22, Автор включает в понятие северокавказской культуры и «рачинскую группу».

¹³¹ А. А. Иессен. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа. Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956, стр. 14.

Описание своеобразных памятников этой зоны «стыка» уже появилось в работах А. А. Иерусалимской¹³⁷.

Археологическое обоснование этого положения потребует дополнительных крупных полевых работ в этих районах.

На западе и юго-западе граница северокавказской культуры соприкасается с территорией распространения кубанских и причерноморских дольменов¹³⁸. Далее она делает зигзаг и, пересекая р. Большую Лабу, через Майкоп — ст. Крымскую, подходит к рекам Кирпили и Калаус, смыкаясь с указанной выше зоной «стыка». Конечно, и эта граница также пока не может быть указана абсолютно точно.

Южная и юго-восточная граница северокавказской культуры намечается нами по следующим данным. Курган «Ярти-гюбе» с гробницей северокавказского типа у ст. Манас в Дагестане, могильник Гатын-Кале (сел. Асланбек-Шерипово, Чечено-Ингушетия), находка каменного топорика у сел. Верхний Алкун в ущелье р. Ассы¹³⁹ позволяют ориентировочно наметить линию Манас — Гатын-Кале — Алкун, огибающую скалистые хребты Дагестана. Далее граница проходит зигзагом по Главному хребту, огибая многочисленные горные ущелья, и тянется по направлению к сел. Галиат, а затем поднимается к северу, к сел. Гунделен, захватывает район кавказских Минеральных Вод и подходит к рекам Малой и Большой Лабе (см. рис. 30)¹⁴⁰.

Такова территория обитания племен северокавказской культуры на первом и втором этапах ее развития. Что же касается третьего этапа, то в это время ареал культуры резко меняется. Как показывает приведенный выше материал, со второй половины II тысячелетия до н. э. на Северный Кавказ начинают проникать степные племена. Это

движение явилось следствием, как считают многие авторы, вторжения носителей срубной культуры в области обитания катакомбников¹⁴¹. Мы не будем останавливаться здесь на причинах этого вторжения¹⁴². Для нас важен факт довольно массового появления захоронений в катакомбах и отдельных предметов катакомбной культуры в бассейне р. Кубани, Терека, Сунжи (см. рис. 33). О том, что подавляющая масса этих предметов одновременно, свидетельствует их однородность (см. рис. 31).

Это меняет представление об узкой локализации пограничных племен катакомбной культуры во все периоды их существования лишь в приманых степях¹⁴³. Выясняется более полно характер передвижений катакомбных племен не только на «север в лесостепные области и частично на правый берег Днепра»¹⁴⁴, но и в пределы Северного Кавказа.

Отдельные группы племен катакомбной культуры в конце своего движения проникли даже в приморскую часть Дагестана (курганы у ст. Манас)¹⁴⁵.

В этот период племена северокавказской культуры вынуждены были уйти в горные и лесные районы. На территории Дагестана памятники северокавказской культуры этого времени уже неизвестны.

В период третьего этапа развития северокавказской культуры на Кавказ проникли также отдельные предметы срубной культуры. Однако эти материалы малочисленны и указывают на гораздо меньшую интенсивность проникновения племен срубной культуры на Северный Кавказ.

Дальнейшие изыскания несомненно помогут выяснению многих, пока темных и неясных вопросов, связанных с точным определением границ северокавказской культуры.

¹³⁷ А. А. Иерусалимская. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья (автореферат канд. диссертации). Л., 1958, стр. 13 и сл.

¹³⁸ МАК, IX, М., 1904; ИАК, вып. 33, СПб., 1909 г., стр. 83—86; А. Лещенко. Материалы до орнамента дольменов на Півічно-Західньому Кавказі. «Антропологія», IV, Київ, 1931, стр. 240, карта.

¹³⁹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассианского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 100, рис. 1.

¹⁴⁰ В. И. Марковин. О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. Уч. зап. КБНИИ, т. XVI, Нальчик, 1959, стр. 180 и сл.

¹⁴¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы; ее же. Алексеевское поселение и могильник, стр. 155; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 249, 250.

¹⁴² М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 43—47.

¹⁴³ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 33, 82—92.

¹⁴⁴ Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй..., стр. 144.

¹⁴⁵ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 163—203.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о происхождении северокавказской культуры очень сложен. Для полного его разрешения слишком мало материала; раскопки курганов типа Майкопского и у ст. Новосвободной давно не производились, а имеющийся материал, особенно из дореволюционных раскопок (работы Н. И. Веселовского), фрагментарен и зачастую слабо документирован. И все же сделать попытку в разрешении этого вопроса необходимо¹. Связь, хотя и не совсем ясная, между культурами майкопской и северокавказской была установлена уже давно. В. А. Городцов в «Бытовой археологии»² и позже, в статье для первого издания Большой советской энциклопедии объединял материалы из курганов Майкопа и ст. Новосвободной с более поздними комплексами под названием «северокавказской культуры». Правда, и тогда он считал памятники майкопского круга более ранними³.

В дальнейшем А. В. Шмидт отделил материалы эпохи бронзы от более раннего, энеолитического материала памятников майкопского круга. Однако он смешал комплексы северокавказской (у него: «среднекубанской» группы) и катакомбной культур в нечто единое⁴. Это произошло потому, что для обеих культур он счел характерным только один общий признак — шнуровую орнаментику. В целом же эти культуры разнохарактерны.

¹ В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 3—20.

² В. А. Городцов. Бытовая археология (курс лекций). М., 1910, стр. 252—263.

³ В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, т. 7. М., 1927, стр. 614, 615, рис. 16—37.

⁴ A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV. Helsinki, 1929, S. 14.

Над разрешением вопроса о происхождении северокавказской культуры работали также Б. Е. Деген, А. А. Иессен, А. П. Кружлов, Г. В. Подгаецкий, Е. И. Кружнов.

Для выяснения затронутого нами вопроса необходимо произвести сравнение погребальных комплексов и вещевого материала двух культур: майкопской и северокавказской.

Как известно, для погребального обряда майкопской культуры характерны следующие признаки: покойник лежит в скорченном положении, обычно головой на юг, и он и вся могила посыпаны краской (охрой), дно могилы покрыто галькой, и она часто окружена каменными кольцами⁵. Таков обряд погребения в Майкопском кургане, в долменах ст. Новосвободной⁶. Близкий обряд находим намного восточнее, в Моздокском кургане 10 (погребение 13)⁷, в одном из курганов у ст. Мекенской и, наконец, в кургане у сел. Бомут в Чечено-Ингушетии⁸.

Обряд погребения очень консервативен, он сохраняется в течение длительного времени, связываясь с идеологическими (религиозными) представлениями людей и меняется медленно или в результате определенных

⁵ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», СА, XII. 1950, стр. 178; Е. И. Кружнов. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. I. Нальчик, 1951, стр. 44.

⁶ ОАК за 1897 г., стр. 2—11; ОАК за 1898 г., стр. 33 и сл.

⁷ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 249; В. Б. Пиотровский. Отчет о работе Моздокской археологической экспедиции 1936 г. Архив ЛОИА, д. 263, ф. 2 за 1936 г., л. 9 и д. 380 за 1936 г., л. 15.

⁸ Работы СКАЭ 1959 г., раскопки Н. Я. Мерперта и Р. М. Мунчаева. Материал не опубликован.

изменений в идеологии, или со сменой этнического состава населения.

Просматривая материал раскопок Н. И. Веселовского, копавшего в Прикубанье, находим ряд захоронений, совершенных по обряду, принятому посетителями майкопской культуры, но с инвентарем, не совсем обычным для последней культуры. Инвентарь этих погребений близок вещам северокавказской культуры эпохи бронзы. Встречаются погребения с инвентарем смешанного облика.

Ниже приводим сводку погребений такого переходного времени.

1. Хатажукаевский аул. Курган на участке И. П. Харина. Погребение 2. Дно выложено булыжником, скорченный костяк ориентирован головой на юг. Под головой найдена бронзовая молоточковидная булавка (см. рис. 3, 5)⁹, типичная для северокавказской культуры.

2. Ст. Воздвиженская. В кургане была обнаружена могила «значительных размеров», выложенная по дну голышами. На них лежали четыре окрашенных скелета, ориентированных головами на юг. В головах троих погребенных были найдены глиняный горшок (рис. 47, 1), медный тесловидный топор¹⁰, медный топор с выступающей в виде молоточка обушной частью (см. рис. 6, 3), медное долото, стержень и кусок кремня¹¹.

Сосуд имел форму горшка и в отличие от майкопской керамики, которая делалась из тонкоотмученной пачкающей глины розово-красного цвета, был вылеплен из комковатой глины черного цвета. Поверхность сосуда была серого цвета. Следовательно, тесто, из которого вылепили сосуд, обычно для сосудов северокавказской культуры. Форма его для майкопских сосудов также не совсем типична.

Медный топор с проушиной А. Европеус считает подражанием дунайским каменным топорам с «кнопкой на обухе» (die Knaufhammeräxte). В то же время этот топор, по его мнению, указывает на пути развития каменных топоров пятигорского типа¹².

⁹ ОАК за 1899 г., стр. 50, рис. 98; архив ЛОИА, д. АК № 98 за 1899 г., л. 59.

¹⁰ Спектральный анализ металла этого топора, произведенный И. Р. Селимхановым, показал: Cu — основное содержание; Sn — 0,003%; Pb — 0%; Zn — 0,1%; As — 5,02%; Ag — до 0,1% и т. д. Орудие изготовлено из мышьяковистой бронзы.

¹¹ ОАК за 1899 г., стр. 47, рис. 79—81.

¹² А. Åyråpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, VIII. Helsinki, 1933, S. 56. Автор счи-

тает, что каменные топоры появились под влиянием форм металлических образцов.

Сходство бронзового топора из ст. Воздвиженской с местными каменными топорами, вероятно, отражает моду на изделия подобных форм. Но, кроме того, топор из ст. Воздвиженской является определенным звеном на пути создания богато орнаментированных

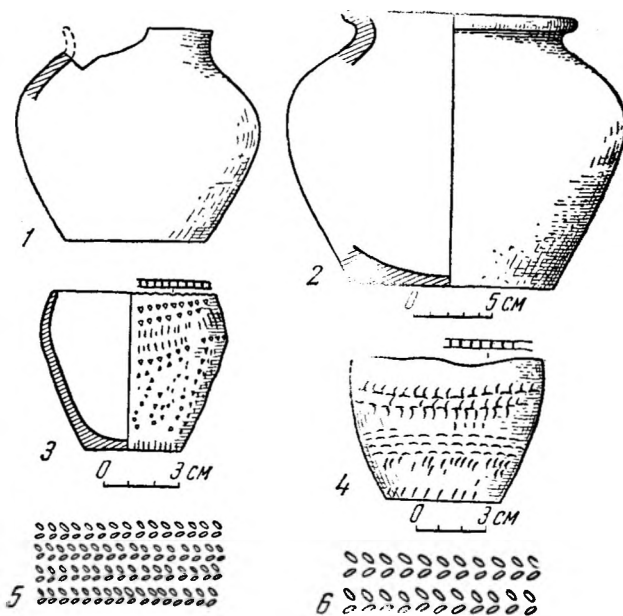

Рис. 47. Сосуды из погребальных комплексов 1 — ст. Воздвиженская (1899 г., Н. И. Веселовский, ГИМ, № 42418); 2, 3 — ст. Казанская (1901 г., Н. И. Веселовский, ГИМ, № 42419, 42380); 4 — Пятигорск (1950 г., И. С. Гумилевский, ГИМ, № 83782); 5, 6 — образцы орнамента на сосудах из дольменов ст. Новосвободной

и гладких секировидных топориков (см. рис. 6, 4—6), находимых среди предметов северокавказской культуры.

Погребение из кургана ст. Воздвиженской А. А. Иессен относит к кругу «больших кубанских курганов» в «расширенном смысле»¹³.

3. Ст. Андрюковская. Курган 7. Насыпь сложена из булыжника. Могильная яма обложена голышами. Положение костяка неизвестно, но могила аналогична, по словам Н. И. Веселовского центральному погребению в кургане 6, которое А. А. Иессен с полным правом относит к кругу майкопских

тает, что каменные топоры появились под влиянием форм металлических образцов.

¹³ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 163.

памятников¹⁴. В этом погребении, сохраняющем майкопский обряд, по Н. И. Веселовскому, были найдены развилка, согнутая из четырехгранного бронзового прута, четыре бронзовых листовидных ножа и бронзовая булава с молоточковидными выступами¹⁵.

Развилки разного вида встречаются только в памятниках майкопского типа (дольмены у ст. Новосвободной)¹⁶. Среди материалов северокавказской культуры развилки почти не известны.

Остальной инвентарь данного погребения (булава, ножи) типичен для северокавказской культуры.

4. Ст. Казанская. В кургане А, в центре, обнаружены две могилы. В одной из могильных ям, ориентированной по линии восток — запад, на дне, выложенном речным камнем, были обнаружены разбросанные кости, вероятно, от нескольких скелетов. У южной стены, очевидно, в головах погребенных стояли горшок из серой глины. В юго-западном углу находился тонкостенный сосуд с красной поверхностью, он был прикрыт черепком. Между костями лежали голыши¹⁷.

В Государственном Историческом музее хранятся предметы из курганов ст. Казанской. Из четырех сосудов два явно принадлежат данному погребению: сосуд с красной поверхностью (см. рис. 47, 2) и сосуд баночного типа, все тулово которого покрыто орнаментом, очень небрежно нанесенным треугольным штампом и горизонтальными вдавлениями (см. рис. 47, 3).

Сосуд с красной поверхностью несколько напоминает майкопские сосуды (округлое тулово, отогнутый венчик), но у него плоское, довольно широкое дно, что не характерно для сосудов майкопской культуры; изготовлен он из черной и комковатой в изломе глины.

Второй сосуд ничего общего не имеет с майкопскими. Он грубо вылеплен из черной глины с большим содержанием песка. Аналогичные по форме и орнаменту сосуды известны среди предметов северокавказской культуры из окрестностей Пятигорска (раскопки И. С. Гумилевского, 1951 г., см.

(рис. 47, 4), из ст. Минутка близ Кисловодска, сходные по форме баночные сосуды найдены в сел. Кумбулта (Северная Осетия)¹⁸.

Погребение в кургане А ст. Казанской А. А. Иессен также относит к кругу памятников майкопской культуры¹⁹.

5. Ст. Псебайская. Курган 1. Насыпь из голышей. В «центральной» могиле найден инвентарь, типичный для майкопской культуры: «медная кирка с загнутыми концами», развилка (?), золотые и сердоликовые бусины, бронзовые (медные) плоские тесловидные топоры и прочие вещи. Тут же у погребения была найдена бронзовая булава с молоточковидными выступами²⁰.

Этот курган А. А. Иессен также относит к кругу майкопских древностей²¹.

6. Ст. Ново-Лабинская. Курган 3. Могила («гробница») на материке. Погребенный лежал в скорченном положении головой на юг. У черепа найдены два бронзовых листовидных ножа, глиняный сосудик, кремь. В области шеи и груди найдены бронзовые привески. Погребение обильно посыпано краской²².

Данный памятник сохраняет в погребальном обряде определенные черты майкопского облика (южная ориентировка, большое количество краски) при наличии инвентаря, типичного для северокавказской культуры.

7. Сел. Соломенка (Кабардино-Балкария). В погребениях, вскрытых местными жителями в кургане в 1926 г., оказался инвентарь смешанного облика²³.

На Соломенском кургане нам придется остановиться более подробно несколько ниже.

Составляя список памятников круга «больших кубанских курганов», А. А. Иессен, подчеркивал, что в него входят и памятники, близкие майкопской культуре обеих подгрупп (майкопской и новосвободненской).

¹⁸ Материал не издан. Архив ИА, д. 580, 1951 г. (отчет И. С. Гумилевского), л. 15; коллекция в ГИМ, № 83782; музей Пятигорска № 558; МАК, VIII. М., 1900, табл. XCIX, 7, 6.

¹⁹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 162.

²⁰ ОАК за 1895 г., стр. 29, 30; архив ЛОИА, д. АК № 93 за 1895 г., л. 31.

²¹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 163.

²² ОАК за 1899 г., стр. 43; архив ЛОИА, д. АК № 96 за 1899 г., л. 55.

²³ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, стр. 193 и сл. (см. главу III).

¹⁴ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 163.

¹⁵ ОАК за 1896 г., стр. 54, рис. 267; архив ЛОИА, д. АК № 52 за 1896 г., л. 15, л. 52 (рисунки).

¹⁶ ОАК за 1898 г., стр. 35.

¹⁷ ОАК за 1901 г., стр. 67—68; Архив ЛОИА, д. АК № 103 за 1901 г., л. 35.

Таким образом, этот список был расширенным²⁴.

Как видно из описания погребений, такое совпадение — майкопский облик обряда и смешанный характер инвентаря, — не может быть случайным, так как не является единичным.

К сожалению, фрагментарность вещевого материала старых раскопок, небольшое количество новейших исследований интересующих нас памятников не позволяют продолжить этот список. Но и он довольно ясно указывает на определенную генетическую связь северокавказской культуры с предшествующей ей майкопской. Эта связь прослеживается и по пережиткам в погребальном ритуале. Известно, какую важную роль у носителей майкопской культуры играли камни в сооружении могил: курганная насыпь часто состояла из камней, могилу окружали каменными кольцами (Майкоп, Старый Урух, Армавир, ст. Варениковская и др.²⁵), дно могилы выкладывалось галькой или камнями.

Насыпи курганов, оставленных племенами северокавказской культуры, большей частью также сложены из камня. Для примера укажем на «самый большой курган» (высота около 8,5 м) у ст. Андрюковской. Поверхность его была «как бы вымощена голышами»²⁶. Такова насыпь еще трех курганов из той же курганной группы у ст. Андрюковской. Раскопки их дали материал, типичный для северокавказской культуры²⁷.

В Ставрополе Н. И. Веселовский исследовал ряд курганов. Насыпи их у селений Орехова (Ореховка) и Высоцкое были в верхней части сложены из камня²⁸. Таков

характер кургана и у Пятигорска (колония Николаевская)²⁹.

Курганы у сел. Заюково (Кабардино-Балкария), исследованные А. А. Иессеном, также имели два-три слоя камня в насыпи³⁰. Насыпи с большим количеством камней имеют и курганы в районе Нальчика, селений Лескен, Старый Урух (курган 2)³¹ и другие в той же Кабардино-Балкарии.

Большое количество камней содержали и курганы, разрушенные у сел. Ардон (Северная Осетия, 1955 г.)³².

Таковы же по характеру насыпи очень интересные курганы у сел. Миатлы (река Сулак, Дагестан)³³.

Часто это опромное количество камней словно опоясывает курганную насыпь, напоминая собой «каменный панцирь». Такие «панцири» имеют курганы у селений Каменномостского и Хабаз (Кабардино-Балкария). В них были обнаружены погребения со шпуровой керамикой, а в одном из них был найден каменный топорик кабардино-пятигорского типа³⁴. Таковы по своему строению курганы у аулов Тарки и Кяхулай³⁵. Вероятно, такую же структуру насыпи имел курган Сангарау-тепе у ст. Джегутинской (Ставрополье)³⁶ и курганы у пос. Каррас под Пятигорском³⁷.

²⁹ М. Jegorov. Ein Kurgan bei der Kirche der Kolonie Nikolajevsk. ESA, IV. Helsinki, 1929.

³⁰ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 223; архив ЛОИА, д. ГАИМК № 213 за 1934 г., л. 40 и сл.

³¹ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, стр. 213, 217; Е. Хакуашев. Новые археологические находки. Уч. зап. КНИИ, т. VII. Нальчик, 1952, стр. 196, рис. 2; Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII. 1949, стр. 12; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 230.

³² Материал не опубликован, хранится в Северо-Осетинском краеведческом музее (г. Орджоникидзе), № 3872.

³³ В. И. Канивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году. Уч. зап. Дагестанского филиала АН СССР, т. I. Махачкала, 1956, стр. 212. Более полно материал освещен в МАД, т. I. Махачкала, 1959.

³⁴ К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА, № 23. 1951, стр. 126; пользуюсь также материалом из раскопок О. В. Милорадович близ сел. Каменномостского, за что приношу ей глубокую благодарность.

³⁵ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23. 1951, стр. 226—230.

³⁶ ОАК за 1901 г., стр. 86.

³⁷ Д. Я. Самоков. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 31.

²⁴ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 162. Помимо перечисленных, в этой работе указан целый ряд памятников чистого майкопского облика.

²⁵ ОАК за 1897 г., стр. 3; Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик, 1949, стр. 224; ОАК за 1902 г., стр. 86; архив ЛОИА, д. АК № 93 за 1902 г., л. 158; архив ЛОИА, д. АК № 3 за 1875 г. (отчет В. Тизенгаузена о раскопках группы курганов «Семь братьев»), л. 83.

²⁶ Архив ЛОИА, д. АК № 52 за 1896 г., дневник раскопок Н. И. Веселовского, л. 16.

²⁷ ОАК за 1897 г., стр. 22.

²⁸ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 159. К сожалению, Н. И. Веселовский очень мало внимания уделял изучению строения кургана.

И, наконец, как пережиток этих каменных насыпей-навалов можно рассматривать небольшие каменные насыпи, непосредственно прикрывавшие погребение внутри кургана. Таковы кучи камней над каменными ящиками и склепами в курганах урочища «Три камня» у Кисловодска, у колонии Константиновской под Пятигорском³⁸.

Груда мелких камней сопровождала погребение в кургане высотой в 4,25 м у ст. Гастагаевской³⁹.

Со времени существования майкопской культуры сохраняется традиция окружать погребения кольцами, сложенными из камня — кромлехами, вымостками из каменных плит по поверхности древнего горизонта. Такова вымостка в кургане у г. Хасав-Юрт⁴⁰, подобия кромлехов прослежены в курганной группе у сел. Миатлы (Дагестан)⁴¹. Очень интересные курганы были раскопаны в 1951—1952 гг. краеведом И. С. Гумилевским в районе Пятигорска. Каменные вымостки в них шли от погребения к погребению, образуя в целом нечто вроде спирали (см. рис. 19, б)⁴². Вымостка из мелких камней была прослежена в кургане 1 у сел. Заюково⁴³, а в кургане сел. Старый Урух обнаружен кромлех⁴⁴. Кромлехи вокруг могил сохраняются долго, вплоть до VI—V вв. до н. э. (Луговой могильник у сел. Мужичи в Чечено-Ингушетии)⁴⁵.

В центральном погребении Майкопского кургана и в близких ему памятниках (Старый Урух, Ново-Лабинская, Казанская и др.) не только погребенные, но и вся могила обильно посыпаны красной краской (мумией, суриком, охрой): краска покрывает инвентарь и пол, выложенный камнями. В погребениях ст. Новосвободной, относимых ко второй подгруппе «больших кубанских курганов», краски гораздо меньше⁴⁶.

В погребальных памятниках времени рас-

³⁸ Д. Я. Самоковасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 23, 35 и др.

³⁹ ОАК за 1903 г., стр. 80.

⁴⁰ ОАК за 1902 г., стр. 97 и сл.

⁴¹ В. И. Каннивец. Археологические исследования в Дагестане в 1955 году, стр. 211 и сл.

⁴² Материал не опубликован, см. архив ИА, д. 580 за 1951 г., там же отчет за 1952 г.

⁴³ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 223.

⁴⁴ Е. И. Крупинов. Археологические исследования в Кабардинской АССР..., стр. 224.

⁴⁵ Е. И. Крупинов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 8, стр. 99—106, рис. 2, 1.

⁴⁶ ОАК за 1898 г., стр. 38.

цвета северокавказской культуры красной краской обычно наиболее интенсивно посыпали голову и ноги покойного. Правда, в более ранних погребениях изучаемой культуры встречается довольно большое количество красящего вещества, и сохраняется преимущественно старая традиция — умершего кладут головой на юг («Высокий курган» у ст. Казанской, курган 11 у ст. Петропавловской, курган Геймановского поселка⁴⁷ и др.), а иногда и галечная вымостка по дну могилы (ст. Келермесская, курган 3, впускное погребение над центром⁴⁸).

В дальнейшем меняется ориентировка, она становится менее устойчивой, постепенно исчезает и обычай сильного окрашивания костяка. К концу II тысячелетия до н. э. ритуальное окрашивание костяков вообще исчезает на Северном Кавказе.

Погребальные сооружения северокавказской культуры в основном представляют собой грунтовые ямы и каменные склеповидные сооружения. Ямы иногда укреплены деревом и камнем. Известное погребение Майкопского кургана также было укреплено деревом и имело деревянные перегородки⁴⁹. На этапе «новосвободненской подгруппы» мы сталкиваемся с дольменными сооружениями. К сожалению, дольмены Северного Кавказа и памятники типа «больших кубанских курганов» очень давно не исследовались. Это не позволяет установить зависимость дольменов ст. Новосвободной от дольменной культуры Кавказа, а какая-то связь здесь, вероятно, имеется. И можно высказать более или менее уверенно предположение о преемственной связи дольменных сооружений со склеповидными гробницами и каменными ящиками. Те и другие появились в новосвободненском этапе и бытовали на Северном Кавказе долго, вплоть до позднего средневековья (некоторые из средневековых склепов имеют даже круглые отверстия, обычные в древнейших дольменах)⁵⁰.

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ показывает определенную общность и явную генетическую зависимость погребального ритуала племен северокавказской культуры от ритуала предшествующих

⁴⁷ ОАК за 1901 г., стр. 68; ОАК за 1907 г., стр. 39; ОАК за 1900 г., стр. 45.

⁴⁸ ОАК за 1904 г., стр. 95.

⁴⁹ ОАК за 1897 г., стр. 2, 3.

⁵⁰ Е. Д. Фелицын. Западно-кавказские дольмены. МАК, вып. IX. М., 1904.

древнейших племен. Нужно отметить и тот факт, что территориально обе культуры почти совпадают и часто в одном и том же кургане мы встречаем погребения, оставленные носителями обеих культур⁵¹. Так, выше основного погребения Майкопского кургана находилась впускная могила, «сложенная из голышей», с инвентарем северокавказского типа⁵². В кургане сел. Старый Лескен (Кабардино-Балкария) над погребением майкопского типа непосредственно под булыжной насыпью находились могилы с инвентарем северокавказской культуры. В одном из них оказался просверленный топорик из змеевика⁵³. Такова стратиграфия и в кургане у станиц Келермесской (курган 3), Казанской и др.⁵⁴. Конечно, такое стратиграфическое взаиморасположение памятников не может являться доказательством их генетической связи, но оно важно для относительной хронологии данных памятников.

По нашему мнению, именно в области бытования майкопской культуры возникли главные черты северокавказской культуры, которые затем так ярко расцвели, особенно в предгорных и горных районах.

Конечно, любая археологическая культура не может возникнуть только на основе развития какой-то одной более древней культуры без взаимодействия с соседними племенами. Это справедливо и для северокавказской археологической культуры. Обратимся, однако, к анализу вещевого материала.

Металлические изделия майкопской культуры, как показал А. А. Иессен, на первом этапе развития были привозными, доставлялись «из более передовых стран»⁵⁵. Изделия новосвободненской подгруппы (курганы станиц Новосвободной, Махосhevской, Андрюковской и др.) уже свидетельствуют о появлении местной металлургии⁵⁶. Об этом же говорят и

одинаковые орнаментальные мотивы, как на медных изделиях, так и на керамике⁵⁷. А. А. Иессен проследил также типологическое развитие металлических предметов со времени бытования майкопской культуры вплоть до I тысячелетия до н. э. («позднекубанской группы»⁵⁸). Работа, проделанная им, избавляет нас от необходимости анализировать медные изделия и дает возможность уделить большее внимание керамике и украшениям (булавкам).

Для керамики майкопской подгруппы характерны сосуды, изготовленные из довольно рыхлой, чистой глины, лишенной примесей. Оранжево-красная пачкающая поверхность легко отслаивается⁵⁹. Тулово сосудов округлое, почти парообразное; они круглодонны или имеют небольшое дно, края венчика довольно сильно отогнуты к внешнему краю. Такова керамика из центрального погребения Майкопского кургана, из погребений у станиц Костромской, Старый Урх и Старый Лескен, нижнего слоя Долинского поселения и т. д.⁶⁰. Орнамента на них нет.

В погребениях новосвободненской подгруппы обычны близкие по форме сосуды, но венчики их не так сильно отогнуты: появляются «кувшины» с высокой шейкой, некоторые из них имеют ручки. Сосуды орнаментированы по плечикам узором в виде нескольких рядов «елочки» и наlepных кружочков. Орнамент нанесен штампом. Мелкая «елочка» очень напоминает оттиски шнура (см. рис. 47, 5, 6). Таковы сосуды из известных погребений ст. Новосвободной⁶¹. В верхнем слое Долинского поселения найдена керамика, идентичная новосвободненской. Она изготовлена из глины более низкого качества (сравнительно с майкопской керамикой), в тесте есть примеси кварца, чешуек слюды. Наружная поверхность сосудов темная, вплоть до черной, в изломе цвет керамики варьирует от светло-серого до

⁵¹ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 165—167. Аргументы Б. А. Латынина о местном происхождении майкопских металлических сосудов нельзя считать убедительными. См. его «Вопросы изучения майкопской культуры». Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ГЭ за 1959 год. Л., 1960, стр. 3.

⁵² ОАК за 1897 г., стр. 2.

⁵³ Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе, стр. 12.

⁵⁴ ОАК за 1904 г., стр. 95; ОАК за 1900 г., стр. 45.

⁵⁵ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 87.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды, стр. 52.

⁵⁸ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 171—174. 200, таблица.

⁵⁹ Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды, стр. 44; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 185.

⁶⁰ ОАК за 1897 г., стр. 10, рис. 36—41; стр. 16, рис. 53—57; Е. И. Крупнов. Археологическое исследование Кабардинской АССР..., стр. 226; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 185, 186.

⁶¹ ОАК за 1898 г., стр. 35, табл. V, 57—63; табл. VI, 64—68.

черного⁶². Следовательно, по тесту эта керамика близка глиняной посуде северокавказской культуры. То же можно сказать и о форме сосудов. Сосуды из Долинского поселения и из памятников северокавказской культуры имеют слегка отогнутый наружу венчик, большей частью утончающийся к краю. Все типы сосудов, выделенные среди материалов Долинского поселения⁶³, бытовали и у племен северокавказской культуры. На керамике Долинского поселения появляются первые элементы орнамента, расцветающие позже на сосудах изучаемой культуры. Таким элементом были треугольники, опущенные вершиной вниз⁶⁴. «Веребочкой» здесь сосуды еще не украшали — вероятно, этот мотив появляется позже.

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, исследовавшие Долинское поселение, вполне обоснованно замечают, что верхний слой памятника (синхронный новосвободненской подгруппе) непосредственно смыкается со временем захоронения в курганах среднекубанской группы (северокавказской культуры. — В. М.)⁶⁵.

Среди довольно обширной керамической коллекции северокавказской культуры имеется ряд сосудов, близких по форме посуде майкопской культуры в целом. Эти данные сведены нами в таблицу на рис. 48, из которой следует вывод как о близости новосвободненских форм чисто майкопским (Майкоп, ст. Костромская, Старый Лескен), так и о близости важнейших форм северокавказской керамики посуде майкопской подгруппы (в меньшей степени) и сосудам новосвободненской подгруппы (в большей степени). Надо подчеркнуть, что сосуды северокавказской культуры зачастую снабжены ручками, что несколько меняет их общую профилировку.

Орнамент в виде «елочки», близкий узору керамики новосвободненской подгруппы и посуды Долинского поселения, довольно часто встречается на сосудах изучаемой культуры. Но особенно хотелось бы отметить сходство «елочного» узора керамики ст. Новосвободной и Долинского поселения со шнуровым орнаментом (см. рис. 46, 5, 6). Вероятно, именно это сходство благоприятст-

вовало позже появлению нового способа орнаментации — отрисками веревочки (шнура), которое не особенно нарушало их культурные традиции.

В странах Древнего Востока мы не встречаемся с обычаем украшать глиняную посуду отрисками шнура. Такой прием употреблялся только в Финикии и Индии (Мохенджо-Даро) в III тысячелетии до н. э.⁶⁶. Но говорить о влиянии этих стран в данном случае нет никаких оснований. Керамика со шнуровым орнаментом известна в инвентаре целого ряда древнейших племен. На Северный Кавказ подобный способ орнаментировать посуду мог попасть с территориями племен степных культур, где он встречается еще на сосудах в поздних ямных погребениях⁶⁷, и мог быть принят северокавказскими племенами вначале для украшения керамики, а затем и металла⁶⁸.

Попытаемся указать время проникновения на Северный Кавказ приема украшать керамику отрисками шнура. Если учесть близость керамических форм верхнего слоя Долинского поселения материалам из Соломенского кургана, где металлические изделия украшены шнуровым орнаментом вполне развитого типа, то можно сказать, что это произошло сразу же вслед за временем существования Долинского поселения⁶⁹. А. А. Иессен датирует новосвободненскую подгруппу периодом от 2100 до 1700 гг. до н. э.,⁷⁰, а в последнее время он отодвигает раннюю дату вплоть до 2000 г. до н. э. (доклад на сессии в Дагестане). Учитывая близость изучаемых памятников майкопским, полагаем, что это явление могло иметь место, примерно, в период около 1800 г. до н. э., так как для более позднего времени — времени Соломенки и других памятников — орнаментика «шнуром» уже известна.

Наиболее ранние памятники с архаичными, древнейшими приемами шнуровой орнаментации надо искать в широкой зоне «стыка» племен Северного Кавказа со степными племенами.

⁶⁶ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 273—332.

⁶⁷ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24. М., 1955, стр. 60.

⁶⁸ Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды, стр. 61.

⁶⁹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 196.

⁷⁰ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 193.

⁶² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 185 и сл.

⁶³ Там же, стр. 185—191.

⁶⁴ Там же, стр. 193.

⁶⁵ Там же, стр. 196.

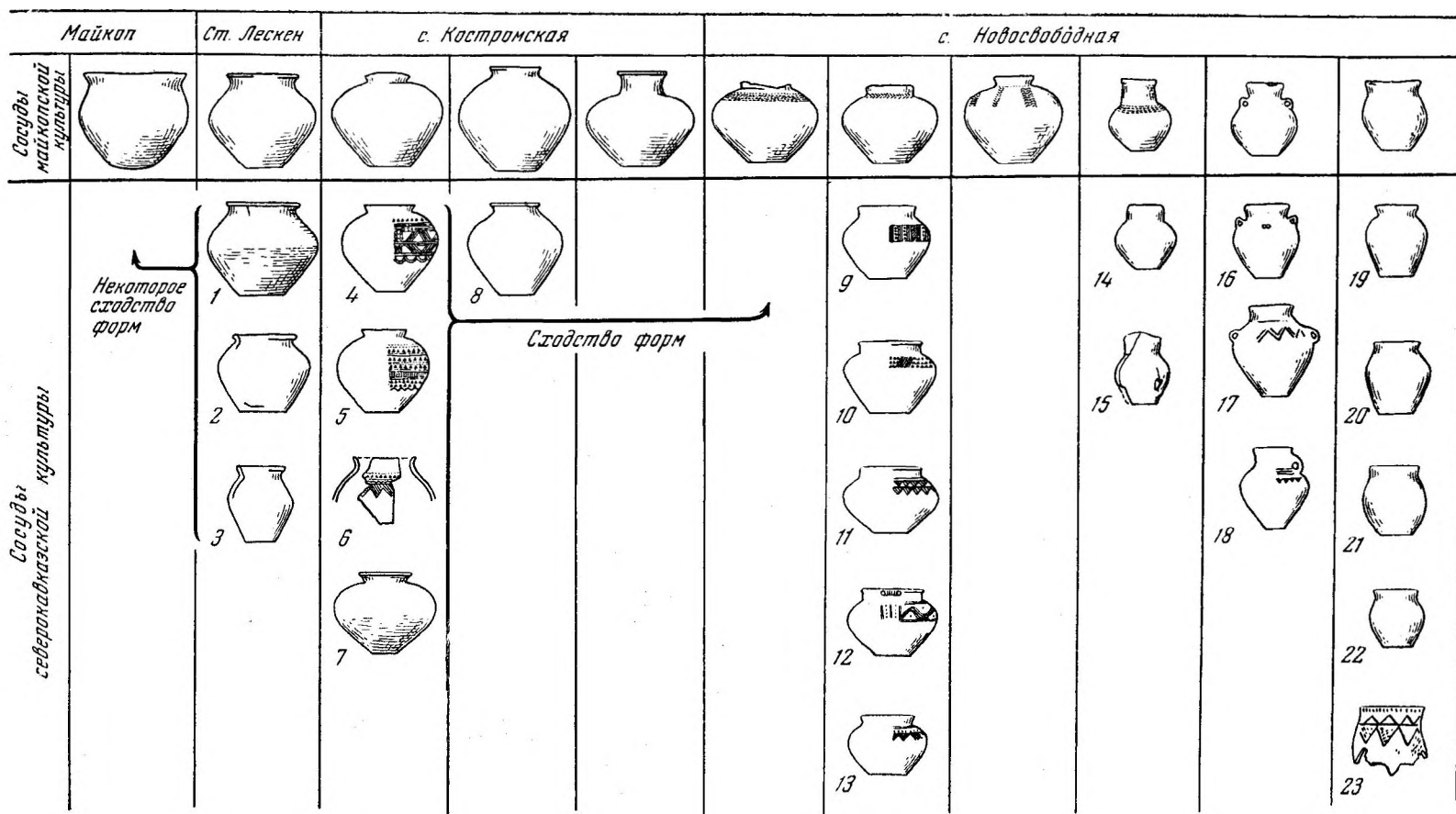

Рис. 48. Сравнительная таблица керамических форм майкопской и северокавказской культур

1 — курган у сел. Соломенка, погребение 3; 2 — ст. Казанская (Н. И. Веселовский, 1901 г.); 3 — Прикубань (Н. И. Веселовский); 4 — Кабардино-Балкарии (музей Нальчика, № 1404); 5 — Сапата, Северная Осетия (Л. П. Семенов, музей г. Орджоникидзе, № 13672); 6 — Нальчик, Кабардинский парк, курган 2-а; 7 — курган у сел. Соломенка, погребение 1; 8 — курган у сел. Соломенка, погребение 2; 9 — колония Константиновская, Пятигорск, курган 2, погребение 2 (Д. Я. Самоквасов); 10 — курган на Константиновском плато близ Пятигорска, каменный ящик 4 (И. С. Гумилевский, 1951 г.); 11 — курган в Нальчине (музей Нальчика); 12 — Нальчик (музей Нальчика, № 1845); 13 — ст. Новосвободная, впускное погребение (Н. И. Веселовский, 1898 г.); 14 — ст. Ново-Лабинская (Н. И. Веселовский, 1899 г.); 15 — ст. Келермеская, курган 5, погребение 1 (Н. И. Веселовский, 1904 г.); 16 — Зубовский хутор, курган 1, Прикубань (Н. И. Веселовский); 17 — сел. Тарки у г. Махачкала, курган; 18 — сел. Верхний Акбаш, курган 1, погребение 9 (Е. И. Крупнов, 1948 г.); 19 — «Золотое кладбище» между станицами Казанской и Тифлисской (Н. И. Веселовский, 1901 г.); 20 — ст. Советская (Н. И. Веселовский); 21, 22 — курганы в «Садках» у Нальчика; 23 — ст. Усть-Лабинская, курган 3 (Н. И. Веселовский, 1903 г.)

Молоточковидные булавки, часто встречающиеся в погребениях северокавказской культуры, вероятно, имели одним из прототипов западногрузинские формы (Сачхери)⁷¹. Булавки этих форм напоминают стержень с колесиками (см. рис. 43, 9 и 46, 41). Но нельзя отрицать их огромного сходства с почти такими же по форме костяными булавами племен степных культур (ямной и катакомбной). Послужили ли кавказские металлические булавки исходной формой для этих костяных предметов — сказать пока трудно⁷², так как в степных районах костяные булавки известны еще в ямных погребениях. Возможно, что как раз эти степные предметы из кости были вторым прототипом северокавказских булавок. На это, возможно, указывают совместные находки их в с. Летницком, Благодарном (Ставрополье, см. рис. 10, 1—6), Ремонтном (астраханские степи)⁷³.

Подчеркнем, что такие совместные находки были сделаны не в горных районах, а в степной части — зоне «стыка» северокавказской и южных степных культур, где издавна встречались древнейшие племена.

Сопоставлять же северокавказский материал с материалом Восточных Альп и Европы для выяснения происхождения булавок, как это делал А. М. Таллгрэн, вряд ли возможно⁷⁴. В Средней Европе найдено всего четыре экземпляра металлических молоточковидных булавок, да и то совершенно иной конфигурации⁷⁵.

О том, что сложение северокавказской культуры, как и любой другой, шло очень сложным путем, свидетельствует известное погребение 1 в кургане 5 Ульского аула⁷⁶, указанное нами в предыдущей главе. Особен-

но интересны четыре изогнутые медные булавки с отверстиями у головок, бусы, подвески и три трубочки, свернутые из листов металла (см. рис. 2). Одна из найденных изогнутых булавок имеет рельефный орнамент (см. рис. 2, 6), типичный для бронзовых украшений северокавказской культуры. Вместе с тем, ульские булавки близки булавам, найденным в погребениях ст. Новосвободной (курганы 1, 2, см. рис. 43, 1)⁷⁷. Это лишнее раз подчеркивает определенную зависимость северокавказских металлических изделий от металла позднего этапа майкопской культуры. О том, что погребение 1 Ульского аула можно связывать с ранней фазой развития северокавказской культуры, свидетельствуют бронзовые (медные) подвески и бусины нескольких упрощенных форм, часто встречающиеся в более выразительных вариантах в памятниках Северного Кавказа середины II тысячелетия до н. э. (Кабардинский парк Нальчика, селения Верхний Баксан, Кызбурун III и другие в Кабардино-Балкарии⁷⁸; Кисловодск в Ставрополье⁷⁹; сел. Ардон в Северной Осетии⁸⁰; ст. Андрюковская⁸¹ и другие в Краснодарском крае).

Интересно отметить и тот факт, что булавки, близкие изогнутым, но с прямым стержнем, определенное время сосуществуют с молоточковидными булавами. Так, в кургане у Кисловодска (раскопки Филиппова, 1913—1914 гг.) вместе с другими предметами из бронзы были найдены две прямые булавки (вариант изогнутых) и молоточковидная булава (см. рис. 10, 7—9)⁸². Одна из булавок по орнаменту близка ульской булавке.

Изогнутые и выпрямленные металлические булавки близки по форме и костяным предметам подобного облика (см. рис. 10, 10), а орнамент на тех и других близок узорам на более ранних (энеолитических) кочедыках (см. рис. 10, 11, 12) Северного Кавказа (находки из г. Прохладного, у реки Челбас в Краснодар-

⁷¹ О. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955; Материалы Государственного музея Грузии (раскопки Б. А. Куфтина, Е. С. Такашвили).

⁷² С. С. Березанская, О. Г. Шапошников. А. Рецензия на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры». СА, 1957, № 2, стр. 273, 274.

⁷³ ОАК за 1899 г., стр. 56, 57, рис. 103, 104; музей Ставрополя № 289 (9110); ОАК за 1904 г., стр. 133, 134, рис. 247, 248.

⁷⁴ А. М. Tallgren. Etudes sur le Caucase du nord. ESA, IV. Helsinki, 1929, p. 38.

⁷⁵ V. Milošević. Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadeln. «Germania», H. 3. Berlin, 1955, S. 241.

⁷⁶ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 153, 154, рис. 220—225; Н. И. Веселовский. Алебастровые и глиняные статуэтки домижеской культуры в курганах Южной России и на Кавказе. ИАК, вып. 35. СПб., 1907, табл. I и II.

⁷⁷ ОАК за 1898 г., стр. 36, 37, табл. I, 9, 10; IV, 41, 42.

⁷⁸ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 248 и сл., рис. 36, 38, 39 и др.; музей Нальчика, № 1502, 2679.

⁷⁹ Раскопки Филиппова в 1913—1914 гг., музей Пятигорска № 744.

⁸⁰ Музей г. Орджоникидзе, № 3872.

⁸¹ ОАК за 1897 г., стр. 22; коллекция в ГИМ, № 42397.

⁸² Музей Пятигорска, № 744.

ском крае, в сел. Верхний Кубан в Северной Осетии⁸³).

Костяные изогнутые булавки не типичны для вещевого материала катакомбной культуры, но орнамент их ни в чем не отличается от узоров на весьма распространенных у населения степей костяных молоточковидных булавок. Представляется, что бронзовые изогнутые и выпрямленные булавки Северного Кавказа явились подражанием и по форме и по узору местным булавкам и близким им предметам из кости.

В дальнейшем эти булавки стали снабжаться выступами («молоточками»).

Изогнутые булавки очень рано проникают в степи, на что указывает находка подобной вещи вместе с предметами раннего облика в Нижнем Поволжье («Три брата»)⁸⁴. На булавке была изображена змейка — один из любимых орнаментальных мотивов северокавказцев (в кости «змейке» соответствует зигзаг). Подобные орнаментальные мотивы могли быстро распространяться среди племен степных культур, пользовавшихся издревле металлическими изделиями Кавказа⁸⁵.

Таким образом, анализ металлических предметов из Ульского аула приводит к интересным выводам. Ульские погребения со статуэтками вполне закономерно можно поставить по времени вслед за дольменами ст. Новосвободной, что, собственно, почти сделал Н. И. Веселовский на основе сравнения найденных им статуэток с крито-микенскими⁸⁶. Действительно, довольно близкие статуэтки мы встречаем в Трое в нижних культурных слоях (до пятого слоя), т. е. они существуют вплоть до II тысячелетия до н. э.⁸⁷ Таким

образом, ульские находки можно датировать началом II тысячелетия до н. э.

Нам кажется вполне вероятным предположение, что в памятниках Ульского аула отражены преемственные связи позднего этапа майкопской культуры с северокавказскими древностями, с одной стороны, и, с другой — ранние связи со степными племенами Причерноморья.

Рядом с Ульскими курганами можно поставить не менее важный для нашей темы и уже упоминавшийся курган у сел. Соломенка близ Нальчика в Кабардино-Балкарии. Авторы, опубликовавшие этот интересный памятник, подчеркивали, «что инвентарь его может быть сопоставлен, с одной стороны, с материалами из погребений Прикубанья, типа открытых у Новосвободной, главным образом по характеру сосудов, а с другой стороны, — имеет ряд общих черт с курганным инвентарем, характеризующим предметами типичными для среднекубанской группы (по Шмидту)»⁸⁸, т. е. для северокавказской культуры.

Разбирая инвентарь Соломенского кургана, А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий подчеркивают, что этот материал, возможно, отражает стык раннекубанских комплексов со среднекубанскими⁸⁹. И действительно, глиняные сосуды, один из которых орнаментирован врезами, а другой весьма архаическим орнаментом, напоминающим шахматный узор, близки по технике изготовления сосудам северокавказской культуры. Но в их форме еще сохраняются старые черты майкопских сосудов — шарообразное тулово, очень маленькое дно, сильно отогнутый к внешнему краю венчик (см. рис. 11, 12, 13, 17).

Изогнутая металлическая булавка напоминает разобранные выше, а костяной предмет, который авторы склонны рассматривать как «вязальный крючок», по характеру орнамента близок костяным булавкам. Что же касается бронзовых блях, подвесок и другого инвентаря, то авторами вполне убедительно по-

⁸³ П. С. Уварова. *Museum Caucasicum*, т. V (археология, каталог). Тифлис, 1902, стр. 153, № 3212; хранится в Государственном музее Грузии за тем же номером; Каталог Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея. Екатеринодар, 1915, л. 2—3, № 86, 37. В музее Краснодара хранятся четыре костяные булавки и один кочедык (№ 3613); Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 23, 24, рис. 1, 4.

⁸⁴ И. В. Сивидцын. Памятники предкавказской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X, 1948, стр. 145, 146 рис. 6. В этой работе автор, пожалуй, завышает дату открытых им памятников.

⁸⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46. М., 1955, стр. 53. О булавках с «волпатами» см. в главе III.

⁸⁶ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 7.

⁸⁷ W. Dörpfeld. *Troja und Ilion*, В. I. Athen. 1902, S. 379—381; F. Schachermeyr. *Die ältesten*

Kulturen Griechelands. Stuttgart, 1955, S. 32. Однако, ульские статуэтки, несмотря на это сходство, мы не считаем привозными. Об этом свидетельствуют находки подобных предметов по всему Кавказу. См. В. И. Маркович. Глиняная статуэтка из ст. Урупской. КСИИМК, 76, 1959, стр. 108—111.

⁸⁸ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение... стр. 193; А. А. Иосен. Хронология «больших кубанских курганов», стр. 183, 184.

⁸⁹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 196, рис. 32, табл. XI.

казана их принадлежность «среднекубанской группе» (северокавказской культуре)⁹⁰.

Все это позволяет сделать довольно определенный вывод о преемственной связи майкопской и северокавказской культур, несмотря на различия между ними. Переход одной культуры в другую можно объяснить теми крупными изменениями, которые произошли в эту эпоху в области металлургии — созданием местной металлургической базы, «сокращением или сокращением импорта из Передней Азии»⁹¹. Хозяйство и социальный строй племен северокавказской культуры могут быть поняты и конкретно изучены также только с учетом тех данных, какие имеются для предшествующей майкопской культуры. В дальнейшем развившиеся связи с соседними степными племенами не могли не повлиять на местную культуру. Они привели к расцвету орнаментального искусства (шнуровой узор). Благодаря этим связям, со второй половины II тысячелетия до н. э. в некоторых районах Северного Кавказа появились курганы и предметы, близкие им по назначению. Кроме того, эти связи бесспорно повлияли на религиозные представления древних северокавказцев. Несомненно, и северокавказцы влияли на степные племена, передавая им как свои достижения в области металлургии, обработки камня, так, очевидно, и свои идеологические воззрения⁹².

Однако, бесспорно, нельзя рассматривать становление северокавказской культуры эпохи бронзы только как дальнейшее развитие майкопской культуры и привнесение в нее отдельных элементов, взятых у степных племен. Ведь носители майкопской культуры занимали далеко не весь Северный Кавказ, хотя их памятники спорадически встречаются на большой территории. Значительная часть Ставрополя (севернее Пятигорска), Северной Осетии, Чечено-Ингушетии были заняты какими-то другими, может быть, близкими по культурному облику, но пока еще очень слабо изученными племенами, которые можно только условно называть племенами позднеэнеолитической культуры, более или менее похожей на культуру так называемого куро-араксинского энеолита⁹³. Опре-

деленное влияние на формирование северокавказской культуры оказывали и эти древнейшие племена. Хотя главным очагом формирования изучаемой культуры была несомненно область распространения майкопских древностей, но в процессе расселения племен происходили постоянные столкновения и взаимодействия и с племенами иного культурного облика.

Обращу внимание опять-таки на северокавказскую керамику. Большинство сосудов снабжено ручками, по своему типу очень близкими «просверленным» энеолитическим ручкам⁹⁴. Они так же, как и энеолитические, снабжены округлым бортиком у своего основания — места прикрепления к тулову (см. рис. 40, 19—22). Многие из сосудов по своим формам близки энеолитическим — довольно четко выделено ребро на тулове, от которого выгибаясь внутрь, плавно отходит верхняя часть сосуда (см. рис. 26, 10, 12). Сосуды этого типа особенно часты в изучаемых памятниках⁹⁵. Энеолитические традиции можно усмотреть и в разнообразных налечах, вплетающихся в сложные шнуровые узоры как элементы орнамента.

Топорики кабардино-пятигорского типа также не находят себе прототипов в предметах майкопской культуры. Но они могут быть типологически выведены из многочисленных, к сожалению, стоящих вне комплексов топоров-молотов очень простой формы, найденных в различных областях Северного Кавказа⁹⁶.

Подводя итоги, мы приходим к заключению, что северокавказская культура сложилась главным образом на основе предшествующей ей майкопской культуры во взаимодействии с соседними местными племенами. Возможно, что некоторое время бытовали одновременно отдельные племенные группировки, уже освоившие культурные достижения эпохи, и другие, сохранявшие более древние традиции. В условиях Северного Кавказа с разнообразными географическими условиями

⁹⁴ Е. А. Байбуртян. По поводу древней керамики из Шреш-Блур. СА, III, 1937, стр. 211—213; Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 77 и сл.; его же. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 110, 111, рис. 117, 118.

⁹⁵ В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 18, рис. 5; аналогии см.: Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, стр. 114—117, рис. 122, 124, 126.

⁹⁶ В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры, стр. 19, рис. 6.

⁹⁰ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Доменское поселение..., стр. 196, рис. 32, 33, табл. XI.

⁹¹ А. А. Иессен. К вопросу о древней металлургии меди на Кавказе, стр. 111.

⁹² Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 87 и сл.

⁹³ Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и блема кавказского энеолита. СА, XXII, 1955, стр. 18.

(степи и леса, дикие ущелья и широкие речные долины) это вполне возможно и ни в коем случае не меняет общей схемы последовательности культур, предложенной А. В. Шмидтом и поддержанной А. А. Иессеном⁹⁷.

Нам кажется, что неправ Л. Н. Соловьев, выдвинувший тезис о вытеснении северокавказцами майкопских племен с их территории⁹⁸. Этому противоречат приведенные факты, говорящие о близости и несомненной генетической связи данных культур.

Для становления северокавказской культуры, конечно, требовался значительный промежуток времени. Этот процесс был постепен-

ным, отмирали старые элементы и появлялись новые. Формирование археологической культуры, если под термином «культура» понимать «общность древних родоплеменных групп, объединенных общностью территории, хозяйства и материальной культуры»⁹⁹, не может быть кратким. Во всяком случае, это формирование в основном было завершено к концу первого этапа развития северокавказской культуры.

Дальнейшие работы по выявлению и точной фиксации памятников как майкопского, так и северокавказского облика, а также исследование комплексов смешанного облика в зоне «стыка» северокавказских и степных племен позволят уточнить вопросы, связанные с происхождением изучаемой культуры в целом и выявить ее роль в становлении древних археологических культур в степях юга нашей страны.

⁹⁷ A. V. Schmidt. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja, S. 21; А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 80—92; научная сессия ИИМК АН СССР и ГЭ, посвященная археологии Закавказья. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 8, 9.

⁹⁸ Л. Н. Соловьев. Первобытные стоянки Очамчиры и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология (автореферат кандидатской диссертации). Симферополь, 1956, стр. 14

⁹⁹ Е. И. Крупнов. Рецензия на книгу Б. Б. Пиотровского «Археология Закавказья». ВИ, 1950, № 2, стр. 129.

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Многообразие природы Северного Кавказа, раскинувшегося от Черного моря до Каспийского, с его бескрайними стенами, горными лесами и глубокими ущельями, не могло не отразиться на быте древнейших племен. Ясно, что племена степных районов Прикубанья должны были по быту и культуре несколько отличаться от жителей лесистых Черных гор или высокогорной Дигории. Эти местные своеобразные черты быта древнейших племен можно рассматривать как локальные особенности единой, территориально широкой археологической культуры (рис. 49). Такие особенности не могли не оказать влияния и на другие стороны жизни: на идеологические представления, на искусство. «Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по вышавшим на его долю жизненным условиям»¹.

Конечно, нельзя преувеличивать роль географической среды. Однако известно, что она является фактором, ускоряющим или замедляющим ход развития общества.

Особенно усиливается своеобразие местных черт к концу третьего этапа развития северокавказской культуры, когда в отдельных частях Северного Кавказа начинают возникать на основе древней единой культурной общности элементы новых культур: прикубанской, кобанской и отчасти каякентско-хорчоевской.

Впервые на своеобразие местных черт в культуре «окрашенных костяков» нашего Юга обратил внимание А. А. Спицын, выделивший Терский район с каменными гробницами и кубанский — с прунтовыми ямами².

На реальную возможность выделения «локальных групп» указывали А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, М. И. Артамонов. Они выделяли «кабардино-пятигорскую» группу с ее ярким своеобразным материалом, дигорскую «культуру» и «дигоро-рачинскую» группу. Обзор погребальных комплексов и инвентаря северокавказской культуры позволил нам показать общие, характерные черты ее для всей территории Северного Кавказа. Такое единообразие в материальной культуре древних племен (см. рис. 39 и 46) может быть объяснено одинаковым уровнем развития экономики, этнической близостью племен Северного Кавказа и тесными связями между ними. Общими являлись основные формы сосудов (I и IV типы), украшения, топоры и булавы, оружие и орудия из металла.

На связи между отдельными племенами северокавказской культуры указывают находки молоточковидных булавок из бронзы, известных на территории от Прикубанья вплоть до Северной Осетии (сел. Ардон). Булавки с завитками найдены как на территории дигорской группы, так и в Пятигорье, а также в районах северо-восточного Кавказа. Связи между отдельными племенами могут быть прослежены и по отдельным находкам специфичных форм керамики.

¹ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Госполитиздат, 1952, стр. 48.

² А. Спицын. Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, т. XI, вып. 1 и 2. СПб., 1899 стр. 54, 55 и др.

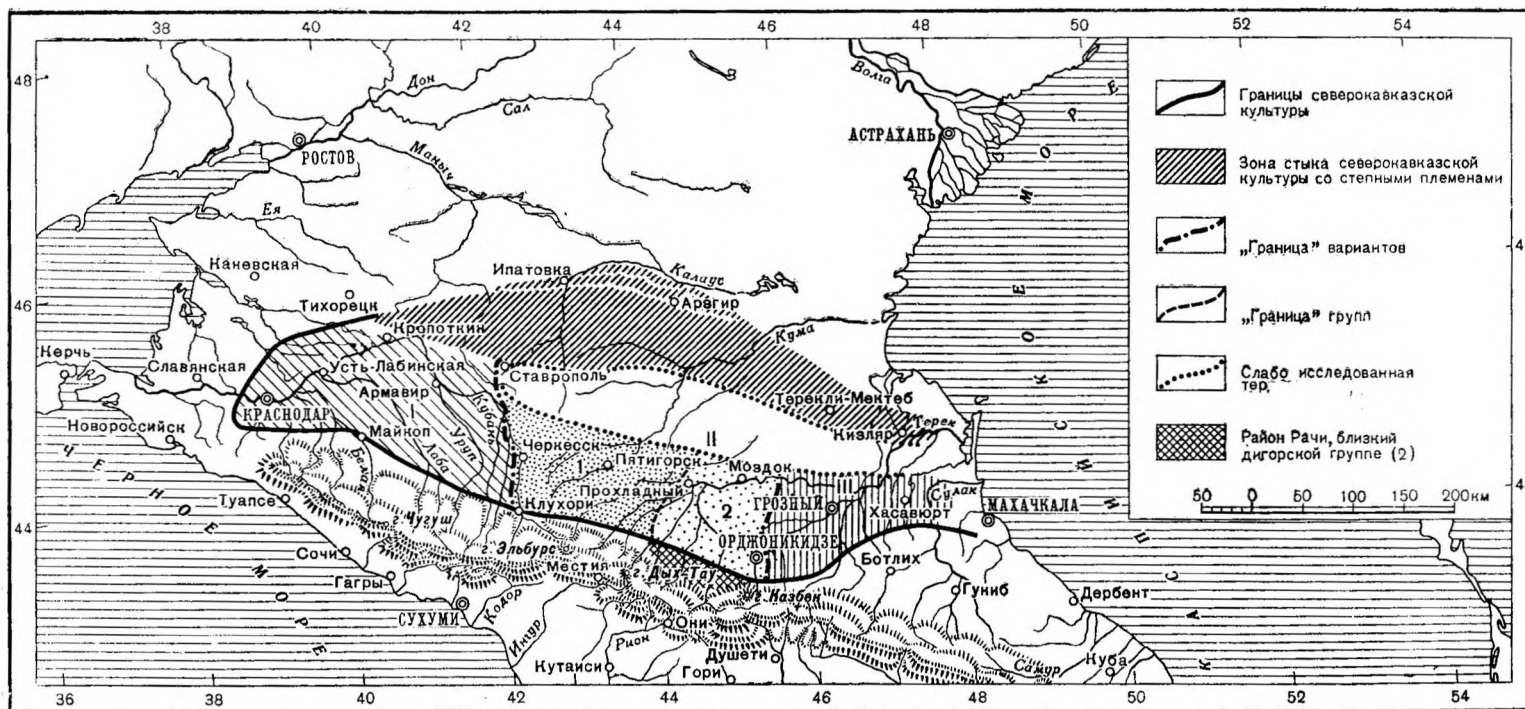

Рис. 49. Территориальное размещение локальных вариантов северокавказской культуры

I — западный или прикубанский вариант; II — центральный вариант; 1 — кабардино-пятигорская группа; 2 — дигорская группа; III — восточный вариант

		Северокавказская культура черты, общие для всех культур								
		Локальные варианты северокавказской культуры								
		Прикубанский вариант			Центральный вариант				Восточный вариант	
		Кабардино-пятигорская группа			Дигорская группа					
		Обряд погребения			Погребения			Погребения		
		Инвентарь			Инвентарь			Инвентарь		
Конец II тысячелетия до н.э.	Обряд погребения	Камень			Сруб			Грунтовые могильники (ямы, склепы, ящики)		
	Инвентарь	36, 37			68			123, 124, 125		
III этап	Металл	30, 31, 32, 33, 34, 35			Катакомбы			С		
	Инвентарь	31, 32, 33			69			96		
Около 1500 г. до н.э.	Керамика	28, 29			Поджурганые ямы			118, 119, 120, 121		
	Инвентарь	28, 29			65, 66, 67, 63, 64			91		
II этап	Камень	24, 25, 27			в курганах (ямы с дервом) Обряд обычный			Курганы, грунтовые могильники (ямы, ящики, склепы и конструкции из дерева). Погребения скелетные и вытянутые		
	Металл	20, 21, 22, 23			Краска			Орнамент		
Около 1700 г. до н.э.	Керамика	18, 19			А также голоды на з			109, 110		
	Инвентарь	18, 19			60, 61, 62			95		
I этап	Камень	10, 11, 12, 14, 15			в курганах с камнями в насыпи (погребения в ямах)			Курганы, грунтовые могильники (в ямах и ящиках). Обряд обычный		
	Металл	9, 13			Обряд обычный, ямы перекрыты дервом			102		
Начало I тысячелетия до н.э.	Керамика	3, 4			Раннее			93		
	Инвентарь	3, 4			51, 52, 50			101		
		1, 2			46, 47, 48, 49			92, 97, 98, 99		
		10			43, 44, 45			100		
		10			40, 41, 42			101		
		10			70			101		
		10			73, 74			101		
		10			77, 78, 79, 80			101		
		10			81, 82			101		
		10			83, 84, 85			101		
		10			86			101		
		10			88, 89, 90			101		
		10			87			101		
		10			91			101		
		10			92			101		
		10			93			101		
		10			94			101		
		10			95			101		
		10			96			101		
		10			97			101		
		10			98			101		
		10			99			101		
		10			100			101		
		10			101			101		
		10			102			101		
		10			103			101		
		10			104			101		
		10			105			101		
		10			106			101		
		10			107			101		
		10			108			101		
		10			109			101		
		10			110			101		
		10			111			101		
		10			112			101		
		10			113			101		
		10			114			101		
		10			115			101		
		10			116			101		
		10			117			101		
		10			118			101		
		10			119			101		
		10			120			101		
		10			121			101		
		10			122			101		
		10			123			101		
		10			124			101		
		10			125			101		
		10			126			101		
		10			127			101		
		10			128			101		
		10			129			101		
		10			130			101		
		10			131			101		
		10			132			101		
		10			133			101		
		10			134			101		
		10			135			101		
		10			136			101		
		10			137			101		
		10			138			101		
		10			139			101		
		10			140			101		
		10			141			101		
		10			142			101		
		10			143			101		
		10			144			101		
		10			145			101		
		10			146			101		
		10			147			101		
		10			148			101		
		10			149			101		
		10			150			101		
		10			151			101		
		10			152			101		
		10			153			101		
		10			154			101		
		10			155			101		
		10			156			101		
		10			157			101		
		10			158			101		
		10			159			101		
		10			160			101		
		10			161			101		
		10			162			101		
		10			163			101		
		10			164			101		
		10			165			101		
		10			166			101		
		10			167			101		
		10			168			101		
		10			169			101		
		10			170			101		
		10			171			101		
		10			172			101		
		10			173			101		
		10			174			101		
		10			175			101		
		10			176			101		
		10			177			101		
		10			178			101		
		10			179			101		
		10			180			101		
		10			181			101		
		10			182			101		
		10			183			101		
		10			184			101		
		10			185			101		
		10			186			101		
		10			187			101		
		10			188			101		
		10			189			101		
		10			190			101		
		10			191			101		
		10			192			101		
		10			193			101		
		10			194			101		
		10			195			101		
		10			196			101		
		10			197			101		
		10			198			101		
		10			199			101		
		10			200			101		

Рис. 50. Локальные варианты северокавказской культуры

1 — колония Николаевская у Пятигорска; 2 — Кисловодск, «Три камня»; 3 — ст. Прохладная (музей Нальчика); 4 — ст. Бжедуховская (Н. И. Веселовский, ГИМ, № 48478); 5 — Андреевская Долина, г. Грозный (музей г. Грозного); 6 — хут. Кру на р. Ульке (Прикубанье, Н. И. Веселовский, ГИМ, № 42419); 7, 45 — ст. Келермеская (Н. И. Веселовский); 8 — пос. Праздничный (Прикубанье, Н. И. Веселовский); 9, 11 — Долинское поселение у Нальчика; 10 — г. Прикумск; 12 — сел. Атажукино (Кабардино-Балкария, музей Ставрополя, № 4487); 13 — хут. Кру на р. Ульке (по Н. И. Веселовскому); 14 — Кисловодск, «Красные камни» (музей Пятигорска, № 670); 15 — Эссентуки (музей Пятигорска, № 669); 16 — Кисловодск (по В. Е. Дегену); 17, 54 — ст. Новосвободная (Н. И. Веселовский); 18 — сел. Лескен, Северная Осетия, Е. И. Крупнов); 19 — Нальчик (музей Нальчика, № 1451); 20, 115 — могильник Фаскау, сел. Галиат (Северная Осетия); 21, 130, 135 — сел. Ачикулак (Е. И. Крупнов); 22 — Кисловодск (музей Пятигорска, № 744); 23 — из разных мест (Прикубанье, Центральный Кавказ и др.); 24 — сел. Лескен (музей г. Орджоникидзе, № 3870); 25 — Нальчик (музей Нальчика, № 1926); 26 — г. Прохладный (музей Нальчика); 27 — ст. Константиновская (по А. В. Шмядту); 28 — Армавир (Н. И. Веселовский); 29 — Кисловодск (музей Пятигорска, № 515); 30, 32, 33, 36, 123 — сел. Кумбулта; 31 — Ставрополье (музей Ставрополя); 34 — Нальчик (по В. Е. Дегену); 35 — сел. Галашки, Чечено-Ингушетия, Е. И. Крупнов); 37 — сел. Галиат (Северная Осетия, по Е. И. Крупнову); 38 — ст. Келермеская, курган 8 (Н. И. Веселовский); 39, 57 — ст. Советская (Н. И. Веселовский); 40 — ст. Бжедуховская (Н. И. Веселовский); 41, 56, 64, 66 — Прикубанье (Н. И. Веселовский); 42, 63 — ст. Усть-Лабинская (Н. И. Веселовский); 43 — между станицами Тифлисской и Каванской (Н. И. Веселовский); 44 — ст. Воздвиженская (Н. И. Веселовский); 46 — аул Локшукай (музей Краснодара, № 3662); 47, 48 — Прикубанье (музей Краснодара, № 3613); 49 — пос. Вольный (Прикубанье, М. Г. Коссович); 50 — хут. Кру на р. Ульке (Н. И. Веселовский); 51 — пос. Праздничный (Н. И. Веселовский); 52 — Краснодар (музей Краснодара, № 3613); 53 — ст. Костромская (Н. И. Веселовский); 55, 58 — ст. Ново-Лабинская (Н. И. Веселовский); 59 — 62 — ст. Андрюковская (Н. И. Веселовский); 65 — Армавир (Н. И. Веселовский); 67 — ст. Кубанская (Н. И. Веселовский); 68 — ст. Андрюковская (по А. А. Иессену); 69 — ст. Костромская (клад, по [А. А. Иессену]); 70 — Кисловодск, «Три

камя», курган 4, погребение 6 (Д. Я. Самоквасов); 71 — колония Каррас у Пятигорска, курган 1 (Д. Я. Самоквасов); 72 — Кисловодск, «Три камня», курган 4, погребение 7 (Д. Я. Самоквасов); 73, 81, 83, — ст. Минутка у Кисловодска; 74 — Кисловодск, «Три камня» (Д. Я. Самоквасов); 75 — с. Благодарное (музей Ставрополя, № 239/9110); 76 — Кисловодск (музей Пятигорска, № 744); 77—80 — Константиновское плато (И. С. Гумилевский); 82, 85 — Константиновское плато у Пятигорска (И. С. Гумилевский); 84 — колония Константиновская у Пятигорска (Д. Я. Самоквасов); 86, 87 — Кисловодск (Е. Д. Фелицын); 88 — колония Константиновская у Пятигорска (А. С. Уваров); 89 — хут. Родниковский на р. Истока (музей Пятигорска, № 677); 90 — Ставрополье (музей Ставрополя, № 3554); 91 — Кисловодск (музей Пятигорска, № 515); 92 — могильник в Нальчике, погребение 21 (по А. П. Круглову, Б. Б. Пиотровскому и Г. В. Подгаецкому); 93 — сел. Соломенка, могила (по А. П. Круглову и Г. В. Подгаецкому); 94 — сел. Верхний Акбаш, курган 1, погребение 3 (по Е. И. Крупнову); 95 — сел. Заюково, курган 2, погребение 2 (по А. А. Иессену); 96 — могильник Верхний Рутха, сиклеп (по Е. И. Крупнову); 97 — Нальчик (по В. Е. Дегену); 98 — Нальчик (музей Нальчика); 99, 100 — могильник Верхняя Рутха (по Е. И. Крупнову); 101 — Моздок (Б. В. Пиотровский); 102 — сел. Соломенка; 103, 113 — с. Долинское у Нальчика; 104 — Кабарда (музей Нальчика, 1930); 105 — г. Прохладный (музей Нальчика); 105a — формы налепов на разных сосудах; 106 — Кабардинский парк в Нальчике; 107, 108, 109 — Нальчик (музей Нальчика № 1159, 1845, 1164); 110 — Моздок (Б. В. Пиотровский); 111 — сел. Ардон (музей г. Орджоникидзе, № 3872); 112 — Нальчик; 114 — г. Орджоникидзе; 116 — г. Нальчик (музей г. Нальчика); 117 — сел. Дигора (музей г. Орджоникидзе); 118—121, 122, 125 — могильник Верхняя Рутха, сел. Кумбулта; 121a — сел. Кумбулта (по П. С. Уваровой); 124 — сел. Галиат; 126 — могильник Гатын-Кале, погребение 3, сел. Асланбек-Шерипово, Чечено-Ингушетия (1957 г.); 127 — сел. Галашки, погребение 1 (Чечено-Ингушетия, Е. И. Крупнов); 128 — сел. Тарки у г. Махачкала; 129 — г. Грозный (П. С. Уварова); 130a — формы налепов на разных сосудах; 131 — сел. Миатлы (Дагестан); 132, 133, 136, 137 — могильник Гатын-Кале (Чечено-Ингушетия); 134 — ст. Мекенская на р. Терек (Е. И. Крупнов); 138, 139 — сел. Галашки (Е. И. Крупнов, музей г. Грозного);

Общим для всей территории северокавказской культуры является и погребальный ритуал: скорченные костяки в ранних памятниках и вытянутые труположения в более поздних (рис. 50).

Однако племена, жившие в различных физико-географических районах, имели свои, несколько различные формы материальной культуры. Это прежде всего нашло свое выражение в посуде, в орнаментике, в типах металлических булавок и других предметов. В какой-то степени это отразилось и в погребальном обряде. Связи с пограничными племенами (дольменной культуры, древнегрузинскими, дагестанскими и степными) также откладывали своеобразный отпечаток на разные сферы быта племен северокавказской культуры. Так как полный обзор памятников нами уже сделан в третьей и четвертой главах работы, то освещая отдельные локальные варианты, мы дадим только их общую характеристику.

На территории, занятой племенами северокавказской культуры, можно выделить следующие локальные варианты:

1. Западный или прикубанский.
2. Центральный, с двумя группами: кабардино-пятигорской и дигорской.
3. Восточный.

Наиболее четко прослеживаются первые два варианта; восточный вариант только начинает выявляться в результате работ последних лет в Чечено-Ингушетии и Дагестане³.

Прикубанский вариант

Памятники прикубанского варианта сосредоточены в основном в бассейне р. Кубани с ее притоками (Лабой, Урупом, Белой и др., см. рис. 49) и представлены могильными комплексами, так как поселения изучаемой культуры в Прикубанье до сих пор не исследовались.

На территории Прикубанья найдены самые яркие погребальные комплексы первого этапа, сохраняющие следы явной генетической связи с предшествующей майкопской культурой. Таковы описанные выше подкурганные захоронения в Хатажукаевском ауле, станицах Воздвиженской, Андрюковской, Ка-

³ Локальным вариантам культуры посвящена наша работа «О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы» в «Уч. зап. КВНИИ», т. XVI. Нальчик, 1960, стр. 183—193.

занской, Псебайской, Ново-Лабинской, Келермесской и других. На втором этапе, в период расцвета культуры местных племен скорченное положение погребенного заменяется вытянутым, исчезает галечная подстилка. Однако конструкции погребальных сооружений не изменяются: они, как на первом, так и на втором и даже на третьем этапах, насколько позволяют об этом судить скудные материалы, представляют собой грунтовые ямы, зачастую перекрытые деревом. Дерево найдено в погребениях первого этапа, открытых в курганах у станиц Северской, Ново-Лабинской, пос. Праздничном и т. д.⁴; в курганах, относимых нами ко второму этапу — у станиц Келермесской, Куржорской, Костромской, Хатажукаевского аула и других⁵, а также в погребениях позднего этапа (станицы Северская, Келермесская, Казанская и другие⁶). Могильные сооружения в виде ям, будучи «домами мертвых», соответствовали, вероятно, землянкам с кровлей из дерева. Подобные жилища характерны для древних поселений всего нашего Юга.

Таким образом, грунтовые могильные ямы типичны для погребальных сооружений Прикубанья и могут быть рассматриваемы как один из чисто местных признаков проявления северокавказской культуры⁷. В то же время, часто встречающиеся окруженные камнями могилы, кромлехи и камни в насыпи курганов, положение покойных в могиле как в Прикубанье, так и в соседних районах Северного Кавказа, указывают на этническую общность прикубанских племен с соседними племенами.

К сожалению, коллекция керамики из Прикубанья невелика. Разбирая ее, можно заметить, что для памятников Прикубанья наиболее типичны высокие стройные сосуды IV типа (см. рис. 50, 43—45), генетически связанные с сосудами майкопской культуры (Новосвободная и Костромская)⁸. Возможно, керамика этого типа распространяется в дальнейшем из бассейна р. Кубани по всему Северному Кавказу, достигая наибольшего рас-

⁴ ОАК за 1907 г., стр. 90; архив ЛОИА, д. АК № 96 за 1899 г.; ОАК за 1903 г., стр. 75 и др.

⁵ ОАК за 1904 г., стр. 96; ОАК за 1908 г., стр. 117; ОАК за 1897 г., стр. 17; ОАК за 1905 г., стр. 72 и др.

⁶ ОАК за 1907 г., стр. 90; ОАК за 1904 г., стр. 96; ОАК за 1900 г., стр. 45.

⁷ В других районах Северного Кавказа наряду с ямами известны склепы и каменные ящики.

⁸ ОАК за 1898 г., табл. V, 62; ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 57.

цвета во втором этапе — к середине II тысячелетия до н. э.

Таким образом, этот тип сосудов, появляющийся впервые в Прикубанье, можно рассматривать как характерную черту прикубанского варианта северокавказской культуры.

На ранних сосудах, найденных в бассейне р. Кубани, орнамент довольно беден, — это небрежные оттиски треугольного штампа (ст. Бжедуховская), «елочки» (Ульский аул и др.).

Довольно рано появляется также манера украшать керамику оттисками шнура, вероятно, по сходству шнуровых отпечатков с орнаментом сосудов из дольменов ст. Новосвободной.

В период расцвета северокавказской культуры сосуды пышно украшаются шнуровым узором, оттисками различных штампов. Если ранние сосуды опоясываются узором в виде тонкого пояса или покрываются оттисками штампов по всему корпусу сосуда (см. рис. 50, 41, 42), то теперь орнамент распределяется гармонично, подчеркивая изящество форм (см. рис. 50, 54—56). Однако в орнаментике сосудов нельзя видеть только декоративное украшение предметов, — в ней отражалось мировоззрение, заключался определенный смысл. И если на ранней посуде это смысловое значение орнамента только оформляется, то значение его «наиболее ясно выступает в памятниках среднего периода жизни общества». В дальнейшем орнамент теряет свой смысл, приобретая чисто эстетическое значение⁹.

В этом смысле совершенно справедливо высказывался Г. В. Плеханов: «Отношение к предмету с точки зрения пользы предшествовало отношению к нему с точки зрения эстетического удовольствия»¹⁰.

В орнаментике могли найти отражение как родовые, так и племенные отличия, связанные с местными культовыми представлениями.

На территории всего Прикубанья в период расцвета северокавказской культуры наиболее характерным орнаментальным мотивом является узор в виде треугольников, опущенных вершиной вниз. Иногда треугольники

заполнены параллельными полосами. Такие зубцы отходят или от обреза венчика сосуда или от орнаментального пояса. Узор этого типа нанесен оттисками шнура (см. рис. 50, 54, 55), а на более поздних сосудах врезан (см. рис. 50, 64).

Как вариант основного мотива можно рассматривать дуги, охватывающие снизу орнаментальный пояс (см. рис. 50, 56).

К концу II тысячелетия это своеобразие декора сосудов теряется. Орнамент сводится к выпуклым налепным валикам, размещенным на стыке шейки и плечиков сосудов (см. рис. 50, 65—67). Смена пышного орнаментального убора бедными и маловыразительными налепными валиками происходит довольно резко, без постепенных переходов, вероятно, в связи с интенсивным наступлением на Прикубанье соседних степных племен, принесших с собой новые приемы декорировки посуды.

В ранних погребениях, близких по обряду захоронения майкопской культуре, не только керамика, но и металлический инвентарь также носит древний майкопский облик. Таковы тесловидные, проушные топоры, крючья. Из этих предметов наиболее характерны для Прикубанья проушные топоры, находки которых довольно многочисленны, в то время как в соседних областях Северного Кавказа они почти неизвестны. Развилки, встречающиеся иногда в ранних памятниках Прикубанья, указывают на связи с племенами дольменной культуры¹¹, так как в дольменных погребениях найдены наиболее яркие образцы подобных предметов. Типология всех указанных предметов разработана А. А. Иессеном¹².

Необходимо отметить также секировидные топоры, бытовавшие в Прикубанье на протяжении II—I тысячелетий до н. э. Ранний тип секир представлен топориком с выступающим обушком из ст. Воздвиженской (см. рис. 6, 3). Он был обнаружен в погребении, сохраняющем облик захоронений майкопской культуры¹³. Секира из могилы в ст. Андриковской может быть датирована второй половиной II тысячелетия до н. э. (третьим этапом). Она представляет собой

⁹ В. В. Гольмстен. Об элементах орнаментации керамики родового общества юга СССР. Тр. отдела истории первобытной культуры ГЭ, т. I. Л., 1941, стр. 2.

¹⁰ Г. В. Плеханов. Письма без адреса. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III. М. 1936, стр. 39.

¹¹ Особенно много найдено их в дольменах у сел. Эшери (Абхазия); музей Сухуми, № 212—214. см. О. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, табл. X, 5.

¹² А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII. 1950, стр. 200, таблица

¹³ ОАК за 1899 г. стр. 46, рис. 80.

дальнейшее развитие топориков-секир, когда молоточная часть у них сильно удлиняется (см. рис. 6, 6; 50, 68)¹⁴. Наиболее поздней бронзовой секирой с заостренной молоточной частью в виде клевца является орудие, найденное в погребении I тысячелетия до н. э. на Таманском полуострове¹⁵.

Позже, в I тысячелетия до н. э. секировидные топорики из железа очень часты в памятниках Северного Кавказа.

Первое появление подобных предметов в Прикубанье является также характерной чертой рассматриваемого варианта.

В Прикубанье к середине II тысячелетия до н. э., возможно, в результате связей с районом дольменов появляются также первые кинжалы в виде бронзовых удлиненных клинков. Они имеют черенок с отверстиями для скрепления с рукоятью. Таковы кинжалы из станиц Андриюковской, Тимашевской, Удобной¹⁶ (см. рис. 16, 1; 50, 60). Появление кинжалов именно в Прикубанье, может также рассматриваться как одна из черт, специфичных для прикубанского варианта культуры северокавказских племен.

Среди металлических украшений для Прикубанья характерны изогнутые булавки в виде «посоха» (см. рис. 43, 2, 3; 50, 49), появляющиеся еще на новосвободненском этапе майкопской культуры и совершенно исчезающие к середине II тысячелетия до н. э. Из районов соседнего Пятигорья (Кисловодск), известны только отдельные находки близких по типу булавок. В Центральном Кавказе (Нальчик, курган у сел. Соломенка) найдена булавка, отдаленно напоминающая изогнутые булавки.

Находки молоточковидных булавок в Прикубанье так же часты, как на соседних территориях Пятигорья и Ставропольской возвышенности. Поэтому считать их типичными только для племен бассейна р. Кубани нельзя.

Судя по имеющемуся материалу, которого, правда, не очень много, металлические изделия, происходящие с территории прикубанского варианта, чаще всего орнаментиро-

вались выпуклым, литым узором в виде концентрических кружочков, точек и плотной спиральки.

Коллекция каменных орудий из Прикубанья пока не очень велика. Среди различных топориков есть экземпляры кабардино-пятигорского типа, терочкики, и т. д. Намечать формы, специфичные только для изучаемой территории, трудно. Правда, только из бассейна р. Кубани известны каменные песты, не имеющие четко выделенной рукояти (см. рис. 5, 1, 3; 50, 51, 52).

Таковы те немногие, но наиболее характерные черты в материальной культуре древних северокавказских племен, населявших Прикубанье в эпоху бронзы.

Необходимо отметить очень ранние связи изучаемых племен с соседними племенами Кумо-Мангычского бассейна. Эти связи устанавливаются на основе находок костяных молоточковидных булавок, типичных для инвентаря ямной и катакомбной культур. В дальнейшем культура местных племен в результате движения носителей катакомбной культуры почти полностью растворяется в культуре пришлого населения. Для этого времени мы не можем уже говорить о местных древностях, как о древностях только северокавказцев. Это скорее материал смешанного облика, оставленный пришлым и местным населением. Поэтому датировать время существования культуры племен прикубанского варианта можно только первыми двумя этапами (начало II тысячелетия до н. э. — около середины II тысячелетия до н. э.).

В заключение остановимся на границах прикубанского варианта северокавказской культуры. Памятники изучаемого локального варианта в основном сосредоточены в бассейне р. Кубани и ее притоков. Южная и западная границы его совпадают с границами культуры в целом, северная же, как отмечалось нами в третьей главе настоящей работы, не может быть названа границей, а является довольно широкой зоной «стыка» племен северокавказской культуры с племенами степей. На востоке территория племен прикубанского варианта соприкасается с землями родственных племен, представляющих уже пятигорскую группу соседней области северокавказской культуры. Здесь, конечно, не может быть речи о четкой границе, так как памятники материальной культуры одного варианта постепенно сменяются памятниками другого, соседнего варианта. Таковы, напри-

¹⁴ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23. 1951, стр. 120, рис. 55.

¹⁵ Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63. Пг., 1917, стр. 54, рис. 11.

¹⁶ ОАК за 1897 г. стр. 22, рис. 82; музей Краснодар, № 3613, 1; работы Н. В. Анфимова. Используются с его любезного разрешения.

мер, курганы аула Адыге-Хабль, где не было обнаружено каменных ящиков и склепов, типичных для Пятигорья, но зато могильные ямы были перекрыты плитами так, как обычно ими перекрываются только каменные ящики¹⁷. Довольно широкая полоса памятников смешанного характера (двух соседних вариантов) проходит по рекам Малый Зеленчук и Кубань, поворачивая к Ставрополю, (курганы с грунтовыми ямами у селений Орехово и Бысоцкое)¹⁸. Таким образом, территория прикубанского варианта северокавказской культуры, не укладываясь в современные административные рамки Краснодарского края, частично захватывает земли Ставрополя (см. рис. 49).

Несомненно, эти границы в разные периоды жизни древних племен несколько менялись. С приходом катакомбных племен, возможно, часть древнего населения Прикубанья вынуждена была уйти на территорию соседних родственных племен. Но это предположение, хотя и вполне вероятное, требует для своего подкрепления дальнейших археологических исследований.

Центральный вариант

Наиболее яркие памятники названного варианта выявлены в результате больших археологических работ, проведенных в прошлом столетии Д. Я. Самоквасовым и в послереволюционный период рядом советских ученых и краеведов.

Изучая памятники Пятигорья и Центрального Кавказа, нельзя не заметить определенные черты сходства между ними. Общие признаки прослеживаются в керамике, типах каменных топоришков и булав, а также в погребальных сооружениях. Это позволяет рассматривать древности Пятигорья и Центрального Кавказа, как единый, еще один локальный вариант северокавказской культуры. В то же время имеющиеся местные, менее значительные различия в формах сосудов, орнаментальных композициях, в типах бронзовых булавок и т. д. позволяют внутри данного варианта различать две группы памятников — кабардино-пятигорскую и дигор-

скую¹⁹. В последующее время на рубеже II—I тысячелетий до н. э. на территории их сложилась широко известная кобанская культура со своими локальными особенностями.

Рассмотрим обе группы отдельно, а в заключение наметим те общие черты, которые их объединяют.

Кабардино-пятигорская группа охватывает большое количество памятников, расположенных в районе Пятигорья, прилегающей части Ставропольской возвышенности и предгорий Кабардино-Балкарии. Изученные здесь памятники представлены главным образом погребальными комплексами и отдельными находками.

Наиболее ранние погребения, количество которых очень незначительно, представляют собой ямы, но в отличие от Прикубанья, перекрытые не деревом, а каменными плитами (памятники в районе Пятигорья)²⁰, поверх которых часты завалы из битого камня и гальшеи.

В дальнейшем, к середине II тысячелетия до н. э. наряду с подобными сооружениями распространяются каменные ящики, сооруженные из массивных плит, и склепы, сложенные из небольших камней насухо и лишь изредка промазанные глиной (Заюково)²¹. Так же, как и над ранними погребениями, поверх перекрытий очень часто устраивались завалы из камней.

При этом по положению костяка и его ориентировке погребения здесь не отличаются от одновременных им погребений Прикубанья и других областей Северного Кавказа.

Склепы и особенно каменные ящики существуют в Кабардино-Пятигорье и позже, в I тысячелетии до н. э.²²

Наиболее распространенным типом керамики являются сосуды-горшки с красиво отогнутым и прямым венчиком (тип I). Этот тип посуды часто встречается и на территории соседней дигорской группы и в северо-восточной части Кавказа. Однако орнаментика кабардино-пятигорской группы имеет свои

¹⁹ Употребляем термины, связанные с географическими наименованиями и предложенные ранее М. И. Артамоновым, А. А. Иессеном, Е. И. Крупновым и другими.

²⁰ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 27, 28, 35.

²¹ Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 227 и сл.

²² С. Н. Замятин. Работы на строительстве санатория КСУ в Кисловодске. Сб. «Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг.», I. 1935, стр. 213—226.

¹⁷ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. Тр. Черкесского научно-исследовательского ин-та, вып. II. Черкесск, 1954, стр. 277 и сл.

¹⁸ ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 159, 160.

характерные черты. На ранних сосудах почти все тулово покрыто вдавленными черточками или украшено тоненьким пояском «елочного» узора (см. рис. 50, 73, 74). В дальнейшем такие орнаментальные пояски, состоящие уже из линейных веревочных отпечатков, различных вдавлений, врезов-штрихов, становятся ведущим приемом украшения сосудов. Часто подобная лента узора опоясывает днища сосудов (см. рис. 50, 77, 80).

Намного реже, чем на территории соседнего прикубанского варианта, встречается узор в виде треугольников, опущенных вершиной вниз. Такой мотив почти всегда дополняется линейным или даже зубчатым пояском, охватывающим дно сосуда (см. рис. 50, 79).

Совершенно оригинальными вариантами рассматриваемого типа сосудов являются осторереберные сосуды (см. рис. 50, 91), известные пока только для памятников данной группы.

Сосуды вытянуто-округлых форм (тип IV) в памятниках кабардино-пятигорской группы встречаются реже, чем в других частях Северного Кавказа. В этом тоже, пожалуй, можно усмотреть особенность материальной культуры данной группы.

Сосуды двух указанных типов очень часто снабжены ручками. В отличие от соседней дигорской группы, где ручки сосудов напоминают энеолитические, здесь они имеют вид небольших петелек и прикрепляются не к плечикам, а к самой широкой части тулова сосуда, что делает посуду приземистой и неуклюжей (см. рис. 50, 82). Орнаментальные мотивы в виде всевозможных налепов отсутствуют. Таковы характерные черты керамики кабардино-пятигорской группы.

Среди металлических орудий и оружия не удается выделить типичных предметов. Украшения также не выделяются особыми формами. Бронзовые молоточковидные булавки, как видно, в такой же мере характерны для Пятигорья, как и для Прикубанья. В других районах Северного Кавказа они встречаются спорадически.

Учет всех указанных особенностей позволяет наметить, хотя и очень приблизительно, территорию распространения памятников кабардино-пятигорской группы. На западе данная группа граничит с очерченной выше территорией прикубанского варианта. Собственно, это не граница, а широкая полоса, проходящая по верховьям р. Кубани. Здесь памятники имеют смешанный характер и отделить прикубанские от пятигорских, как мы

уже упоминали, невозможно. На юге граница проходит по Главному Кавказскому хребту (массив Эльбруса). Восточный край территории кабардино-пятигорской группы захватывает значительный участок современных земель Кабардино-Балкарии (всю ее северо-западную часть), соприкасаясь с соседней дигорской группой по линии Нартан — Заюково — Прохладный. Здесь также нельзя наметить четкую границу, так как обе группы являются разновидностями единого и довольно обширного центрального варианта северокавказской культуры.

На севере племена изучаемого подварианта соприкасались со степными племенами (см. рис. 49). Район этот требует особенно тщательного изучения, так как весь участок Ставрополь — Буденовск почти не затрагивался археологическими работами, а находки, сделанные в зоне «стыка», расположенной несколько севернее, свидетельствуют об очень ранних связях степных племен с древними жителями Кавказа.

Дигорская группа охватывает в основном предгорные и горные районы.

Для дигорской группы, так же как и для кабардино-пятигорской, характерны погребальные сооружения в виде грунтовых могил под завалами камней, ям, перекрытых каменными плитами, каменных ящиков и склепов. В отличие от соседней группы, где известны только погребения в курганах, здесь в нагорных районах распространены бескурганные грунтовые могильники, разбросанные по склонам гор (у сел. Верхний Кубан, могильник Загли Барзонд у сел. Галиат)²³.

В эпоху расцвета и позже, к концу II тысячелетия до н. э., количество погребальных сооружений увеличивается — появляются сооружения из дерева (курганы у сел. Верхний Акбаш)²⁴, которые в некоторых горных районах становятся массовыми (могильник Беахни-Куп у сел. Чми)²⁵.

В обилии различных погребальных сооружений, а также в наличии грунтовых могильников можно видеть одну из специфических черт памятников дигорской группы.

Многочисленные погребальные сооружения в некоторой степени отражают реально су-

²³ Е. И. Крупнов. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Тр. ГИМ, вып. VIII. М., 1938, стр. 41—43.

²⁴ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Уч. зап. КНИИ, т. V. Нальчик, 1949, стр. 199, 200 и сл.

²⁵ ОАР за 1882—1888 гг., стр. ССXL.

ществовавшие в древности жилые постройки.

С середины II тысячелетия до н. э., на третьем этапе, в моздокских степях появляются даже отдельные захоронения в катакомбах. Но влияние степных племен здесь не было столь сильным, как в Прикубанье, — в предгорных и горных районах продолжалось дальнейшее развитие местных племен, создавших предпосылки для расцвета яркой и своеобразной культуры.

Обряд погребения в памятниках дигорской группы имеет ряд специфических черт. Так, в погребениях раннего этапа на костяках находится очень мало красящего вещества, в отличие от захоронений этого же времени в Прикубанье и соседнем Пятигорье. В могилах изучаемой группы довольно часто встречаются угольки. И главное, если в памятниках Прикубанья и кабардино-пятигорской группы в период расцвета изучаемой культуры, на втором этапе ее развития, обычны вытянутые труположения, то здесь, в горах, покойников хоронили на всем протяжении существования культуры и в скорченном положении. Что же касается ориентировки и прочих деталей ритуала, то они для всей культуры остаются общими.

Среди керамических форм наиболее типичны для памятников дигорской группы сосуды округлых форм с венчиком, край которого не вывернут наружу, а обращен внутрь и тупо обрезан (тип II; см. рис. 50, 109). Посуда такого типа известна по памятникам второго этапа (Заюково, Нальчик), особенно она распространена в конце II тысячелетия до н. э. (Кумбулта и другие памятники Дигорского ущелья). Сосуды украшены очень бедно — тонкими лентами из оттисков «шнура», различных вдавлений и нарезного узора (см. рис. 50, 118, 121).

Уплощенные и высокие сосуды (типы I и IV) характерны для всей культуры, но на данной территории имеют свои особенности. На сосудах часты ручки в виде простых колец-петелек или ручки энеолитического типа (см. рис. 50, 110). Последние всегда сделаны очень тщательно, часто украшены орнаментом и у своего основания окружены рельефным бортиком; они известны со времени существования Долинского поселения. Подобные ручки часты также на сосудах территории северо-восточного Кавказа. Орнаментация сосудов указанных типов несколько отличается от узоров керамики соседней кабардино-пятигорской группы. Наиболее ран-

ние сосуды очень часто, кроме традиционного «елочного» узора, украшены орнаментальной лентой, заполненной волнистыми линиями, косыми штрихами, S-видным орнаментом, находящим аналогии в Закавказье. Орнамент большей частью наносился притупленным орудием (см. рис. 50, 97—100).

В эпоху расцвета в орнаментике появляется шнуровой узор в виде довольно широких поясков, орнамент которых состоит из самого разнообразного сочетания различных элементов, дополненных различными налечами, часто имитирующими в миниатюре ручки энеолитического типа (рис. 50, 105, 108).

Со второй половины II тысячелетия до н. э. (третий этап нашей периодизации) орнамент упрощается: сосуды украшаются весьма примитивным узором в виде волнистых линий, зигзагов, оттисков прямоугольных штампов. Все эти элементы находят аналогии в соседней области древней Грузии — Раче, связи с которой в этот период, видимо, расширяются. Культура Рачинского района очень близка дигорской, и, возможно, дальнейшие работы позволят расширить территорию данной группы (А. А. Иессен уже сейчас называет группу дигоро-рачинской).

Как особенность инвентаря дигорской группы, сближающей ее с северо-восточным Кавказом, необходимо отметить сосуды биконической формы (тип III) с резким членением корпуса посуды на части: плечики, шейку и т. д. (см. рис. 50, 110).

Из металлических предметов для дигорской группы характерны булавки в виде очень длинного перевитого стержня с поперечной перекладиной и двумя дисками на ее концах («катушковидные наконечники»).

Этот тип булавок находит себе прямые аналогии в Западной Грузии²⁶ и свидетельствует о связях древних северокавказских племен с племенами Закавказья.

Для узкого района Заюково — Нальчик характерны булавки в виде стержня с двумя-тремя отростками, отходящими от него под углом вверх (см. рис. 43, 8; 50, 113)²⁷. Типичными для группы в целом они не могут считаться. Мы склонны рассматривать их

²⁶ О. Дж а п а р и д з е. Ранний этап древней металлургии в Грузии; Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии, т. II. Тбилиси, 1955, стр. 13, табл. IV, 2.

²⁷ Б. Е. Д е г е н. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 6. 1941, стр. 251 и сл., рис. 34, 3; 35, 1, 2 и др.

как разновидность молоточковидных булавок, что позволяет говорить о какой-то зависимости этого района от соседней кабардино-пятигорской группы, для которой молоточковидные булавки обычны.

Для эпохи расцвета северокавказской культуры и особенно для второй половины II тысячелетия до н. э. (третий этап) наиболее типичны булавки с навершиями в виде волют (см. рис. 50, 114), которые в поздних памятниках приобретают огромные размеры и локализуются в основном в узком районе собственно Дигории²⁸.

Булавки раннего облика (с волютами) sporadически встречаются в Грузии в более ранних памятниках, и далее в местах их возникновения — Передней Азии и Средиземноморье²⁹.

Булавки дигорского облика с огромными «рогами», найдены в районе Кисловодска³⁰, в Карачаево-Черкессии³¹. Эти находки указывают на связи между жителями отдаленных участков центрального варианта.

Специфическая особенность памятников дигорской группы состоит в том, что на предметах материальной культуры — на керамике, металлических булавках, типах оружия³² — лежит реальный, осязаемый отпечаток тесных связей с Закавказьем, с древними племенами, заселявшими современные области Рача и Сачхери.

Кроме того, характерной чертой материалов данной группы мы считаем обилие металлических изделий. В Государственном историческом музее хранятся огромные коллекции случайных находок металлических изделий эпохи бронзы из горных районов Северной Осетии (ножи, топоры, украшения). В основном они происходят из селений Верхний Кобан, Комунта, Галиат, Чми и др. Узкая локализация находок на одном участке может указывать на место производства, тем

более, что именно в этом районе Северной Осетии сосредоточены основные месторождения меди³³.

Многие из наиболее поздних предметов (особенно топоры) уже имеют элементы кобанских бронз — украшения в виде бараньих головок, гравированный узор (см. рис. 50, 123, 124). К концу II тысячелетия до н. э. появляются также подвески, напоминающие украшения кобанской культуры³⁴.

Дигорская группа занимает гораздо меньшую площадь, чем близкая ей кабардино-пятигорская группа. В настоящее время в эту группу могут быть включены, помимо района Налчика с погребениями 28 и 31 в неолитическом могильнике³⁵, погребения у сел. Заюково (раскопки А. А. Иессена), между сел. Нартан и г. Прохладным³⁶. Этим ограничивается западный участок, где памятники данной группы соприкасаются с соседней кабардино-пятигорской группой. На юге граница проходит по Главному Кавказскому хребту, за которым расположена область древнейших культурных связей местных племен — Рача и Имеретия, с близкими по характеру культурами. На востоке, неподалеку от течения р. Ассы, дигорская группа соприкасается с соседним восточным вариантом северокавказской культуры. На севере нельзя даже приблизительно указать границы. За Моздоком идет почти неисследованная степная полоса с отдельными находками, а севернее — Прикумская низменность, на которой северокавказские находки соседствуют с вещами степного облика.

Таковы территория и характерные черты кабардино-пятигорской и дигорской групп, входящих в центральный вариант изучаемой культуры.

Наряду с теми отличиями, которые только что были подробно рассмотрены, обе названные группы имеют массу общих типов орудий, орнаментальных мотивов, общие исторические судьбы.

²⁸ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. 1951, стр. 56 и сл.

²⁹ В. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 79, 80, табл. XVIII; А. Л. Лукин. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Тр. отдела истории первобытной культуры ГЭ, I, Л., 1941, стр. 27, табл. II, 5.

³⁰ Д. Я. Сажоков. Могильные древности Пятигорского округа. Тр. V AC в Тифлисе. М., 1887, табл. II.

³¹ Каталог Румянцевского музея.

³² О. М. Джапаридзе. Краткий отчет об археологических разведках в Грузии (Гурия) в 1948 г. КСИИМК, XXXIX. 1951, стр. 97—99, рис. 27.

³³ И. Д. Стороженко. Медные месторождения Северо-Кавказского края. Сб. «Природные богатства Северо-Кавказского края». Пятигорск, 1935, стр. 281 и сл.

³⁴ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 43—58.

³⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Налчик. МИА, № 3. 1941, стр. 75, 76, 121, 122.

³⁶ Археологические исследования в РСФСР..., стр. 227 и сл.; Е. Хакуашев. Новые археологические находки. Уч. зап. КНИИ, т. VII. Налчик, 1952, стр. 195, 196.

На территории Пятигорья и Центрального Кавказа найдено наибольшее количество топориков кабардино-пятигорского типа обоих вариантов («гладкие» и «граненые»), причем считать их типичными для какой-либо одной из названных групп нельзя.

Не удается приурочить к той или другой группе и какой-либо из вариантов данных топорики. Топорики кабардино-пятигорского типа (см. рис. 50, 24, 25, 48) типичны для культуры в целом, но на Центральном Кавказе они более всего распространены. Поздняя разповидность данного типа топорики явилась прототипом для возникновения кобанских топоров³⁷.

Булавы шаровидных, грушевидных форм и с выступающими в пределах Северного Кавказа характерны только для центрального варианта (см. рис. 49 и 50, 115)³⁸, хотя спорадически встречаются на большей территории. Это и понятно, так как здесь распространены те минералы, из которых они изготавливались (диориты, базальты, диабазы, змеевики, мраморы, кварцы и пр.). Если бронзы Прикубанья большей частью украшены спиралькой, кружочками, то здесь преобладает узор в виде зигзага, волны, «змеек». Некоторые из «змеек» даже снабжены головками — мотив, повторяющийся в кобанских бронзах. Среди литых орнаментальных мотивов большое место занимает имитация шнура. Шнуровым узором покрываются не только украшения, но даже топорики (см. рис. 6, 4, 5).

Недаром М. И. Артамонов считал Кабардино-Пятигорье в широком понимании этого термина центром шнуровой орнаментации по металлу³⁹. Здесь, судя по находкам в кургане у сел. Соломенка, этот способ украшать металл возникает очень рано.

Огромное количество всевозможных подвесок, крупных полусферических блях, ранние из которых украшены литым узором, а более поздние — пунсонным (выбитым), также характерно для инвентаря центрального варианта. На поздних предметах обычен гравированный орнамент на оружии (топорики), иногда продолжающий по традиции

имитировать «шнур», а также выбитый (пунсонный) орнамент на булавах, бляхах.

Таким образом, металлические изделия в целом имеют общий для обеих культур облик. Исключение составляют булавки. Даже внутри одного варианта они отличаются по форме, что, вероятно, служит признаком каких-то очень узких племенных отличий, как это прослежено сейчас для средневекового Дагестана⁴⁰.

К концу II тысячелетия до н. э. (третий этап) на территории центрального варианта северокавказской культуры появляются листовидные кинжальные клинки без черенка, но с отверстиями для заклепок (см. рис. 13, 114).

На изучаемой территории появляются также и бронзовые, близкие кобанским топорики с овальными проушинами и ребрами по бокам (см. рис. 13, 113).

Больше, чем в соседних вариантах, в украшении керамики применяются различные штампы (треугольные, полукруглые, в виде углов и т. д.), а среди мотивов орнамента особенно часты волнообразные линии, дужки. Общие типы керамики нами были охарактеризованы в разделах, посвященных двум группам данного варианта.

На всей этой территории в дальнейшем возникла генетически связанная с северокавказской кобанская культура, сохранившая в себе такие черты, корни которых надо искать в недрах очерченных групп центрального варианта.

Данный вариант, как видно из нашего краткого описания, просуществовал дольше, чем прикубанский, где племена северокавказской культуры на третьем этапе растворились в среде племен катакомбной культуры. Более длительное существование в «чистом виде» племен центрального варианта может быть объяснено обособленностью горных районов, тем, что они были труднодоступны для пришлых степняков и теснее связаны с племенами древней Грузии — носителями древних металлургических традиций. Эти связи привели к созданию собственной местной металлургической базы.

Восточный вариант

Восточный вариант северокавказской культуры в настоящее время не может быть вы-

³⁷ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, стр. 72; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII. 1953, стр. 290.

³⁸ Булавы различных типов характерны также для памятников Закавказья.

³⁹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI. 1949, стр. 363.

⁴⁰ Н. Б. Шейхов. Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э. КСИИМК, XLVIII. 1952, стр. 129—135.

делен так четко, как предшествующие. Дело в том, что материал, полученный из района Ногайских песков, замыкающих с севера территорию, занятую этим вариантом, хотя и обилен, но слишком смешан и фрагментарен. Это отдельные находки, а не комплексы. В то же время, горные районы едва затронуты археологическими исследованиями. Поэтому мы ограничимся только попыткой наметить самые характерные, уже сейчас ощутимые специфические черты данного варианта.

Восточный вариант северокавказской культуры занимает территорию Чечено-Ингушетии и северную, плоскостную часть ⁴¹ Дагестана. Ногайские же степи издавна являлись зоной, где северокавказские племена соприкасались с носителями степных культур.

Конструкции погребальных сооружений раннего времени (первого этапа) неясны. Судя по раскопкам у сел. Закан-Юрт ⁴² и кургана у сел. Тарки (район г. Махачкала) ⁴³, тогда уже кроме грунтовых ям появились крупные каменные ящики.

Для времени расцвета северокавказской культуры известны все те формы могильных сооружений, какие открыты на территории центрального варианта; известны также грунтовые могильники (у сел. Галашки, Гатын-Кале). Ничем существенным не отличается и погребальный ритуал (ориентировка, скорченное положение).

Однако надо отметить, что на данной территории преобладающими типами погребальных сооружений являются ямы и склепы. Эти сооружения, будучи одновременными, встречаются зачастую на одном памятнике (могильник Гатын-Кале).

Рассмотрим инвентарь погребений.

Керамика восточного варианта северокавказской культуры по формам мало чем отличается от керамики других вариантов. Преобладают сосуды, напоминающие горшки, со слабо отогнутым или прямым венчиком (тип I) и сосуды удлиненной, яйцевидной формы (тип IV). Известны фрагменты и целые сосуды, близкие более древней энеолитической посуде (тип III). Вообще, сохранение древнейших энеолитических традиций

⁴¹ На Северном Кавказе плоскостью в отличие от нагорных районов называются предгорные части, представляющие собой невысокие хребты и степные пространства между ними.

⁴² ИАК, вып. 14 (прибавление). СПб., 1905, стр. 40, 41.

⁴³ К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23. 1951, стр. 228—230.

в керамике является характерной чертой посуды восточного варианта. Тщательное лощение, ручки энеолитического типа, ручки-налепы, выпуклый орнамент, членение сосудов на части — таковы эти черты (см. рис. 50, 128, 134, 135). Особенно ярко проявляются они в керамике горных районов (могильник Гатын-Кале) и в плоскостных районах Дагестана (сел. Миатлы).

Специфической формой керамики являются также сосуды баночной формы с настолько сильным отвернутым венчиком, что диаметр его превышает диаметр тулова сосуда (тип VII, рис. 50, 138, 139). Но пока подобные сосуды известны только из ущелья р. Ассы (могильник у сел. Галашки) и относятся к самому началу третьего этапа.

Наряду с энеолитическими чертами посуды данного варианта имеют черты керамики последующего времени, в частности, какаентско-хорочоевской культуры: узкое дно, сильно отогнутый венчик в виде «воротничка», грубую обмазку поверхности сырой глиной, даже сохраняющую следы пальцев мастера (сосуды из Веденского района и могильника Гатын-Кале, курганы у сел. Миатлы в Дагестане).

Керамика восточного варианта в меньшей степени, чем в других районах, украшается шнуровым узором. Очень богато ornamentированные сосуды почти неизвестны. Только один сосуд из г. Грозного богато декорирован (см. рис. 50, 129). Керамика часто украшена различными налепами, оттисками штампов.

Основным орнаментальным мотивом являются треугольники, опущенные вершиной вниз, но в отличие от Прикубанья, зубцы-треугольники не сопровождают пышный орнаментальный пояс, а являются главным элементом декора. Такие зубцы с внешней стороны украшены вдавлениями, зигзагами, черточками (см. рис. 50, 131). На сосудах из могильника у сел. Галашки узор в виде треугольников выполнен штампом. Иногда угловой узор заменен рядом смыкающихся арочек и как дальнейшее развитие мотива, появляется орнамент в виде арочек, расположенных на некотором расстоянии друг от друга (см. рис. 50, 135).

В отличие от Прикубанья, где пышный узор из углов часто начинается у устья сосуда, керамика изучаемого варианта декорируется более бедно — только по плечикам.

Ручки сосудов восточного варианта чаще всего располагаются на плечиках сосудов, иногда даже на самой выпуклой части тулова

(см. рис. 15, 38; 50, 133). Последний способ прикрепления ручек характерен для керамики из горных районов и, вероятно, заимствован вместе с орнаментом налечами (в виде дуг, рогов и т. д.) от древних дагестанских племен (памятники Карабудахкент II, Гони и др.). Наиболее яркие образцы такой орнаментики дает керамика из могильника Гатын-Кале, где вообще декорировка сосудов состоит из налепов различных форм и комбинаций: в виде конусов, валиков и т. д. (см. рис. 50, 130а, 133).

Важно отметить, что прямоугольные вдавления на посуде могильника у сел. Галашки (см. рис. 50, 138), а также форма сосудов позволяют сближать данный материал с керамикой Закавказья⁴⁴.

Таким образом, уже сейчас можно наметить некоторые специфические черты в керамике восточного варианта.

Труднее проследить характерные особенности в бронзовых изделиях северо-восточного Кавказа, ибо находок металлических предметов пока не очень много. Найденные здесь булавки с волютами указывают только лишь на связи с племенами соседней дигорской группы и типичными для восточного варианта считаться не могут. Для восточного варианта более характерны булавки с навершиями в виде плоского диска с отверстием в центре. Подобные булавки из бронзы найдены в могильнике Гатын-Кале, булавка из кости обнаружена в кургане у сел. Кяхулай (район г. Махачкала)⁴⁵. Правда, несколько находок таких булавок сделано и в Кабарде. Бронзовые украшения не имеют признаков, характерных только для памятников северо-восточного Кавказа. На мастерское овладение художественным литьем указывает бронзовый предмет с головкой овцы, найденный в окрестностях г. Хасав-Юрта (см. рис. 15, 29). В культуре племен как особенность данного варианта можно рассматривать тесные связи с племенами высокогорного Дагестана. Показателем таких связей служит не только керамика, но и находка бронзовой, богато орна-

ментированной полусферической бляхи в сел. Согратль (см. рис. 15, 28)⁴⁶.

На связи с древними племенами Грузии указывает находка бронзового топорика закавказского типа в могильнике у сел. Галашки⁴⁷.

Таковы основные локальные черты намечающегося восточного варианта.

Время существования варианта определяется для разных районов северо-восточного Кавказа по-разному. Судя по материалам раскопок поселения у сел. Алхасте, в горных районах Чечено-Ингушетии северокавказская культура послужила основой образования восточного варианта кобанской культуры.

На территории Северного Дагестана памятники северокавказской культуры третьего этапа уже неизвестны. Вероятно, изучаемые племена к этому времени растворились в среде древнего дагестанского населения.

* * *

Таким образом, мы рассмотрели характерные черты трех локальных вариантов северокавказской культуры.

Отмеченные локальные отличия в морфологии предметов свидетельствуют о некоторых местных специфических особенностях в формах материальной культуры. Разница в могильных сооружениях, небольшие отличия в погребальном ритуале, разные виды орнаментальных мотивов указывают на некоторую разницу и в идеологических представлениях. Различия в орнаментальных мотивах, рассматриваемых как племенные знаки-узоры, подчеркивают правомерность выделения данных вариантов. В дальнейшем на основе культуры северокавказских племен, в недрах указанных локальных вариантов, возникают археологические культуры конца эпохи бронзы и раннего железа, такие как прикубанская, кобанская с ее вариантами, и намечаются отдельные черты каякентско-хорчоевской культуры.

Дальнейшие работы уточнят как территориальные рамки каждого варианта, так и их характерные черты.

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XX, 1948, стр. 92—94; Б. А. К у ф т и я. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 75—77.

⁴⁵ К. Ф. С м я р н о в. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки..., стр. 226—228, рис. 1.

⁴⁶ ГЭ, № 1741-17 (коллекция А. Л. Млокосевич).

⁴⁷ Т. Ч у б и н и ш в и л и. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 111, 123, рис. 16; Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 93, рис. 25, 3.

Глава VII

ОЧЕРК ХОЗЯЙСТВА И БЫТА ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В предшествующих главах были рассмотрены памятники древнего населения Северного Кавказа, обрисованы границы их распространения и прослежены некоторые своеобразные локальные черты в культуре древних племен.

Опираясь на все эти материалы, можно кратко охарактеризовать основные виды хозяйства и быт древних племен.

В основе хозяйства племен северокавказской культуры эпохи бронзы лежали скотоводство и земледелие.

О разведении домашних животных в эпоху ранней бронзы свидетельствовала находка костей коровы в культурном слое Долинского поселения¹. Кости домашних животных были обнаружены и в погребениях. Подсчет показывает, что в основном стадо состояло из мелкого и крупного рогатого скота, а также лошадей. Кости овец и коз составляют 56% всех костных остатков². Находки отдельных костей свиньи доказывают разведение и этого животного. Правда, к анализу костных остатков животных, найденных в погребениях, надо подходить очень осторожно, поскольку выбор животного, которого погребали вместе с умершим, диктовался ритуалом, традицией. Реальный состав стада поэтому не всегда отражается верно. Однако бытовые предметы, хотя и косвенно, также свидетельствуют о преобладающем значении

мелкого рогатого скота в хозяйстве древних племен. Таковы изображения овец из металла (находка Е. Д. Фелицына из Кисловодска, см. рис. 9, 31³, предмет из Хасав-Юрта, см. рис. 15, 29 и другие находки). «Волкюты» (завитки) на булавках можно рассматривать как воспроизведение бараньих рогов. Этот мотив имеется в виде налепов на керамике (см. рис. 13, 126; 26, 12) и в виде бараньих головок на поздних бронзовых топорах (см. рис. 13, 111). Собственно, и в наше время горные районы Северного Кавказа являются по преимуществу овцеводческими; низкорослые коровы разводятся в небольшом количестве, и они до сих пор малопродуктивны.

В погребениях лишь изредка встречаются кости лошади и еще реже — собаки. Это связано, с тем, что вероятно, мясо этих животных — истинных друзей человека, — почти не употреблялось в пищу, а в погребения того времени клали в основном еду. Находки огромного числа псалий, удила и других предметов конской упряжи в последующее время (кобанская культура)⁴ указывают на значительную роль лошади в хозяйстве древних племен. Вообще же, древнейшим упряжным животным на Востоке являлся первоначально бык, а затем уже лошадь⁵. Судя по материалам Закавказья и, в частности Азербайджана, к концу II тысячелетия до н. э. лошадь

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, стр. 192.

² Новейший материал из Северного Дагестана не учтен, так как еще не появились соответствующие публикации.

³ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 40.

⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 105.

⁵ М. И. Артамонов. К истории средств передвижения. ПИМК, 1983, № 5—6, стр. 29.

уже используется для верховой езды. К этому времени появляются даже захоронения человека с конем⁶. находка глиняной модели хижины-повозки в Ульском кургане (см. рис. 29, 1) указывает на употребление телеги-фургона, снабженной двумя колесами.

Обилие керамических находок свидетельствует об оседлой форме ведения хозяйства. Однако отсутствие зимних кормов, знойное лето, быстро выгорающие травы в предгорьях, — все это способствовало развитию особого, так называемого яйлажного типа скотоводства. Обычно на лето стада угонялись в горы, в зоны обильных альпийских лугов, где устраивались временные становища — «яйлагы». Со скотом в горы откочевывало не все население, а только незначительная часть мужчин, необходимых для присмотра за стадами. В зимнее же время далеко не весь скот мог обходиться подножным кормом. Большая часть его выгонялась в приморские степи, где устраивались «коши» и «кутаны», как это имеет место и сейчас в хозяйстве горцев Северного Кавказа. Многочисленные находки северокавказской керамики, бронзовых и каменных изделий в Ногайских и Прикумских степях — низменных районах Прикаспия, довольно далеко отстоящих от гор, — указывают на такие перемещения. Понятно, что при такой системе ведения хозяйства лошадь как транспортное животное играла большую роль.

Отгонное овцеводство, вопреки мнению А. А. Миллера, приводило к освоению горных и даже высокогорных районов⁷. Об этом свидетельствуют отдельные находки предметов северокавказской культуры и ряд памятников, расположенных на значительной высоте в труднодоступных горных ущельях и выше зоны лесов (памятники Дигорского ущелья, могильник Гатын-Кале в горной Чечне и др.).

Среди погребального инвентаря изучаемой культуры довольно часто встречаются изделия из рога оленя. Таковы находки просверленных орудий в захоронениях у Кисловодска

и Пятигорска⁸, у сел. Хумалаг⁹, в могильнике Гатын-Кале. Подвески из зубов оленя найдены во впускных могилах Нальчикского неолитического могильника (погребения 28 и 31)¹⁰, близкие по форме костяные подвески обнаружены в кургане сел. Нартан¹¹. По отношению к костному материалу домашних животных эти находки составляют значительный процент (21%). Нельзя не согласиться с Б. Б. Пиотровским, утверждавшим, что одновременно с развитием отгонного скотоводства усиливается значение охоты¹², хотя, конечно, она не стала особой отраслью хозяйства. Одним из важных объектов охоты являлся олень. Использовали не только мясо оленя, но и рога — прекрасный материал для изготовления прочных орудий. Изделия из оленьего рога, так же как изображения оленей, известны и позже, — в эпоху раннего железа¹³. Мы не будем здесь останавливаться на способах охоты на оленя, хотя довольно богатый материал об этом содержат наскальные изображения в предгорном Дагестане, где имеются сцены охоты с луками и копьями на оленей и других животных. Под одной из таких скал в районе сел. Ленин-Кент был найден фрагмент керамики с оттисками шнура¹⁴.

Судя по инвентарю погребений, практиковалась также охота на медведей и кабанов (клык медведя найден в могиле кургана у ст. Бжедуховской¹⁵, клык кабана — в Армавире, бронзовый предмет в виде кабаньего клыка — в одной из подкурганых могил у сел. Ардон и т. д.).

Яйлажное скотоводство сочеталось с заметным развитием и земледелия. Еще материалы Долинского поселения указывали, что мотыжное земледелие было главным заня-

⁸ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 25, 26, 35.

⁹ В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. Тр. предварительных комитетов V AC в Тифлисе, т. I. М., 1882, стр. 228.

¹⁰ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3. 1941, стр. 75, 76, 121, 122.

¹¹ Е. Хакушев. Новые археологические находки. Уч. зап. КНИИ, т. VII, стр. 195, 196, рис. 1.

¹² Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII. 1955, стр. 9, 10.

¹³ А. А. Иессен. Северокавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК, № 2. 1931, стр. 18.

¹⁴ В. И. Марковин. Наскальные изображения предгорий северо-восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 157.

¹⁵ ОАК за 1906 год, стр. 95.

⁶ Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 96—100.

⁷ А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. ПИМК, 1933, № 1—2, стр. 50; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII. М., 1947, стр. 16.

тием его жителей¹⁶. Известно, что со времени неолита и энеолита по всему Кавказу стали культивировать пшеницу и ячмень¹⁷.

Среди погребального инвентаря рассматриваемой культуры изредка встречаются терочники, изготовленные из удлиненных цилиндрических галек, и куранты в виде дисков правильной формы (см. рис. 46, 79). Известны находки подобных орудий и на территории более раннего Долинского поселения¹⁸.

Огромное количество подобных предметов, а также и ладьевидных зернотерок хранятся в музеях Нальчика, Орджоникидзе¹⁹ и других. Все эти предметы, так же как и кремневые вкладыши для серпов, известные из Ульского аула (Прикубанье), Кумбулты (Северная Осетия), Сержен-Юрта (Чечено-Ингушетия)²⁰ и других памятников, являются орудиями, связанными с уборкой урожая и размолотом зерна. Они существовали очень длительное время, почти не изменяясь по форме²¹.

Восстановить весь процесс обработки земли и уборки урожая довольно трудно. Взрыхление почвы, примитивная пахота, вероятно, производились с помощью заостренного орудия — «палки-копалки», а также мотыжек, изготовляемых из твердых пород камня. Одна из таких мотыжек найдена в Долинском

¹⁶ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 192; Л. И. Лавров. Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», I. М., 1952, стр. 184, 185.

¹⁷ М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», II. М.—Л., 1956, стр. 42, 59—62; Ф. Х. Бехтеев. К истории культуры ячменя в СССР. Там же, стр. 219—255.

¹⁸ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., табл. V.

¹⁹ Музей Нальчика. Зернотерки из селений Куба (№ 2249, 1217), Вольный аул (№ 1203, 1317), Гунделен (№ 3006), Джулат (№ 1619); ступки из Нальчика (№ 1216) и без паспорта (№ 1918); терочники и куранты разных видов из сел. Кенже (№ 3385), Нальчика (№ 3377; 2216; 1226; 3373; 3386; 2207 и 3211), селений Кызбурун (№ 3364), Вольный аул (№ 3369, 1377), Куба (№ 1230) и масса без точного паспорта. Музей г. Орджоникидзе в экспозиции (витрина 3 и 4) демонстрирует целый ряд зернотерок ладьевидной формы и других предметов из разных мест Осетии (район г. Орджоникидзе — завод «Красный строитель» и др.).

²⁰ Упомянутые предметы хранятся: Государственный Музей Грузии, № 3379—3680; ГИМ, № 25273; музей г. Грозного, без номера (находка М. И. Севостьянова).

²¹ А. В. Арпиховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 139.

поселении у Нальчика²², другая — на поселении в Алхасте. Подобные орудия в большом количестве известны для более раннего времени по Черноморскому побережью²³ и из Азербайджана²⁴. Говорить о применении даже самого примитивного плуга племенами северокавказской культуры у нас нет оснований.

Уборка урожая производилась составными серпами с кремневыми вкладышами. Представление об орудиях такого рода дают прекрасно сохранившиеся серпы с роговой основой из Караново I (Болгария)²⁵. К концу II тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э. подобные серпы заменяются серпами из бронзы, известными из Прикубанья²⁶ и Центрального Кавказа (Ново-Ивановка, Галиат, Змейская).

Молотыба производилась с помощью скота, который вытаптывал сжатую массу. Кроме того, судя по имеющемуся материалу из Азербайджана, для молотыбы применяли также специальные молотильные доски, в прямоугольные пазы которых набивали камешки из твердых пород. Такую доску волокли по току лошадь или бык. Подобное орудие было обнаружено Я. И. Гуммелем в подкурганной могиле у г. Ханлара²⁷. Молотильные доски почти без изменений и сейчас еще бытуют как пережиток в горных районах Дагестана (у аварцев, арчин и др.) Конечно, такое довольно сложное орудие могло появиться только в самом конце II тысячелетия до н. э. и употреблялось далеко не везде.

Помол зерна производился с помощью зернотерок и терочников-курантов. Подобные орудия сейчас уже на Кавказе ушли в область преданий. Работа на них требовала значительных усилий и времени. Удельный вес земледелия был несомненно больше в районах предгорных степей, особенно в бассейне р. Кубани. Недаром именно в Прику-

²² А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение..., стр. 182, 183, рис. 25, 5.

²³ А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, 67. 1957, стр. 139, рис. 59.

²⁴ Т. А. Бунятов. Указ. соч., стр. 32, рис. 2.

²⁵ Георге Ил. Георгиев. Из живота и культуры на пьрвите земеделско-скотовъдни племена в България. Сб. «Археологически открития в България». София, 1957, стр. 47, рис. 8.

²⁶ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23. 1951, стр. 90—92, 108—118.

²⁷ Я. И. Гуммель. Курган № 2 близ Хаңлара. КСИИМК. XXIV. 1949, стр. 55—58.

банье найдена основная масса бронзовых серпов, часто встречаются терочники. Но в целом в хозяйстве северокавказских племен, занимавших предгорье и горные районы, земледелие все же играло подсобную роль; главным же было разведение мелкого рогатого скота. Такое зональное распределение основных видов хозяйства необходимо учитывать при изучении быта древних племен горных стран.

Важнейшими занятиями племен северокавказской культуры были металлургия и связанная с ней металлообработка.

Обилие меднорудных месторождений в районе Главного хребта на современных территориях Северной Осетии, Кабарды, у Тебердинского озера и в долине р. Марух, а также огромное количество металлических изделий среди материалов, оставленных древними племенами, вполне допускают существование местной добычи и обработки цветного металла. Это подтверждается также исследованиями, проводившимися Б. Е. Дегеном²⁸.

Главным металлургическим центром всего Северного Кавказа для изучаемой эпохи надо считать районы Центрального Кавказа (территория современных Северной Осетии и Кабарды), издавна связанные с древнейшими металлургическими центрами Грузии, на что указывают находки булавок с волютными навершиями. В Грузии подобные булавки были найдены в более древних комплексах, чем на Северном Кавказе, зато в дальнейшем они широко распространяются среди отдельных племен северокавказской культуры. В Прикубанье, откуда происходят огромные массивные проушные топоры, также, вероятно, довольно рано возникает металлургия, но особого расцвета достигает она в конце II и начале I тысячелетия до н. э.²⁹ Дагестан, по-видимому, несколько отставал в развитии металлургии, так как для эпохи бронзы в этой области известно не так много металлических изделий.

Добыча руды несомненно производилась на поверхности ее залежей, но пещерам, без трудоемких работ по устройству штолен.

Руда не обогащалась, поэтому бронзы часто хрупки, имеют массу различных примесей. Изделий из чистой меди и бронзы, как

мы упоминали выше, вообще почти не известно, так как установлено, что в качестве примесей в сплав вместо полагающегося олова добавлялся мышьяк³⁰. Это объясняется тем, что олова на Северном Кавказе почти нет, а мышьяк обычно сопутствует медным рудам и залегает в зонах контактов гранитов с другими породами³¹.

Насколько позволяют судить дошедшие до нас металлические изделия, племена северокавказской культуры в полной мере освоили литье металла. Отдельные предметы, особенно бронзовые топоры, молоточковидные булавки, некоторые типы подвесок отливались в разъемных двусторонних литейных формах. Они сохраняют литейные швы. Такая форма для топора позднего типа найдена в сел. Зилги (Северная Осетия)³². Такие предметы, как тесла, ножи, шилья, полусферические бляхи и т. д., отливались в простых односторонних формах. Широко использовалась проковка предметов после их отливки. Прокковывались и заострялись тесла, ножи, проковке и заточке подвергались лезвийные части бронзовых топоров, «рога» у булавок с волютами после самой тщательной расковки свертывались. Из прокованных металлических прутков скручивались спиральные браслеты и височные кольца в полтора оборота.

Прекрасно орнаментированные предметы, покрытые ярким литым (выпуклым) узором в виде спиралек, волн, «змеек», «шнура», а также со скульптурными изображениями (головки баранов) отливались по восковой модели с прикрепленными к ней элементами орнамента, изготовленными из проволочных нитей, обрывков шнура и т. д. При этом литейная форма, в которую заключалась такая модель, после литья уничтожалась. Этим можно объяснить разнообразие декора, неповторимость орнаментальных сочетаний.

К концу II тысячелетия до н. э. некоторые предметы, особенно топоры, украшаются гравировкой, а на булавках дигорского типа с опромными «рогами» и на выпуклых бляхах специальными пунсонами (кернами) выбивается выпуклый орнамент³³.

³⁰ И. Р. Селимханов. К истории развития металлообработки и горно-рудного дела в Азербайджане. ВАН, 1958, № 9, стр. 56, 57.

³¹ С. В. Калесник. Северный Кавказ и Нижний Дон. М.—Л., 1946, стр. 11.

³² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23. 1951, стр. 62—64.

³³ Более подробно некоторые из вопросов производства вещей освещены в литературе: А. А. Иес-

²⁸ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, № 3. 1941, стр. 275—278.

²⁹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки, стр. 75 и сл.

Все эти работы требовали от человека определенных навыков, умения. Тяжелыми работами по извлечению руды, ее плавке и обработке металла (литье, ковка и проч.) в основном занималось мужское население.

Мастерство отделки металлических изделий, богатство орнаментики свидетельствуют о том, что в эту пору уже появились талантливые мастера своего дела, но говорить о широком ремесленном характере такого производства еще нельзя. Производство примет ремесленный характер намного позже.

Обилие бронзовых изделий, своеобразие их обработки и декорировки отличают этот район от Закавказья и ясно указывают на местное их изготовление.

Предметов из благородных металлов известно немного. Таковы серебряные полусферические бляхи из сел. Ардон, серебряные колечки и спиральки из ст. Чамлыцкой, пос. Праздничного, ст. Летницкой, золотые кольца из кургана у ст. Нартан в Кабарде, впускного погребения ст. Новосободной. Подвески из сурьмы найдены в сел. Миатлы (Дагестан). Золотые россыпи на Северном Кавказе имеются по рекам Белой и Лабее, Малке и Чегему, в верховьях Теберды и т. д. Месторождения сурьмяного блеска известны в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Прикубанье, горной Чечне. Конечно, эти месторождения могли использоваться древними племенами. Но такое предположение требует проверки.

Наряду с металлургией и металлообработкой важное место в хозяйстве изучаемых племен занимала обработка камня. Речь идет не о мелких кремневых изделиях — скребках, вкладышах и даже не о тонко отретушированных стрелах. Изготовление подобных изделий требовало только некоторого мастерства и было освоено еще в эпоху неолита и энеолита. Мы имеем в виду работы, связанные со сверлением, шлифовкой и полировкой твердых пород камня (гранита, диорита, базальта, а также змеевика и известняков), изготовление из них булав и топориков с проушиной. Особенно часто топорики изготавливались из змеевика — минерала приятного зеленого цвета с мягким шелковистым блеском. Месторождений этого камня на Северном Кавказе довольно много. Он встречается в

с. е. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120. 1935; Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, стр. 275—280.

виде речных валунов, скал и особой трудности для добычи не представляет.

Первоначально заготовка будущего орудия, вероятно, производилась путем сколов, а затем уже оно отшлифовывалось до нужных размеров и форм. Предметы, неоконченные, недошлифованные довольно часты среди находок (см. рис. 21, 12). В качестве абразива (шлифующего материала) мог употребляться смоченный водой кварцевый песок, часто встречающийся в горах Кавказа в руслах речек, в осыпях и т. д. Абразивом могли служить и другие измельченные породы, имеющие твердость выше 7 (по шкале Мооса). Шлифование могло производиться и на плитах твердых пород с пористой структурой.

Сверление производилось полый трубкой из кости с применением смоченного абразива (песка). О том, что сверлильный инструмент был полым, свидетельствуют каменные цилиндрики, высверленные из середины канала; следы такого сверления имеются и на отдельных недоработанных предметах (см. рис. 21, 12). Более мелкие предметы (бусы, подвески) просверливались не трубкой, а стержнем³⁴.

Применялось при этом двустороннее и одностороннее сверление. При первом способе предмет высверливался с двух сторон до полного соединения двух таких каналов, причем часто они совпадали не совсем точно, образуя выступы.

При втором способе предмет просверливался до конца с одной стороны, канал у таких предметов имеет ровные края. При том и другом способе сверло несколько распатывалось, сверлины имеют коническую форму. Односторонний способ сверления, несомненно, является более совершенным, и он, хотя и существует с двусторонним, представляется менее древним³⁵.

Отметим частые находки вполне отшлифованных орудий, готовых к употреблению, но с едва намеченной сверлиной. П. Детев считает, что в таком виде орудия (топоры) хранились и обменивались, а сверление их производилось уже на месте³⁶.

³⁴ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII. 1947, стр. 23, 24.

³⁵ О некоторых деталях обработки камня см. С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54. 1957, стр. 88—90, 96—104.

³⁶ П. Детев. Селищната могила при с. Быково. Годешник на музеите в Пловдивки окръг. София, 1954, стр. 160.

Это вполне возможно, так как сверление представляло не такую сложную операцию, как общая обработка камня.

С другой стороны, известен целый ряд заготовок булав с начатым сверлением. Вероятно, при изготовлении предметов из очень твердых пород камня сделать сверлину было самым трудоемким и сложным процессом. Если это удавалось, то заготовка предмета подвергалась дальнейшей обработке.

Каменные орудия с проушинами снабжались рукоятками из дерева, возможно, даже кости. Небольшой диаметр сверлин (около 2 см) требовал применения для рукоятей твердых и упругих пород дерева. Особенно пригодным для таких целей является кизил (*Cornus mas*), имеющий очень твердую и упругую древесину и ныне широко применяющийся в быту горцами Северного Кавказа.

Для прочности в проушину каменных топориков могли вставляться металлические обоймочки, в которые затем вбивались рукояти. Таков топорик из сел. Шалушинского, сохранивший бронзовую обоймочку. Многие из каменных орудий не только шлифовались, но и тщательно полировались до зеркального блеска, украшались врезанным орнаментом (см. рис. 9, 17, 19; 44, 16) и выпуклостями.

Высокая культура обработки камня, знание его физических свойств привели к созданию исключительно изящных предметов (рис. 51).

Как и металлические изделия, вещи из камня делались большими мастерами, умевшими создавать подлинные произведения искусства.

Изготовление глиняной посуды было, вероятно, делом женщин.

Посуда лепилась от руки, без применения гончарного круга. Судя по обломкам керамики, имелось два способа изготовления сосуда: либо весь сосуд лепили целиком из большого комка глины, либо стенки сосуда медленно наращивали из длинного жгута. Первым способом делались мелкие сосуды, вторым — крупные горшки и кувшины. Такими методами лепят свою посуду женщины многих тропических стран (Меланезии и др.)³⁷ На Кавказе жгутовым методом, но на очень примитивном гончарном круге («жюлла»), еще и

сейчас формируется гончарная посуда в известном селении Балхар (Дагестан)³⁸

На непросохшую посуду наносился орнамент из оттисков шнура и различных штампов. Возможно, сосуд обжигался вместе с вдавленными в него шнуровыми штампами, которые сгорали в процессе обжига, оставляя свои оттиски. В целом производство керамики

Рис. 51 Каменный топор (Черпоречье, г. Грозный)

ки древними племенами Северного Кавказа ничем существенно не отличалось от подобных производств на других территориях³⁹.

В обязанности женщин входили также обработка кож, изготовление одежды и производство тканей. На изготовление пряжи и тканей указывают отпечатки шнура на керамике, находки сосуда с отпечатками довольно грубой ткани на дне (сел. Ачикулак, курган 5,

³⁸ Е. Шиллинг. Балхар. Пятигорск, 1936, стр. 5 и сл.

³⁹ В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика. М., 1901; С. А. Семенов. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды. КСИИМК, 57 1955, стр. 137—144.

³⁷ В. Н. Харузина. Введение в этнографию. М. 1941, стр. 63.

погребение 13) и пряслиц (сел. Галашки, погребение 4⁴⁰, Гагын-Кале).

Скорее всего, это были шерстяные ткани, сырьем для изготовления которых служила шерсть овец. Еще сейчас в быту горцев Северного Кавказа употребляются изготовленные из шерсти ткани, войлочные ковры (арбабаши), переметные сумы (хурджины) и даже веревки.

К сожалению, до сих пор почти не исследовались древние поселения, связанные с племенами северокавказской культуры, за исключением нижних слоев уже упоминавшегося Алхастинского поселения, поселения у ст. Змейской (Северная Осетия), у сел. Асланбек-Шеришова (Чечено-Ингушетия)⁴¹. Однако разные типы могил (склепы, ящики, ямы, конструкции из дерева) указывают на разнообразие жилых построек, поскольку могилы были подобием жилищ, «домами мертвых»⁴². Так, в зонах, где мало камня, погребения устраивались в виде ямы, с перекрытиями из дерева (Прикубанье), в горных частях Центрального и северо-восточного Кавказа, где камня очень много, делались склепы и ящики, которые как бы повторяли реально существующие сакли-дома из камня. В лесных зонах строились дома из дерева. Надо заметить, однако, что места, где ныне совершенно нет лесных пород, в то отдаленное время были покрыты лесами (например, район Ачикулака)⁴³.

Сложность конструкций могил (перекрытия из камня, дерева) косвенным образом указывает на конструкционную сложность жилых построек. Можно уверенно утверждать, что уровень развития хозяйства у племен северокавказской культуры не был низким.

Если ранее, в первобытной общине не было большой потребности в обмене: почти все, что

производилось, тут же потреблялось членами общины, то с приручением домашних животных жизнь общества не могла уже держаться на естественном разделении труда между мужчинами и женщинами, когда «каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме»⁴⁴.

Рост производительных сил и развитие скотоводства привели к тому, что «пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели, сравнительно с теми, не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен»⁴⁵. Археологический материал не предоставляет сведений об обмене продуктов скотоводства, но несомненно, что такой обмен был. Зато материал по другим видам производства ясно говорит о широком обмене. В первую очередь это касается металлических, а затем и каменных изделий. В процессе обмена различными продуктами складывались связи между различными племенами, часто жившими друг от друга на очень значительных расстояниях. Усиливались связи со странами Древнего Востока. Наметим главные направления, по которым шел обмен.

Уже материалы памятников майкопского круга указывали на связи со странами Древнего Востока⁴⁶. В дальнейшем такие отношения не прекращаются. На так называемых «Черных землях», в местностях Ястак-Худук и Нарын-Худук были обнаружены две бусины-подвески из ярко синего минерала — ляпис-лазури (лазурита, рис. 45)⁴⁷. Бусы из этого же минерала известны в составеклада, найденного в ст. Старомышастовской⁴⁸ и датируемого временем существования майкопской культуры. Сверление бусин изклада более архаично⁴⁹, чем у бусин из «Черных зе-

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. СА, 1957, № 12, стр. 165, рис. 6, 8; его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИИМК, XXXII, стр. 89, 92, рис. 23, 8.

⁴¹ Работы Д. В. Деопика и В. И. Марковина в составе СКАЭ 1957—1959 гг. (Начальник экспедиции Е. И. Крупнов).

⁴² П. Рыков. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения т. IV. Саратов. 1931, стр. 51.

⁴³ Р. В. Федорова. Результаты исследования спорово-пыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. Изв. Грозненского областного краеведческого музея, вып. 5. Грозный, 1953, стр. 154—161.

⁴⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1952, стр. 292.

⁴⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 292, 293.

⁴⁶ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 80—92.

⁴⁷ Находки Т. М. Минаевой, музей Ставрополя. № 3002.

⁴⁸ ОАК за 1897 г. стр. 64, 65.

⁴⁹ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус и раскопок на Кавказе, стр. 24, 25.

мель». Поэтому последние с полным правом можно отнести ко времени раннего этапа северокавказской культуры. Как установлено, лазурит на Кавказе поступал из Бадахшана (Средняя Азия)⁵⁰. На связи со странами Передней Азии указывают находки наконецника копья с четырехгранным черешком на Сигитминском поселении у сел. Миатлы⁵¹ и большого количества кинжалов переднеазиатского типа, обнаруженных в Центральном Кавказе и Дагестане⁵². Эти кинжалы на Кавказе появляются в конце эпохи бронзы, что, вероятно, отражает интенсивность таких связей в этот период. Пастовые бусины цилиндрических форм, довольно часто встречаемые в памятниках разного времени, также являются предметами переднеазиатского и ближневосточного импорта. В древних Финикии и Сирии они появляются еще в эпоху энеолита⁵³. Булавки с волотными навершиями имеют в своей основе переднеазиатские и среднеазиатские образцы, что также указывает на определенные связи, осуществлявшиеся через посредство древней Грузии.

Мы уже упоминали алебастровые и глиняные статуэтки из Ульского кургана. Женская глиняная статуэтка известна также и из ст. Урупской⁵⁴. Она находит себе аналогии в позднетрипольской пластике⁵⁵. На Кавказе сейчас известно несколько близких по типу статуэток (из Грузии, Дагестана), причем все они, как и статуэтки Ульского аула и ст. Урупской, являясь предметами местного производства, соединяют в себе черты статуэток Древнего Востока и трипольской культуры. Это позволяет еще раз поставить вопрос о широких культурных связях в древности, об известной роли Кавказа как посредника между областью распространения трипольской культуры и Древним Востоком. Это подтверждается также находками топоров-клевцов малоазиатского типа, прошедших длин-

ный путь в Поднепровье через Кавказ⁵⁶. Однако, хотя роль Кавказа в этих отношениях велика, мы не хотим сказать, что он являлся единственным путем для таких далеких связей⁵⁷.

Предметы далекого импорта с Востока могли достигать Северного Кавказа разными путями. В эпоху бронзы уже функционировали Дербентский проход, пути вдоль Черноморского побережья Кавказа, по Дарьяльскому ущелью и через Клухорский перевал.

Посредником между странами Передней Азии и Средиземноморья было Закавказье. Но племена Закавказья были не только простыми посредниками. Они, освоив металл ранее, имели определенное влияние на местное, северокавказское население. Под влиянием закавказских форм (Сачхери) появились в Центральном Кавказе булавки с навершиями в виде катушек. Под влиянием закавказских форм появляются на Северном Кавказе и листовидные кинжалы с отверстиями для приклейки рукояти⁵⁸. Особенно усиливаются связи с племенами древней Грузии (Рачой) со второй половины II тысячелетия до н. э. (третий этап), когда в предгорных степях появляются носители степных культур. Это ярко проявляется в орнаментике керамики из перечисленных выше погребений Кумбулты⁵⁹, сел. Галашки. В одном из погребений последнего могильника был найден бронзовый топорик закавказского типа⁶⁰.

О близости закавказских и северокавказских культур свидетельствуют и некоторые общие черты в погребальном ритуале — каменные насыпи курганов, кремлехи и каменные вымостки⁶¹. Возможно, эти общие черты объясняются близостью религиозных представлений.

Связи с Закавказьем могли осуществляться через ряд перевалов: Клухорский, Марухский,

⁵⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 258 и др.

⁵¹ В. И. Канивец. Сигитминское поселение ранней бронзы. Доклад на пленуме ИИМК 29 марта 1957 г.

⁵² А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, стр. 162, 163, рис. 27; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 86, 67, рис. 25.

⁵³ Е. И. Крупнов. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Древнего Востока. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1, стр. 72—82.

⁵⁴ ГЭ, № 193.

⁵⁵ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10. 1949, стр. 76, 108, 173—175, 215, рис. 31, 5; 90, 3.

⁵⁶ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевская. МИА, № 38. 1953, стр. 221 и сл.; Т. С. Пассек. Указ. соч., стр. 156.

⁵⁷ В. И. Марковин. Глиняная статуэтка из ст. Урупской. ИИМК, 76. 1959, стр. 108—111, рис. 48.

⁵⁸ Т. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мдхета. Тбилиси, 1957, стр. 111, рис. 16.

⁵⁹ Е. И. Крупнов. Материал по археологии Северной Осетии..., стр. 49—58, рис. 15, 16.

⁶⁰ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 92—94, рис. 25, 3.

⁶¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I. Тбилиси, 1941, стр. 81, 102 и др.

Мамисонский и др., а главным образом через более доступное Дарьяльское ущелье.

Выше уже говорилось о том, что керамика памятников восточного локального варианта имеет определенные своеобразные черты, проявляющиеся в снабжении сосудов ручками энеолитического типа, широко распространенными в эпоху бронзы в Дагестане. Многие предметы, найденные у сел. Миатлы и в других пунктах, несут черты, обычные для материальной культуры древних дагестанских племен. Это вполне понятно, так как племена северокавказской культуры, проникшие в Северный Дагестан, продержались здесь недолго и на третьем этапе были ассимилированы местным населением.

На связи с культурами горных дагестанских племен указывает и находка в сел. Согратль бронзовой полусферической бляхи — предмета, типичного для северокавказских племен. Результатом связей Дагестана с Центральным Кавказом представляется и изображение лабиринта на Махчеськом камне⁶². Как известно, в горном Дагестане лабиринты изображаются на посуде, у входа в мечети и другие здания, чтобы нечистая сила не проникла внутрь сосуда, здания и т. д. Под одной из скал с рисунком лабиринта у сел. Капчугай был обнаружен материал эпохи бронзы (стрелы с выемками у оснований, проколки, фрагменты керамики и пр.), который позволил датировать рисунки скалы эпохой бронзы⁶³. Эта датировка уточняется работами на поселении эпохи бронзы у р. Сулак в Дагестане, где в развале древнего каменного дома, был обнаружен камень с рисунками, аналогичными по технике нанесения и по стилю капчугайским изображениям⁶⁴. Широкое использование мотива лабиринтов в современном искусстве горцев⁶⁵, близкие изображения в виде спиралей на энеолитической керамике позволяют говорить о влиянии культур Дагестана на Центральный Кавказ.

Для выяснения роли восточного варианта северокавказской культуры в становлении

кайкентско-хорочоевской культуры I тысячелетия до н. э. очень важны материалы раскопок могильника Гатын-Кале у сел. Асланбек-Шерипово, керамика которого довольно близка сосудам этой культуры, широко распространенной в горной Чечне и Дагестане.

Большой материал собран для исследования вопроса о связях и взаимоотношении со степными племенами. Связи со степью и ее обитателями возникли очень рано. На «Черных землях»⁶⁶, в Ногайских песках очень часты находки наконечников стрел трех типов: треугольной формы с почти плоским основанием, стрел со слегка опущенным хвостом (типа стрел дольменов ст. Новосвободной) и крупных стрел с боковой выемкой. Два последних типа наконечников стрел характерны для ранних памятников Северного Кавказа⁶⁷, стрелы же с ровным основанием типичны для катакомбных племен⁶⁸. Находки таких стрел и стрел с боковой выемкой в Нижнем Поволжье⁶⁹ указывают на очень ранние и весьма далекие, конечно, эпизодические продвижения северокавказских племен в области степных культур. Об этом же говорит находка керамики в курганах Калмыцких степей⁷⁰, находящая аналогии только в северокавказской посуде⁷¹. Продвижения северокавказцев в области степных племен были связаны, вероятно, с перегоном скота в летние периоды.

На довольно ранние связи с племенами катакомбной культуры указывают и бронзовые молоточковидные булавки, прототипом которых послужили костяные булавки степных племен.

С середины II тысячелетия до н. э. племена катакомбной и срубной культур стали проникать на Северный Кавказ. Об этом движении и оставленных ими памятниках очень подробно говорилось в предыдущих главах.

⁶⁶ Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на «Черных землях». КСИИМК, 59, стр. 18, рис. 14, 9, 10.

⁶⁷ О стрелах см. главу III настоящей работы.

⁶⁸ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24. 1955, стр. 163, рис. 31, 1—5.

⁶⁹ И. В. Синицын. Кремневые орудия с донных стоянок Калмыцкой области. Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения, т. IV. Саратов, 1931, стр. 87, табл. II, рис. 53.

⁷⁰ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I. 1936, стр. 145 и сл.

⁷¹ Пользуюсь консультацией О. А. Кривцовой-Граковой.

⁶² Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 64, рис. 24.

⁶³ В. И. Маркович. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX. 1954, стр. 330—332.

⁶⁴ В. И. Канивец. Сигитминское поселение ранней бронзы.

⁶⁵ А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. Материалы по этнографии, т. IV, вып. I. Л., 1927, стр. 44, 45.

Взаимоотношения северокавказских племен со степными носили, по-видимому, то мирный, то враждебный характер. Военные столкновения, несомненно, сопровождали продвижение племен катакомбной культуры к предгорьям, но преобладали все же, очевидно, мирные отношения, возникшие на почве обмена металла на продукты, имевшиеся у степных племен. Такими продуктами могли быть соль, меха и т. д. Огромную роль в развитии обмена играли водные пути по таким рекам, как Маныч, Дон, Кума, Северный Донец и др.⁷² Роль Северного Кавказа в таких обменных связях объясняется богатством металла, более высоким культурным уровнем его племен и тем посредничеством, какое эти племена оказывали, связывая степи с еще более передовыми странами Востока. На всей территории распространения племен катакомбной культуры известны находки кавказских бронзовых изделий — топоров, долот, ножей, всевозможных украшений⁷³. Так, бронзовые топоры известны из с. Колонтаева Харьковской области⁷⁴, бляшки северокавказского типа из с. Каменки той же области⁷⁵, топор с гравированным орнаментом в виде псевдошнура на обушной части, подвески и височные кольца — из с. Капуловки близ Никополя⁷⁶. Предметы северокавказского типа найдены в зоне Сталинградской ГЭС⁷⁷, у с. Ягодного Куйбышевской области⁷⁸, по р. Хопру⁷⁹. Отдельные предметы северокавказской культуры найдены очень далеко. Так, на городище «Казна Падно» у с. Паево на р. Мокша Мордовской АССР была найдена бронзовая булава с волотным навершием⁸⁰. На Панфиловской стоянке (р. Ока) было найдено тесло, анализ металла

которого показал северокавказское происхождение вещи⁸¹. На связи с Северным Кавказом через посредство других племен указывают материалы с р. Чусовой (стоянка у ст. Левшино⁸²) и восточного склона Урала (Шигирь)⁸³.

Под влиянием кавказских способов обработки камня возникли многие степные очаги изготовления каменных топоров⁸⁴. Кавказские каменные изделия также найдены довольно далеко в области обитания катакомбных племен, например, пест кавказского типа оказался в Изюмщине⁸⁵. Возможно, с Северного Кавказа вывозился камень и в необработанном виде⁸⁶.

В период расцвета срубной культуры, широкий сбыт в степях Причерноморья находит северокавказский металл, как это показала О. А. Кривцова-Гракова⁸⁷.

Находка позднекарасукского ножа в Ногайских песках⁸⁸ и топорика кабардино-пятигорского типа в Омской области⁸⁹ указывают на неясные еще сношения с отдаленными областями Сибири⁹⁰.

Таким образом, мы рассмотрели основные линии связей северокавказских племен с соседними и даже отдаленными племенами. Конечно, многие из упоминавшихся предметов могли попасть в отдаленные от Кавказа области в результате повторных обменов между различными племенами. Но нам важно сейчас отметить, что в основе обменных отношений лежал избыток продуктов, сосредоточенных в руках мужчин. И если раньше «дикий» воин и охотник довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, чванясь своим богатством, выдвинулся на первое

⁷² Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 94.

⁷³ Там же, стр. 99, рис. 2, 1 (карта).

⁷⁴ ОАК за 1890 г., стр. 123, рис. 88—90.

⁷⁵ Т. Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII. 1955, стр. 30, рис. 1.

⁷⁶ Архив ЛОИА, д. 298, ф. 5, «корочки» А. А. Спицына, л. 70.

⁷⁷ И. В. Сяницын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, L. 1953, стр. 82 и сл.

⁷⁸ Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. КСИИМК, XLIV, 1952, стр. 39.

⁷⁹ П. С. Рыков. Археологическая экспедиция по Хопру. СГАИМК, № 8, 1931, стр. 32, рисунок.

⁸⁰ П. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. КСИИМК, 59. 1955, стр. 72, рис. 26, 1.

⁸¹ И. К. Цветкова. Волосовский клад. Тр. ГИМ, вып. XXIII. М., 1957, стр. 17.

⁸² А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, V. 1940, стр. 27.

⁸³ П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21. 1951, стр. 60.

⁸⁴ А. М. Ефимова. Сверленные молоты (из коллекции Государственного музея Татарской АССР). КСИИМК, XXXVI. 1951, стр. 173.

⁸⁵ Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II. Изюм, 1926, стр. 26, табл. IV, 2.

⁸⁶ И. К. Цветкова. Волосовский клад, стр. 17.

⁸⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46. 1955, стр. 49 и сл.

⁸⁸ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 93, рис. 25, 2.

⁸⁹ Сообщение В. Н. Чернецова.

⁹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 106, и сл.

место, а женщину оттеснил на второе⁹¹; «домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком»⁹².

Сосредоточение основных видов хозяйства в руках мужчин породило новые формы быта — семью патриархального типа со старейшим мужчиной-родоначальником во главе. Счет родства с этих пор ведется уже по мужской линии, и дети принадлежат отцу, а женщина при замужестве вынуждена переходить в род мужа (патриархальный брак). Такие семьи по количеству членов были очень большими. Общие дела таких родоплеменных групп или общин решал совет старейшин, т. е. глав отдельных родов. Во главе каждого племени стоял вождь, руководивший крупными военными походами⁹³. Однако, тогда еще не было «особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия»⁹⁴.

В этот период земля являлась общей собственностью для членов рода или общины, при этом «довольно равномерное распределение продуктов является делом само собой разумеющимся»⁹⁵.

Однако Ф. Энгельс подчеркивает, что для таких общин «о равноправии можно было говорить разве только по отношению к «членам общины», и что женщины, чужестранцы не пользовались им»⁹⁶.

Памятники северокавказской культуры содержат немного материала для реконструкции социальных отношений. Однако об утверждении патриархата, например свидетельствуют парные погребения⁹⁷, которые обычно появляются только с возникновени-

ем патриархата, и которые известны на Северном Кавказе уже в период первого этапа изучаемой культуры. Парные погребения в могилах, оставленных носителями северокавказской культуры, известны для всех трех этапов, причем наибольшее число их приходится на вторую половину II тысячелетия до н. э. В настоящее время парные погребения, а также погребения с тремя костяками известны в курганах у ст. Кубанской (курган 7)⁹⁸, ст. Келермесской (курган 5)⁹⁹, колонии Константиновской у Пятигорска, у Кисловодска («Три камня», курган 3)¹⁰⁰, в могильниках Гатын-Кале и у сел. Галашки¹⁰¹ и т. д. Иногда костяки в таких могилах ориентированы по-разному. Различная ориентировка костяков, особенно в погребениях второго этапа, вероятно, связана с половыми различиями погребенных.

Далеко не во всех погребениях встречаются каменные топоры кабардино-пятигорского типа, и еще реже — булавы. Вероятно, эти предметы, являясь личным оружием, в то же время служили символом власти и клались только в могилу того, кто был этой властью наделен.

Для этого времени характерно также появление родовых усыпальниц. Отдельные курганные группы с центральными впускными захоронениями можно рассматривать как такие некрополи. Встречаются и отдельные семейные захоронения с множественным костяком. Таковы могилы в ст. Казанской (курган А), Северной, склепы 10 и 16 могильника Верхняя Рутха у сел. Кумбулта¹⁰². Очень интересны также погребения в курганах Константиновского плато у Пятигорска, где И. С. Гумилевский вскрыл каменные ящики, соединенные между собой перемычками из рваного камня¹⁰³. В этих курганах были погребены лица, связанные узами родства. В современном быту многих горцев Северного Кавказа и Закавказья и сейчас еще на кладбищах имеются родовые участки, где ставят памятники-кенота-

⁹¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 294.

⁹² Там же, стр. 294.

⁹³ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, стр. 121 и сл.

⁹⁴ В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 487.

⁹⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 138.

⁹⁶ Там же, стр. 97.

⁹⁷ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИМК, 1934, № 7—8, стр. 119 и сл.; В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, № 4, стр. 16—18.

⁹⁸ ОАК за 1902 г., стр. 91.

⁹⁹ ОАК за 1904 г., стр. 96.

¹⁰⁰ Д. Я. Самоковсов. Могилы Русской земли, стр. 25, 37.

¹⁰¹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, стр. 86, 87, табл. I.

¹⁰² ОАК за 1901 г., стр. 67 и сл.; ОАК за 1907 г., стр. 90; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии..., стр. 49, и сл.

¹⁰³ Архив ИА, д. 580 за 1951 г., отчет за 1952 г.

фы для членов рода, умерших на чужбине. Особенно ярко такие пережитки сохраняют в своем быту сваны, кумыки и ряд других народов¹⁰⁴. Надо отметить, что пустые могилы-кенотафы имелись и в одном из курганов, вскрытом И. С. Гумилевским, и также были соединены каменными перемычками с настоящими погребениями (см. рис. 19,6). Могилы-кенотафы обнаружены и в могильнике Гатын-Кале. Разница в количестве и качестве погребального инвентаря указывает на появление уже богатых и более бедных родов, на существующую разницу в количестве и качестве вещей индивидуального пользования, хотя производство и потребление осуществлялось коллективно. Подобное явление наблюдалось у многих отсталых народов Африки и Америки.

Локальные отличия в орнаментике посуды и даже металла позволяют видеть в узорах, характерных только для данной области, племенные знаки-символы, значение которых для нас пока еще не ясно.

Господство патриархальных отношений у носителей северокавказской культуры не означало, однако, что у них в быту не сохранялись пережиточные черты матриархата. Еще и сейчас у многих народов Северного Кавказа, исповедовавших в прошлом ислам с его женоненавистническими взглядами, имеются пережиточные черты древних матриархальных отношений: аталычество (воспитание детей у дяди матери)¹⁰⁵, проживание молодой жены некоторое время после свадьбы у своих родных¹⁰⁶, возвращение замужней женщины в дом родных через год-два после свадьбы и во время родов¹⁰⁷ и т. д. В эпоху бронзы тем более явны были пережитки матриархальных отношений.

Мы рассмотрели главные отрасли хозяйства древних племен Северного Кавказа и характерные черты в жизни общества. Нам предстоит еще рассмотреть надстроечные явления, соответствующие данному социально-экономическому строю общества.

Важнейшим надстроечным явлением были религиозные представления древних племен. Многообразная природа Кавказа с его бурными реками, мощными скалами, глубокими ущельями и дикими лесами способствовала возникновению и развитию неверных, фантастических представлений о жизни. «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе. Но раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке»¹⁰⁸.

Повседневная борьба за существование, трудовая деятельность, успехи в той или иной области производства, с одной стороны, укрепляют господство человека над природой, с другой, — сталкивая его с еще непонятыми явлениями, дают повод к возникновению новых неправильных представлений, которые еще более опутывают древнего человека. Вот почему «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹⁰⁹. Вот почему можно сказать: «Страх создал богов»¹¹⁰.

Для того, чтобы правильно оценить и изучить идеологические представления древних племен, надо, как это советовал Л. Я. Штернберг, поставить себя на место «примитивного» человека, ощутить на себе воздействие сил природы так, как их ощущал первобытный человек¹¹¹. К сожалению, археологическое исследование тем и отличается от этнографического, что оно имеет дело не с живыми людьми, а только с вещественными остатками культуры. Только на основе этнографических данных и некоторых археологических наблюдений можно представить себе, что человек и в древности «пытался объяснить себе такие явления, как смерть, сон, обморок и др.», что он почитал «умерших пред-

¹⁰⁴ Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. СЭ, 1936, № 4—5, стр. 42, 43; С. Гаджиева. К вопросу о тухуме и большой семье у казентских кумыков. КСИЭ, XIV, 1952, стр. 81.

¹⁰⁵ М. О. Косвен. Аталычество. СЭ, 1935, № 2, стр. 41—59.

¹⁰⁶ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. СЭ, 1946, № 2, стр. 126 и сл.

¹⁰⁷ М. О. Косвен. Обычай возвращения домой (из истории брака). КСИЭ, I, 1946, стр. 30, 31.

¹⁰⁸ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Госполитиздат, 1952, стр. 48.

¹⁰⁹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 299.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Социализм и религия. Сб. «О религии». М., 1954, стр. 21.

¹¹¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 4—8.

ков, покойников-родителей, старейшин в роде»¹¹².

На основании имеющихся археологических материалов мы можем составить себе представление о религии древних северокавказцев. Конечно, это представление будет далеко неполным, а многие выводы — гипотетичными. Так, обилие камней в погребениях северокавказской культуры, как в курганных насыпях, так и непосредственно над могилами, указывает, вероятно, на культ гор, скал, игравших огромную роль в жизни древних племен. Еще очень недавно у горцев всего Кавказа почитались отдельные вершины (Казбек, Эльбрус и др.), скалы и камни. На вершинах гор, по поверьям горцев, обитают божества погоды. В Северной Осетии, Балкарии и других местах почти каждое село имело свой священный камень. Известны факты различных приношений духам гор. Эти приношения клались у перевалов¹¹³⁻¹¹⁴.

Возможно, духи камней, положенных в насыпь или в могилу, должны были охранять покой мертвых, а сами курганы символизировали собой горы. Можно предполагать, что различные племена, оставившие многочисленные курганы в разных частях мира, вкладывали совершенно различные идеи в эти искусственные холмы.

Огромную роль играл камень и в повседневной жизни древних племен северокавказской культуры. Из камня делались орудия и личное оружие, строились жилые постройки и т. д. Строгий подбор именно красивых пород камня для топориков, булав, подвесок (змеевик, диорит, красный гранит и т. д.) позволяют думать, что «игра блеска и цвета невольно влекли к себе первобытного человека, и в своем мистицизме и обожествлении природы он очень скоро нашел в камне прекрасный материал для воплощения божественной идеи, для амулета»¹¹⁵. Из такого отношения к камню могла создаться вера и в охранные и целебные свойства камня. С этой целью люди

могли носить подвески из речных галечек, бусы и пр. Еще совсем недавно горцы носили амулеты, сделанные только из определенных пород камней¹¹⁶.

В памятниках майкопской культуры известны еще погребения, окруженные кольцами из камней. Круговые вымостки и каменные кольца-кромлехи часты в курганах северокавказской культуры. Ряд таких памятников описан выше, в четвертой главе настоящей работы. Подобные сооружения известны не только на Кавказе, но и за его пределами. Такие вымостки и кромлехи могут рассматриваться как отражение культов, связанных с почитанием солнца, как солярные знаки¹¹⁷. Солярными знаками были, несомненно, многочисленные спиральки и концентрические круги литых украшений на бронзовых изделиях. Солярными знаками можно считать и многочисленные бронзовые подвески и бляшки, обладавшие, по поверьям, магическими свойствами.

По-видимому, культы гор, солнца и неба были важнейшими в идеологических представлениях древних северокавказцев, и они не очень сильно отличались от подобных культов у закавказских племен¹¹⁸.

У древних племен северокавказской культуры существовала вера в загробную жизнь, которая представлялась им продолжением земной. Поэтому-то в могилы клали оружие (ножи, топорики), украшения, сосуды, а также куски мяса, а покойникам придавали позу спящего человека. Поэтому так тщательно сооружались могилы, заменяющие умершим дома, из которых они уходили¹¹⁹. Мужчину часто сопровождала в загробный мир женщина. Возможно, что в целях очищения покойника покрывали красной краской (охрой, мумией), символизирующей огонь, а в могилы клали угольки. С другой стороны, краска могла олицетворять кровь, которой не хватало умершему.

Погребальный инвентарь северокавказских племен позволяет говорить и о культе животных. Уже говорилось о находках ко-

¹¹² Ем. Ярославский. Коммунисты и религия. Сб. «О религии». М., 1957, стр. 194.

¹¹³⁻¹¹⁴ Г. Ф. Чурсин. Почитание гор, скал и камней у кавказских народов. Бюллетень Кавказского историко-археологического ин-та в Тифлисе, № 4, 1928, стр. 20.

¹¹⁵ А. Е. Ферсман. Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры. Изв. Ин-та археологической технологии РАИМК, вып. I. Пг., 1922, стр. 11.

¹¹⁶ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929, стр. 19 и сл.

¹¹⁷ И. И. Мещанинов. Кромлехи. ИГАИМК, т. VI, вып. III. Л., 1930, стр. 18—20.

¹¹⁸ Б. Б. Петровский. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. (курс лекций). Л., 1949, стр. 93.

¹¹⁹ В. В. Гольмстен. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. ПИМК, 1935, № 5—6, стр. 37—41.

стей мелкого рогатого скота в могилах, обилии «рогатых» мотивов на керамике, на вершинах булавок, отдельных предметах из бронзы. Литые головки овец часто украшают трубчатообушнные топорики из бронзы. Головка барана изображена и на предмете из г. Хасав-Юрта (см. рис. 15, 29). Все это позволяет думать о существовании культа овцы у древних племен изучаемой культуры. Культовым животным, вероятно, был и олень, изделия из рога которого довольно часты в погребениях северокавказской культуры, а изображения его известны с глубокой древности на скалах, на стенах склепов.

Изображения змеек на бронзовых изделиях вероятно, также отражали какой-то культ. Позже змеи изображались на кобанских топориках¹²⁰. Возможно, что эти животные являлись тотемными.

Сложность культов позволяет думать, что в этот период уже была особая категория людей, которые исполняли функции жрецов. О том, что в этот период производились довольно сложные магическо-религиозные действия, говорят этнографические наблюдения над пережитками в быту современного населения Кавказа. Обрядовыми действиями сопровождались все важнейшие моменты в жизни древних: рождение и смерть, вступление в брак, забота о домашнем очаге (перенесение очажной цепи, котла и т. д.), вспашка, засуха, уборка урожая и др. Древние пережитки можно усмотреть и в культе воды — рек, озер, родников¹²¹. В надежде на удачную охоту, хороший урожай и другие блага наносились на скалы изображения сцен охоты, различных фигур и животных¹²².

¹²⁰ МАК, VIII, табл. III, XI.

¹²¹ Г. Ф. Чурсин. Культ воды у кавказских народов. Бюллетень Кавказского историко-археологического ин-та в Тифлисе, № 4. 1928, стр. 22, 23.

¹²² Г. М. Зимма. К вопросу о происхождении наскальных изображений. Тр. киргизского педагогического ин-та, т. II, вып. II. Фрунзе, 1948, стр. 20.

Культовыми действиями обставлялись, несомненно, и отдельные процессы металлургического производства, обработки камня, изготовления сосудов. Еще сейчас при изготовлении посуды в дагестанском сел. Балхар имеют место различные обряды и запреты.

Орнаментика на керамике и металле также была связана с верой людей в магическую помощь изображаемого. Конечно, полностью отрицать эстетическое значение украшений, подчиняя их всецело культам, мы не должны. Но, как говорит Г. В. Плеханов, в памятниках искусств «потребительная ценность предшествует эстетической»¹²³.

У разных племен северокавказской культуры обряды, некоторые из идеологических представлений, вероятно, различались. На это указывают некоторые особенности в обряде погребения, могильных сооружениях и в предметах быта различных племен северокавказской культуры.

Искусство племен северокавказской культуры было освещено в предыдущих главах. Можно только добавить, что для искусства орнаментики северокавказских племен характерны довольно строгая композиционная симметричность, чувство ритма в повторении элементов основного орнаментального мотива, превосходное владение техникой нанесения орнамента на керамику, металл и камень.

О других надстроечных явлениях на основе имеющегося материала судить нельзя.

Дальнейшие археологические работы с предельно точной фиксацией обрядов погребения, наличия камней в могилах, расположения вещей, а также положения самих костяков, определение их пола и т. д., привлечение этнографического материала позволят более четко, полнее и образнее представить жизнь и быт древних предков современного населения Северного Кавказа.

¹²³ Г. В. Плеханов. Письма без адреса. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III. М., 1936, стр. 42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах были рассмотрены археологические памятники, оставленные древними племенами Северного Кавказа эпохи бронзы. Нередко материал фрагментарен, ибо происходит из случайных поступлений. Это очень затрудняет работу над воссозданием основных черт жизни и быта древнего населения Северного Кавказа. Однако систематизация всех находок, а также погребальных комплексов, выделение основных, характерных черт в материальной культуре и погребальном ритуале, позволили в какой-то мере осветить тип хозяйства, общественную организацию и идеологические представления племен северокавказской культуры эпохи бронзы, а также датировать и наметить основные варианты указанной культуры. Выделение чуждых элементов в материале северокавказской культуры помогло наметить основные пути культурных связей с племенами южнорусских степей, охарактеризовать степень наступления племен катакомбной и срубной культур в районы северокавказских предгорий. Удалось также проследить связи с Закавказьем и со странами Передней Азии и восточного Средиземноморья.

Подводя основные итоги проделанной нами работы, можно сказать следующее:

1. Основными памятниками северокавказской культуры эпохи бронзы являются подкурганые погребения (в степных и предгорных районах) и грунтовые могильники (в горных районах).

2. Для ранних погребений изучаемой культуры характерны такие черты, как скорченное положение костяков, обильно окрашенных красной краской и преимущественно южная ориентировка погребенных. В поздних могилах наряду со скорченными, появляются вытянутые захоронения, пре-

имущественно ориентированные на восток или запад, количество красящего вещества значительно уменьшается.

Погребальные сооружения разнообразны: грунтовые ямы, каменные ящики и склепы. Могилы иногда перекрыты или облицованы деревом. Курганы и отдельные могилы имеют каменные насыпи; иногда погребения окружены кромlexами.

Погребальный инвентарь довольно богат и состоит из сосудов, металлических предметов (орудия труда, оружие, украшения) и предметов из камня (топоры, булавы). Особенно характерны каменные топоры кабардино-пятигорского типа двух вариантов (гладкие и ребристые), бронзовые булавки с навершиями различных форм («волютами», «молоточками» и др.).

2. Время бытования северокавказской культуры можно разделить на три этапа:

I этап. Начало II тысячелетия до н. э.— около 1700 г. до н. э. Это время сложения культуры.

II этап. Около 1700 г. до н. э.— около 1500 г. до н. э. Это время расцвета изучаемой культуры.

III этап. Около 1500 г. до н. э.— конец II тысячелетия до н. э. Время угасания северокавказской культуры, совпадающее с интенсивным наступлением степных племен (катакомбной и срубной культур) на Северный Кавказ.

3. Территория северокавказской культуры в основном охватывает предгорные и горные районы Северного Кавказа. На севере и северо-востоке (по рекам Кирпили, Кугульта, Калаус, Нижний Терек) археологический материал имеет смешанный характер. Это объясняется тем, что здесь находится зона «стыка» племен северокавказской и степных культур.

На западе и юго-западе северокавказская культура соприкасается с территорией причерноморских и прикубанских долменов. Южная и юго-восточная граница проходит по Главному Кавказскому хребту. Отдельные памятники с преобладанием черт изучаемой культуры найдены в плоскостных районах Северного Дагестана (г. Хасав-Юрт, Махачкала, по р. Сулак и в других пунктах). Со второй половины II тысячелетия до н. э. на Северный Кавказ проникают степные племена. Катакомбные погребения этого времени известны по обеим берегам р. Кубани, в моздокских и ногайских степях и даже в Северном Дагестане (Манас).

4. Подробный анализ всех основных признаков северокавказской культуры (погребальный обряд, могильные сооружения и типология инвентаря) заставляют признать генетическую связь ее с предшествующей майкопской культурой. Определенную роль в становлении северокавказской культуры играло взаимодействие с соседними степными племенами. В генезисе ее важную роль сыграла и культура энеолитических племен Центрального и Восточного Кавказа (энеолитическое влияние в керамике, камне и пр.).

5. Учитывая порайонную специфику материалов северокавказской культуры, мы выделяем три локальных варианта этой культуры:

1) западный или прикубанский локальный вариант;

2) центральный вариант с двумя группами: кабардино-пятигорской и дигорской;

3) восточный вариант.

Западный (прикубанский) вариант охватывает бассейн р. Кубани. Погребальные комплексы данной территории представляют собой грунтовые ямы, часто перекрытые деревом.

Среди наиболее ранних предметов, характерных для Прикубанья, выделяются массивные проушные топоры; среди украшений — изогнутые булавки (в виде посоха). Для металлических изделий характерен орнамент в виде спиралей, точек, concentрических кругов. Преобладают сосуды удлинённых пропорций. Наиболее характерен шнуровой орнамент в виде треугольников, опущенных вершиной вниз.

Центральный вариант включает в себя две группы памятников: кабардино-пятигорскую и дигорскую. Кабардино-пятигорская группа охватывает район Кавказских Мине-

ральных Вод и плоскостную часть Кабарды. Погребальные памятники этого района представлены каменными ящиками и ямами, перекрытыми плитами, с камнями поверх перекрытий.

В отличие от Прикубанья, здесь преобладают приземистые сосуды-горшки. Шнуровой орнамент в виде узких поясков часто размещается и у дна сосуда. Ручки сосудов петлевидные.

Дигорская группа охватывает предгорные и горные районы Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Погребальные памятники более многообразны: ящики, склепы, ямы. Известны не только курганные, но и грунтовые могильники.

В отличие от соседней группы, сосуды снабжаются сверленными ручками энеолитического типа. Имеются специфичные формы сосудов. Поражает разнообразие форм булавок. Культура дигорской группы близка культуре соседнего закавказского района Рачи.

Обе группы — кабардино-пятигорская и дигорская — объединяются сходством погребальных памятников, а главное, обилием одинаковых металлических изделий и каменных топоришков кабардино-пятигорского типа.

Восточный вариант только намечается. Специфические формы погребальных памятников пока не выделены. Сосуды, характерные для этого варианта, большей частью не имеют шнуровых украшений. Преобладает орнаментация налетами.

6. По времени дольше всех существуют два последних варианта, давшие начало кубанской культуре.

Правда, на территории степного Дагестана северокавказские племена, очевидно, были ассимилированы местными племенами довольно рано.

Со второй половины II тысячелетия до н. э. в Прикубанье начинают проникать катакомбные племена, и поэтому местные древности конца II тысячелетия до н. э. в бассейне Кубани носят смешанный характер. Эта смешанная культура легла в основу прикубанской культуры I тысячелетия до н. э.

7. Племена северокавказской культуры второго тысячелетия до н. э. представляли собой уже довольно сложное общество с патриархальными отношениями. Основой хозяйства являлось разведение мелкого рогатого скота (отгонное скотоводство яйлажного типа) и

земледелие. Огромную роль в хозяйстве начали играть металлургия и металлообработка.

8. Северокавказские племена эпохи бронзы имели широкие связи с племенами степных районов Украины, Подонья, Нижнего Поволжья, а также с Закавказьем. Через посредство закавказских племен устанавливался контакт со странами Древнего Востока.

9. Идеологические представления изучаемых племен основываются на астрально-космическом культе, вере в загробную жизнь, культе природы. Соответствующим религиозным представлениям было подчинено даже искусство декорировки металла и орнамента посуды.

Таковы краткие данные, характеризующие особенности жизни и быта местных племен Северного Кавказа и их культуру эпохи бронзы.

Характеристика северокавказской культуры не может претендовать на абсолютную полноту, так как материал, использованный нами, фрагментарен, а главное, далеко не полно изучены все районы Кавказа. Для окончательного решения всех сложных вопросов, освещенных в данной работе, необходима дополнительная исследовательская работа не только в области изучения самой северокавказской культуры эпохи бронзы, но и культур предшествующего и последующего времени.

Северный Кавказ с его богатейшими и разнообразными памятниками старины, хранит в своих недрах многочисленные древности. Комплексное изучение всех этих памятников поможет выяснить судьбы древнейшего населения Северного Кавказа, создать подлинно научную историю коренных народов этого многонационального края.

Таблица основных данных по погребальным памятникам северокавказской культуры эпохи бронзы

Этапы	Области распространения памятников		Общее количество погребений *	Ориентировка							Положение		Окрашенность		Погребальные сооружения					
				юг	север	запад	восток	юго-запад	северо-запад	юго-восток	северо-восток	скор-ченое	выт-нутое	сил-ная	сла-бая	ямы	плиты	склепы	могилы с деревянными конструкциями	срубы
I	Наиболее ранние памятники	Прикубанье	23	17	1	1						17	1	14	2	11	1			
		Пятигорье	1	1								1				1				
		Центральный Кавказ	15	6		3	2	2			3	10	?	4	?	9	3			
		Северо-восточный Кавказ	2	1				1				2		1		1	1			
	Всего		41	25	1	4	2	3			3		30	1	19	2	22	5		
	Более поздние памятники	Прикубанье	16	1	3	5		2	1	4		11	3	7	2	5				
		Пятигорье	18	1	1	4	11	2				17	1	13		9	3	1		
		Центральный Кавказ	7	1	1		1	2	1			1	?			5	2			
		Северо-восточный Кавказ	2	2								2				2				
	Всего		43	4	5	9	12	6	2	4	1	31	4	7	2	21	5	1		
													(степень окрашенности неизвестна)							
													(степень окрашенности неизвестна)							
II	Прикубанье	Пятигорье	35		1	11	18				1	?	28	5	21	5		1		
		Центральный Кавказ	49	3	3	6	14		1	3	1	?	30			9	17	4		
		Северо-восточный Кавказ	22	2	2	3	7	2	1	3	2	5	11	6		7	5	3	2	
		Кавказ	29	3		3	12		1			15	10			13	4	5	1	
	Всего		135	8	6	23	51	2	3	6	4	20	79	11	21	34	26	13	3	
III	Прикубанье	Пятигорье	31	5	2	4	15				3	15		11	5		15		5	
		Кавказ	5		1	1	1					4				1	1	2		1
	Центральный Кавказ	Северо-восточный Кавказ	8		1		3					3			2	2	2	1		
		Кавказ	8	1			1			5	2	8			2	8				
	Всего		52	6	4	5	20			5	2	14	19		2	16	3	4	16	6
													(степень окрашенности неизвестна)							
													(степень окрашенности неизвестна)							

* Так как не для всех погребений имеются полные данные, то частные данные по отдельным показателям не всегда совпадают с общим количеством погребений. Могиленные ямы Прикубанья часто перекрыты деревом, в других частях Кавказа перекрываются каменными плитами.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — Археологическая комиссия
АС — Археологические съезды
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАН — Вестник Академии Наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГИМ — Государственный Исторический Музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии Наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КВНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ИИМК — Проблемы истории материальной культуры
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СКАЭ — Северо-кавказская археологическая экспедиция
СЭ — Советская этнография
ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
<i>Глава I.</i> Краткий географический очерк Северного Кавказа	9
<i>Глава II.</i> История изучения памятников эпохи бронзы Северного Кавказа	14
<i>Глава III.</i> Памятники эпохи бронзы Северного Кавказа. Хронология	30
<i>Глава IV.</i> Общая характеристика северокавказской культуры. Ареал	87
<i>Глава V.</i> О происхождении северокавказской культуры	106
<i>Глава VI.</i> Локальные варианты культуры древних племен Северного Кавказа	118
<i>Глава VII.</i> Очерк хозяйства и быта древних племен Северного Кавказа	132
Заключение	146
Приложение	149
Список сокращений	150

Владимир Иванович Марковин
Культура племен
Северного Кавказа в эпоху бронзы
(II тыс. до н. э.)
МИА № 93

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. И. Сергеевская*
Технический редактор *И. А. Макогонова, Е. В. Макуни*

РИСО АН СССР № 77—91В Сдано в набор 25/VII 1960 г.
Подписано к печати 31/XI 1960 г. Формат 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 9,25 + 1 вкл. Усл. печ. л. 15,17 Уч.-изд. л.
15,6 (15,5+0,1 вкл) Тираж: 1700 экз. Т-12388. Изд. № 4840.
Тип. зак № 919.

Цена 12 руб. 00 коп.
С 1/1 1961 г. — 1 руб. 20 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И И И С П Р А В Л Е Н И Я

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
17	прав.	14 св.	обобщениям	сообщениям
23	Таблица 1		Старомышатовский	Старомышастовский
23	Таблица 1		катакомбной,	катакомбной
33	прав.	5 сн.	тесловидных	тесловидных и проушных
44		17 сн.	64—71	64, 71
63		3 сн.	13;	1; 9 — сел. Ачикулак, курган 5, погребение 13;
76	прав.	11—12 сн.	Крупным	Крупным
78	лев.	8 сн.	Берзонд	Барзонд
84	прав.	13 сн.	рис. 40	рис. 46
84	прав.	6 сн.	черт	черт —
95	лев.	14 св.	изогнутым	изогнутым костяным
101	вклейка	4 сн.	Нарын-Худу	Нарын-Худук
103	прав.	6 сн.	топор	гарпун
104	прав.	9 св.	и др.) ¹³³ ,	и др.) ¹³³ ,
116	лев.	1 сн.	блема	проблема
120	рис. 50, в разделе «Дигорская группа. Инвентарь» первый рис. во втором ряду сверху			121 а

10731205

01/1967 1-20